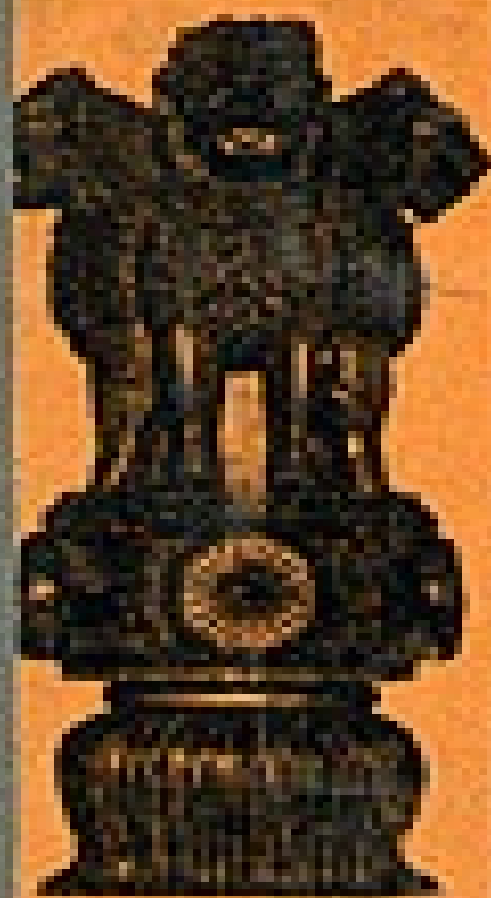
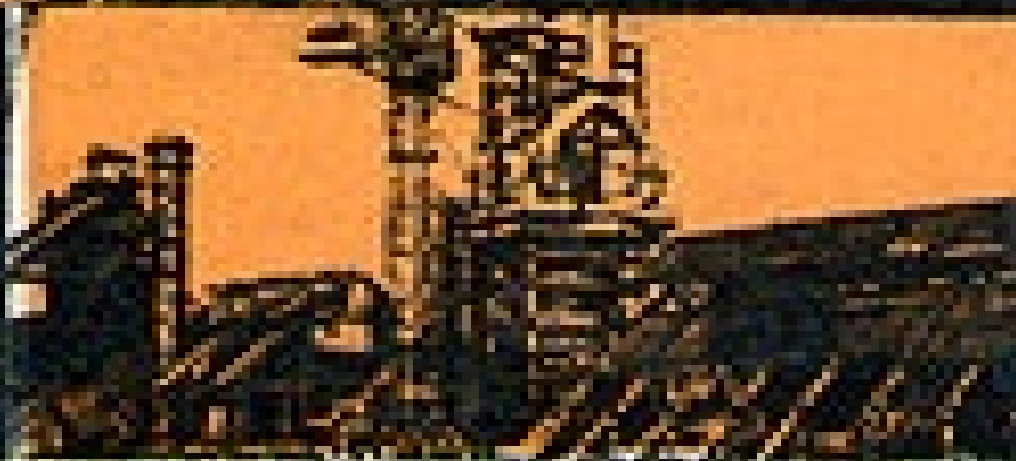

Н Е Р У

А. Горьб.
В. Зырянин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга А.В.Горева и В.М.Зимянина — первая выходящая на русском языке научно-художественная биография выдающегося государственного и политического деятеля Индии Джавахарлала Неру. Активный борец за ликвидацию колониального режима, первый премьер-министр свободной Индии, страстный борец за мир, большой друг Советского Союза, Неру прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. В биографии использовано большое количество документального материала, привлечены работы самого Дж.Неру, а также труды советских и зарубежных исследователей.

- [Неру](#)
 -
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности Джавахарлала Неру](#)
 - [Краткая библиография](#)
 - [Иллюстрации](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -

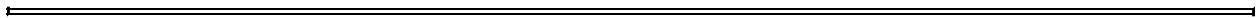
-
-
-
-
-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

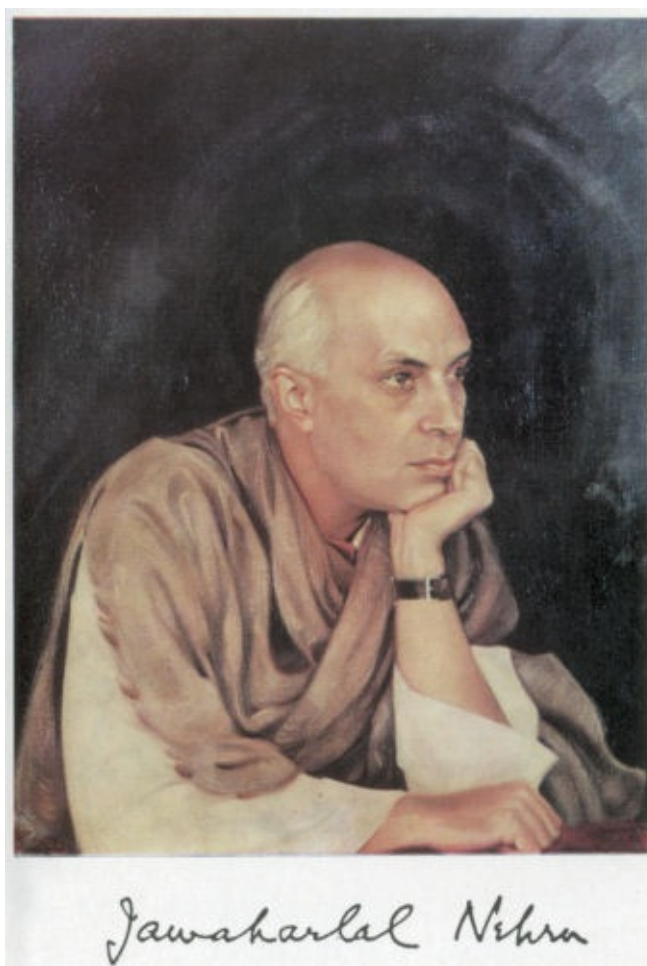
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

Hepty

Главы I, II, VII, IX, XII этой книги написаны А.В.Горевым; главы III, IV V, VIII, X, XI — В.М.Зимяниным; VI, XIII, XIV главы написаны совместно.

Авторы приносят благодарность С.Л.Тихвинскому, Н.Г.Сударикову, И.А.Бенедиктову, В.А.Соколову, А.И.Фиалковскому, А.А.Агапьеву, А.М.Вавилову, В.Г.Хайкину, которые своими советами и воспоминаниями оказали большую помощь в работе над книгой.

*Все сокрушая — песню и стон, — мчится
вперед колесо времен,
Щедро бросая в грядущее зерна.
Каждый упорно стремится ввысь,
чтоб с миллионами жизней сплестись,
Слиться навек в едином начале.*

Рабиндранат Тагор

В минуты, когда тягостное течение тюремной жизни было особенно невыносимым, ему хотелось взмыть над землей, «метнуться в хаос облаков», «заглянуть за край жизни» и увидеть ее не только в чехарде событий, а рассмотреть спокойно с космической высоты, чтобы затем лучше ее организовать, сделать разумнее и добрее. Он мечтал взглянуть на свою землю в целом, на всю сразу и, успокоившись, сказать: «Я взвесил все, мой разум знает ныне», что все ничто «в сравнении с этой жизнью, этой смертью». Так запечатлел он свое чаяние в «Открытии Индии».

Он с трепетным волнением встретился с первым землянином, увидевшим Индию из иллюминатора советского космического корабля.

Если смотреть на нее из космоса, Индия имеет форму человеческого сердца, опоясанного белой кромкой океанского прибоя и переплетенного венами рек. Земля внизу ровно дышит легкими своих лесов; небо на горизонте окрашено в фиолетово-розовые тона, какие бывают только в этих широтах, а еще выше густеет, становясь все сочнее, бездонная синева бесконечного мира.

Джавахарлала Неру уже не стало, когда советская ракета вывела первый индийский спутник на орбиту вокруг Земли.

Человек — творящая сила на земле, всему причина — доброму и злему, созиданию и разрушению, науке и мракобесию, социальному прогрессу и консерватизму, войне и вечному стремлению людей к миру, насильственной смерти и бессмертной славе. Человек шагнул во вселенную, проник в микромир, извлек из ядра атома неисчерпаемую энергию света, тепла, плодородия, движения. Люди сообща уже сейчас могли бы создать рай на земле. Но люди разные, они не едины. Умножив

свои созидательные возможности, они овладели и чудовищной разрушительной силой.

Джавахарлал Неру выбрал мир, а не войну, созидание, а не разрушение, выбрал науку, социальный прогресс и свободу.

Неру умел мечтать, но он был и реалистом. Он знал, что одной жизни недостаточно для завершения начатого им дела. Это, однако, не остановило его: начатое им завершат другие.

...С разных концов Индии взмыли в небо самолеты, унося в своих стальных чревах горсточку праха человека, сумевшего своей душой подняться над людскими страстями и одновременно слиться с желаниями и мыслями простого труженика-индийца. Прах Джавахарлала Неру упадет на его любимую землю, смешается с животворной почвой, станет частью ее, придавая силы новому семени жизни и подтверждая идею о бессмертии его Индии. Так хотел Неру.

Пепел человека, не щадившего себя ни в высоком парении мысли, ни в земных поступках, вихрем закружился в воздушных потоках над зелеными квадратами рисовых полей.

Уходят поколения и цивилизации, земля вбирает их в себя и рождает новые. Сменяются эпохи, и человечество утверждает «в круговороте зачатий и кончин», в созидании и подвигах свое бессмертие.

Нет у Земли ни старости, ни смерти!

Приспущенный над Красным Фортом в Дели трехцветный флаг снова поднят. Это символ Республики Индии, единой и свободной, в которую горячо и искренне верил ее проповедник и первый премьер-министр Джавахарлал Неру.

Глава I

*Мир — суровый наставник,
Он испытует сердца,
Все мы учимся в школе
Мира — отца.*

Рабиндранат Тагор

Не по возрасту задумчивый мальчик стоит под широкой кроной смоковницы. Неровная тень от ветвей вздрагивает на его лице. Он аккуратно причесан: черные волосы прорезаны сбоку стрелкой пробора. На нем матроска, шорты и гольфы. В европейской одежде он совсем непохож на своих сверстников, которые озорно барахтаются в реке. Никто из ребят не смеет заигрывать с мальчиком в матроске. Да и сам маленький сахиб¹ не проявляет видимого интереса к ним, хотя в глубине его глаз блестят огоньки зависти.

На берегу у воды невысокая молодая женщина, Сварупрани, его мать. Она слегка приподнимает рукой край сари, закрывающий лицо от толпы пилигримов: «Джавахар, иди сюда», — ласково улыбается она, обращаясь к сыну. Но он не идет и только глазами просит у матери прощения за непослушание. Мать не настаивает и одна спускается к журчащему потоку для омовения.

«Ах, Джавахар, каков!..» Она-то знает, в чем причина его непослушания: это все Мотилал — отец его, который не признает никаких религиозных обрядов и в душе не одобряет суеверия своих домочадцев. Мотилал, разумеется, вовсе не ждет от родственников, чтобы они думали и поступали так же, как он сам, но мальчик-то все понимает и хочет походить на отца. «Боже, к чему только все это приведет!» — сокрушается Сварупрани и просит богов помиловать мужа и сына. «Еще этот скандал, разразившийся в общине из-за упрямства Мотилала, — с тревогой думает она. — Какой пример для Джавахара. Почему бы Мотилалу не подчиниться традиции и не совершить обряд очищения?» — задает она себе уже в который раз один и тот же вопрос.

А Джавахарлал восхищается отцом. Отец совсем не такой, как все: прямой, сильный, смелый, смеется громко, открыто.

Вернувшись в 1899 году из Европы, Мотилал Неру отказался совершить обязательный обряд очищения, чем навлек на себя бурю негодования земляков-брахманов², к касте которых принадлежал. Некоторые из друзей Мотилала осудили его за отступничество от веры и навсегда отвернулись от него, другие (их было больше) в глубине души радовались тому, что влиятельный член высшей касты взбунтовался против устаревших порядков, запрещавших брахманам покидать Индию. Многие из них сами были не прочь по своим делам совершить поездку в Европу, но не решались, боясь отлучения от касты. Своеобразный бунт Мотилала вселял некоторую надежду на ослабление консервативных запретов индуизма. Индусы-реформаторы, клеймя ортодоксов, отстаивающих культурный изоляционизм, называли их «лягушками, чей кругозор ограничен рамками лужи, в которой они обитают».

Мир быстро менялся, связи между людьми становились теснее. Новая индийская интеллигенция и предприниматели потянулись за океан, на Север, где громыла кузнечные молоты, работали паровые машины, рычали моторы, улицы заливал электрический свет; оттуда поступали в Индию невиданные доселе промышленные товары, а туда текли индийские золото, серебро, драгоценности. Индия, по меткому выражению индийского мыслителя и патриота Свами Вивекананды, склонялась «перед фабричной трубой как перед военным знаменем».

И до Мотилала брахманы нарушали запрет и ездили за океан, но по возвращении домой они проходили обряд очищения в водах Ганга. Теперь некоторые из них объединились вокруг Мотилала и образовали реформистскую группу, настаивая на пересмотре устаревших положений дхармы³ брахманов. За это новшество горячо выступили юноши и девушки из состоятельных семей, которые стремились получить образование в Европе.

Неру были выходцами из Кашмира. Подавляющее большинство кашмирцев из высших сословий совершали массу «еретических» поступков: общались и ели за одним столом с небрахманами и неиндусами, нарушали запреты, связанные с затворничеством женщин, отвергали ношение парды. Однако браки кашмирцев с представителями других общин были крайне редки. Кашмирцы — небольшой народ, и они ревностно охраняли свою самобытность, характерные арийские⁴ черты; опасались раствориться в море других индийских и неиндийских племен и народностей.

...Мальчик смотрит на мать. Она для него — самое близкое, самое

красивое и совершенное существо на свете. Джавахарлал не мыслит себя без этой женщины с большими тревожными глазами на худом лице. Ему нравятся ее маленькие руки с тонкими чуткими пальцами, от прикосновения которых становится так легко и радостно на душе, ее осторожные движения, добрая, немного грустная улыбка, тихий, как журчание чистого ручья, голос.

Мать часто болела. Но Джавахарлал не допускал и мысли, что когда-нибудь ее может не стать, ибо мать и мир для него были неразделимы и одинаково вечны. Частые кремации на берегах Ганга воспринимались им как выдуманный самими людьми страшный и ненужный ритуал. Все его детское воображение противилось осознанию того, что жизнь конечна.

Мать совершает омовение и выходит из реки. Мокрое сари плотно облегает ее хрупкое тело.

Теплый воздух напоен благовонием хушбу⁵, запахом роз и горелого сандалового дерева. Около заводи, поросшей тростником, только что выбросившим седые метелки, мирно пасется круторогий буйвол. Грациозно проходит женщина с кувшином. Ее ноги обвиты серебряными браслетами, которые мелодично звенят в такт шагам. Разносится монотонная песня цикад. Где-то поблизости ей вторит тонкий голос флейты. Эту полифонию дополняет предупреждающий перезвон колокольчиков неприкасаемых⁶: они строго следуют закону и не хотят «осквернять» других людей своим присутствием. Тихо шелестят, точно шепчут что-то, струи воды. Она очищает все и всех — и брахманов, и кшатриев, и вайшьи, и шудров⁷. Для священного Ганга все люди равны. В храме монах объясняет шастры⁸, читает веды. Монах молится Шиве, грозному богу разрушения, войны, эпидемий, голода, смерти, наводнений и других бедствий. У Шивы во лбу третий глаз, тигровая шкура опоясывает его бедра, змеи кольцами обвивают его тело, а в одной из четырех рук — секира. Шива жесток и беспощаден. Как-то в бешенстве он даже отрубил одну из четырех голов великого бога созидания и добра Брахмы. Монах молится самозабвенно, отрешившись от всего земного: он должен умиротворить Шиву, смягчить его гнев и помочь людям. Индуистские боги, как и люди, добрые и злые: Брахма — созидатель, Вишну — хранитель мира, Шива — разрушитель. Больше всего боятся люди гнева Шивы и поэтому молят его пощадить своих детей, не разрушать жилищ, не губить урожаи... А Брахма и без того милостив, зачем его просить?

Мать рассказывает о жизни богов и царей — героях древней эпической поэмы «Махабхараты». Но богов ли? А может быть, этот рассказ — плод

удивительного смещения памяти поколений, переплетения правды с легендой? Восемнадцать книг «Махабхараты», сто тысяч двустий посвящены подвигам легендарных царей древности, живших на этой земле еще в четвертом тысячелетии до нашей эры.

Джавахарлал с широко раскрытыми, полными изумления глазами слушает мать.

— Один из главных царей Куру не оставил потомства, — рассказывает Сварупрани, — и всему царскому роду Кауравов грозила гибель. Тогда к его двум женам позвали мудреца Вьясу. Он был чернокожим, косматым чудовищем. Вьяса вошел на ложе первой жены царя. Она от ужаса закрыла глаза, и поэтому сын ее по имени Дхритараштра появился на свет незрячим. Когда мудреца Вьясу увидела вторая жена царя Куру, она смертельно побледнела и родила мальчика со светлой кожей. Его называли Панду, что означает «бледный». Братья получили благородное воспитание. Они выросли справедливыми, отважными. В час счастливого сочетания звезд они выбрали себе жен. Сто сыновей принесла жена Дхритараштре. Небо наградило их всеми добродетелями, но один из них — старший сын Дурьодхана — оказался злым, коварным и завистливым. А у Панды не было детей. Однажды на охоте он убил оленя во время его любовной игры с избранницей. Но оказалось, что это был не олень, а отшельник, принявший образ оленя. И в предсмертной муке проклял он Панду, предсказав ему смерть от любви. С той поры всегда помнивший о проклятии Панду не видел своих жен много лет, и ничто не омрачало его жизни. Он мудро правил страной вместо своего слепого брата, но однажды, забывшись, Панду приблизился к одной из своих прекраснейших жен и пал бездыханным. Тогда сами боги вошли на ложе супруги Панду и подарили ей пятерых сыновей — мужественных и храбрых героев, которые известны людям под именами Пандавов. Злой Дурьодхана тщетно пытался хитрыми и коварными заговорами свергнуть своих двоюродных братьев...

— Ма! Почему бывают люди злыми? — льнет к матери Джавахарлал.

— Уж так устроен мир, сынок, — отвечает Сварупрани и продолжает повествование.

— Столицей Пандавов был великославный Хастинапур, «Город Слонов». Улицы его с множеством великолепных зданий и дворцов были подобны драгоценным ожерельям. Все площади в городе орошались ароматной водой, каналы и фонтаны источали прохладу, сады цвели, и деревья круглый год приносили сочные и сладкие плоды.

— Где теперь этот город, ма? — горят неумным воображением глаза мальчика.

— Не знаю, — грустно отвечает Сварупрани, — говорят, что когда-то очень давно священные воды реки отошли от города и его поглотили пески.

— А как же Пандавы? — спрашивает с тревогой и недоумением Джавахарлал.

Сварупрани крепко сжимает в своей руке мягкую ладонь сына.

— Благородные Пандавы всю жизнь посвятили борьбе со злом. Они заботились о простом народе, и люди платили им своей преданностью, отчего государство становилось все сильнее и могущественнее.

— Почему из «Города Слонов» ушла вода?

— Пойдем, Джавахар, пойдем, пора, доскажу в другой раз, — торопится Сварупрани.

А в роще на склоне горы уже затаилась темнота. Она приготовилась выползти на берег реки и заполнить собой всю округу. В храме пробил гонг.

...Канули в вечность столетия, а удары гонга раздаются так же, как и прежде.

Город Аллахабад, в прошлом Праяга, выросший у слияния священных рек Ганга и Джамны и сказочного подземного течения Сарасвати, не обошли стороной войска Великих Моголов, императоров Акбара, Аурангзеба, каждый из которых постарался оставить после себя особый след на века: победные триумфы, пышные ритуалы, коварные убийства и жестокие казни; надменные англичане глумились над святынями, обкрадывали людей хитрые, как бестии, купцы с северных островов; огнем и мечом проводились в жизнь указы английских вице-королей⁹.

Но Аллахабад по-прежнему жил по своим святым канонам, гостеприимно принимая толпы паломников со всех концов страны. Звездные летние ночи, напоенные терпкими запахами растений и дыханием рек, шепот молитв, представления факиров и заклинателей кобр, погребальные костры и яркие шумные свадьбы, завораживающее тягучее пение ситар, строй английских гвардейцев, провожаемых усмирёнными взглядами потомков Великих Моголов...

Джавахарлал любил свой город, хранивший множество древних тайн. Он спускался по длинному ходу в погребенный под землей храм Патал Пури и там в пустом подземелье оказывался на площадке, где добровольные служители индуистского храма поливали знаменитую смоковницу, известную как бессмертное дерево индусов, о существовании которого сохранились письменные свидетельства с 540 года н.э. Вокруг Патал Пури правитель Могольской империи Акбар построил свою крепость, однако индуистский храм, осевший с течением веков под землю,

навсегда остался местом паломничества индусов.

Неподалеку от Патал Пури и форта, на берегу, откуда открывается близкая сердцу каждого индийца панорама местности, где священные Ганг и Джамна сливаются друг с другом, когда-то стояло уединенное жилище мудреца Бхарадваджи. О нем Джавахарлал тоже узнал от матери, рассказывавшей ему увлекательные истории из другого древнеиндийского эпоса — «Рамаяны». Бхарадваджа был великим просветителем и имел десять тысяч учеников, которые жили и кормились у своего учителя.

...Жаркий весенний день. Как всегда в это время, людно и красочно проходит индуистский праздник «Магх Мела». С каждым днем паломников в городе становится все больше. Они расселяются вдоль берега под матерчатыми навесами и в самодельных лачугах, которые увенчаны флажками, указывающими на принадлежность приезжих к определенной касте и место, откуда они прибыли на праздник. В задумчивом оцепенении стоит обнаженный человек из секты дигамбара-джайнов: тысячелетний закон предков предписывает ему «одеваться пространством». Впрочем, и многие другие ограничиваются в одежде лишь набедренной повязкой. Сидят в позе падмасаны¹⁰ или горделиво прохаживаются вдоль торговых рядов полуодетые длинногровые люди. Они прекрасно сложены, держатся гордо, в их взгляде — нравственная чистота; они мудры, они — сама природа. Это философы-йоги. Здесь же пройдет богатая женщина. Ее гибкое тело облачено в сари из знаменитого бенаресского шелка, расшитого золотыми и серебряными нитями, а рядом, искалечившие себя, чтобы вызвать сострадание людей, нищие и изуродованные прокаженные протягивают свои обезображенные руки за подаванием.

В пестром потоке людей изредка мелькают пробковые шлемы сухопарых англичан. Вдоль реки, «закаляя дух», лежат на топчанах, утыканных шипами, «святые». Перед омовением люди, сложив в молитвенной позе руки, шепчут санскритские заклинания. Уличные цирюльники, расположившись прямо под тенистыми деревьями, деловито обслуживают пришельцев: индусы-ортодоксы соблюдают все предписания религии и прежде, чем ступить в священные воды, бреют головы. Благочестивые индианки бросают на воду лепестки роз и золотистые ноготки.

Многоликое солнце плескалось в реке, отражалось в медных и латунных кувшинах, в огромных чеканных блюдах, выставленных в окнах лавок и лежащих прямо на земле у дороги. Крестьяне из окрестных деревень приехали в город на волах, запряженных в двуколки, доверху заваленные мешками и корзинами. Волы равнодушно пережевывают корм.

Хозяева-крестьяне такие же тощие, высушенные солнцем, как и их животные, чуть прикрытые выгоревшими тряпками, жуют бетель — листочки перечного дерева, смазанные известью, с завернутым в них кусочком арекового плода. Бетель пенится во рту красной массой, поэтому кажется, что на губах людей запеклась кровь.

Под открытым небом на циновках и под кое-как установленными навесами прямо с арб зеленщики предлагают пестрые связки перца, бетель, чеснок, гвоздику, семена тмина, имбирь, кари и другие специи, ни с чем не сравнимый запах которых пропитывает одежду, жилища, улицы. От разноцветья овощей и фруктов рябит в глазах: синие баклажаны, оранжевые плоды манго, бордовые гранаты, янтарные ананасы — изобилие даров природы. Рядом — крестьянские волы, понурые, с обвисшей на костях кожей. В их грустных глазах, наверное, запечатлелись вековые страдания и муки хозяев, с которыми они вместе обливаются потом на пыльном клочке земли под горячим небом; вместе, спасаясь от нестерпимого зноя, изнемогшие от усталости, забираются по горло в деревенский пруд с протухшей водой.

Продавцов на рынке много — покупателей значительно меньше, и горы фруктов и овощей, между которыми головы людей еле видны, убывают очень медленно. Кажется, что земля не очень охотно расстаётся со своими сокровищами. Рынок шумит, переливается, кипит. Земля, ещё не успевшая источить всю влагу, всю свою щедрость, жадно дышит; видно, как над ней струится и дрожит воздух, наполненный благоуханием и терпкостью.

Джавахарлал наслаждался пестрым весельем многоголосого весеннего праздника. Ему не часто позволяли такие прогулки по городу. Мать держала его за руку, а он пытливо вглядывался в лица: они разные — красивые и уродливые, счастливые и печальные. Нищие вызывали в нем жалость, почти граничившую с физической болью, и в то же время глубоко запятанную неприязнь.

Он глубоко вздыхает и, подняв голову к матери, спрашивает:

— Ма, в царстве Пандавов тоже были нищие?

Сварупрани пристально смотрит на сына.

— Нищие — это изгнанные из касты люди, — серьёзно поясняет она. — Их когда-то прогнали из общин за прегрешения... и от нищих стали рождаться нищие. В царстве Пандавов, наверное, тоже были грешники.

— Почему среди англичан нет нищих? — удивляется мальчик.

— Ах, до чего же ты любопытный, Джавахар, — говорит мать, но все же отвечает: — Твой отец рассказывал мне, что и у англичан есть нищие.

Семья Неру сначала жила в старой части города — Чоуке, рядом с главной дорогой и шумным базаром. Быт на Чоуке отличался особым колоритом древних построек, простотой нравов бедных людей, для которых улица была их родным домом. В воздухе и днем и ночью висел чад от горящего кизяка, стоял густой жирный запах от уличных жаровен. Далекая старина зеленой плесенью покрывала каждую ступеньку, каждый камень дома. В этом районе города сновали юродивые и прокаженные, зарабатывая милостыней на пропитание. В уличной пыли ползали рахитичные дети, душный воздух стлался по земле.

По соседству с семьей Неру жили два-три ортодокса из брахманов, с которыми у Мотилала, по их мнению, отступника и англомана, были основательно испорчены отношения. Даже их дети, наученные родителями, избегали общения с Джавахарлалом.

Мотилал был широкой, деятельной натурой. В жизни любил размах и перед расходами, особенно если они удовлетворяли его честолюбивые замыслы и укрепляли престиж, никогда не останавливался. Слабости и смирения духа он не терпел и всячески подавлял их в себе. Единственно, перед чем он склонял голову, были науки и, в частности, юриспруденция, которую он знал досконально и умел виртуозно применить в сложнейших ситуациях. Еще, владея несколькими языками, в том числе персидским, арабским и английским, он много читал и даже сочинял неплохие стихи. Интересовался он также и техникой — водяными помпами, паровыми котлами, электричеством, автомобилями. Был равнодушен к архитектуре. Бездеятельности Мотилал не выносил, как не терпел людей, не могущих найти занятия в жизни. Когда-то начав с грошового гонорара, теперь он за свои адвокатские услуги получал вознаграждения, выражавшиеся пятизначными цифрами. Он был известен как самый способный и надежный адвокат во всей округе. Гражданские и имущественные иски раджей, заминдаров¹¹ и богатых коммерсантов, которые он вел и, как правило, выигрывал, приносили ему известность, славу и доходы.

Из Чоука Мотилал Неру переселился в другой район города, на аристократические «Сивил лайнс», где в тихих, уютных домах, утопавших в зелени и цветах, жили европейцы и вся аллахабадская знать.

Джавахарлал рос в одиночестве. Двоюродные братья и сестры были намного старше его, ему было неинтересно с ними, хотя они нежно и трогательно относились к нему. Больше всего маленькому Джавахарлалу нравилось проводить время с отцом, но, к сожалению, это случалось не так часто. Отец непременно придумывал что-нибудь, например, запуск

бумажного змея, цветастого, размалеванного, с пышным длинным хвостом. Змей поднимался в небо и там, в голубой выси, то парил, то его бросало из стороны в сторону. Как дивная, сказочная птица, он блестел и переливался на солнце. Отец давал Джавахарлалу в руки трепещущую, туго натянутую нить, и мальчику казалось, что он поднимается и летит в небо вместе со змеем. Он задыхался от возбуждения и радости созерцания полета.

А в остальном детство Джавахарлала было почти лишено мальчишеских забав и приключений. Он рано привык размышлять в одиночестве, обдумывать поступки взрослых, угадывать смысл их разговоров.

Мальчику на всю жизнь запомнилась одна церемония, которую придумал отец и в которой ежегодно принимало участие много людей. Джавахарлалу отводилась в ней главная роль.

Джавахарлал (что означает красный драгоценный камень) родился в Аллахабаде 14 ноября 1889 года. С тех пор в этот день мальчика рано утром взвешивали на больших весах. Вместо гирь на них ставили мешки с пшеницей или рисом, которые после торжественного взвешивания вручались беднякам. На весы Джавахарлал вставал по несколько раз и приходил в восторг, когда пшеница, рис, сладости и одежда передавались окружавшей его толпе. Многие помнили день 14 ноября и приходили семьями к дому Неру еще с вечера и ждали, когда рано утром раскроются двери. Участники церемонии бросали цветы под ноги Джавахарлалу, получали свою долю подарков, почтительно кланялись отцу мальчика, делая пранам¹². Дети ели сладости и удивленно глядели на маленького «принца». А тот видел перед собой неухоженные головы мальчиков и — девочек, чьи худенькие тела были едва прикрыты всяким старьем, и ему было особенно приятно поделиться с ними пищей или одеждой. Но почему такое бывает лишь один раз в году? Как-то мальчик спросил отца, нельзя ли его день рождения отмечать чаще. Отец рассмеялся и ответил, что не следует торопиться, ибо в жизни человека не так уж много дней рождения. Вечером того же дня в доме Неру собирались гости, образованные и состоятельные люди, совсем непохожие на тех, которых мальчик видел во дворе утром. На них были изысканные туалеты, волосы женщин, убранные цветами, источали тонкий аромат садов. Гости приносили мальчику подарки, говорили приятные слова. Празднично взволнованный отец встречал их и отдавал распоряжения слугам. Мать занимала женщин.

В отце все восхищало Джавахарлала: его высокий рост, крепкое телосложение, широкие плечи, бесстрашные, умные глаза, усы, которые обычно носят молодые английские офицеры. Усы очень шли к его

открытому лицу, к слегка выдававшемуся подбородку, свидетельствовавшему о незаурядной воле и властолюбии. Европейский костюм отца, с жилетом и часами на цепочке, дополнял образ, который в глазах маленького Джавахарлала был воплощением мужества и ума.

Мальчик любил отца, но и боялся его. Особенно когда тот сердился и обрушивался на слуг и всех, кто подворачивался ему под горячую руку. В эти минуты Джавахарлал переживал настоящий ужас. Отец расходился так, что все домашние прятались и старались не попадаться ему на глаза, чтобы не испытать на себе его ярость. Как-то раз мальчик сам стал жертвой безудержного гнева отца. Случилось это так. Джавахарлал увидел в его кабинете на столе две ручки, которые ему очень понравились. Он рассудил, что отцу никак не могут понадобиться сразу две ручки, и поэтому взял одну из них себе. Пропажа обнаружилась, и в доме начались поиски. Все было сдвинуто с мест и осмотрено. Джавахарлал ужасался содеянному, но было уже поздно, признаться он побоялся. Вскоре, однако, его изобличили. Отец сгоряча крепко выпорол сына. Ослепленный болью и обидой, мальчик кинулся в объятия матери, которая была возмущена свирепой вспышкой мужа, но упрекнуть его открыто не решилась. В течение нескольких дней она не отходила от кровати сына, смазывая его дрожащее от боли маленькое тело бальзамами и маслами.

Когда Джавахарлал оправился от побоев, он не затаил обиды на отца, понимая, что был наказан по заслугам, хотя, может быть, и чересчур жестоко. Мотилал глубоко сожалел о случившемся, однако свои чувства не обнаруживал, желая, чтобы урок, преподанный сыну, не был забыт.

Вскоре отец подарил Джавахарлалу прекрасный трехколесный велосипед. Теперь по вечерам, когда спадала жара и аллеи заполняла прохладная тень, мальчик катался по гладким дорожкам. Быстрое движение приносило ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Он разгонялся, сломя голову несясь под уклон, не обращая внимания на испуганные возгласы старших. Потом, отдыхая, Джавахарлал с восторженным интересом наблюдал закат; любовался причудливой игрой красок на горизонте, смотрел, как утопал на краю земли огромный солнечный круг, плаваясь в облаках. Слуги уже давно звали Джавахарлала, а ему не хотелось идти домой. Далеко в храме зажигались лампы. В темном углу сада вздыхала проснувшаяся сова. На душе у мальчика в эти минуты было удивительно легко.

Когда Джавахарлал засыпал, он видел себя во сне летающим, словно птица. Сны эти часто повторялись и были яркими и реальными.

Мальчик любил верховую езду. У него был красивый пони с примесью

арабской крови. Однажды во время вечерней верховой прогулки Джавахарлал упал, и пони вернулся домой без хозяина. В этот вечер у отца собрались гости. Появление пони без мальчика вызвало настоящий переполох; охваченные тревогой, все ринулись на поиски. Скоро его обнаружили целым и невредимым и на радостях устроили мальчику такую встречу, словно он совершил подвиг.

Находясь постоянно среди взрослых, Джавахарлал все внимательнее прислушивался к их разговорам, старался понять смысл того, о чем они спорят, чем возмущаются. Порой любопытство разбирало его до такой степени, что он даже прятался за занавеску и простаивал там часами. Когда Мотилал обнаруживал спрятавшегося сына, он сажал его на колени, и тот, прильнув к широкой груди отца, становился немым участником бурных дискуссий взрослых. Его мозг, как губка, вбирал в себя то, что говорилось. Его пытливый ум четко схватывал, что больше всего его отца и взрослых двоюродных братьев возмущала несправедливость законов и неравноправное по сравнению с англичанами положение индийцев. Джавахарлалу было известно немало случаев, когда англичане в ссорах убивали индийцев, а суд, состоявший из соотечественников убийц, оправдывал их. Унижение ждало индийцев повсюду — и это в их собственной стране! Они не имели права, например, ездить на поездах в одних купе с англичанами, посещать парки и общественные места. Особенно вызывающий вид был у евразийцев¹³, которые причисляли себя к высшей расе и старались при любом случае подчеркнуть свое превосходство перед соотечественниками. Двоюродные братья Джавахарлала не раз затевали с ними столкновения, кончавшиеся прямыми потасовками. Эти случаи чрезвычайно волновали всех домашних, особенно женщин. Ни к чему хорошему такие стычки привести не могли. Однако всякий раз непререкаемый авторитет Мотилала Неру действовал безотказно. С ним были уважительны все. Даже облеченные властью англичане относились к нему с нескрываемым почтением и не прочь были завязать с ним дружбу. Хотя мальчик слышал много плохого об англичанах и полностью разделял возмущение взрослых по поводу их несправедливого отношения к индийцам, некоторые из англичан — гостей отца — нравились Джавахарлалу. Его привлекал независимый и гордый характер англичан, их красивая манера держаться, внутренняя сила и уверенность в себе, которые чувствовались в каждом жесте. Ему нравилась мелодичность английского языка. Он буквально наслаждался английской речью Энни Безант, часто бывавшей в их доме хорошей знакомой отца. Ее слова звучали так красиво и многозначительно, что Джавахарлал каждый раз принимал

их за великое откровение, хотя не понимал их смысла.

Иногда Джавахарлал задумывался: чем его отец выделяется из среды своих соотечественников и почему он живет другой жизнью, совсем непохожей на ту, которую ведут остальные индийцы? Пытаясь ответить на этот вопрос, Джавахарлал вглядывался в рисованный портрет деда, отца Мотилала. С портрета на мальчика смотрели строгие глаза. «Он, наверное, знает все», — думал Джавахарлал. Но портрет хранил тайну. Дед скрестил на груди руки и... молчал.

В доме Мотилала Неру, как и во всех индийских домах, под одной крышей жило множество родственников, которые почитали особо главу семейства. Сам Мотилал редко вмешивался в домашние дела, и хозяйством заправляла его мать, своенравная и властолюбивая женщина. Она была на редкость расторопна, предусмотрительна, помнила обо всем и обо всех, никому и в голову не приходило перечить ей или ослушаться ее распоряжений.

В Индии распространены ранние браки. Правда, Мотилалу было уже двадцать, когда он женился на кашмирской девочке, семья которой жила в городе Лахоре. Но вскоре после рождения сына она умерла. Сын ненадолго пережил свою мать.

Тхуссу, так звали до замужества пятнадцатилетнюю девочку из Лахора, тоже из рода кашмирских брахманов, стала второй женой Мотилала. По существующему обычаю после брака она приняла новое имя — Сварупрани. Это была худенькая женщина, маленького роста, походившая на фарфоровую статуэтку. В ее хрупком теле жила, однако, большая душа, способная не только беззаветно любить близких и безропотно нести женскую долю, но и стойко встречать любые жизненные невзгоды. В первые годы замужества ей оказалось совсем непросто приспособиться к обстановке в новом доме, тем более что хозяйкой в нем была не она, а свекровь.

Так уж сложилось, что кашмирские женщины пользовались большей свободой, чем женщины равнинной Индии. Кашмирки могли находиться в обществе мужчин, участвовать в их беседах.

Супруги Неру жили в добром согласии, ценили мнение друг друга и души не чаяли в единственном сыне — Джавахарлале. Мать целиком посвящала свой досуг сыну, проводила с ним все свободное от домашних хлопот время. От нее и услышал Джавахарлал рассказ о своем древнем роде.

— Мы, сынок, кашмирцы, — с нескрываемой гордостью говорила мать. — Кашмир — это чудесный горный край на севере Индии. Вершины

гор там покрыты белыми снегами, внизу же — красные поля тюльпанов и других цветов, но больше всего тюльпанов... Кашмирцы — гордый и древний народ.

Сварупрани рассказывала сыну, что более двух столетий назад его предок по имени Радж Кауль в поисках славы и счастья спустился на богатые равнины Индии. В эти времена империя Моголов после смерти Аурангзеба уже начала приходить в упадок. Император Фаррухсиар, посетивший долины Кашмира, встретился с Радж Каулем, который славился знаниями санскрита и персидского языка. По приглашению императора Радж Кауль переехал ближе ко двору в Дели. Фаррухсиар пожаловал ему поместье, расположенное на берегу канала, и с тех пор к его имени стали прибавлять слово «Неру»¹⁴.

Семья Кауль-Неру испытала немало превратностей судьбы. С падением могущества императорского двора мельчало и разорялось ее поместье. Дед Мотилала был первым адвокатом «Компани Саркар» при дворе императора в Дели, а отец — Ганга Дхар Неру, на портрет которого часто посматривал любознательный Джавахарлал, служил начальником делийской полиции. Он умер молодым, в возрасте тридцати четырех лет, не дождавшись рождения Мотилала.

После восстания сипаев в 1857 — 1859 годах, когда английские каратели без разбора крушили и жгли все, что им попадалось под руку, Неру лишились почти всего своего состояния; семейные реликвии, документы и бумаги были уничтожены.

В роду Джавахарлала сохранились воспоминания о бегстве семьи из столицы в Агру. Сестра Мотилала, как иногда это бывает у кашмирцев, была девочкой со светлыми волосами. Поэтому встретившиеся им на пути английские солдаты решили, что она — похищенная маленькая англичанка. В те страшные времена было не до разбирательств. Расправа чинилась в считанные минуты прямо на месте, и дядя вместе с другими членами семьи чудом не оказался на виселице. Только знание английского языка и свидетельство одного из прохожих, знавшего девочку по Дели, спасли семью от неминуемой гибели.

В Агре 6 мая 1861 года родился Мотилал. Он воспитывался под заботливым присмотром своих братьев, высокопоставленных чиновников, младший из которых был адвокатом.

В доме Мотилала, родившегося в северной Индии, где во многом заметно слияние индуистской и мусульманской культур — в языке, в обычаях, одежде, пище, — никогда не проявлялась религиозная неприязнь. И у индусов, и у мусульман — одна родина, одни скорби и чаяния, и они,

как это было во время народного восстания в 1857 — 1859 годах, вместе боролись за свободу Индии.

У кашмирского брахмана Мотилала Неру получил кров правоверный мусульманин Мубарак Али. Хотя он служил у Неру в должности писаря, все домашние относились к нему как к члену семьи.

Мубарак Али был свидетелем событий 1857 — 1859 годов. Английские солдаты повесили его отца на глазах у матери и истребили других родственников. Он потерял все, и самое дорогое, что оставалось у него в жизни, была семья Неру. Особую нежность он испытывал к маленькому Джавахарлалу, который отвечал ему взаимностью. Мальчику нравились добрые глаза Мубарака Али, его белые как снег волосы и такая же белая борода патриарха. Али рисовался его детскому воображению как великий мудрец и хранитель древних преданий.

Поэтому, когда с Джавахарлалом случалась какая-нибудь беда, он всегда находил у писаря защиту и понимание. Примостившись возле Мубарака Али, мальчик часами слушал арабские сказки из «Тысячи и одной ночи», которых тот знал множество. По мусульманским праздникам Али одевался в свое парадное платье и отправлялся молиться в мечеть. Он возвращался еще более умиротворенным и непременно звал в гости Джавахарлала, ласково беседовал с ним, угощал сладкой вермишелью и другими лакомствами.

С годами привязанность этих двух столь разных по возрасту и судьбам людей только крепла. Рассказы о героях синайского восстания, об одном из его предводителей, Тантии Топи, о юной героине Лакшми Бай навсегда сохранились в памяти Джавахарлала; тихие неторопливые слова старика глубоко запали в душу мальчика. Он уважал его мудрость, восхищался его жизнью, умением обо всем судить беспристрастно и рассказывать о самом страшном спокойно и правдиво.

Джавахарлал с детской любознательностью наблюдал за религиозными обрядами. Он ходил с матерью или теткой на берег Ганга для омовения, посещал с ними храмы, прислушивался к молитвам саньяси¹⁵, которого в округе почитали как святого. Он любил многочисленные индусские праздники, отличавшиеся друг от друга ритуалом, но одинаково шумные, веселые, с танцами, песнями и представлениями. В дни «Холи» — весеннего праздника в честь бога любви Камадевы — Джавахарлал обливал всех подряд водой — так положено по обычаю, и его тоже обливали. Все громко смеялись, и мальчику нравилось, что взрослые, даже отец, выражали свою радость так же искренне, как и дети. Во время «Дивали» — праздника света —

Джавахарлал восторженно любовался тысячами мерцающих огоньков, дрожащих в глиняных горшках, наблюдал за сожжением огромных чучел злых богов. Он упивался яркими зрелищами уличных представлений, повествовавших о завоевании Рамачандой острова Ланки в праздник Дасера и Рам Лила. В торжественной обстановке в семье Неру отмечались кашмирские праздники и особенно «Наороз» — день Нового года по здешнему календарю. Джавахарлала интересовали и мусульманские праздники. Он с грустью смотрел на скорбные шествия мусульман с шелковыми флагами во время «Мохаррам»¹⁶.

Но, несмотря на все очарование обрядов и праздников, истинно религиозных чувств, тем более убеждений, у Джавахарлала так и не появилось: сказывалось, видимо, влияние отца и старших двоюродных братьев, которые также считали религию занятием несерьезным. Обладая гибким и критическим умом, Джавахарлал был одним из тех мальчуганов, которые при всей пылкости своего воображения, прежде чем поверить во что-то, непременно хотят получить ответ на вопросы — «почему и зачем?». Он часто задавал неожиданные вопросы, касавшиеся религии, отцу, матери, тетке, Мубараку Али, но ни от кого не получал убедительных объяснений. Поэтому о вере у него сложилось весьма смутное представление. Вместе с тем сказания, легенды «Махабхараты» и «Рамаяны» рождали в сознании мальчика яркие образы Древней Индии, укореняли вековые народные понятия о правде и верности; эпические герои учили его добродетели и милосердию, воспитывали отвращение к лжи и, жестокости.

В 1900 году, когда Джавахарлалу пошел одиннадцатый год, отец покупает на живописной окраине Аллахабада большой дом. Согласно легенде дом построен на священном месте, где божественный Рама¹⁷ встретил своего единокровного брата Бхарата. По преданию здесь же, по соседству, останавливался мудрец Вальмики, автор «Рамаяны». На перестройку и благоустройство дома Мотилал Неру затратил огромные средства.

Здание опоясано широкими верандами. Ярусы колонн, арки, балконы, проемы между колоннами — все как бы пришторено ниспадающими кружевными занавесями из камня. Замысловатая система архитектурных выступов и углублений, террасы и балконы придают зданию необычайную легкость — секрет, известный индийским зодчим, которым бог весть как удается при невыносимой жаре в этих местах создавать внутри дома спасительную прохладу. Венчает все сооружение купол, под сенью которого смотровая площадка, откуда открывается живописный вид на парк

с ухоженными аллеями, розарием и подстриженными лужайками. В парке теннисный корт, площадка для игры в крокет. В самом доме — крытый плавательный бассейн, новшество, которого ни у кого еще не было. Электричество — диковинка в те времена — по вечерам ярким светом заливало все здание, вырывая его из густой темноты напоказ всей округе. Все говорило о достатке и благополучии хозяев этого дома. Высокие гонорары, получаемые Мотилалом, позволяли ему устраивать свой быт в полном соответствии с желаниями и даже причудами и капризами.

Мотилал Неру умел радоваться жизни, поэтому и дом свой назвал «Ананд Бхаван» — «Обитель радости».

Мог ли кто-нибудь знать тогда, что пройдет десяток лет и его сын, а за ним и он сам найдут радость жизни не в тихой гостиной «Ананд Бхавана», а на шумных площадях среди тысяч демонстрантов.

Оба они без минуты колебания сменяют уют домашнего очага на тесную душную тюремную камеру. Радостное сознание быть полезным миллионам обездоленных и страждущих индийцев станет смыслом жизни Джавахарлала Неру и единственным утешением в испытаниях, которые уготовит ему судьба. Отец, да и вся семья Неру не станут преградой на его пути. Взгляды отца, которые вначале представляли собой странное сочетание консерватизма с бунтарством, жизненного оптимизма с политическим пессимизмом, националистических устремлений с подражанием всему английскому, мало-помалу утратят свою противоречивость.

Патриотические чувства вытеснят со временем все: исчезнет тяга к светской жизни, утратит всякий смысл адвокатская практика, которой Мотилал вначале отдавал свою энергию и недюжинный ум. Зазвучит в сердце отца и сына одна и та же, все заглушающая песнь:

Рог, труби, сыновей призывая
В бой за счастье родимого края!
Все свободны, дождались отрадного дня,
Все проснулись, достоинство гордо храня,
Встань же, Индия, гневом пылая!¹⁸

Мотилал найдет в себе мужество отказаться от благополучия счастливого мирка, построенного им в «Ананд Бхаване». С одобрения Джавахарлала он подарит «Обитель радости» партии Индийский национальный конгресс, и здание получит новое название — «Сварадж

Бхаван» — «Обитель свободы»...

Пока же гостеприимство Мотилала, обаяние его личности привлекают в «Обитель радости» политических и общественных деятелей, литераторов и юристов. Среди гостей как индийцы, так и европейцы.

Одно время в семье Неру гостит Энни Безант — ирландка, снискавшая себе славу «филантропической героини» лондонского Ист-Энда — царства нищеты и человеческого унижения. Но она не только филантропка — она пламенный трибун, вожак масс. Ее реформистско-демократическая деятельность известна всей Англии, а теперь и Индии.

В Англии в конце 80-х годов XIX столетия, пожалуй, не было ни одной сколько-нибудь оппозиционной правительству организации, члены которой не считали бы Энни Безант в числе своих предводителей: она вместе с Бернардом Шоу член Фабианского общества, она же ярая проповедница утопического социализма, ближайшая соратница лидера английского общества «Свободомыслие», члена парламента, атеиста Чарльза Брэдлау, она даже знакома с английским коммунистом Уильямом Моррисом. Но вот парадокс: эта неистовая натура еще и мистик: она — правая рука одной из создательниц теософского учения¹⁹ Екатерины Блаватской, знаменитой русской дамы, путешествовавшей по всему свету, теософические «феномены» и «вещие» сны которой, словно вирус, поражали доверчивое воображение людей. Своей близостью к индуизму и буддизму теософия в те годы нашла многих почитателей в Индии.

Энни Безант приехала в эту страну в 1893 году и сразу же начала выпускать газету «Нью-Индия». Ее влекла к себе «спиритуалистическая» Индия, где в отличие от «материалистической» Англии поступки людей, по ее мнению, диктовались духовными ценностями их романтического прамира.

Энни Безант, убежденная идеалистка, призывала индийцев к борьбе за свободу и национальное достоинство, к возрождению их древних нравственных убеждений. Религиозный реформизм в Индии конца XIX — начала XX века увлек ее. Ей казалось, что «очищенные» идеалы веры дадут индийскому народу возможность избежать пороков европейской цивилизации и окажут обратное политическое влияние на твердыню «грубого» материализма — Англию, которая поработила Индию и родину Безант — Ирландию.

Она была современницей выдающихся мыслителей — индийских патриотов Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, Локаманья Тилака²⁰.

Свами Вивекананда, выступая перед духовными проповедниками,

собравшимися на первый всемирный конгресс религии в Чикаго в 1893 году, под звон огромного «Колокола Свободы», специально изготовленного по случаю конгресса, бросил гневное обвинение ханжеству, лжи, лицемерию и несправедливости колонизаторов. «Предлагать религию голодным — оскорбление! Знамя Индии — вот мое высшее небо», — провозгласил он.

В мелкобуржуазном национализме, выразителем которого стала передовая часть индийской интеллигенции, соединялась искренняя любовь к своему народу с готовностью к страданиям ради дела освобождения родины. «Моя богиня, — говорит герой одного из романов Тагора, — там, где нищета и бедность, где горе и унижение... И все же, когда я думаю о ней, радость наполняет меня... В кровавом небе я вижу сверкающее освобожденное будущее моей страны».

Индийская реформация привлекала честных людей Запада своим демократическим содержанием, просветительскими целями, страстным протестом против грубого насилия над народом, против его бессовестного ограбления поработителями.

...Трудно сказать, верила ли Энни Безант, как другие теософы, в реальность загробного мира и в возможность контакта с его обитателями, но то, что ее волновали дела на земле и судьбы живых, — факт неоспоримый. В чем, в чем, а уж в благородстве целей, искреннем сострадании угнетенным индийцам ей не откажешь.

И вот эта женщина с мятущейся душой, ищущая правды и справедливости, «Демосфен в юбке», как ее с теплой иронией называли друзья, стала другом семьи Неру и одной из ранних домашних наставниц юного Джавахарлала.

Энни Безант начитанна, умна. Оригинальностью образа мыслей она неизменно возбуждает у окружающих интерес к себе. Ее желание видеть Индию процветающей не могло не импонировать Мотилалу Неру. Но он ни в коей мере не был идеалистом и с огорчением ловил себя на мысли, что красивые всплески души Энни Безант, по сути дела, бессильны повлиять на существующие отношения людей. Правда, несколькими годами ранее Мотилал (по предложению самой Блаватской) вступил в теософское общество и мог, если бы захотел, занять в его иерархии высокое положение. Однако его влекло к теософам скорее простое любопытство, нежели религиозные запросы. Вскоре, разочаровавшись, он выбыл из общества, но добрых отношений с Энни Безант не порвал.

Бывая в семье Неру, Энни Безант рассказывала Джавахарлалу о далекой Англии, о том, что среди англичан есть люди, которые считают

индийцев своими братьями и не согласны с политикой колониальных властей.

Безант, много разъезжая по стране, в Аллахабаде бывала лишь изредка. Поэтому она не могла полностью взять на себя обучение Джавахарлала. А Мотилал непременно хотел дать сыну европейское образование. После некоторых раздумий он решил взять для сына домашнего учителя из числа образованных европейцев, попросив Энни Безант помочь ему в этом.

По случаю очередного приезда Энни Безант в «Ананд Бхаване» большой обед. Она выполнила просьбу Мотилала: в гостиную, устланную персидскими коврами, вместе с Энни входит высокий молодой человек с застенчивой улыбкой, похожий на пастора. Ему лет двадцать пять, не больше. Его зовут Фердинанд Брукс. Его отец ирландец, мать — не то француженка, не то бельгийка. Сам он большую часть жизни провел в Индии, хорошо знает индийскую философию и эпос, перевел с санскрита на английский «Бхагавадгиту»²¹. Он хорошо знаком с европейской литературой, с трудами древнегреческих философов и фанатично привержен теософии.

Званный обед в «Ананд Бхаване» не совсем обычен. Для правоверных индусов-вегетарианцев своя кухня, отдельные повара и трапезница. На мраморном полу расстелены циновки, на серебряных блюдах искусно приготовленные кушанья: баклажаны и кабачки, другие фаршированные овощи; травы, специи, различные плоды под ореховыми, молочнокислыми, перечно-пряными, фруктово-сладкими соусами, подливками; бетель, нан и чапати²²; высокие стаканы из венецианского стекла с ледяной водой и соками — запивать огненно перченную пищу, — чай, сладости, фрукты.

Для европейцев и тех, кто не придерживается религиозных ограничений в еде, — обеденный зал. Здесь длинный стол с массивными резными стульями, канделябры, серебряные приборы, посуда из дрезденского фарфора, белоснежные скатерти и салфетки. Кругом розы с еще не просохшими слезинками — капельками вечерней росы, — все блестит, переливается, благоухает. Хозяин внимательно слушает гостей, возражает или соглашается, шутит, к месту вставляет в оживленную беседу свои реплики.

Энни Безант, главная гостья, сидит по правую руку от хозяина. После обеда приносят чаши с водой, в которых плавают лепестки роз. Все окунают пальцы рук, вытирают салфетками и встают из-за стола. Коньяк, сигары, густой чай, забеленный молоком, — все это подают в библиотеку, которая, по общему признанию, имеет самое богатое в северной Индии

частное собрание книг. Тисненные золотом корешки энциклопедий, сборники законов, лондонские, парижские, берлинские издания, древние рукописные книги на арабском, персидском, урду, санскрите, хинди и последние публикации английских издателей. Европейская живопись и старинные индийские гравюры, мрамор и фарфор, бронза и серебро — все должно напоминать о гармонии культур разных миров и времен.

Безант и Фердинанд Брукс пьют чай. Здесь же, в библиотеке, рядом с отцом — с его разрешения — устроился и Джавахарлал. Он наблюдает за учителем, изучает его. У Брукса открытое лицо с тонкими чертами, мягкие, шелковистые волосы, нежная, в веснушках кожа. Он беседует с отцом подчеркнуто уважительно. Держится уверенно, с достоинством. Говорит о «великом духе», о богопознании и еще о чем-то совершенно непонятном для мальчика. Джавахарлал, зная отца, видит, как темнеют его смеющиеся глаза: Мотилалу не по душе слова Брукса. А тот не замечает ничего и продолжает говорить с набожной увлеченностью. Наконец отец выбирает подходящий момент и останавливает его:

— Я понял, господин Брукс, что вы можете развить у моего сына богатое воображение... Ну что ж, от этого вреда не будет... Между прочим, мне больше хотелось, чтобы мой сын научился руководствоваться в жизни не столько эмоциями, сколько рассудком, чтобы воображение не мешало ему видеть действительность.

Нежная кожа Брукса заливается румянцем. Он в смущении отвечает, что непременно учтет это пожелание.

Госпожа Безант знает слабые места в характере Брукса. Он и впрямь живет в мире иллюзий. Одно несомненно — Брукс честный, обязательный человек, ему противен расизм, он преданно любит Индию и ее народ, блестяще образован, любит детей. Нет, она абсолютно уверена в нем и спокойна за свою рекомендацию.

Энни подходит к массивному, во всю стену, книжному шкафу и, заметив на его полках труды хорошо знакомых ей Бернарда Шоу и Сиднея Уэбба, вдруг вспоминает Лондон, 1886 год, демонстрации безработных, которые она организовывала вместе с Шоу, Генри Хайндеманом, Уильямом Моррисом и другими социалистами. Тогда завсегдатаи аристократических клубов на Пэлл-Мэлл цинично оскорбляли голодных демонстрантов, а те в ответ забросали камнями окна их фешенебельных клубов. Энни говорит о митингах в Гайд-парке, на которых она выступала перед рабочими, о столкновениях с полицией. Во время одной из демонстраций она вместе с Бернардом Шоу шла во главе колонны, когда полицейские набросились на них с дубинками. Она ожидала, что Шоу совершит нечто героическое —

ведь он тоже был ирландцем, — а он ничего другого не придумал, кроме как крикнуть ей: «Надо поскорей выбираться отсюда». Действия полиции вызвали тогда большое возмущение в народе. Энни предложила штурмовать Трафальгарскую площадь. Но ни Шоу, ни другие лидеры не поддержали ее. Они заявили, что все это может кончиться баррикадами и что они-де хорошо знают судьбу Парижской коммуны и не хотят ее повторения...

Безант замолкает и испытующе смотрит на Мотилала, а тот, кажется, и не догадывается, к чему она клонит. Энни несколько удручена невозмутимостью Неру, хотя ей известна его позиция. Он уже высказал ее на первых сессиях Индийского национального конгресса. Человек весьма умеренных взглядов, он выступает вместе с Дадабхаем Наороджи, Гопалом Кришной Гокхале, с теми, кого называют социальными реформистами или «умеренными», он за преобразования, которые бы ликвидировали средневековые пережитки: ранние браки, кастовую исключительность, запрет вдовам выходить замуж. Он, конечно, за улучшение системы образования. Отмена расовых ограничений, уравнивание индийцев в правах с англичанами перед законом, расширение представительства соотечественников в системе государственных учреждений и на офицерских должностях в армии, но не дальше того.

Безант интересуется отношением Мотилала к Тилаку.

Мотилал питает к Тилаку, как выдающейся личности, глубокое уважение, однако не понимает и не одобряет его «экстремизма». Массовые выступления сподвижников Тилака (их называют «крайними»), могут вызвать лишь еще больший хаос и беспорядки в стране, они приведут к ожесточению колониальных властей, к ненужным жертвам.

Мотилал юрист и стоит за социальный порядок, хотя согласен с тем, что нынешнее государственное устройство Индии весьма далеко от совершенства. Но беззаконие не сделает его лучше. Мотилал и Безант еще долго спорят.

О Джавахарлале словно забыли. Теперь отец увлечен беседой, судя по всему, с очень высокопоставленным гостем в желтом атласном тюрбане, видимо, каким-то раджой. У гостя царственная осанка, смуглое выразительное лицо. Раджа не скрывает своего возмущения англичанами. Он повторяет слова Вивекананды о том, что если Великие Моголы оставили в Индии следы своей культуры, воздвигнутые ими храмы и дворцы, то англичане создали достойный себе «памятник» — горы пустых бутылок из-под виски.

Но Мотилал не соглашается с гостем, убеждая его в «прогрессивной

миссии» англичан в Индии, а гость отзывается о них как о людях, клянувшихся в любви к ближнему, в то время как их руки тянутся к его глотке и кошельку. Видимо, англичане чем-то крепко досадили лично ему.

Наконец вспоминают о Джавахарлале. Гости говорят мальчику ласковые слова; отец, нежно прижав его к себе и пожелав ему спокойной ночи, отправляет его с матерью в спальные покои.

День позади. Джавахарлал некоторое время ворочается с боку на бок, возбужденный дневными впечатлениями, затем засыпает всеочищающим детским сном. Отложатся ли в уголках его памяти рассказы Мубарака Али о восстании сипаев, Энни Безант — о демонстрации лондонских безработных, слова отца о необходимости реформ? В робком, неокрепшем сознании мальчика еще только тлеет смутная догадка о чем-то очень важном, самом главном, ради чего, собственно, живут отец, его друзья, ради чего должен жить и он...

«Индия спокойна, как пороховой погреб перед взрывом» — так охарактеризовал положение в стране в конце XIX века вице-король Джон Лоуренс. От голода умирает около 30 миллионов индийцев, другие миллионы — на грани между жизнью и смертью. Нет ничего священнее, справедливее, страшнее гнева народа, исчерпавшего свое терпение. Индия, как могучий великан, разворачивает плечи. Разве найдется такая сила, которая способна задушить волю народа-исполина? Ширится неповиновение индийцев чужеродной власти...

В 1885 году создается первая всеиндийская политическая партия — Индийский национальный конгресс (ИНК). В Лондоне делали все, чтобы превратить Конгресс в партию послушных «попрошаек», свести ее деятельность, как говорил Тилак, к трем П — просить, протестовать, подлаживаться. Но национальный дух будоражил умы, пробуждал спящих, сытых и ленивых, разжигал гнев голодных и обездоленных, распалял религиозное воображение индусов и мусульман... В 1897 году на сессии Конгресса ее участники приняли резолюцию протеста против преследований, которым подвергались индийские общественные деятели. «Безопасность, жизнь и собственность, — говорил тогда один из лидеров Конгресса Сурендранат Банерджи, — великие основы, на которых покоится внушительное здание английской власти; но во что превращаются эти неоценимые блага, если в любой момент собственность может подвергнуться конфискации, а люди могут подлежать аресту и заключению без суда и следствия, без единого пояснительного слова».

Мотилал уехал по неотложным делам в Европу. В «Обители радости»

стало тихо: не слышно было веселого цоканья копыт скакунов, запряженных в открытую карету, на которой подкатывал к дому хозяин, возвращаясь из Верховного суда. Мать все реже выходила из своих комнат. Она по-прежнему ласкала забежавшего к ней на минутку Джавахарлала, вздыхала и опускала глаза, словно страшась чего-то. Мальчик знал, что скоро у него появится брат или сестра. За длинным обеденным столом теперь сидели Джавахарлал да Брукс. Отец строго наказал учителю говорить с сыном только по-английски и во всем следовать европейским правилам.

Ожидаемый всеми день наконец наступил. Дом загудел как потревоженный улей. Врачи и сиделки забегали по комнатам. Джавахарлал нетерпеливо ждал вестей на веранде. Волнение, смутная тревога за мать, предвкушение счастливой перемены в жизни делали мальчика внутренне старше, мужественнее.

Из комнаты матери вышел доктор, блеснув на солнце золотыми очками. Он глубоко вздохнул, помолчал и уже потом поздравил маленького хозяина с родившейся сестрой. Доктор сказал, что Джавахарлал должен быть доволен — будь у него брат, ему пришлось бы тогда поделиться с ним наследством. Джавахарлал вспыхнул от негодования, которое вызвал в нем этот рыжеволосый человек, посчитавший его способным на столь низменные мысли. Но ничего не могло приглушить выплеснувшегося наружу счастья: теперь у него есть сестра! Мальчик в избытке чувств бросился вприпрыжку по широкой мраморной веранде.

Все обитатели дома в приподнятом настроении. Родственники радостно суетятся, улыбаются друг другу; кто-то распорядился запрячь лошадей и умчался — наверняка на почту, побыстрее сообщить новость Мотилалу. Тетка сокрушалась, что он в отъезде. На лицах слуг выражение торжественного благоговения. Мубарак Али надел свой парадный костюм и пошел молиться. Брукс отменил урок.

После рождения Сваруп — так называли девочку — мать поправилась, похорошела. Вскоре вернулся довольный Мотилал.

Джавахарлал все дни проводил с Бруксом. Они соорудили небольшую учебную лабораторию. Отец, разумеется, позаботился об оснащении ее хорошим оборудованием. Учитель и воспитанник часами ставили химические опыты, постигая тайны вещества, а затем с нетерпением ждали наступления темноты, чтобы с помощью телескопа перенестись в загадочный звездный мир. Джавахарлал уже свободно читал и говорил по-английски. Знание чужого языка неожиданно открыло перед ним богатство мировой литературы. Юноша переносился то в лондонские трущобы, где

стоически сносил удары судьбы маленький Оливер Твист, то на Бейкер-стрит, где наивный доктор Уотсон не переставал удивляться проницательности неутомимого сыщика Шерлока Холмса; бороздил просторы морей и океанов с бесстрашными героями Жюль Верна. Джавахарлал от души смеялся над озорными проделками Тома Сойера и Гекльберри Финна, иронизировал над незадачливыми героями Джерома К. Джерома, сочувствовал благородному идальго Дон-Кихоту и его верному оруженосцу Санчо Пансе, образы которых дополнялись великолепными иллюстрациями Густава Доре. Мальчика одинаково волновали средневековые храбрые и великодушные рыцари Вальтера Скотта и фантастические персонажи Герберта Уэллса. Джавахарлал очень любил животных и с увлечением читал «Маугли» Редьярда Киплинга, рассказы о жизни в джунглях родной Индии. Незаметно для себя он постигал силу, красоту и точность художественного слова.

Учителя Брукса Джавахарлал считал незаурядным человеком. Ему казалось, что учитель обладал какой-то таинственной силой, что он знал что-то сокровенное о смысле существования. В глазах мальчика Брукс отличался этим от отца, предпочитавшего дело и земные радости бесцельному, как говорил Мотилал, витанию в облаках. Раз в неделю у Брукса в комнате собирались местные теософы и подолгу обсуждали проблемы переселения душ, идею безначальности и бесконечности духа, говорили об астральных сверхъестественных телах, разбирали сочинения Блаватской. Брукс, всегда внешне спокойный и не очень-то разговорчивый, на собраниях теософов преображался. Прекрасно зная индуистские книги «Упанишады» и «Бхагавадгиту», он толковал их горячо, с упоением, глаза его увлажнялись, темнели. Временами Брукс доходил до экстаза, что, впрочем, не мешало ему изобретательно и пестро расцвечивать словесную ткань своих суждений: от индуизма он обращался к буддизму, затем рассматривал христианство и учения древнегреческих философов и эффектно заканчивал этот обзор мудреными теософскими выводами. Слушать его было интересно, и хотя многого Джавахарлал не понимал, он полагал, что именно в этом непонятном и «скрыт ключ к загадкам мироздания».

В Аллахабад в очередной раз наведальась Энни Безант. Она выступала в городе с речами на теософские темы. Красноречие Безант оказывало столь сильное воздействие на Джавахарлала, что он «возвращался после ее выступлений ошеломленным, словно во сне». Желание постичь «тайны» теософов привело Джавахарлала к решению стать членом их общества. Как-то он зашел к отцу в кабинет. Тот сидел и скрипел по листу бумаги

пером, готовя очередную речь в суде. Смущенный Джавахарлал попросил у отца разрешения посещать теософские собрания. Мотилал нахмурился. Но уже через минуту его строгий взгляд смягчился, он обидно для самолюбия сына рассмеялся и как-то небрежно, словно и не придавал никакого значения этому событию, дал согласие. Потом зашагал по кабинету, закурил, раздувая ноздри и слегка прикусив губу: ему явно было не по душе возросшее влияние Брукса на сына, и он почувствовал к учителю легкую неприязнь.

Джавахарлал молча смотрел, как пласты табачного дыма тянулись за быстро ходившим по кабинету отцом. Наконец Мотилал остановился, положил сыну на плечо большую, приятно тяжелую руку и сказал, что он уже договорился об устройстве Джавахарлала в английскую школу под Лондоном.

Но дальше события, как и опасался Мотилал, стали развиваться совсем не так, как ему хотелось бы. Увлечшись теософией, Джавахарлал стал выглядеть не по возрасту вялым, задумчивым и не в меру благочестивым подростком, сторонящимся людей.

Это тревожило отца, и он все чаще выражал свое недовольство Бруксом.

С самим же Бруксом, однако, тоже происходило что-то неладное: он сделался подозрительным, сумрачным, неприветливым, часто спорил и не соглашался с Энни Безант, своей духовной наставницей. Подавленность Брукса стала еще большей, когда ему на глаза попались статьи, в которых теософы иронически назывались «блаватскософами». Затем в газетах появились скандальные разоблачения «оккультных феноменов» Блаватской. Все это было невыносимо для Брукса: его вера теперь развенчана, высмеяна. Рушилось хрупкое мироздание, которое построил он для себя.

Джавахарлала потрясла весть о внезапной кончине его учителя. Тело Брукса было найдено в реке. Мотивы его смерти остались для всех загадкой.

Тяжело пережив случившееся, Джавахарлал быстро потерял всякий интерес к теософии. Впоследствии он напишет: «Теософы с тех пор упали в моих глазах. Оказалось, что это не избранные натуры, а весьма заурядные люди, которые любят безопасность больше, чем риск, а выгодную службу — больше, чем долю мученика». Вместе с тем о самом Бруксе он сохранит теплую, благодарную память на всю жизнь. Глубокое уважение останется у него и к Энни Безант...

В мае 1905 года вся семья Неру — отец, мать и даже маленькая Сваруп — отправилась в Англию, чтобы проводить Джавахарлала — надежду и

любовь родителей — на долгую учебу вдали от дома.

Глава II

*Дух юности! Ты ль в тесной клетке счастья?
Средь веток оперением дрожать
Там, наверху, — в твоей великой власти.
Ты — чужеземец, потерявший путь.
Твои не могут крылья отдохнуть -
Ведь ты не знаешь, где гнездо искать.
Полет твой вдаль ничто не остановит.
Твоих немолчных требований рать
Громам небесным грозно прекословит.*

Рабиндранат Тагор

13 мая 1905 года, Бомбей — морские ворота Индии.

В глубокой синеве залива и неба, обнявшей город, в прозрачном воздухе слепящей белизной высвечиваются дома на набережной «Мэрин драйв», колонна маяка, стоящие на рейде пароходы, паруса яхт, зубчатая «Башня молчания». Весна все вымыла, освежила.

Только черные грифы с голыми, точно оципантыми шеями, облепившие крученые, как морские канаты, сучья уже засохших деревьев нарушают веселую палитру красок. Мрачные птицы-могильщики терпеливо ждут, когда на вершину «Башни молчания» по обычаю бомбейской секты парсов — выходцев из Персии положат тело умершего, и тогда грифы привычно слетят с деревьев на свой погребальный пир.

На борту комфортабельного лайнера «Македония» не так жарко, как на берегу: с океана веет свежестью. Пропитанный солью воздух свободно льется в грудь, обостряет пресные будничные ощущения. Юноша остро чувствует и радость наступающих в жизни перемен, и волнение перед неизвестным; он сознает в себе силу, смелость и одновременно сомневается, робеет; чувства путаются, захлестывают одно другое.

Мотилал в легком, светлом фраке, цилиндре; его белоснежную рубашку украшают галстук с рубиновой булавкой и такие же запонки; сестра Джавахарлала, Сваруп (домашние называют ее Нани), будто маленькая принцесса, в воздушном, как облачко, белом платье, красных туфельках и шапочке; Джавахарлал под стать отцу — в костюме от лучших

парижских портных. Лишь мать в национальном голубом сари с вышитой золотой каймой. Она то и дело беспомощно прижимает ладонь к разгоряченным от волнения щекам.

Слуги, сопровождающие семью Неру в поездке по Европе, ловко справляются с багажом, ворочая тяжелые кожаные чемоданы, баулы, сумки.

Блистательный Бомбей, океан с его величием, красками, непривычными запахами, лязг якорной цепи, команды капитана, слаженные движения матросов, бас парового гудка, надрывные крики чаек — все это навсегда западет в память Джавахарлала как нечто связанное с началом самостоятельной жизни.

Берег удаляется, превращаясь в едва различимую полоску, и вот при последнем свете дня скрывается совсем. После тепла и света наступают короткие южные сумерки. Там, вдали, где осталась земля, небо дрожит, озаряемое беззвучными вспышками; раскаты грома уже не доносятся до слуха.

По палубе в неторопливом раздумье расхаживает буддийский монах — пассажир третьего класса, — в своей желтой тоге, бритый, с обнаженным правым плечом.

Будда умер очень давно, а слова его все еще правят многомиллионной паствой. Куда и зачем плывет этот монах?..

Блуждать по вселенной -
Извечная участь людская...
Вехи нет никакой.
Нам неведома наша дорога земная.

Неведома? Почему же? Он, Джавахарлал, будет таким, как отец: все сыновья в Индии испокон веков повторяют жизнь отцов...

Морской вояж длился две недели. «Македония» заходила в Аден, Порт-Саид, через Суэцкий канал вышла в Средиземное море, останавливалась на Мальте, в Гибралтаре — и всюду Джавахарлал видел флаг английской империи, символ ее господства над миром.

31 мая «Македония» вошла в британский порт Дувр. Дул порывистый холодный ветер с дождем. Ключья туч низко проносились над городом, почти задевая шпили церквей, фабричные трубы.

«Кто, как не сильные люди, может жить в этом суровом северном климате? — подумал Джавахарлал и, зябко поежившись, накинул на плечи плащ. — Может быть, в этом и есть секрет могущества англичан?»

Семья Неру поселилась в одном из лучших отелей Лондона, в котором останавливались члены палаты лордов, приезжавшие на сессии парламента из своих родовых имений.

Свободного времени было предостаточно: до начала учебы Джавахарлала в Харроу оставалось почти три месяца. Неру всем семейством гуляли по Гайд-парку, по шумным площадям и улицам, отдыхали и развлекались, ни в чем себе не отказывая. Правда, Мотилал, неумный, как всегда, и здесь находил себе дела: посещал адвокатские конторы, делал заказы в торговых фирмах и, что самое главное, устраивал медицинские консультации для жены. Состояние здоровья Сварупрани беспокоило его, и именно поэтому Мотилал настоял на ее поездке в Европу, возлагая немалые надежды на здешних знаменитостей.

Джавахарлал тем временем привыкал к Англии, где ему предстояло остаться одному на годы. Он уже неплохо ориентировался в городе, по улицам которого вместе с отживающими свой век конными экипажами — омнибусами двигались автомобили, еще не утратившие формы карет. Бронзовые ручки и золоченые вензеля на дверцах, важные лица пассажиров в котелках, пышные платья и легкие шелка женщин плохо вязались с грохотом моторов и клубами зеленого чада, выбрасываемого из выхлопных труб автомобилей. Лошади брезгливо отворачивались от своих железных конкурентов, фыркая и вздрагивая всем телом.

Лондонские газеты были заполнены сообщениями на военные темы: предельно обострилось политическое соперничество между Германией и Англией — двумя державами-конкурентами. Завсегдатаи светских гостиных восхищались Мальтусом, утверждавшим, что война по сути своей есть благо для быстро увеличивающегося человечества.

Англия королей Эдвардов, некоронованных монархов торговли и промышленности, лордов, ставших банкирами, жила беззаботно. Ее богатства росли, словно тесто на колониальных дрожжах империи. Она кичилась своей индустриальной силой и морским могуществом, а для остротки соседей спускала на воду все новые и новые оцетинившиеся стволами пушек корабли.

Харроу — школа-пансион закрытого типа, основанная еще в 1572 году для детей английской знати. Расположена она в нескольких милях к северо-западу от Лондона. С Харроу могла бы сравниться разве что такая же школа в Итоне. Говорят, что, если сражение под Ватерлоо было сначала выиграно англичанами на игорных полях Итонской школы, ученики которой потом стали прославленными военачальниками, то школа в Харроу поставляла

империи премьер-министров: Пит, Палмерстон, Болдуин, Уинстон Черчилль — ее воспитанники. По иронии истории в Харроу будет учиться и Джавахарлал Неру — будущий первый премьер-министр освободившейся Индии.

Школа в Харроу расположена на холмистой местности, производящей впечатление зеленого моря, на волнах которого величественно плывет церковь святой Марии — центр школьного городка. Здесь и поселился Джавахарлал.

Мотилал хотел завершить кое-какие дела в Париже, снова показать Сварупрани, которая ждала ребенка, врачам.

Прежде чем покинуть Англию, Мотилал со свойственной ему обстоятельностью обговорил и уладил все, что касалось жизни и учебы сына в Харроу. Устроить Джавахарлала в такое привилегированное учебное заведение стоило Мотилалу немалых денег, но это несколько не огорчало его: он был уверен, что затраты окупятся.

Нанеся прощальные визиты директору школы Джозефу Буду и наставнику сына священнику Эдгару Стогдону, Мотилал с женой и дочерью отбыли во Францию.

Но перед возвращением на родину Мотилал все-таки еще раз приехал в Англию, чтобы убедиться в том, что сын устроился хорошо и все у него в порядке.

В первом письме, отправленном уже из Франции, Мотилал писал сыну: «Покидая тебя, мы оставляем самое дорогое, что у нас есть в этом мире... Дело, конечно, отнюдь не в затратах, связанных с тобой, поскольку я их могу восполнить в течение одного года... Было бы чудовищным эгоизмом, даже страшным грехом, держать тебя возле нас, затем оставить тебе богатое наследство, но не дать хорошего образования... Я никогда не думал, что люблю тебя так сильно, до того, как вынужден был расстаться с тобой...»

«Мой дорогой отец, — отвечал Джавахарлал, — как я желал бы быть снова рядом с Вами. Хочу, чтобы дни шли быстрее и наступил тот счастливый день, когда я снова увижу Вас...»

Джавахарлал сообщал, что поселился он в просторной комнате с красивым старинным камином. Когда в промозглые осенние дни он разжигал камин, в комнате становилось тепло и уютно. На его письменном столе — настольная лампа, фотографии отца, матери и Нани. Несколько картин на стенах, деревянная кровать, шкаф для одежды, вот, пожалуй, и все. Джавахарлалу нравилось, что он один и что ему никто не мешает мысленно переноситься иногда в «Обитель радости».

Из Аллахабада Мотилал прислал письмо, полное грусти: «Ну вот, мы наконец и дома, — писал он, — но как бы там ни было, а «Обитель радости» уже больше не кажется заполненной радостью...»

Вскоре Джавахарлал получил из дома другое письмо, уже веселое, из которого он узнал, что у него родился брат. Джавахарлал тут же ответил: «Дорогой отец, получил ваше письмо с радостной вестью о прибавлении в нашем семействе. Я ждал этого сообщения через месяц, не раньше. Оно пришло так неожиданно. Любопытное совпадение, в этом есть даже что-то знаменательное: он родился в один день со мной...»

Но когда Джавахарлал писал это письмо, его маленького брата уже не стало. Он не прожил и месяца.

Мотилал, тяжело пережив потерю мальчика, стал еще больше дорожить единственным сыном, писал ему еженедельно, подробно информируя о всех происходящих в доме событиях...

Писала Джавахарлалу и мать, письма ее были на родном хинди. Даже маленькая Нани посылала брату свои весточки.

После занятий, уединясь в своей комнате, Джавахарлал вспоминал весь уклад жизни в «Обители радости», представляя себе лица дорогих ему людей, и обстоятельно отвечал на их письма, обдумывая каждое слово. За этим занятием он засиживался допоздна, незаметно приобретая вкус к емкому и образному изложению мыслей на бумаге. Литература, поэзия с детства привлекали его. Взрослея, он стал интересоваться историей, философией, особенно политикой, желая раскрыть для себя ее сущность, распознать за витиеватыми речами и туманными заявлениями государственных деятелей ее суть. Он просил отца регулярно высылать ему индийские газеты: в английской прессе об Индии печаталось меньше и прозаичнее, чем об ужине члена королевской семьи. Нани присылала брату в конверте подарки: лепестки роз или веточки растений из домашнего сада, мать — бетель, отец — газеты со своими комментариями к ним.

Мотилал очень скоро понял, что ему не удержать сына в стороне от политики и что его общий с ним интерес к судьбам своей страны мог бы как раз стать той основой, которая будет сближать их даже больше, нежели узы кровного родства. Это тот редкий случай, когда родитель готов был признать право сына на занятие изнурительное, да и в определенной степени опасное. Мотилал признавал за сыном право строить свою жизнь свободно, делать выбор самому и не собирался ему мешать, но втайне надеялся, что увлечение Джавахарлала политикой с годами пройдет. Время от времени он все же предостерегал Джавахарлала от общения с людьми «сомнительными» в политическом отношении. Он хотел видеть в сыне

критически мыслящего человека, однако в целом лояльного к властям.

...И до Неру в Харроу изредка удавалось поступать детям индийцев, но то были сыновья магараджей, влиятельных и богатых князей. Вместе с Джавахарлалом здесь находился сын магараджи Капуртхала. Ему, не приученному к порядку и подчинению, трудно было привыкнуть к школьной дисциплине, его раздражали требования воспитателей, и он угрожал, если те появятся когда-нибудь во владениях его отца, свести с ними счеты.

Джавахарлалу не нравилась заносчивость княжеского сына. Впрочем, у Неру вообще не было близкого друга в школе, может, оттого, что он воспитывался в одиночестве, а может быть, он не находил среди своих английских сверстников ребят, которым ему захотелось бы поведать свои мысли, раскрыться. Однако он не избегал общения с окружавшими его мальчишками, умел ладить с ними, не претендуя на роль заводилы. Ничем внешне не выделяясь среди них, он неизменно пользовался расположением своих одноклассников. Джавахарлала и внешне трудно было отличить от остальных учеников, выходцев из английских аристократических семей: он так же, как и они, носил серый фланелевый костюм с синим жакетом, у него была светлая кожа, он отлично владел английским языком, непринужденно и со скромным достоинством вел себя в компании ребят.

В школе Джавахарлал освоился быстро — вступил в шахматный клуб, играл в футбол, крокет, участвовал в кроссах, занимался гимнастикой, конным спортом. Однако спортивные рекорды мало интересовали Джавахарлала. Он по-прежнему много читал, любил после шумных спортивных игр уединиться, подумать, помечтать. Пожалуй, из всех развлечений он выделял военные игры и состязания, устраиваемые в школьном кадетском корпусе. Джавахарлал великолепно скакал на лошади, преследуя «врагов», метко поражал цель.

Школьный воспитатель Стогдон вспоминал о Неру тех лет: «Очень хороший мальчик, спокойный, обладает весьма утонченной натурой. Он никогда не выставляет себя напоказ, но в нем чувствуется большая сила характера. Сомнительно, чтобы он делился своими взглядами с другими мальчиками или учителями, у которых он был на хорошем счету... Он почти никогда не доставлял им огорчений».

Джавахарлал учился легко, чуть отставая от других в занятиях по латыни. Дело было не в отсутствии у него лингвистических способностей, а скорее в том, что он не видел в мертвом латинском языке практической пользы. По всем другим предметам он намного опережал своих сверстников. Да и жизненные интересы Джавахарлала были явно шире, чем

у его одноклассников. Он разочарованно писал отцу о том, «как скучны в большинстве своем английские мальчики, которые не способны говорить ни о чем другом, кроме как о своих развлечениях», хотя многим из них заранее уготовано высокое положение в английском обществе, а стало быть, они получают право распоряжаться и судьбой его родины.

Отца настораживала эта разочарованность сына, он, стараясь сгладить острые углы, отвечал Джавахарлалу: «Я вполне сознаю, как тебе нелегко проникнуться духом Харроу. Индийский мальчик вообще больше развит умственно, чем его ровесник в Англии. Однако опыт подсказывает мне: то, что мы выигрываем в начале жизни, мы теряем в конце ее... Период детства в Англии занимает гораздо большую часть жизни человека, нежели в Индии, так же как и время юношества и зрелости. Старость не приходит к ним, пока они не разменяют шестой десяток — возраст, до которого редко доживают в Индии. Поэтому и обнаруживается, что юноши в Англии занимают себя глупыми шалостями, которых устыдились бы индийские мальчики. Но это не дает оснований их презирать...»

В письмах отца о чем-то умалчивалось, не все объяснялось до конца. И Джавахарлал додумывал сам, желая видеть явления в их причинной связи. Он внимательно следил за сообщениями газет, старался разобраться в смысле политической борьбы партий. В это время к власти в Англии пришли либералы, которые, между прочим, обещали осуществить некоторые реформы в Индии.

Как-то Стогдон спросил своих воспитанников, что они знают о новом правительстве. Джавахарлал оказался единственным, кто смог рассказать об избирательной кампании либералов и поименно назвать всех членов кабинета Кэмпбелла — Баннермана.

Нередко Неру за успехи в учебе удостоивался наград. Как правило, это были книги. Так ему досталась и одна из книг Дж.М.Тревельяна о Гарибальди. Романтический образ итальянского народного героя глубоко взволновал подростка, что-то перевернулось в его сознании, оставив след на всю жизнь. Он перечитал о Гарибальди все, что можно было купить в книжных магазинах и найти в библиотеке. История борьбы за объединение Италии, за демократическую республику захватила его воображение своей масштабностью, исторической значимостью, величием и благородством цели. Ему виделись подобные же события в Индии.

Джавахарлал читал много и увлеченно, но уже не бессистемно, как раньше. Он подбирал книги об итальянском освободительном движении, о войне американских колонистов против английского господства, о французской революции, о борьбе ирландцев за свою независимость.

Однажды ему попал в руки журнал «Индиан социолоджист», издававшийся небольшим тиражом в Лондоне организацией индийских патриотов. Издатель журнала Ш.Кришнаворма был связан с английскими социалистами, в частности с Хайндеманом, хорошим и давним знакомым Энни Безант. Джавахарлал мечтал о личном знакомстве с социалистами.

По молодости он воспринимал политическую борьбу как яркий рыцарский подвиг, неумолимо влекущий за собой преследования со стороны властей, мысль об этом даже приятно возбуждала его. Но ему было страшно и подумать о возможной реакции отца, который, наверное, просто бы не перенес известия о том, что сын его вовлечен в опасную деятельность какой-нибудь антиправительственной группы. Поэтому Джавахарлал замкнулся в себе, подавив желание принять практическое участие в деятельности индийцев-патриотов, живших тогда в Лондоне.

Он вдруг страстно увлекся авиацией. Узнав о первых полетах братьев Райт и Сантоса-Дюмона, вдохновленный их успехом, он написал отцу о том, что совсем скоро сможет «прилететь к нему в Индию, чтобы провести дома конец недели...». Джавахарлал явно преувеличивал возможности воздухоплавания. За семь лет пребывания в Англии он дважды — в 1906 и 1908 годах — ездил домой на каникулы, совершая длительные путешествия по морю и суше. Воздушный океан неохотно допускал человека в свои, тогда еще почти неприступные просторы.

...Когда Джавахарлалу особенно хотелось с кем-нибудь поделиться мыслями, поговорить о доме, об Индии, он навещал своих двоюродных братьев Бриджелала²³ и Шридхара²⁴. Оба они в то время жили в Англии, первый учился в Оксфорде, второй — в Кембридже. Они всегда рады были встрече с Джавахарлалом, готовы оказать младшему брату помощь и советом и делом. Мотилал во многом полагался на них: все-таки близкие родственники. Вместе с братьями Джавахарлал совершал загородные прогулки, ходил по музеям, в театры, обсуждал с ними все, что наболело на душе.

Репрессивная политика колониальных властей, возглавляемых в то время генерал-губернатором Индии Керзоном, лишь усилила возмущение индийского народа. Проведенный Керзоном раздел Бенгалии на мусульманскую и индуистскую части как удар меча рассек живое тело бенгальской нации. В стране начались волнения, Бенгалия всколыхнулась. Либералы, только что пришедшие к власти в Англии, напуганные этими событиями, заговорили о подготовке реформы в колонии. Заменивший Керзона новый генерал-губернатор лорд Минто и министр по делам Индии Морли, устанавливая новый порядок выборов в «законодательные советы

Индии», преследовали одну вероломную цель — разжечь мусульманско-индусскую вражду, ослабить единство действий народа.

Но индийские патриоты разгадали их планы. В листовке под названием «Кто правит нами» говорилось: «Разве могут быть нашими правителями эти воры, которые разрушили наши ремесла, отняли работу у наших ткачей и кузнецов, которые ввозят бесчисленное множество товаров, произведенных у них в стране, продают их через наших людей на наших базарах и тем самым воруют наше богатство, отнимают жизнь у нашего народа? Разве могут быть нашими правителями те, кто грабит урожай наших полей и обрекает нас на голод, лихорадку и чуму?.. Разве могут быть нашими правителями чужеземцы, которые облагают нас все новыми и новыми налогами... Братья, чем дальше вы будете терпеть, тем сильнее эти коварные люди будут угнетать вас. Мы должны встать на собственные ноги и посмотреть: нет ли средств для избавления? Братья, мы — это все на земле. На наши деньги они жиреют, не трудясь. Нашу кровь они пьют. Почему мы должны терпеть?!

...Братья индусы, поклянитесь именами Кали, Дурги, Махадевы и Шри Кришны²⁵, братья мусульмане, поклянитесь именем Аллаха, объявите в каждой деревне, что индусы и мусульмане будут вместе служить родине... Вставайте, братья! Покажем себя достойными сыновьями Матери (родины. — Авт.), отважно сражаясь и жертвуя собою для нее».

Когда Джавахарлал прочитал эту листовку, дошедшую и до Англии, он почувствовал, как кровь бросилась ему в голову. Но как он мог откликнуться на призыв к действию, находясь далеко от родины, в этом привилегированном пансионе?

Из Индии приходили вести о новых крупных волнениях — в Бенгалии, Пенджабе, Махараштре. В газетах все чаще мелькало имя Тилака, помещались сообщения о широкой кампании свадеши²⁶.

Беседуя с братьями (в Харроу об этих событиях поговорить было не с кем), Джавахарлал становился на сторону решительных действий «крайних», радовался размаху освободительной борьбы в Индии.

Он писал отцу, что его поразило сообщение газеты «Таймс» о распространении движения свадеши на Кашмир, о том, как кашмирцы путем сбора добровольных пожертвований скупили весь английский сахар и сожгли его. Джавахарлала беспокоило только одно: его оценки событий в Индии не совпадали с отцовскими. Это же обстоятельство тревожило и Мотилала. Их переписка сполна отражала сыновнее послушание и отцовскую заботу, что, однако, не мешало им высказывать зачастую

противоположные мнения по одному и тому же вопросу.

Рассказывая Джавахарлалу о последней сессии Национального конгресса, состоявшейся в декабре 1906 года, отец в своем письме осуждал действия «взрывоопасных» вожаков, требовавших от английского правительства передать бразды правления Индией в их руки. А сын отвечал, что лично он проникся к ним огромным уважением. Как бы то ни было, а Мотилал Неру все больше втягивался в работу Национального конгресса. Со временем не последним доводом в пользу его сотрудничества с Конгрессом становилось желание лучше выглядеть в глазах сына, всегда быть вместе с ним идейно, жить одной духовной жизнью во имя общей цели.

В 1907 году умеренные предложили Мотилалу возглавить сессию Конгресса. Ему не хотелось председательствовать на сессии, но Джавахарлал, гордясь отцом, по-мальчишески запальчиво в своих письмах выражал уверенность, что тот справится с этой задачей наилучшим образом.

Мотилал делится своими мыслями с сыном, как со взрослым: «Кого я особенно опасюсь, так это нашего студенчества, — пишет он Джавахарлалу. — В последнее время у студентов появилась заметная склонность к хулиганству... и ни один трезво мыслящий деятель никогда не может быть застрахован от того, что его речь не будет сорвана аудиторией, состоящей из людей этой категории.

Тилак приехал сюда накануне специально для того, чтобы выступить перед студентами. Он развернул разнузданную революционную пропаганду и добился такого успеха, что студенты из колледжа «Муир» (особенно из общежития студентов-индусов) перешли к открытым нападениям на лидеров умеренных... Мне пока удалось избежать этих оскорблений, однако в последующем я вряд ли смогу чувствовать себя в безопасности, поскольку мои взгляды еще более умеренны, чем у так называемых умеренных».

Юноше импонирует доверительный тон писем отца: «Я не думаю, что студенты Аллахабада будут недовольны Вами. Сожалею об их буйствах. Хулиганство, конечно, самое последнее дело, хотя в этом и есть что-то от Запада. Оно показывает определенное стремление к независимости».

...К концу второго года обучения в Харроу Джавахарлал почувствовал, что школьные стены стесняют его, ему захотелось большей самостоятельности. Неру решает продолжить образование уже в университетских стенах, хотя директор школы Вуд и Стогдон полагали, что их воспитанник останется в Харроу еще на год. 25 июля 1907 года Джавахарлал написал отцу:

«Мой дорогой отец, учеба моя в Харроу быстро приближается к концу... Не могу сказать, что я сожалею об этом... Это письмо последнее, которое я Вам пишу из Харроу, во всяком случае в качестве ученика школы...»

Покидая школу, Неру вдруг обнаружил, насколько привык к Харроу. Когда наступил час прощания, он был растроган, и глаза его наполнились слезами. Расставание было печальным, как, впрочем, того и требовали традиции Харроу.

Перед началом занятий в университете Джавахарлал и Бриджелал совершили давно задуманную поездку в Ирландию, где провели несколько недель. Джавахарлалу хотелось лично увидеть, что происходило в этой стране. Он не доверял английским газетам и горячо сочувствовал ирландцам в их борьбе против английских порабощателей. Отец уговаривал его отказаться от путешествия или, по крайней мере, не ездить в Белфаст, где еще совсем недавно рабочие-«смутьяны» вызвали крупные беспорядки и солдаты открыли по ним огонь. А Джавахарлал уже из Дублина ответил ему, что он как раз и предпринял поездку в Ирландию, чтобы самому увидеть мятеж против английских властей.

Юноша с восторгом отзывался о решительных действиях ирландских синфейнеров²⁷, призывавших к свержению господства англичан. «Слышали ли Вы о синфейнерах в Ирландии? — спрашивал он отца в письме. — Это интереснейшее движение и напоминает так называемое экстремистское движение в Индии. Их политика заключается не в том, чтобы выпрашивать милость, а брать все силой».

После поездки в Ирландию разница во взглядах отца и сына относительно путей достижения Индией независимости стала еще более заметной.

«...Кембридж, колледж св. Троицы, начало октября 1907 года, — вспоминал Джавахарлал Неру. — Мне семнадцать лет, вернее, уже почти восемнадцать. Помню, я был в восторге от того, что я студент, пользующийся гораздо большей, чем в школе, свободой, и могу делать все, что хочу. Я освободился от оков отрочества и наконец-то почувствовал, что могу назвать себя взрослым. С самоуверенным видом я бродил по обширным университетским дворам и узким улицам Кембриджа и был очень рад, если мне встречался кто-нибудь из знакомых».

Джавахарлалу досталась самая плохая во всем общежитии колледжа св. Троицы комната — темная, с подслеповатым окном, выходившим во внутренний двор. Поступил он на отделение естественных наук и начал специализироваться по трем предметам: химии, геологии и ботанике.

Студенческая жизнь нравилась ему. Свободного времени, правда, стало поменьше, но Джавахарлал по-прежнему мог позволить себе занятия спортом и обычные для его возраста развлечения.

С друзьями-студентами он вел разговоры о политике, истории, философии, конечно же, о Ницше, очень модном в те годы; обсуждал литературные новинки и, как естественно в молодости, рассуждал о проблемах пола и морали, к которым, несмотря на некоторую застенчивость, относился без ханжества. Ему вовсе не были чужды земные удовольствия, понятие о грехе он считал выдумкой святош и сам хотел жить полной и разносторонней жизнью, не предаваясь, однако, вульгарному удовлетворению своих желаний. «Я любил жизнь и не понимал, почему я должен считать ее чем-то греховным, — говорил Неру. — В то же время меня влекли к себе риск и опасности. Подобно своему отцу, я всегда был немного азартен, но если раньше я играл на деньги, то теперь ставкой в этой игре служили большие проблемы жизни».

Единственное, что продолжало тревожить его душевное спокойствие, — это сообщения из Индии, где бушевали политические страсти, а иногда проливалась кровь.

Кроме того, его больно задевали проявления расовой дискриминации, с чем он уже не раз сталкивался в Англии. Помня о своих успехах в военных занятиях в Харроу, он попытался было поступить в действовавший при университете корпус по подготовке офицеров. Неру хотел записаться в кавалерию, но ему ответили, что студентов-индийцев в корпус не принимают.

А когда министр по делам Индии лорд Морли посетил Кембридж, с тем чтобы решить вопрос о сокращении количества индийских студентов и установить систему проверки их лояльности, то Джавахарлал был настолько возмущен, что совсем уж собрался покинуть Англию и переехать для продолжения учебы в какую-нибудь другую европейскую страну.

Индийские студенты создали в Кембридже свое общество, которое называли «Меджлисом»²⁸. Мотилал советовал сыну держаться подальше от подобных обществ. Джавахарлал, однако, успокаивая отца, писал: «На днях был на встрече членов «Меджлиса» просто лишь для того, чтобы удостовериться, такие ли уж они плохие, какими их рисуют. Рад сообщить, что мне не удалось обнаружить в них ничего предосудительного. Раньше я много слышал о клубе «Нейтив»²⁹, созданном здесь индийцами. Полагаю, что Вы тоже должны были о нем слышать, судя по Вашим намекам на это. Клуб «Нейтив» действительно здесь есть, но «Нейтив» означает в данном

случае клуб любителей местных устриц».

О «Меджлисе» позднее Неру тоже отзывался с иронией: «Мы часто обсуждали там политические проблемы, но наши споры были какими-то ненастоящими. Усилия тратились не столько на решение обсуждаемой проблемы, сколько на копирование стиля и манеры ораторов, выступавших в парламенте и университетском союзе».

В индийском «Меджлисе» время от времени происходили и более важные события, когда его почетными гостями были приезжавшие в Англию из Индии широко известные лидеры Конгресса Бенин Чандра Лал, Л.Л.Рай, Г.К.Гокхале. В такие дни индийские студенты в ожидании встречи с видными соотечественниками ходили возбужденные, собирались группами и горячо обсуждали достоинства и заслуги того или иного гостя, с нетерпением ждали его выступления. Джавахарлал не был исключением. Он разве что отличался от своих сверстников внешним спокойствием и невозмутимостью. Поражали, однако, его осведомленность и глубина суждений, высказываемых им без апломба, всегда взвешенно. Джавахарлал причислял себя к убежденным националистам, хотя было бы правильнее называть его индийским патриотом. Он нетерпимо относился к претензиям кого-либо на национальную или религиозную исключительность. В студенческие годы Джавахарлал сумел почувствовать и понять антигуманную суть расизма не только представителей «белой» расы, в том числе и сионистов, но и опасные проявления расистских взглядов среди некоторых лидеров угнетенных наций в Азии.

«В прошлую субботу в «Меджлисе» выступал Бенин Чандра Лал, — писал Джавахарлал отцу, — и мне очень не понравилось то, что он не учитывал присутствия в зале мусульман. Один-два раза он упомянул их, но затем не проявил к ним достаточного уважения. Мне также досаждали его неоднократные заявления о духовной миссии Индии. «Индия, — говорил он, — «богом избранная страна», а «индийцы — «избранная раса», — подобные заявления напоминают мне сионистов».

В колледже было еще одно общество, которое местные шутники называли обществом «Болтунов». Здесь студенты встречались с известными политическими деятелями, выслушивали их мнения по той или иной проблеме и высказывались сами. Джавахарлал был принят в него по рекомендации внука знаменитого естествоиспытателя Чарлза Дарвина. В обществе действовало правило: если его член не выступал в течение семестра, то он должен был уплатить штраф. Джавахарлал неизменно платил штрафы: ему было неловко выступать по вопросу, который его или не занимал или о котором он имел слабое представление. Вряд ли Неру

было интересно видеть, как один перед другим рисовались ораторы, упивались своим пустым красноречием, дилетантски рассуждая на любую тему. Его привлекало другое: на собраниях «Болтунов» иногда можно было послушать настоящих политических деятелей, например, выпускника колледжа св. Троицы, члена британского парламента Эдвина Монтегю, который позднее станет министром по делам Индии.

Бывали случаи, когда в студенческих обществах, особенно в «Меджлисе», высказывались и весьма радикальные точки зрения, хотя, как показала жизнь, эти выступления зачастую выражали не сложившиеся убеждения ораторов, а всего-навсего были минутным порывом, быстро гаснувшей вспышкой юношеского максимализма. «Очень немногие из этих салонных смутьянов в дальнейшем принимали сколько-нибудь активное участие в индийских политических движениях», — писал Неру. Окончив Кембридж, они становились чиновниками индийской гражданской службы, судьями, людьми весьма лояльными к английским властям, к короне.

Вместе с тем в отличие от Харроу в Кембридже Джавахарлал приобрел среди индийских студентов первых друзей, добрые чувства к которым он сохранит на всю жизнь. Среди них были Сайфуддин Китчлу³⁰, Саид Махмуд, Тассадук Ахмед Шервани и другие. Они привлекали его добротой характера, серьезностью взглядов, патриотизмом. Они помогли Джавахарлалу испытать радость искренних отношений, взаимного доверия, познать настоящую преданную дружбу, которой так недоставало ему все эти годы.

Раньше отсутствие близких друзей у Джавахарлала восполнялось частично общением с двоюродными братьями, частично перепиской с отцом, содержание которой далеко выходило за рамки семейных интересов. Отец гордился независимыми суждениями сына, хотя они часто и не совпадали с его собственными взглядами. Он ценил в сыне склонность к самостоятельному мышлению, стремление давать объективную оценку явлениям. Джавахарлал ценил терпимость отца и пользовался ею, считая нечестным скрывать от него свои взгляды.

Джавахарлал не согласился с оценкой отцом итогов сессии Национального конгресса в Сурате в декабре 1907 года, когда произошел раскол между крайними, руководимыми Тилаком, и умеренными, к которым причислял себя Мотилал. В отличие от отца Джавахарлал оправдывал действия крайних, опиравшихся на поддержку народа.

Получив письмо сына, Мотилал расстроился, даже приболел. Джавахарлал не на шутку встревожился, когда узнал о болезни отца, отправил ему пространное, теплое письмо, в котором писал, что не хотел

огорчать его, но в то же время не считал возможным скрывать от него своего мнения. Мотилал ответил: «...Ты еще никогда по-настоящему не огорчал меня. Я, конечно, не одобряю твоих политических взглядов и в ряде случаев уже весьма откровенно высказывался по этому поводу... Моя любовь к тебе безгранична, и до тех пор, пока во мне не произойдет нечто невероятное, я не вижу, что могло бы ее поколебать».

...Время шло незаметно. Надо было уже принимать решение о выборе профессии.

Летом 1909 года во время каникул Джавахарлал встретился с отцом в Берлине. Они поселились в отеле «Адлон», где долгими вечерами обсуждали будущее Джавахарлала и наконец остановили выбор на профессии адвоката. Это соответствовало индийским традициям: сын идет по стопам отца.

Вернувшись в Кембридж, Джавахарлал сдал экзамены и получил диплом второй степени. Мотилал прислал ему телеграмму, поздравляя с окончанием университета.

Как было условлено с отцом, Джавахарлал поступил в ассоциацию адвокатов Иннер Темпл в Лондоне.

Юриспруденция давалась ему легко. Занимался он, правда, без особого энтузиазма и «сдавал один за другим экзамены на звание адвоката без блеска, но и без провалов».

На какое-то время в жизни Джавахарлала наступила полоса некой праздности, подражания «светской молодежи». Попав в компанию бывших одноклассников-англичан, он невольно поддался их пустым развлечениям, увлекся салонными встречами, бездумными играми.

Вскоре, однако, он сам почувствовал, насколько лишена такая жизнь смысла, как неприятно возросло его самодовольство. Отец, встревоженный расходами сына, упрекал его в письмах за неоправданную расточительность. Впрочем, страшного ничего не произошло. Джавахарлал в силу своей любознательности лишь приоткрыл завесу в мир беззаботных удовольствий и увидел, что они не для него.

Летом 1912 года Неру получил право на самостоятельную адвокатскую практику.

За семь лет, проведенных в чужой для него Англии, он узнал эту страну и даже привык к ней, теперь ему предстояло вернуться на родину и заново открыть для себя Индию.

Глава III

*Дорогу должно выбрать нам сейчас:
У ложа твоего огонь погас,
В кромешном мраке затерялся дом,
Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ.
Неужто ты не слышишь громкий зов
Твоей страны, плывущей в никуда?*

Рабиндранат Тагор

Осенью 1912 года, после семи лет, проведенных в Англии, Джавахарлал возвращался на родину. Ему казалось, что пароход движется слишком медленно: так сильно было желание скорее ступить на родную землю. Неру с нетерпением вглядывался в полупрозрачную дымку, в которой вот-вот должны были проступить очертания бомбейского порта.

Время изменило Джавахарлала. Впечатлительный пятнадцатилетний юноша, горевший желанием совершить великие подвиги во имя спасения своей страны, одержимый националистическими идеями борьбы против засилья европейцев в Азии, уступил место зрелому двадцатидвухлетнему мужу с более трезвыми взглядами на окружающий мир, ну и чуть-чуть «самонадеянному педанту», по ироническому признанию самого Неру, которое он сделает спустя двадцать лет.

Ростки педантизма взошли на британской почве, а самонадеянность в двадцать два года естественна: накоплены знания, и как будто совсем немалые, приобретен известный жизненный опыт.

Другим стал Джавахарлал и внешне; черты его приобрели ту завершенность, которая после этого обычно сохраняется у человека до конца его дней. Волосы заметно поредели, хотя и раньше были не слишком густыми; от этого лоб стал шире, выпуклее. На переносице и от ноздрей к уголкам энергично очерченного рта уже обозначились первые морщинки...

«Как домашние? — размышлял про себя Джавахарлал. — Сестра Сваруп?.. Когда мы расставались, она была совсем малышкой. А маленькая Кришна, какая она? Родители, конечно, рассказывали ей о брате. Обрадуется или испугается она при встрече со мной?»

Как сложатся отношения с отцом? Два года назад Мотилал опубликовал статью, в которой со свойственным ему радикализмом обрушился на бенгальских экстремистов, проявлявших, по его мнению, чрезмерную самостоятельность. Джавахарлал с сочувствием следил за экстремистским движением в Бенгалии, и менторский тон статьи не понравился ему. Недолго думая, он написал отцу письмо, в котором не без сарказма замечал, что уж кому-кому, а британскому правительству придется по душе политическая деятельность старшего Неру.

Можно представить, какие чувства испытывал вспыльчивый Мотилал, ознакомившись с таким выводом наследника. Позднее Джавахарлал узнал, что отец в гневе даже грозился отозвать сына домой, кстати сказать, к тайной радости матери. Она, хоть и опасалась возможного разлада в семье, в глубине души тяготилась долгим отсутствием первенца и с нетерпением ожидала его возвращения. Однако Мотилал, как это бывало и прежде, быстро остыл, расценив послание сына как необдуманную мальчишескую выходку, и отказался от первоначального намерения. Сын должен закончить учебу, рассудил он, и вернуться в Индию образованным человеком, стать его достойным преемником на юридическом поприще.

Родные ждали Джавахарлала в предгорном местечке Муссури, где Мотилал снимал дом на лето. В это время года здесь не бывает такой душливой жары, какая стоит в Аллахабаде. Ветер с Гималаев приносит сюда прохладные струи воздуха.

Мотилал с несколькими слугами на лошадях отправился на станцию встречать Джавахарлала. В доме все готово к его приезду. Мать надела свое любимое сари, сестры щеголяют в нарядных шелковых платьях, присланных из Лондона. На слугах белоснежные рубашки, а кое-кто ради торжественного случая надел белую куртку и тюрбан.

Заслышав цокот копыт, все выбежали на улицу. К дому подъезжали несколько всадников: на крупной гнедой лошади уверенно восседал Мотилал, а чуть поодаль — статный, худощавый, в запыленном костюме европейского покроя, смущенно улыбавшийся Джавахарлал.

Сын нежно обнял мать. Она показалась ему хрупкой, беззащитной, изведшейся от домашних волнений, от тоски по нему, Джавахарлалу. Стараясь скрыть нахлынувшие жалость и любовь к матери, он обратился к Кришне. Пятилетняя малышка зачарованно смотрела на брата, не решаясь приблизиться к нему. Джавахарлал взял ее на руки:

— Так вот ты какая, моя младшая сестренка! Ты выглядишь совсем как маленькая леди!

Сваруп с улыбкой наблюдала за ними, дожидаясь своей очереди. Она

горячо любила брата, но сейчас к этому чувству прибавлялась и чисто детская гордость: посмотрите, этот мужественный, сильный, умный человек мой брат! Джавахарлал ласково поздоровался с ней. Сваруп стала красавицей; нежный овал лица, очерченные дугой брови, высокий ясный лоб, большие карие, искрящиеся весельем глаза — все выдавало в ней натуру энергичную, гордую.

Джавахарлал беззаботно предается всем тем маленьким радостям, которые ожидают человека дома после долгого отсутствия: он плавает в бассейне, играет в теннис, много ездит верхом, устраивает шумные веселые игры с сестрами в саду, восстанавливает старые знакомства, заводит новые, наносит визиты многочисленной родне.

По вечерам в одной из больших комнат собирается вся семья. Джавахарлал увлеченно рассказывает о проведенных за границей годах, стараясь оживить в памяти наиболее занятные или курьезные случаи из своей студенческой жизни. Родные припоминают все мало-мальски важные события, которые произошли дома за время отсутствия Джавахарлала.

Мотилал повествует неторопливо, обдумывает каждую фразу. Мать больше молчит, внимательно слушает, глаза ее успокоились и посветлели: наконец все собрались у родного очага.

Но вот мать и сестры уходят на покой в женскую половину дома, оставляя мужчин одних. Лицо Мотилала серьезнеет. Сыну предстоит адвокатская карьера. Отец раздражается монологом о качествах, необходимых, по его мнению, для этой профессии.

Мало быть хорошим оратором, способным красноречием и темпераментом вызывать восторженный шепоток публики и более снисходительное отношение к обвиняемому у судей и присяжных; мало быть знатоком всех тонкостей правоведения, умеющим мгновенно отыскивать в памяти нужную статью из пухлого свода законов; мало настойчивости, аккуратности, терпеливости, сдержанности и десятка других качеств. Настоящий адвокат должен быть вдумчивым психологом, свободно ориентирующимся в сложных, иногда запутанных до чрезвычайности лабиринтах сознания людей. Не разделять дела, которые ведешь, на крупные и мелкие, интересные и скучные, за каждым из них человек — идет ли речь о его судьбе или дело касается незначительного имущественного иска. Жить жизнью своих подзащитных, страдать за них, вместе с ними! Зато какое удовлетворение испытываешь потом, когда удастся добиться мягкого или оправдательного приговора, когда видишь слезы благодарности в глазах подзащитного, слышишь слова признательности от его близких...

Сын слушает, не перебивая. Он и не думает перечить: выбор сделан еще два года назад; юриспруденция так юриспруденция, тем более что она «до известной степени» его интересует.

С ноября 1912 года Джавахарлал работает в адвокатской конторе своего отца. Поначалу он целиком отдается работе, с головой уходя в вороха многочисленных дел. Некоторая застенчивость еще мешает ему выступать так же ярко, как его отец, однако уже в первых речах молодого адвоката чувствуются выверенная логикой убежденность, образность, умение находить те еле заметные промахи обвинения, которые помогают «вытаскивать», казалось бы, совсем безнадежные дела. Мотилал внимательно и ревниво следит за сыном, всячески опекает его.

— Мой первый гонорар составлял всего пять рупий. Если бы я не был тем, кем я есть, я был бы не прочь занять твое место, — шутит довольный Мотилал, держа в руке чек на пятьсот рупий, присланный Джавахарлалу в качестве гонорара одним из клиентов.

Вскоре у Джавахарлала появляется еще один наставник — известный калькуттский юрист Раш Бехари Гхош. Тот самый Гхош, который, будучи одним из лидеров умеренных, председательствовал на сессии Конгресса в 1907 году в Сурате. Именно тогда между умеренными и крайними, возглавлявшимися Тилаком, произошел открытый раскол, надолго ослабивший антиколониальное движение в Индии.

Знакомство с Гхошем состоялось тогда, когда старик почти полностью отошел от политической деятельности, но неприязнь к крайним сохранил. Если при нем кто-нибудь начинал расхваливать Тилака, Гхош резко обрывал говорившего.

Человек капризный, способный впасть в гнев из-за мелочи, Гхош вызывал панический страх у служащих своей конторы. Джавахарлалу тем не менее старик понравился. Несмотря на вспыльчивость, брюзгливость, Гхош был личностью по-своему обаятельной. Джавахарлала привлекали его острый, колющий ум, независимость в суждениях блестящая эрудиция. Они сошлись, и старик преподавал Неру немало полезных уроков, как добиться успеха в адвокатской практике. Гхош настаивал на том, чтобы Джавахарлал написал книгу по какой-нибудь юридической проблеме. Он убеждал Неру, что такая работа явилась бы не только оптимальным средством самовыражения, но и лучшим способом самовоспитания для молодого человека, стоявшего на пороге своей карьеры. Джавахарлал охотно прислушивался к советам старого юриста, особенно в той их части, которая относилась к его практической деятельности. А как же с книгой?.. Соглашаясь с Гхошем на словах, Джавахарлал вместе с тем не испытывал

никакого желания углубляться в и без того запутанные дебри англо-индийского правоведения.

Первоначальная увлеченность работой незаметно перешла в привычку выполнять положенное, привычка неуклонно перерастала в недовольство и работой и собой. Неру признавался, что жизнь для него вдруг «начала утрачивать свою новизну». Он явственно ощутил, как его «затягивает серая рутинная бессмысленного и бесполезного существования». Время от времени Неру навещает библиотеку адвокатуры или в клуб, где собираются его сослуживцы. Но там он встречает «всегда одних и тех же людей, снова и снова обсуждающих все те же старые проблемы, связанные с юридической профессией... Трудно придумать что-нибудь более скучное, чем сидеть в обществе высокопоставленных чиновников — все равно, английских или индийских... и слушать их бесконечные рассуждения о повышениях и перемещениях по службе, о порядке предоставления отпусков или мелкие сплетни о служебных дрязгах». Неприязненное отношение к «казенному, чиновничьему духу» становится у Джавахарлала все более устойчивым. Нежелание долее находиться среди своих коллег, замкнувшихся в благополучном затхлом мирке, изолированном от реальной, полнокровной жизни, вызывает стремление переменить нравственный климат, «ощущать жизнь через действие».

В декабре 1912 года он впервые присутствует на сессии Индийского национального конгресса в Банкипуре. По настроениям делегатов можно получить представление о политической обстановке в стране.

Крайние, или экстремисты, лишившиеся своего лидера Тилака (он все еще в тюрьме), отсутствуют в Банкипуре. Делегаты сессии — умеренные. В большинстве своем представители имущих классов, они верховодят в ИНК. В зале заседаний звучит английская речь, мелькают фигуры в тщательно отутюженных европейских костюмах. Бросаются в глаза подчеркнутая изысканность манер, щегольство собравшихся.

Один оратор сменяет другого. Многие выражают удовлетворение очередной подачкой колониальных властей — реформами Минто — Морли о законодательных советах в Индии. Выступающие призывают к тому, чтобы деятельность Конгресса носила сугубо конституционный характер. Слышатся порицания в адрес сторонников Тилака: «Слишком радикальны!» О широком привлечении народных масс к деятельности Конгресса — ни слова. Дух умеренности царит в Банкипуре, никаких споров, дискуссий, «никакого, — констатирует Джавахарлал, — политического волнения или напряжения». Вялая вспышка интереса при обсуждении вопроса о бесправном положении более чем ста тысяч

соотечественников в Южной Африке, и снова — затишье, равнодушие, безучастность...

Джавахарлал разочарован: «Светское общество! Досужее развлечение кабинетных дельцов!»

Мотилал не одобряет оценок сына. Не слишком ли Джавахарлал скоропалителен в суждениях, не рано ли делает выводы? Первые впечатления далеко не всегда самые верные...

Из всего увиденного и услышанного Джавахарлалом в Банкипуре самое запомнившееся — встреча с Гокхале. Одетый в традиционный для маратхов³¹ костюм — дхоти³², ачкан³³, шелковый малиновый тюрбан на голове, — Гокхале заметно выделялся из толпы делегатов сессии, показавшейся Джавахарлалу безликой. Его одутловатое лицо бледно, широко посаженные глаза за стеклами очков горят тем нездоровым, жарким огнем, который через несколько лет сведет его в могилу. Сам умеренный с головы до пят, убежденный противник какого бы то ни было насилия, Гокхале, однако, близко к сердцу принимал все происходящее на сессии, болезненно переживал, видя усиливавшуюся анемичность, косность Конгресса.

Когда-то у Джавахарлала вызывало серьезный интерес основанное Гокхале в 1905 году общество «Слуги Индии». Хотя Неру не собирался вступать в эту организацию (политическая деятельность «слуг» казалась ему слишком нерешительной, да и с адвокатской практикой он пока не собирался порывать), глубокая личная порядочность «слуг», их убежденность, бескорыстие произвели на него довольно сильное впечатление.

— Здесь, — рассуждал Джавахарлал, — по крайней мере ведется какая-то честная, целеустремленная и постоянная работа, пусть даже направление ее и не совсем верно.

Политические взгляды самого Джавахарлала пока еще достаточно расплывчаты. Вступив в Конгресс в 1912 году, он не принимает активного участия в его деятельности. Считая себя в те годы «чистейшим националистом», Джавахарлал явно симпатизирует крайним, хотя и не одобряет политики насилия, которую проповедуют многие из них.

Нельзя мириться с существующим положением, необходимо занять более наступательную, более боевую позицию по отношению к чужеземным властителям, внушал он себе. А какую позицию? Кто будет рядом? На кого опереться? Вопросов много, ответов на них Джавахарлал пока не находит.

Интерес к философии приводит его к трудам Бертрانا Рассела,

который на долгие годы станет его любимым автором. Читает и перечитывает «Сущность религии», «Кульť свободного человека». Воинствующий атеизм «аристократического бунтовщика», свободомыслие и скептические умозаключения английского ученого доставляют интеллектуальное наслаждение, будоражат рационалистический ум Неру.

Он пристально следит за развитием обстановки в мире, а она, как никогда, накалена.

После нападения Италии на Турцию и последовавшей за этим оккупации итальянскими войсками Триполи, Киренаики и островов Додеканес разразились Балканские войны 1912 — 1913 годов. Все симпатии индийцев, особенно исповедующих мусульманскую веру, на стороне Турции. Для оказания помощи туркам из Индии даже направлена медицинская миссия.

Под зеленым знаменем панисламизма в стране оживает мусульманское движение. Им руководит Мусульманская лига, созданная под покровительством англичан. Колонизаторы, верные своему принципу «разделяй и властвуй», всеми способами стремятся противопоставить национальные интересы индусов и мусульман, столкнуть их, расколоть индийский народ на два враждебных лагеря, ослабить силы, представляющие сколько-нибудь значительную угрозу для британского владычества в Индии.

В Сараеве звучат выстрелы восемнадцатилетнего серба Гаврилы Принципа. Они отзываются грохотом артиллерийских канонад, разрывами бомб, мин, снарядов на всем Европейском континенте. В августе 1914 года Европа становится ареной жесточайшего столкновения крупнейших империалистических держав, жаждущих перекроить карту мира в своих интересах.

Сражения первой мировой войны разворачивались вдали от Индии. Эта война была непонятна и чужда индийскому народу. Симпатизируя Турции, индийцы не испытывали никакой вражды и к ее союзнице Германии. Однако, являясь частью Британской империи, «ферзем на шахматной доске Англии», как выразился бывший вице-король лорд Керзон, Индия оказалась вовлеченной в одну из самых грандиозных и кровопролитных войн, которые только знало человечество.

Идея войны была противна сознанию Джавахарлала, он не отдавал предпочтения ни Англии, ни Германии, хотя среди части его знакомых преобладали прогерманские настроения, что объяснялось не столько симпатиями к правительству кайзера, сколько желанием видеть своих поработителей-англичан посрамленными. Из стран, участвовавших в

войне, наибольшее сочувствие вызывала у Джавахарлала Франция. Он считал, что Франция несет на себе главную тяжесть борьбы с Германией и что «именно французы ценой чудовищной гибели молодых жизней дали отпор германской военной машине». Кроме того, Неру всегда испытывал живейший интерес к истории и культуре французского народа.

Лелея надежду, что за проявленную верность интересам короны не замедлит последовать вознаграждение, ряд деятелей Национального конгресса призывает к поддержке Англии в войне.

Тем временем власти разглагольствуют о демократии, свободе, даже о правах наций на самоопределение. Их туманные, чисто в манере британских политиков заявления о том, что-де после войны Англия будет рассматривать свое отношение к Индии «с новой точки зрения», окончательно убеждают мечтательно настроенных конгрессистов: вот она, награда! Индии будет даровано самоуправление в рамках Британской империи! Посулы англичан действуют даже на такого искушенного борца, как Тилак. Его только что освободили из тюрьмы после шестилетнего заключения.

— Всеми силами поддерживайте правительство его величества в час тяжелых испытаний, — призывает он индийцев.

Джавахарлал подает заявление о зачислении его в индийские войска обороны, создаваемые по образцу европейских. Он участвует в работе аллахабадского комитета по вербовке рекрутов; такие комитеты открывались в каждом городе, в каждой деревне. Не последним доводом в пользу участия Джавахарлала в вербовочной кампании была его убежденность в том, что молодежь Индии должна получить военную подготовку и научиться хорошо владеть оружием.

Почти полтора миллиона индийцев сражались в Месопотамии, Сирии, Палестине, в вязких песках Аравийского полуострова, обороняли Египет, воевали в Африке, Иране, Афганистане.

Англичане использовали Индию не только в качестве поставщика «пушечного мяса». Из нее хищнически выкачивали сырье, продовольствие, деньги. В Англию и страны Антанты шли пароходы, груженные тысячами тонн марганцевой руды, слюды, селитры, закупленных в Индии по смехотворно низким ценам. Индийских крестьян, полуголодных, полунищих, принуждали за бесценок продавать продукты их каторжного труда — пшеницу и чай, копру и джут.

Колонизаторы не ограничивались вывозом только природных богатств Индии. Ограбление страны принимает все более крупные размеры: англичане демонтируют и вывозят сотни километров железнодорожной

колеи, тысячи метров мостовых конструкций, на фронт переправляются десятки паровозов, тысячи вагонов. Флотилии на реках Тигр и Евфрат комплектуются из судов, перегнанных с индийских рек.

Все промышленные предприятия Индии работают на нужды войны. Первый в стране металлургический завод, который основал предприимчивый Джамшеджи Тата (впоследствии он станет одним из крупнейших индийских промышленников), почти всецело обеспечивает потребность в рельсах для поспешно создаваемой англичанами сети железных дорог на фронтах Ближнего Востока. Индийские текстильщики отправляют британским войскам и войскам их союзников десятки тысяч комплектов армейского обмундирования, палатки, одеяла.

Непомерной тяжестью давят на плечи простого индийца увеличенные почти вдвое налоги. К каким только ухищрениям не прибегали колонизаторы, чтобы умножить свои доходы! Миллионы фунтов стерлингов поступают из Индии в метрополию в качестве «даров на ведение войны» или в виде «военных займов».

У одного британского лорда были все основания заявить при оценке значения помощи Индии странам Антанты и в первую очередь Великобритании: «Без Индии война очень сильно затянулась бы, если, конечно, ее вообще можно было бы выиграть без ее помощи».

К такому же выводу постепенно приходит и большинство индийских националистов. Война вызвала рост национального самосознания. Всю страну облетают пылкие слова Энни Безант: «Если такой маленький народ, как буры, борющийся с Британией, заслуживает свободы, то индийцы, борющиеся за Британию на основе своей древней традиции, тем более достойны свободы».

Политическая жизнь в Индии постепенно возрождается, после шестилетнего застоя вновь начинает набирать силу антиколониальное движение. Тилак и Гокхале ведут переговоры о возможном участии крайних в деятельности Конгресса. Проявляет интерес к сотрудничеству с Конгрессом и Мусульманская лига, новое руководство которой во главе с Мухаммедом Али Джинной, недовольное враждебной политикой Англии в отношении Турции, поддерживает требование о предоставлении Индии самоуправления и на этой основе готово выступить вместе с конгрессистами.

Полицейский террор, свирепость цензуры, принятие в 1915 году драконовского закона об обороне Индии, учреждавшего специальные трибуналы, приговоры которых не подлежали обжалованию, лишь больше возбуждали недовольство индийцев.

В апреле 1916 года Тилак в Махараштре, а в сентябре Безант в Мадрасе основывают «лиги гомрула»³⁴. Задача у них одна — достижение конституционными методами самоуправления для Индии в рамках Британской империи. Но если Безант не определяла сроки предоставления Индии самоуправления, то Тилак был настроен более решительно: англичане должны выполнить свои обещания и немедленно удовлетворить требования индийцев.

Джавахарлал вступает в обе лиги, но сотрудничает преимущественно с Энни Безант, и это понятно: их связывают давние узы и симпатии, хотя позиция Тилака ему, возможно, больше по душе.

Англичане поначалу не придали сколько-нибудь серьезного значения новым организациям, возникшим в Индии. Лидеры гомрула не шли дальше известных требований о предоставлении Индии самоуправления. Успокаивающе действуют на колонизаторов и неоднократные заявления Безант о том, что ее лига будет всемерно содействовать сближению Индии с Англией.

Очень скоро движение гомрула начинает расширяться; в отличие от Конгресса лиги, особенно руководимая Тилаком, открыты для крестьян, ремесленников, рабочих. Громче звучат голоса участников движения гомрула, разочаровавшихся в «конституционных методах», настаивающих на более решительных действиях. Словами дело не ограничивается: кое-где уже происходят столкновения индийцев с колониальными войсками. В ход пускается оружие...

Такое развитие событий явно не устраивает власти, рассчитывавшие контролировать деятельность обеих лиг, ограничив их действия строго определенными рамками. Снова следуют репрессии. Не решившись тронуть популярного в народе Тилака, англичане 16 июня 1917 года арестовывают других лидеров гомрула, в том числе и Энни Безант. Студентам под страхом тюремного заключения запрещено участвовать в собраниях и митингах, организуемых лигами гомрула.

У движения появляются новые союзники, арест Безант побудил группу конгрессистов, сплотившихся вокруг Мотилала Неру, вступить в ее лигу. 22 июня Мотилал становится председателем отделения лиги в Аллахабаде; Джавахарлал помогает ему, выполняя обязанности секретаря. Сын улавливает мельчайшие оттенки настроений Мотилала, он чувствует, что в душе отца происходит мучительная борьба, которую тот скрывает под выработавшейся с годами маской хладнокровия. Мотилал терял былую уверенность в своих политических воззрениях и болезненно переживал это. Он постепенно отходил от умеренных, убедившись в их неспособности

вести Индию к победной цели — свараджу³⁵, но не допускал и мысли о сближении с крайними.

— Наша чрезмерная покорность и попытки взывать к властям, которые игнорируют и презирают нас, возмутительны. Тактика умеренных никуда не годится, — с горечью говорил он в те дни Джавахарлалу.

К беспокоившим Мотилала сомнениям о неопределенности его позиций примешивалась и тревога за сына. Мотилалу казалось, что Джавахарлал слишком симпатизирует крайним. Рассуждения о порочности «политики многословия» и о необходимости действовать могут завести его сына очень далеко...

...В 1916 году в семье Неру произошло знаменательное событие: Джавахарлал женился. «Свадьба состоялась в день Васанта Панчами, который считается в Индии провозвестником весны». Согласно древней традиции этот день (8 февраля), посвященный богине мудрости и красноречия Сарасвати, является наиболее благоприятным для свершения брачных обрядов и приносит счастье молодоженам.

Избранница Джавахарлала Камала родилась 1 августа 1899 года в Дели в семье Джавахармула Кауля, принадлежавшего к касте кашмирских брахманов. Первое упоминание о ней содержалось в письме, которое Мотилал послал сыну в Лондон в апреле 1912 года. Он писал, что один из его родственников видел в Дели девушку редкой красоты и настоятельно советовал ему познакомиться с ней и ее родными, убеждая его в том, что лучшей невесты для Джавахарлала и желать не надо. Спустя некоторое время Мотилалу удалось съездить в Дели и посмотреть на юную красавицу. Описывая сыну внешность тринадцатилетней Камалы Кауль, он уверял, что не знает девушки, которая по красоте могла бы соперничать с ней.

Поначалу Джавахарлал был настроен скептически: «Девушка из Дели слишком молода для меня. Я старше ее на десять лет, разница слишком значительная. Я вряд ли могу жениться на ней до тех пор, пока ей не исполнятся 18 — 19 лет, то есть не раньше чем через шесть-семь лет. Мне ничего не стоит повременить с женитьбой, тем более что сейчас у меня нет таких намерений». Однако присланная отцом фотография Камалы произвела на него сильное впечатление. «Кто способен не испытать чувство глубокого восхищения при виде прекрасного существа, — пишет он отцу. — Я думаю, Вы вполне правы, когда утверждаете, что внешность человека отражает его внутренний мир, хотя иногда это бывает и не так».

Когда Джавахарлал впервые увидел Камалу, ей уже исполнилось шестнадцать лет. «Она была очень красива, — вспоминает младшая сестра Джавахарлала Кришна, — стройная, довольно высокая для индийской

девушки, с характерной для индийских брахманов светлой кожей. Темная шатенка с огромными карими глазами... Она была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо знала...» Одевалась Камала скромно, без вычурности, носила простые хлопчатобумажные сари, которые ей очень шли. Она очень редко надевала драгоценности и никогда не пользовалась косметикой. Камала не получила образования, так как ее родные строго придерживались обычаев, по которым девочкам запрещалось посещать школу. Несмотря на это, она свободно читала книги на хинди и урду, немного знала английский язык.

До свадьбы оставалось несколько месяцев, когда Камала переехала в «Ананд Бхаван». Многое показалось ей непривычным в этом доме, где так причудливо переплетались европейские порядки и национальные традиции. Обладавшая живым, восприимчивым умом, мягким нравом, девушка сравнительно быстро освоилась в доме жениха и стала полноправным членом семьи Неру.

К свадебной церемонии готовились несколько месяцев, готовились обстоятельно, с большим размахом. Мотилал не останавливался ни перед какими затратами. По «Ананд Бхавану» сновали многочисленные купцы, портные, ювелиры; чиновники из адвокатской конторы Мотилала детально разрабатывали предстоящее празднество.

За неделю до свадьбы семейство Неру и триста гостей — родственников, друзей и знакомых — на украшенном белыми и красными цветами поезде выехали в Дели. У ворот дома невесты всех встретил ее отец, поднесший Джавахарлалу в знак своего благорасположения кубок с душистой мадхупаркой, обрядовым напитком из меда и творога.

Дом отца Камалы не смог вместить всех приглашенных, тогда Каули договорились с соседями, тоже выходцами из Кашмира, что те предоставят им свой трехэтажный особняк для размещения гостей, однако и его оказалось недостаточно. Выход из создавшегося положения все же нашли: вокруг домов разбили палаточный городок, который торжественно окрестили «свадебным лагерем Неру».

Церемония бракосочетания началась в праздничном шатре, подпорки которого увиты ярко-зелеными банановыми листьями и белыми цветами. У его основания горят светильники, чуть поодаль разведен костер. Отблески пламени падают на взволнованные лица новобрачных. Джавахарлал в парчовом шервани³⁶ и малиновом тюрбане, Камала в красном, украшенном живыми цветами сари. Порознь входят они в шатер и, разделенные занавесью, не видя друг друга, напряженно вслушиваются в слова священных стихов, которые тихим голосом неторопливо, чуть монотонно

читает приглашенный на свадьбу брахман. Голос замолкает, молодые выходят к гостям.

Джавахарлал довольно равнодушно относился к матримониальным обрядам: впоследствии он даже призовет индийцев отказаться от роскошных церемониалов, длившихся неделями, слишком обременительных, если не разорительных для простой семьи. Однако сейчас он волнуется, произнося пересохшими губами слова традиционного для правоверного индуса обещания никогда не нарушать своего долга по отношению к жене. Камала, взяв с бронзового блюда горсть риса, бросает ее в костер, воздавая благодарность священному огню. Джавахарлал прикасается к ее горячей руке, и они медленно обходят вокруг костра, пламя которого как бы очищает их...

Торжества в Дели продлятся девять дней, а затем свадебный лагерь согласно традиции переместится в дом жениха, в Аллахабад. В гостеприимных стенах «Обители радости» празднество будет продолжаться еще несколько недель.

В первый вечер в Аллахабаде Джавахарлал и Камала выйдут на улицу и, прижавшись друг к другу, будут молча всматриваться в темное небо, пытаясь отыскать Полярную звезду — символ верности, стойкости и постоянства. Так велит уходящая в глубину веков традиция.

Через несколько лет Джавахарлал, запертый в каменном мешке тюремной камеры, унылыми долгими вечерами, когда чернота неба наглухо закроет оконные решетки, будет искать в маленьком темном квадрате эту звезду, найдет ее и, представив ее отражение в бездонных глазах Камалы, ощутит умиротворение и покой...

Нежная, хрупкая, семнадцатилетняя Камала... «Она и в дальнейшем не вполне утратила этот девический облик, но по мере того как она становилась женщиной, глаза ее обретали глубину и огонь, напоминая тихие омуты, на дне которых бушевали бури... В основе своей она была индийской девушкой, или, точнее, кашмирской девушкой, чувствительной и гордой, ребячливой и взрослой, легкомысленной и мудрой. Она была сдержанна с теми, кого не знала или кто ей не нравился, но вся искрилась весельем и откровенностью в обществе знакомых и приятных ей людей. В суждениях о людях она была стремительна, в своих выводах не всегда справедлива, но она твердо держалась своих инстинктивных симпатий и антипатий. Она не умела лукавить. Если тот или иной человек ей не нравился, это было ясно для всех, и она не пыталась это скрыть. Впрочем, если бы она и попыталась это сделать, это едва ли удалось бы ей. За свою жизнь мне довелось встретить очень немногих, кто произвел бы на меня

столь же сильное впечатление своей искренностью» — так писал Джавахарлал о своей любимой. Он был счастлив в своей любви к Камале, видя, как его глубокое, сильное чувство находит отклик в ее душе. Ему потребуется немного времени, чтобы понять: он обрел не только жену, но и преданного, верного друга, который поддержит его, придаст силы, к которому он в самые тяжкие минуты будет стремиться как к «спасительному прибежищу».

Летние месяцы 1916 года Джавахарлал с семьей проводит на родине своих пращуров, в Кашмире. Неру останавливаются на несколько дней в Сринагаре, затем перебираются поближе к горам, в Пахалгам. Отсюда Джавахарлал вместе с двоюродным братом намеревается впервые в жизни совершить восхождение на одну из гималайских вершин.

В сопровождении местного пастуха и нескольких носильщиков новоиспеченные альпинисты двинулись в горы.

Облака почти совсем рассеялись, и горные пики, позолоченные щедрым полуденным солнцем, беспрепятственно возносятся ввысь, к бирюзовому небу. Кое-где покрытые снегом, темно-коричневые у основания хребты, поблескивая синевой ледников, причудливо извиваясь, уползают к горизонту. В пепельно-голубой дали виднеются семнадцать могучих вершин Гималаев. Быть может, за ними и находится сказочная, недостижимая страна Шамбала, созданная оптимистической фантазией индийского народа, страна, где нет ни бедных, ни богатых, где нет угнетения и несправедливости, где царят благоденствие и любовь, мудрость и истина. Некоторые очертания гор напоминают героев великих индийских сказаний: в изогнутой скале угадывается скорчившийся, словно от ужасной боли, четырехрукий Шива, принявший яд ради спасения других богов, а над ним вырисовывается лунообразное, доброе лицо Лакшми — победительницы, счастье несущей, спускающейся с небес на землю, чтобы защитить мир от приносящей гибель сестры своей, Сивы Тандавы...

Очарованные суровой величественной красотой Гималаев, Джавахарлал и его спутники не чувствуют усталости. Сообщение пастуха о том, что в двенадцати километрах находится живописная пещера Амаранатх, вызывает у всех прилив энтузиазма. Решено идти туда.

Подъем длился более десяти часов. От пещеры путешественников отделяло ледяное поле протяженностью не более километра. Внезапно повалил снег, крупные хлопья которого припорошили многочисленные расселины. Неосторожный шаг — и Джавахарлал в клубах снежной пыли исчез в одной из них. Страховочная веревка, натянувшаяся до предела, к счастью, выдержала нагрузку. Отпрянувшие было назад спутники

вытащили Джавахарлала из трещины, пугавшей своей бездонной чернотой.

Несмотря на испытанное потрясение, путешественники все же решили двигаться дальше. Только убедившись в невозможности преодолеть несколько широких расселин без специального снаряжения, Джавахарлал с друзьями повернул назад.

Покидая Кашмир, он дает себе слово при первой же возможности вернуться сюда. Едва не закончившийся для него трагически эпизод он если и вспомнит, то с улыбкой, иронизируя над собой. Ощущения полной раскованности, пьянящей легкости, испытанные там, в горах, временами будут возникать в сознании, расслабляя утомленный мозг, и вызывать острое желание вновь покорить горную вершину, чтобы с ее высоты увидеть «не только жизни, силу и красоту настоящего, но и сохраненное... историей очарование прошедших веков».

Вскоре после возвращения из Кашмира состоялось первое публичное политическое выступление Джавахарлала. Это произошло 20 июня 1916 года в Аллахабаде на митинге, созванном в знак протеста против ограничений, которым власти в очередной раз подвергли задыхавшуюся в тисках колониальной цензуры индийскую прессу. «Я говорил недолго и по-английски, — вспоминал Неру с обычной для него иронией. — Как только митинг закончился, д-р Тедж Бахадур Сапру³⁷, к моему величайшему конфузу, обнял меня и на глазах у присутствующих тут же на трибуне расцеловал. Дело было не в том, что я сказал или как я это сказал. Его бурная радость была вызвана самим фактом моего публичного выступления, означавшим, что еще один рекрут вовлечен в общественную деятельность...»

В декабре 1916 года в Лакхнау проходила 31-я сессия Национального конгресса. Джавахарлал переживает душевный подъем, видя, как ликвидируется раскол между крайними и умеренными. После почти десятилетнего перерыва на сессии присутствует Локаманья Тилак, которого приветствуют многие делегаты. Конгресс и Мусульманская лига совместно выступают с требованием самоуправления для Индии, которая, по их мнению, должна стать «равноправным партнером в Британской империи наряду с самоуправляющимися доминионами».

В Лакхнау Джавахарлал знакомится с Мохандасом Карамчандом Ганди, вернувшимся в Индию после двадцатилетнего пребывания в Южной Африке.

Неру и Ганди... Одного благодарный индийский народ назовет «Бхарат Бхушан» — «Жемчужина Индии», другого — «Махатма», «Бапу» — «Великая душа», «Отец нации»...

Уроженец Гуджарата, выходец из торговой касты бания, Ганди получил юридическое образование в Англии. В 1893 году он в качестве юриста купеческой фирмы княжества Порбандар уехал в Южную Африку. Более ста тысяч индийцев — законтрактованных рабочих угольных шахт и плантационных кули, ремесленников и мелких торговцев — поселилось здесь в надежде на лучшую жизнь. Ганди находит их положение ужасным: они подвергаются не только жестокой эксплуатации, не меньшей, если не большей, чем у себя на родине, но и унижительнейшему расовому гнету. Они зажаты, стиснуты, задавлены десятками правил, постановлений, законов, которыми белые хозяева страны тычут им в лицо:

— Ты цветной, недочеловек, полуживотное! Удел твой — рабский, каторжный труд!

Ганди не мог оставаться безучастным наблюдателем. Он сближается с земляками и делает все, что в его силах, для облегчения их участи. Он вскоре отходит от юридической практики и, поселившись на ферме в поселке Феникс, недалеко от Йоганнесбурга, разрабатывает теорию ненасильственного сопротивления, мирного несотрудничества, которой суждено стать своеобразным политическим оружием индийского народа в его борьбе за независимость.

Теория Ганди не возникла на пустом месте, не явилась чем-то новым в истории мировой общественной мысли. Джавахарлал напишет впоследствии, что эта теория «почти столь же стара, как и сама человеческая мысль», но заслуга Ганди состояла в том, что он «первый применил ее в массовом масштабе — в политическом и социальном движении».

Истоки гандизма — в древних религиях: буддизме, индуизме, джайнизме, в христианстве (гандистское ненасилие и христианское «не убий»), в наследии выдающихся мыслителей Индии Рамакришны и Вивекананды, Тилака и Ауробиндо Гхоша, в трудах англичанина Джона Рескина и американских философов Ральфа Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо, с их неприятием буржуазной цивилизации и призывами вернуться к крестьянской общине и ручным ремеслам.

Огромное влияние оказал на Ганди величайший русский писатель и гуманист Лев Николаевич Толстой. «Книга Толстого «Царство божие внутри нас» буквально захватила меня, — писал Ганди. — Она оставила неизгладимый след в моей душе... «Краткое евангелие», «Так что же нам делать?» произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже понимал безграничные возможности всеобъемлющей любви». Он называл Толстого «своим наставником», которому «обязан многим в жизни». Именем

Толстого Ганди назвал ферму, где он жил с родственниками и друзьями.

Методы ненасильственного сопротивления по предложению одного из обитателей фермы Толстого называли «сатьяграха» — «упорство в истине».

Не подчиняйся несправедливости, учил Ганди. Высказав свои требования, отстаивай их вопреки воле противника. Но не причиняй ему вреда. Противник покарает тебя, но твои страдания смягчат его сердце. Он осознает свою неправоту и уступит тебе.

Не правда ли, как близки гандистская сатьяграха и толстовское «непротивление злу насилием»? Столь же схожи индуистская «брахмачария» («приближение к божеству»), подразумевающая воздержание от потворства своим слабостям (сам Ганди принял обет брахмачарии в 1906 году и соблюдал его до конца своих дней), и идеалистическая толстовская проповедь нравственного самосовершенствования, которое должно привести к утверждению царства всеобщего благоденствия на земле...

Кульминацией сатьяграхи, которую осуществил Ганди в Южной Африке, стал поход бастующих горняков-индийцев из Наталя в Трансвааль в нарушение установленных правительством правил передвижения «цветных» по южноафриканской территории. Тысячи людей откликнулись на призыв Бхаи³⁸ не подчиняться дискриминационным мерам, но в то же время не допускать какого-либо насилия в ответ на провокации и репрессии со стороны властей. Размах выступлений индийской общины вынудил правительство пойти на некоторые уступки и отменить наиболее одиозные законы, ущемляющие права индийцев в Южной Африке.

Возвратившись на родину, Ганди поселился в небольшой деревушке Кочраб близ Ахмадабада, столицы Гуджарата. Здесь 25 мая 1915 года в скромном бунгало, снятом с помощью ахмадабадского приятеля-адвоката, Ганди основывает «Сатьяграха ашрам» («Обитель сатьяграхи»). В ашраме живут двадцать пять человек, мужчин и женщин, добровольно отрешившихся от всего, что окружало их в мире. Пятеро из них приехали вслед за Ганди из Южной Африки, остальные прибыли из разных районов Индии.

«Обитель сатьяграхи» для Ганди — это Индия в миниатюре. «Я хотел ознакомить индийцев с методами, испытанными мною в Южной Африке, — вспоминал он. — Я жаждал выявить, насколько возможно применить эти методы в Индии».

Тщательно обдумывая и выверяя применительно к индийским условиям методику сатьяграхи, Ганди не торопится выносить ее за пределы ашрама. Он пока воздерживается от участия в деятельности Конгресса, со

стороны внимательно следит за перипетиями отношений политических сил Индии, не отдавая предпочтения ни одной из них.

Проведший двадцать лет вне родины, Ганди остро чувствует необходимость узнать, как живут, о чем думают его соотечественники. Внешне ничем не отличаясь от простого крестьянина, одетый в домотканый плащ и дхоти, босой, с посохом в руках, он ходит по городам и деревням Индии. Знание нескольких языков (кроме родного гуджарати, он владеет хинди, маратхи, тамильским и телугу) помогает ему общаться с жителями разных районов.

Этот маленького роста, щуплый, кажущийся изможденным человек с тихим, глуховатым голосом и с прищуренными от близорукости добрыми глазами, умеет расположить к себе людей, вызвать их доверие. Обычно сдержанные, привыкшие высказываться с оглядкой крестьяне охотно поверяют ему свои сокровенные мысли и желания.

Постепенно из отдельных штрихов, черточек Ганди собирает многоликий образ великого труженика — индийского крестьянина. Именно ему он с удивительной прозорливостью уготовил ведущую роль в тех политических драмах, которые через несколько лет будут сотрясать всю Индию.

Сессия Конгресса в Лакхнау — первая, на которой присутствует Ганди после возвращения на родину. Джавахарлал и его друзья, молодые конгрессисты, восхищавшиеся деятельностью Ганди в Южной Африке, разочарованы: вчерашний кумир кажется им аполитичным, слишком отрешенным от всего происходящего вокруг. Однако через несколько месяцев им придется отказаться от поспешных суждений.

В начале 1917 года Ганди проводит сатьяграхи в Чампаране, на северо-западе Бихара, где крестьяне-арендаторы («райяты») страдали от притеснений со стороны англичан — владельцев плантаций индиго, а затем в одном из районов Гуджарата Кхеде, земледельцы которого, опасаясь голода из-за неурожая, отказались платить налоги властям.

Первые кампании неповиновения в Индии закончились успешно: помещики и власти были вынуждены пойти на уступки крестьянам. Джавахарлал воспринимает известия о победах Ганди в Чампаране и Кхеде, может быть, излишне восторженно: он сразу проникается убеждением, что предложенные Ганди методы применимы в масштабах всей Индии и что они «сулят успех»...

...19 ноября 1917 года Камала родила девочку. Ее назвали Индирой Приядаршини. Индирой — в честь матери Мотилала, женщины волевой,

умевшей сохранять невозмутимость в любых ситуациях. Именем Прийядаршини, что означает «дорогая взору», дочку нарекли счастливые родители.

Когда доктор-шотландец бесстрастно сообщил семейству Неру о рождении девочки, Сварупрани вдруг погрузилась: ей хотелось внука, мальчика. Мотилал с укоризной посмотрел на жену.

— Эта девочка будет стоять тысячи внуков, — твердо заключил он.

Первый раз взяв дочь на руки, неумело, но бережно, словно хрупкую драгоценность, Джавахарлал, подобно всем отцам в мире, попытался сказать малышке что-то ласковое. В ответ на него настороженно глянули два темных, словно влажные маслины, глаза. Через минуту лицо девочки сморщилось в жалобной гримаске, щелочки глаз заполнились слезами, и весь дом огласился звонким криком маленькой Индиры.

Напряжение последних дней, беспокойство за будущего ребенка, за Камалу, не отличавшуюся крепким здоровьем, спадало, уступая место горячей и нежной признательности к жене, подарившей ему новое радостное чувство — чувство отцовства...

...К декабрю 1917 года в Индию начинают просачиваться вести об Октябрьской революции в России. Не слишком расторопная цензура пропускает их на страницы индийской печати. В журнале «Читрамайя джагат»³⁹ опубликована статья известного журналиста, близкого к Тилаку, К.П.Кхадилкара: «В октябре власть в Петрограде перешла в руки социалистов во главе с Лениным... Керенский и его правительство свергнуты. На призыв к восстанию откликнулись сторонники Ленина среди матросов флота в Финском заливе. Керенский бежал. Ленин взял власть в Петрограде, в Москве и прилегающих к ним районах. Он пользуется также поддержкой солдат... Ленин издал декрет, провозглашающий право наций на самоопределение, и прибалтийским государствам и польскому народу была предоставлена свобода воспользоваться этим правом».

Подобные обзоры, сжатые, конкретные и, как правило, объективно освещавшие события в революционной России, Кхадилкар публикует и в течение следующего года.

Один из самых читаемых в Индии журналов, «Модерн ревью», также регулярно помещает статьи индийских и иностранных авторов о русской революции. Редактор журнала, видный бенгальский ученый и гуманист Рамананд Чаттерджи нередко печатает выдержки из репортажей и очерков о Советской России, написанных Джоном Ридом.

О событиях в далекой северной стране индийцы узнавали и от возвращавшихся с фронтов первой мировой войны демобилизованных

солдат.

Как встретили в Индии вести из России, народ которой взял власть в свои руки, покончив с монархической тиранией и гнетом капиталистов и помещиков?

Одни — погрязшие в роскоши раджи, крупные заминдары, компрадорская буржуазия — с нескрываемой враждебностью. Они страшатся проникновения в Индию «большевистских идей»; их охватывает панический ужас при одной только мысли о том, что индийский народ может последовать примеру русских рабочих и крестьян, свергнувших своих угнетателей. Эти опасения полностью разделяются англичанами. Генерал-губернатор Индии лорд Челмсфорд издает серию указов, запрещающих «русскую пропаганду» в стране. Его борьба с «надвигающейся с севера большевистской угрозой» принимает порой анекдотические формы: он вводит запрет на обращение в Индии русского рубля, валюты, до того времени фактически неизвестной индийцам.

Другие — здесь и деятели Конгресса, Мусульманской лиги, те участники движения гомрула, которые или принадлежат к умеренным, или сочувствуют им, немногочисленные индийские промышленники, наиболее зажиточная часть национальной интеллигенции — испытывают двойственное чувство. Они с понятным энтузиазмом приветствуют провозглашенное ленинским Декретом о мире право наций на самоопределение (признания этого права они добиваются от метрополии), но весьма настороженно относятся к тем революционным социальным и экономическим преобразованиям, которые так последовательно и энергично осуществляет правительство молодой Советской Республики.

Многие же, подобно великому индийцу Рабиндранату Тагору, увидели в Советской России «утреннюю звезду, возвещающую зарю новой эры». Среди них — Джавахарлал Неру.

«Я не сомневался, — напишет Неру в одной из своих книг, — что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

И противники и защитники русской революции сходятся в одном: октябрьские события в России неизбежно скажутся на развитии политической жизни в Индии.

На калькуттской сессии Конгресса в декабре 1917 года Э.Безант говорила о русской революции как об одном из факторов, «коренным образом меняющих существовавшее ранее положение в Индии». Революция в России «дала толчок развитию политических устремлений в

Индии», — скрепя сердце признали творцы британской колониальной политики — министр по делам Индии лорд Монтегю и генерал-губернатор лорд Челмсфорд.

...Близится к концу мировая война, унесшая в небытие почти десять миллионов человеческих судеб. Сквозь дым пожарищ и обломки разрушений уже явственно проступают очертания новых «сфер влияния», ради передела которых сильные мира сего устроили кровавую бойню, втянув в нее десятки народов, до той поры не испытывавших вражды друг к другу.

Морем на утлых суденышках, грозивших вот-вот зачерпнуть воду и пойти ко дну, пешком, через бесконечно долгие, слепящие снежным блеском перевалы Гималаев возвращались домой индийские солдаты. Но это уже не те робкие и забитые крестьяне и ремесленники, которые боязливо втягивают головы в плечи при виде надменного англичанина или чванливого заминдара. Они забыли, как пахнет свежевскопанная родная земля, их руки отвыкли от плуга и мотыги, от влажной глины на гончарном кругу. Но они принесли с собой запахи гари, пороха, крови, они знают, как стрелять из винтовки, колоть штыком, рубить саблей. Чудом уцелевшие в смертельных схватках, они познали цену самим себе, обрели достоинство и уверовали в свои силы.

В родных деревнях и селениях они видят разрушенные, разоренные, пришедшие в упадок хозяйства, иссушенные до бесплодия некогда благодатные земли. Стиснув от гнева зубы, они выслушивают сбивчивые, прерываемые рыданиями рассказы о гибели от голода и болезней кого-то из близких: ребенка, жены, старика отца. Теперь эти люди не будут взывать к всевышнему, молить его снизить к ним милостью. Не кара божья за неведомые грехи, а жадность и жестокость колонизаторов и помещиков причины их бед...

«Окончание мировой войны застигло Индию в состоянии сдержанного возбуждения. Индустриализация распространилась по стране, возросло богатство и влияние класса капиталистов. Эта малочисленная верхушка общества преуспела за годы войны и жаждала увеличить свою власть и получить возможности для вложения своих накоплений, дабы умножить свои богатства. Но огромное большинство народа не было столь удачливо и с нетерпением ожидало облегчения давившего на него бремени. Средние классы ждали великих конституционных перемен, которые могли бы привести к установлению широкого самоуправления и тем самым облегчить участь этих классов и открыть перед ними множество новых возможностей для роста. Политическая агитация, имевшая мирный и

вполне конституционный характер, казалось, приносила свои плоды, и люди уверенно толковали о самоопределении и самоуправлении... Господствующим настроением во всей Индии было настроение ожидания и надежды, но к этому примешивалось чувство тревоги и страха» — так оценивал Джавахарлал обстановку в стране к концу 1918 года.

События первых месяцев следующего 1919 года подтвердили самые худшие опасения Джавахарлала: англичане и не думали выполнять свои обещания, «все бесконечные разговоры об изменении конституции и индианизации государственного аппарата оказались пустой болтовней, издевательством».

Вместо самоуправления индийцы получили так называемые законопроекты Роулетта⁴⁰, которые предоставляют властям практически неограниченные права в борьбе с силами национально-освободительного движения Индии.

Джавахарлала душат унижение и гнев: «Мне казалось чудовищным, чтобы такая великая страна, как Индия, с ее богатым и древним прошлым, была прикована к отдаленному острову, который навязывал ей свою волю. Еще более чудовищным было то, что этот насильственный союз привел к безграничной нищете и деградации. Для меня и других это было достаточным поводом к действию».

Рано или поздно перед каждым человеком неизбежно встает и настоятельно требует своего разрешения вопрос: как жить дальше? Многовековой опыт поколений подсказывает два крайних пути. Изолируй себя от быстро изменяющегося мира, лишь время от времени реагируй, приспособляйся к его изменениям, иначе рискуешь не выжить; замкнись в скорлупе приобретенного благополучия и существуй безмятежно и праздно для себя, в свое удовольствие... Или же добровольно отрекись от всех действительных и уготованных благ во имя неизмеримо тяжелой борьбы за идеалы народа, ощути его боль как свою собственную... Пассивный созерцатель жизни или активный ее творец? Неру выбирает второе. Он принимает твердое решение оставить адвокатскую практику и всецело посвятить себя политической деятельности.

Глава IV

*...О земля моя, нищей зову я тебя,
Но когда ты, грустя, улыбаешься мне,
Тихий взгляд твой ловлю, бесконечно любя,
И страданье, и нежность растут в глубине.*

Рабиндранат Тагор

Границу Пенджаба поезд пересек ночью.

Навязчивый стук колес, резкие паровозные гудки, неравномерная качка бегущих по узкоколейке вагонов не располагали ко сну. Джавахарлал неподвижно лежал на спине в темном купе и, смирившись с тем, что заснуть ему в ближайшие часы вряд ли удастся, восстанавливал в памяти события последних месяцев...

...Новый министр по делам Индии лорд Э.С.Монтегю, объявив, что британское правительство намеревается расширить участие индийцев в управлении страной и в конечном счете имеет в виду «образование ответственного правительства в Индии, как неотъемлемой части Британской империи», выезжает в Индию и около полугода знакомится с положением в стране. Результатом этой поездки явился опубликованный 12 июля 1918 года проект реформ, получивших название «реформы Монтегю — Челмсфорда»⁴¹.

Официальная печать мгновенно развернула шумную пропагандистскую кампанию вокруг реформ, преподнося их как великодушное деяние британского правительства, которое от щедрот своих чуть ли не даровало самоуправление индийскому народу. Кое-кто даже поспешил провозгласить «бескровную революцию», якобы совершенную самими англичанами в Индии.

В действительности же ни о каком самоуправлении не могло быть и речи. Реформы предлагали создать при генерал-губернаторе двухпалатный законодательный орган, в который входили бы индийцы, частично назначаемые, частично избираемые. Однако любые предложенные ими законопроекты или принятые решения не имели никакой силы без согласия генерал-губернатора. Некоторые льготы, полученные индийцами в провинциальной администрации, также сводились на нет различными

уловками, с помощью которых вся законодательная и исполнительная власть принадлежала губернаторам провинций. Как и прежде, правом избирать могла пользоваться лишь малочисленная группа индийской буржуазии и помещичьей верхушки. Реформы предлагали узаконить отдельные избирательные курии под предлогом защиты прав национальных меньшинств, а на деле — для разжигания религиозной вражды между ними.

Умеренные, собравшиеся в Калькутте, поспешили заявить, что реформы станут «первым определенным и реальным шагом в создании ответственного правительства» в Индии. Крайние осудили позицию умеренных. В конце августа — начале сентября 1918 года в Бомбее проходит чрезвычайная сессия Конгресса, на которой реформы оцениваются как «совершенно неприемлемые для Индии». Умеренные выходят из Конгресса и образуют Индийскую либеральную партию.

Вновь расколота самая крупная политическая сила страны — партия Индийский национальный конгресс. Реформы, разработанные хитроумными лондонскими политиками, оказались дарами данайцев...

Джавахарлал на стороне тех, кто считал реформы недостойными ни для того, чтобы быть предложенными Англией, ни для того, чтобы быть принятыми Индией. Он хорошо видел истинную подоплеку очередных уступок колонизаторов, которые были обеспокоены все более решительными и массовыми выступлениями индийцев за свободу своей страны. Джавахарлала возмущало трусливое поведение лидеров умеренных, неспособных выйти за рамки «конституционных методов» и страшившихся вспышек народного гнева, готовых удовлетвориться любыми подачками со стороны англичан.

В феврале 1919 года Мотилал Неру начал выпускать в Аллахабаде на свои средства газету «The Independent» («Независимый»), противопоставив ее издававшемуся здесь же «Лидеру», органу умеренных. Джавахарлал был одним из директоров газеты. Антиколониальная направленность «Независимого», броские, публицистические статьи обоих Неру обеспечили газете большой успех. «Независимый» прекратит свое существование в начале 1923 года по ряду причин: и из-за финансовых трудностей, и из-за отсутствия у большинства его сотрудников должных навыков в газетном деле, но, главным образом, из-за того, что Мотилал и Джавахарлал к тому времени просто не смогут заниматься газетой. Частые поездки по стране, аресты, тюрьмы — все это делало невозможным дальнейшее издание «Независимого».

18 марта 1919 года на основе законопроектов Роулетта был принят

закон, наделивший колониальные власти неограниченными полномочиями. Руководство Конгресса согласилось с предложением Ганди провести в знак протеста всеобщий хартал⁴² — закрыть на день лавки, магазины, учебные заведения, прекратить работу на фабриках, заводах, в учреждениях. Сам Ганди призвал всех индийцев, и индусов и мусульман, оставить 30 марта свои занятия и посвятить этот день молитвам и постам. Участники созданной Ганди несколькими неделями раньше в Бомбее «Сатьяграха сабха»⁴³ поклялись не повиноваться закону, если он будет применен к ним, и всем другим подобным законам и распоряжениям колониальных властей...

Джавахарлалу вспомнилось, какой восторг охватил его, когда он услышал о призывах Ганди: «Наконец-то появился выход из тупика, найден метод прямого, открытого и, возможно, эффективного действия». Решение пришло сразу: он должен быть вместе с Ганди, в рядах «Сатьяграха сабха». К огорчению Джавахарлала, отец не разделял его намерений.

— Какую пользу принесет заключение в тюрьму множества отдельных лиц, какое давление может это оказать на правительство? — раздраженно спрашивал он Джавахарлала.

Сын отмалчивался, понимая бесполезность споров с отцом. Мотилал слишком любил своих детей, особенно его, поэтому даже мысль о том, что сын может попасть в тюрьму, испытать невзгоды и лишения, казалась ему непереносимой. Мотилал втайне от домашних несколько ночей спал на голом полу, пытаясь таким образом узнать, каково придется его сыну в тюремной камере.

Убедившись в тщетности своих усилий повлиять на Джавахарлала, он пригласил Ганди в «Обитель радости». Их беседа длилась несколько часов, но, о чем они говорили, Джавахарлал мог только догадываться. Он в который раз мерил шагами дорожки сада, нетерпеливо поглядывая на дом. Наконец в дверях показались Мотилал с гостем. Отец остался на веранде, а Ганди, мягко ступая босыми ногами, направился к Джавахарлалу. Он подошел почти вплотную и, коснувшись маленькой сухой рукой плеча Джавахарлала, тихо сказал:

— Постарайся не причинять боли отцу, — испытующе посмотрел на растерянное лицо Джавахарлала и с улыбкой добавил: — Не стоит опережать события.

По каким-то причинам Конгресс перенес хартал на 6 апреля, однако 30 марта жители Дели, Лахора, Мултана, Аллахабада и других городов вышли на улицы и площади. Многие предпочли молитвам и постам, к которым

призывал Ганди, демонстрации и митинги, начинавшиеся с осуждения закона Роулетта, а заканчивавшиеся тысячеголосым требованием к англичанам уйти из Индии. Через неделю харталом были охвачены все провинции страны; в столице, Лахоре, Ахмадабаде, Бомбее, Калькутте, городах Пенджаба произошли столкновения демонстрантов и митингующих с полицией. На помощь полиции были брошены войска. Затем последовало введение в Пенджабе военного положения, отрезавшего провинцию от внешнего мира. На несколько месяцев Пенджаб был превращен в гигантскую тюрьму, правом беспрепятственного входа в которую и выхода из нее обладали лишь тюремщики-англичане.

Сквозь пелену молчания, плотно окутавшую Пенджаб, все-таки проникали скудные, отрывочные, зачастую противоречивые сведения об ужасах военного положения, о кровавых расправах и невыносимых унижениях, чинимых англичанами по отношению к гордым пенджабцам. Все это казалось столь неправдоподобным, а рассказы тех редких очевидцев, которым неизвестно как удалось вырваться из провинции, до такой степени вопиющими, что Конгресс потребовал от властей немедленного расследования и предания огласке происшедшего в Пенджабе.

Когда стало очевидным, что замолчать события в Пенджабе невозможно, британское правительство назначило для проведения расследования официальную комиссию во главе с лордом Хантером.

В комиссию, состоявшую из восьми человек, были включены три индийца.

Учреждение комиссии Хантера народ встретил с недоверием: вынужденность этой меры британских правителей ни у кого не вызвала сомнений. Мало кто рассчитывал на то, что правительственные чиновники добросовестно и объективно произведут расследование и назовут истинных виновников случившегося. На попавших в комиссию индийцев, кандидатуры которых были подобраны в Лондоне, надежда была слабой.

В октябре в Сахаранпуре на конференции отделения Конгресса в Соединенных провинциях Джавахарлал Неру предложил обратиться к правительству с требованием, чтобы оно допустило в комиссию Хантера представителя Конгресса. Все свидетели должны быть заслушаны комиссией при полном соблюдении юридических процедур, показания должны быть тщательно запротоколированы и преданы широкой огласке. Если эти требования не будут приняты властями, заявил Джавахарлал, индийцам следует бойкотировать комиссию Хантера.

Как и следовало ожидать, правительство обошло молчанием

требования Конгресса. Тогда его руководство, заявив об отказе сотрудничать с комиссией Хантера, создало собственную организацию, задачей которой, помимо расследований событий в Пенджабе, было и оказание помощи пострадавшим жителям деньгами, продовольствием. В комиссию Конгресса вошли Мотилал Неру, видный политический деятель, юрист из Калькутты Ч.Р.Дас, М.Ганди, бомбейские адвокаты Аббас Тьябджи и М.Р.Джайякар. Джавахарлалу поручили помогать Дасу, направленному в Амритсар — религиозный центр Пенджаба.

Незадолго до отъезда в Пенджаб члены комиссии собрались в доме Неру. Джавахарлал почтительно держался чуть в стороне. Не участвуя в разговоре старших, он старался не пропустить ни одного слова из их бесед. Правда, говорил больше один Мотилал. Дас и малознакомые Джавахарлалу Тьябджи и Джайякар внимательно слушали хозяина дома. Ганди, в отличие от своих товарищей в европейских костюмах, одетый в простую крестьянскую одежду из домотканого полотна — кхади, сидел молча, погруженный в размышления, и лишь изредка поднимал на Мотилала печально-рассеянные глаза.

— Нельзя оправдывать нападения на безоружных людей, грабежи, поджоги, учиненные нашими соотечественниками, но я убежден, что все эти взрывы насилия вызваны намеренными преступными действиями властей, которые уверены в своей полной безнаказанности.

Мотилал помедлил немного и, еще больше помрачнев, продолжал:

— Конгресс уполномочил нас провести тщательное расследование того, что произошло в Пенджабе. Все, что мы знаем, пока только слухи, которые надо либо подтвердить, либо опровергнуть. Кстати, не думаю, что несколько месяцев военного положения в Пенджабе сделали его жителей более разговорчивыми. Да и тамошние власти вряд ли обрадуются нашему приезду и будут охотно содействовать расследованию. Собрать интересующие нас сведения будет делом нелегким, но в том, что они докажут вину англичан, я не сомневаюсь.

Джавахарлал перехватил испытующий взгляд Ганди, брошенный на Мотилала.

— Да, да, у меня нет ни тени сомнения... Англичане не только презирают нас, не только не считают нас равными себе, но и относят индийцев к низшей расе, — гневно закончил Мотилал...

Джавахарлал задремал лишь под утро, но спал недолго, а когда проснулся, наскоро позавтракал и сел к вагонному окну.

Утреннее солнце успело позолотить горчичные поля, прорезанные

сеткой каналов. Как две капли воды похожие одна на другую, проносятся пенджабские деревушки с их домами-кубиками, сложенными из красного кирпича. Вдалеке непрерывной изломанной линией тянутся голубые зубцы гор.

Спокойствием дышат плодородные равнины Пятиречья⁴⁴. Лишь часто встречающиеся форты, некогда мощные, способные выдержать натиск любого врага, ныне безлюдные, кое-где разрушенные, напоминают о подвигах пенджабцев, которые из века в век первыми принимали удары неприятеля с запада. Высятся безмолвные форты-памятники мужеству тысяч героев, сражавшихся с войсками Александра Македонского, Великих Моголов.

Здесь, в Пенджабе, живут сикхи, еретики от индуизма, отвергшие сословия и касты, ратующие за простоту религиозных ритуалов, за единобожие, воинственные, храбрые, гордые, но и великодушные, отзывчивые, щедрые. Их можно легко отличить по длинным волосам, пышным, окладистым, разделенным посредине бородам, носить которые сикхам предписывает религия. И у каждого мужчины на поясе меч или кинжал — «кирпан»: в любую минуту готов сикх достойно встретить недругов. Под ударами английских колонизаторов последним в Индии пал Пенджаб, одним из первых восставал он теперь против их владычества.

По дороге, бегущей вдоль полотна, от Амритсара движется конный отряд. Впереди — черный, запыленный, открытый автомобиль, в котором сидят четыре английских офицера в защитных пробковых шлемах. Всадников около полусотни. Окутанные клубами белой дорожной пыли лошади плетутся нехотя, лениво. Понуро-сонные фигуры конников не выражают ничего, кроме усталости и безразличия. Унылую колонну замыкает пара натруженных кляч, волочивших полевое орудие. Последние подразделения колониальных войск уходят из Пенджаба.

Поезд прибыл в Амритсар около девяти часов утра. Оставив саквояж носильщику, который с поспешной готовностью подкатил свою повозку к Джавахарлалу, едва тот вышел из вагона, Неру вместе с встретившим его сотрудником амритсарского отделения Конгресса Гирдхарилалом пошли в гостиницу пешком.

— Все началось утром десятого апреля, — неторопливо рассказывал на ходу Гирдхарилал. — Тысяч тридцать горожан направились к городскому магистрату, чтобы заявить протест против ареста и высылки из Амритсара наших лидеров — Китчлу и Сатьяпала, которых власти обвинили в антиправительственной агитации и создании беспорядков в день всеобщего хартала, шестого апреля. Вот там, у моста Холл-гейт,

демонстрацию поджидали солдаты, которые пытались разогнать ее. И у нас и у них были убитые и раненые. Во время столкновения пострадала английская миссионерка — врач, некая Шервуд, проезжавшая на велосипеде близ места схватки.

Кривая, пыльная, вымощенная булыжником улочка вывела Джавахарлала и его провожатого на небольшую площадь. В глаза бросилось полуразрушенное здание с обвалившейся крышей.

— Здесь во время событий размещался городской банк, — пояснил Гирдхарилал и продолжал: — Волнения этим не кончились. Толпы амритсарцев устремились к почте, вокзалу, банку, магазинам. В некоторых местах вспыхнули пожары. На стенах домов появились от руки написанные листовки, призывавшие индусов, мусульман, сикхов «бороться с европейскими мартышками». К концу дня город находился в руках восставших. Англичане успели укрыться в форту и там дожидались прибытия вызванного подкрепления. Ждать им пришлось недолго: часов около десяти вечера в Амритсар вошли войска под командованием генерала Дайера.

Многое из того, что рассказывал Гирдхарилал, Джавахарлалу было уже известно, но он не прерывал своего спутника, внимательно слушал его как очевидца и участника событий в Амритсаре. У гостиницы они расстались, договорившись встретиться после того, как Джавахарлал отдохнет с дороги.

Гирдхарилал заехал за ним на автомобиле. «Ездили по городу, — лаконично записал Джавахарлал в дневнике. — Видели развалины Национального банка, городского магистрата и почты...»

Городская площадь Джаллианвала Багх — большой пустырь, в центре которого развалившаяся гробница из белого камня. На краю ее пылятся чахлые деревца, старая высыхающая пальма. С трех сторон площадь окружена двух-трехэтажными домами, с четвертой замкнута кирпичной стеной высотой в человеческий рост. Не сразу заметишь узенькие ворота, через которые одновременно смогут пройти лишь два-три человека.

Здесь, на Джаллианвала Багх, в праздничный день встречи Нового года (в 1919 году по местному календарю он пришелся на 13 апреля) в четыре часа дня собралось около двадцати тысяч амритсарцев и жителей близлежащих деревень. На дощатую трибуну, построенную недалеко от ворот, один за другим поднимались ораторы, требовавшие от властей освобождения Китчлу и Сатьяпала и отмены закона Роулетта. Выступления начинались и заканчивались многоголосыми восклицаниями: «Инкилаб зиндабад! — Да здравствует революция!»

В самый разгар митинга — в половине шестого — на площадь ворвалось человек сорок вооруженных солдат, англичан и гуркхов⁴⁵. Раздался хриплый крик краснолицего офицера: «Огонь!», и солдаты неуверенно выстрелили поверх голов собравшихся. Офицер с бранью набросился на солдат, в ярости потрясая револьвером. Второй залп — уже в толпу... Крики, стоны, мольбы, проклятия... Выстрелы звучали беспрерывно. Обезумевшие от боли и ужаса люди, подминая раненых, слабых, детей, метались по площади, ставшей для них страшной ловушкой. Тех, кто пытался пробиться к выходу, встречали острые, кривые ножи гуркхов. Люди бились о стену в отчаянной надежде перебраться через нее и сползали, падали, сраженные пулями...

Расстреляв все патроны (позднее выяснилось, что было израсходовано 1650 патронов), солдаты покинули залитую кровью площадь, на которой осталось лежать около тысячи убитых и вдвое больше раненых.

Очевидцу открывалась леденящая душу картина: «Множество тел взрослых и детей лежало у ворот и по всей площади. У некоторых были рассечены головы, у других прострелены глаза, оторваны руки, ноги, раздавлены грудные клетки...»

Новый хозяин Амритсара генерал Дайер, пославший своих солдат убивать безоружных и беззащитных людей, сразу же после расстрела на Джаллианвала Багх под страхом смерти запретил жителям города покидать дома, лишив помощи сотни раненых и умиравших на площади и на прилегавших к ней улицах.

Джавахарлал много раз приходил на Джаллианвала Багх, всматривался в ее испещренные пулями камни, стены, которые, казалось, зывали о мщении.

Конгрессисты работали с раннего утра до позднего вечера: собирали и распределяли средства для семей, лишившихся кормильцев, оказывали помощь безработным, опрашивали свидетелей событий, происходивших в Пенджабе в дни военного положения.

Перед комиссией Конгресса прошли тысяча семьсот очевидцев. По-разному — с готовностью и нехотя, сбивчиво-взволнованно и со спокойно-мрачной решимостью — рассказывали пенджабцы о зверствах солдат Дайера, об ужасах произвола и тирании властей Амритсара и других городов провинции.

Каждое свидетельство потрясало Джавахарлала, будь то немногословный рассказ молодой женщины с помертвелым лицом, у которой на глазах погибли муж и дочь, или путаное бормотание перепуганного и чудом уцелевшего пятилетнего мальчугана, забравшегося

на крышу одного из домов и сначала принявшего ружейные выстрелы за хлопки петард фейерверка, устроенного по случаю праздника.

Побывал Джавахарлал и на той амритсарской улице, где генерал Дайер установил «пост возмездия» за ушибы и синяки мисс Шервуд. В течение десяти дней пикеты английских солдат, выполняя приказ генерала — «crawling order» («приказ ползть»), — заставляли всех индийцев, проходивших по этой улице, под дулами ружей ползти на животе.

Неру медленно ходил по улицам, думая о страданиях, о физических и душевных муках, которые выпали на долю пенджабцев: ведь то, что произошло в Амритсаре, повторилось затем во всех городах Пенджаба. Всюду орудовали каратели Дайера. Англичане хотели унижить, раздавить и дух и плоть гордого, сильного пенджабского народа. На площадях и улицах провинции тысячи людей были подвергнуты наказанию плетьюми. Без устали заседали военно-полевые суды, вынося приговоры, зачастую без предъявления обвинений. А сколько пенджабцев было казнено, замучено? Сколько брошено без суда в тюремные застенки? И все это казалось особенно бесчеловечным, если вспомнить, что в годы первой мировой войны именно Пенджаб выделил британскому правительству наибольшее число рекрутов, многие из которых пролили свою кровь за интересы короны.

Возвратившись из Пенджаба, Джавахарлал и другие члены комиссии Конгресса подготовили отчет о проведенном ими расследовании. Опубликованный в 1920 году отчет составил несколько томов и содержал шестьсот свидетельских показаний; в него были включены только те документы, подлинность и обоснованность которых ни у кого не могли бы вызвать сомнений. Каждая страница отчета была тяжким неопровержимым обвинением английскому империализму.

М.Ганди писал, что отчет был составлен «исключительно с целью выявить истину и только истину и показать, как далеко может зайти британское правительство, какие зверства оно может учинять, чтобы сохранить свою власть».

Боль, возмущение, гнев, которые охватили всех индийцев, узнавших правду о событиях в Пенджабе, выразил Рабиндранат Тагор в письме вице-королю Индии: «Чудовищные преступления, совершенные правительством в Пенджабе при усмирении местных волнений, были жестоким ударом, напомнившим нам о беспомощности нашего положения в качестве британских подданных в Индии. Безмерная суровость наказаний, которым подвергся несчастный народ, и методы их осуществления, по нашему убеждению, не имеют параллелей в истории цивилизованных

правительств».

Жестокими расправами в Пенджабе колонизаторы пытались запугать индийский народ, не допустить распространения освободительной борьбы по всей Индии, однако все их усилия дали обратные результаты. Даже пресловутая комиссия Хантера, деятельность которой сводилась к тому, чтобы максимально приглушить эхо амритсарских выстрелов и представить как можно больше подтверждений «лояльного отношения» индийцев к властям, вынуждена была отметить в своем докладе: «Мы не сомневаемся, что он (генерал Дайер. — Авт.) сумел произвести очень сильное впечатление, но совсем не то, на которое рассчитывал. Убийства на Джаллианвала Багх вызвали другие выступления... и широкое возмущение по всей стране».

Случай вскоре свел Джавахарлала с палачом Пенджаба. В декабре 1919 года Неру возвращался в Дели ночным поездом из Амритсара, где Конгресс в память жертв апрельских событий наметил провести свою очередную сессию. Внимание Джавахарлала привлекла громкая беседа двух англичан. Один из них выделялся не только своим внешним видом — немыслимо ярким халатом, из-под которого виднелась пижама в кроваво-красную полоску, — но и грубым, заносчивым голосом.

— Я мог бы превратить этот мятежный Амритсар в пепел, — услышал Джавахарлал.

Сомнений не оставалось: это был генерал Дайер. Джавахарлалу стоило больших усилий сдержать себя. Ненависть буквально клокотала в нем. Он резко поднялся, вышел в коридор и там долго стоял у темного окна, не решаясь вернуться в купе.

Позднее он вновь испытает подобное обжигающе-яростное чувство, когда прочтет в газетах слова генерала Дайера, который, давая показания комиссии Хантера о «частном карательном инциденте» на Джаллианвала Багх, цинично заявил:

— Мне пришлось выполнить ужасный долг. Я считаю, что это было милосердием. Я полагал, что должен хорошо и метко стрелять, дабы мне или другим не пришлось стрелять еще раз. Я думаю, было бы легко рассеять толпу и без огня, но она бы снова вернулась и посмеялась бы надо мной, а я остался бы в дураках.

Британское правительство оставило виновника амритсарской бойни безнаказанным. Через несколько лет Дайер вышел в отставку, получив от казны солидную пенсию, и до своей кончины безмятежно проживал в Бристоле.

Вспоминая впоследствии о событиях 1919 года, Джавахарлал писал:

«В те дни я более ясно, чем когда-либо, понял, насколько жесток и аморален империализм, насколько им разъедены души правящих классов Британии».

В последние дни 1919 года Национальный конгресс проводил свою сессию в Амритсаре. Здесь собрались все видные деятели национально-освободительного движения Индии: Тилак, Э.Безант, братья Али, Ч.Р.Дас, М.А.Джинна, Ганди и, конечно, отец и сын Неру.

Сессия проходила бурно: слишком еще свежи в памяти конгрессистов кровавые побоища, учиненные англичанами здесь, на пенджабской земле. Гневным презрением к палачам индийского народа пронизано каждое выступление. Большинство делегатов с негодованием отвергает реформы Монтегю — Челмсфорда, требует создания подлинно ответственного правительства в стране в соответствии с принципами самоуправления. Конгресс обращается ко всем политическим организациям Индии с призывом объединить усилия для борьбы с колонизаторами.

Молчанием отвечают либералы: они даже не прислали в Амритсар своих представителей. Кажется еще достаточно прочным союз Конгресса и Мусульманской лиги. Один из ее лидеров, Аджмал Хан, и председательствовавший на сессии Мотилал Неру в знак настоящего и будущего единства между индусами и мусульманами вместе молятся в амритсарском Золотом храме — священном для сикхов. Однако первые трещины в отношениях между двумя партиями уже наметились. Руководителя лиги Джинну явно пугают свежие веяния в Конгрессе, привнесенные новыми лидерами — Ганди, братьями Али. К последним Джинна относится с плохо скрываемым раздражением. Явившиеся на сессию прямо из тюрьмы, из которой они были освобождены по амнистии, объявленной для участников пенджабских событий королем Георгом V, Мохаммед и Шаукат Али пользуются огромной популярностью среди индийских мусульман. Созданный братьями в 1918 году Халифатский комитет, начав свою деятельность с поддержки халифа — турецкого султана, против намерений империалистических держав расчленить Оттоманскую империю, ныне открыто выступает против британского владычества в Индии. В отличие от Мусульманской лиги халифатисты принимают в свои ряды представителей всех слоев индийских мусульман. За считанные месяцы комитет стал многочисленной мощной политической силой. В народе само слово «халифат» неожиданно приобрело другой смысл. Индийский крестьянин — «кисан» решил, что оно происходит от слова «хилаф», что на языке урду значило «против», «враждебный», и поэтому халифатистское движение расценивалось как движение против

ненавистных угнетателей — колонизаторов-англичан и собственных помещиков.

В мае 1920 года Джавахарлал с женой и матерью выехал в Муссури, чтобы переждать там летнюю жару, губительную для хрупкого здоровья Камалы и Сварупрани. На этот раз Неру остановились в отеле «Савой». По соседству жили члены афганской делегации, прибывшей в Индию по окончании короткой англо-афганской войны для мирных переговоров с англичанами.

Делегацию «опекало» несколько тайных полицейских агентов, настороженно следивших за тем, чтобы афганцы не установили каких-либо контактов с деятелями антиколониального движения в Индии. Бдительных стражей не на шутку обеспокоило появление в отеле, где проживали их «подопечные», уже хорошо знакомого им Джавахарлала Неру.

Джавахарлал все время проводил с родными и не проявлял видимого интереса к афганским делегатам. Каково же было его удивление, когда однажды вечером к нему в номер зашел начальник местной полиции.

— Мне приказано получить от вас обязательство не вступать ни в какие контакты с афганской делегацией, — бесцеремонно заявил он Джавахарлалу.

Возмущенный Джавахарлал ответил категорическим отказом, после чего ему был вручен приказ, предписывавший немедленно покинуть Муссури.

Мотилал, воспользовавшись своими связями с губернатором Соединенных провинций, добился отмены приказа, но, пока он хлопотал, Джавахарлал был вынужден провести две недели в Аллахабаде. «И все же именно в эти дни у меня появились новые интересы, которым суждено было сыграть важную роль в последующие годы», — вспоминал Неру.

Он вплотную знакомится с индийскими крестьянами, об условиях жизни и труда которых имел смутное представление, встречаясь с ними разве что на берегах священного Ганга в дни религиозных праздников. «Кто понимает кисана, тот поймет Индию», — гласит старинная поговорка, а Джавахарлал должен понять свою родину, и он постигнет ее через душу индийского крестьянина.

Подавляющее большинство индийцев жило в деревнях⁴⁶. Тяжкая участь выпала на долю индийского крестьянина. С чем можно сравнить его беспросветно мрачную жизнь, нечеловеческий каторжный труд с рассвета до зари? Кто узнает в высохшем, сгорбленном от тягот и болезней еле передвигающем ноги, беззубом, едва прикрытом лохмотьями старике тридцатилетнего мужчину? Он живет в полуразвалившейся, открытой всем

ветрам хижине, сложенной из глины попеременно с соломой и покрытой пальмовыми листьями, через которые в жилище легко проникает дождевая влага. Он спит на сыром земляном полу, ночной холод пронизывает его утомленное тело. Его еда — горсть риса. Он не знает грамоты. Мир для него ограничен близлежащими деревнями. Его бесстыдно и беспощадно унижают, эксплуатируют, обирают правительственные чиновники, помещики, ростовщики, полиция и духовенство. Существует ли предел его вековому удивительному терпению?

Вынужденно томясь в Аллахабаде, Джавахарлал узнал, что вблизи от города расположились лагерем крестьяне, пришедшие за несколько десятков километров из округа Партабгарх провинции Ауд. Они были посланы земледельцами Ауда для встречи с каким-нибудь известным политическим деятелем, чтобы поведать ему о своем невыносимом положении.

Джавахарлал с несколькими конгрессистами быстро разыскал лагерь, расположенный на берегу Джамны. Беседа с крестьянами затянулась до позднего вечера. «Они рассказали нам о непосильных налогах, взимаемых талукдарами⁴⁷, о бесчеловечном обращении... — писал Неру. — Они умоляли нас сопровождать их на обратном пути, чтобы на месте провести расследование, а также для того, чтобы защитить их от мести талукдаров, которые были рассержены их походом в Аллахабад. Крестьяне не хотели слушать никаких возражений и буквально цеплялись за нас».

Спустя два дня Неру выехал в Партабгарх. Джавахарлалу и его спутникам удалось пробраться в самые отдаленные, глухие, забытые богом и людьми деревушки, где их уже ожидали толпы крестьян, невесть откуда узнавших о приезде гостей. Встречи были волнующе-сердечными, лица людей выражали такую надежду, как будто все были убеждены в том, что появление Джавахарлала и его спутников в деревне изменит жизнь किसानов к лучшему, прекратит их неисчислимые страдания.

«Нескончаемой скорбной повестью» назовет Неру все то, что ему довелось услышать во время поездки в Партабгарх.

В каждой деревне происходило одно и то же. Окружив плотным кольцом Джавахарлала, крестьяне торопились по-детски доверчиво и откровенно излить свое выстраданное, наболевшее. Они рассказывали о неведомых страшных болезнях, уносивших жизни целых семей, о засухах, год из года выжигавших дотла некогда плодородные поля, о тирании помещиков, которые самочинно увеличивали плату за аренду земли и безжалостно сгоняли с нее тех, кому было нечем платить, о коварстве и жадности деревенских ростовщиков с их кабальными процентами, о не

знающем пределов произволе полиции, свирепо каравшей за малейшую провинность...

Худые, почерневшие от яростного солнца и голода лица с горевшими отчаянием и гневом глазами потрясли Джавахарлала. «Глядя на них, видя их страдания... — писал он, — я переполнился стыдом и скорбью: скорбью — по поводу упадка и ужасающей бедности Индии; стыдом — за свою легкую, окруженную комфортом жизнь и за нашу мелкую политическую деятельность горожан, игнорировавшую эти неисчислимые массы полуголых сынов и дочерей Индии».

Джавахарлал вернулся к родным в Муссури, но несколько знойных июньских дней, проведенных им у крестьян провинции Ауд, не давали покоя. Его не покидало предчувствие того, что в индийской деревне вот-вот вспыхнет огонь нового мощного движения, острием своим направленного на угнетателей-помещиков. И тут же к Джавахарлалу приходило ясное понимание необходимости организовать крестьянскую стихию, направить ее силу в русло всенародного движения за свободу и независимость родной Индии.

Предчувствия не обманули Джавахарлала. Уже осенью 1920 года в индийских деревнях начались крестьянские волнения.

В Партабгархе должен был состояться судебный процесс над группой кисанов, арестованных по незначительному обвинению. Толпы крестьян, пришедших из всех деревень округа, обступили здание суда, заполнили прилегающие улицы и образовали живой коридор вдоль дороги, ведущей из тюрьмы в суд. Перепуганные власти отложили процесс на несколько дней, однако крестьяне не расходились. Властям ничего не оставалось делать, как освободить арестованных, к бурному ликованию стоически дожидавшейся их толпы. Первая победа, одержанная кисанами Ауда в борьбе за свои права, утвердила в них веру в себя, в возможность достижения успеха, если они будут действовать решительно, сообща.

6 января 1921 года Джавахарлал, только что возвратившийся в Аллахабад из Нагпура, где состоялась очередная сессия Конгресса, получил телеграмму из Раи Барели от одного из своих знакомых — Мартанда Вайджья, который просил его немедленно приехать ввиду чрезвычайно тревожной обстановки. Неру успел попасть на почтовый поезд и к двум часам следующего дня прибыл в Раи Барели. На вокзале Джавахарлал узнал от встречавших его местных конгрессистов, что полиция и спешно стянутые войска остановили на подступах к городу большие толпы крестьян, которые, воодушеваясь недавним успехом в Партабгархе, решили устроить мирную демонстрацию против ареста

властями крестьянских лидеров.

Прямо с вокзала Джавахарлал направился к берегу реки Сан, где разбили свой лагерь кисаны. Он намеревался обратиться к ним с призывом не вступать в столкновение с солдатами, так как это могло бы привести к бессмысленному кровопролитию, и мирно разойтись по домам. По дороге Джавахарлала догнал запыхавшийся чиновник, вручивший записку от окружного магистрата. Пору развернул сложенный пополам бумажный листок: «Джавахарлалу Неру. Настоящим уведомляем вас, что ваше присутствие в данном районе нежелательно. Вам надлежит уехать отсюда ближайшим поездом». Джавахарлал, не задумываясь, быстро написал на обороте: «Я хотел бы знать: официальный это приказ или всего лишь просьба? Если первое, то приказ должен быть составлен с соблюдением должных формальностей, с указанием статьи, параграфа и пр. До тех пор, пока форма такого приказа не удовлетворит меня, я намерен оставаться здесь».

Когда Неру и конгрессисты приблизились к реке, на противоположном берегу раздалось несколько выстрелов. Джавахарлал решительно шагнул к висячему мостику, чтобы перейти на ту сторону, но был остановлен полицейскими. Через минуту Неру оказался в окружении встревоженных крестьян, которые укрывались от выстрелов в поле и речных зарослях. Стихийно возник митинг. Джавахарлал стал убеждать собравшихся соблюдать выдержку, не поддаваться на провокации полицейских и солдат.

Крестьяне «вели себя мужественно, спокойно и невозмутимо перед лицом смертельной опасности, — вспоминал Неру. — Я не знаю, что чувствовали они, но я знаю, какие чувства испытывал я. На мгновение кровь бросилась мне в голову, но только на мгновение, о ненасилии я почти не помнил... Я видел кисанов, которые сидели и стояли рядом, они казались менее взволнованными и более миролюбивыми, чем я; мгновение слабости миновало. Я просил их не допускать насилия, я, нуждавшийся в предостережении больше, чем они, и крестьяне послушались меня и мирно разошлись. Но на другом берегу реки лежали мертвые и раненые... Они пролили кровь своих сердец...»

Подъехавший на автомобиле правительственный чиновник отвез Джавахарлала к себе домой, где продержал почти три часа с явным намерением изолировать от кисанов и местных конгрессистов.

На следующее утро, навестив раненых крестьян в госпитале, Джавахарлал выехал в Аллахабад.

Спустя две недели «Независимый» опубликовал серию статей под общим названием «Трагедия Раи Барели». Одна из них начиналась так:

«Говорят, что история повторяется. В апреле памятного 1919 года в центре Амритсара пролилась кровь индийцев, убитых без причины, жестоко... Прошли год и восемь месяцев, роковых месяцев в истории Индии и Британской империи. Британия все еще владеет Индией... Британская империя все еще продолжает свою чудовищную деятельность... И снова... льется кровь индийцев... А что же кисаны? Бедные, убогие, униженные мужчины и женщины, всегда в нужде, всегда страдающие, редко сетующие на свою жизнь. Что они? Их кровь оросила берега реки Сан, их тела лежат под тонким слоем песка или на земле, становясь добычей зверей... Но живым уготовлена худшая судьба. Полиция и приспешники талукдаров терзают их, бросают их в тюрьмы».

Статьи, разоблачавшие новые злодеяния колониального режима, принадлежали перу Джавахарлала Неру.

К середине 1921 года вся Индия была охвачена крестьянским движением. Вместе с провозглашенной Ганди массовой кампанией несотрудничества, проводимой Национальным конгрессом, движение кисанов, хотя и стихийное, носившее в ряде случаев религиозный характер, создало угрозу для британского владычества в Индии.

Джавахарлал тогда еще не знал, что в том же 1921 году в далекой Москве вождь первого в истории государства рабочих и крестьян В.И. Ленин, с болью и надеждой следивший за поражениями и успехами революционного движения в Индии, писал: «Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистическая война 1914 — 1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма... Британская Индия, — с гениальной прозорливостью указывал В.И. Ленин, — стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амритсар) и к публичным поркам и т.п.»⁴⁸.

Пенджабские события, общение с простыми крестьянами открыли Неру новый, в чем-то неожиданный лик Индии, не только «голод, голодной, подавленной и невероятно несчастной», но и исполненной скрытой мощи, талантливой, свободолюбивой, мужественной. Такой она казалась ему еще дороже и роднее. Он ощутил нерасторжимость и

прочность уз, связывавших его с матерью-Индией, с ее прошлым и настоящим. Высокие понятия о служении родине, о борьбе за идеалы и свободу своего народа вошли в сознание Джавахарлала, навсегда определили его судьбу, стали единственной нормой его бытия.

Глава V

*Свобода — в отречение, но это не для меня.
Я обрету свободу и кандалами звеня.*

Рабиндранат Тагор

Снаружи дом Неру выглядел как и прежде, разве что внимательный глаз мог заметить в парке, окружавшем «Обитель радости», признаки начавшегося запустения: некогда подстриженные старательным садовником кусты теряли шарообразную форму, на цветочных клумбах и посыпанных песком дорожках проросла сорная трава. В самом доме за осенние месяцы 1920 года изменилось многое. Его стены уже не были украшены дорогими картинами и старинными офортами, непривычно просторными стали комнаты, из которых вынесли часть мебели и ковры. Мотилал рассчитал большинство слуг, в их числе и садовника, оставив в доме только самых верных, самых преданных семье. Проданы лошади, экипажи, обрели новых хозяев охотничьи собаки Мотилала. Отнесены ювелирам фамильное серебро и драгоценности женщин.

«Обитель радости» по-прежнему посещало много людей: приходили друзья, конгрессисты, чиновники городского муниципалитета, однако все они были индийцами. Редкий англичанин теперь переступал порог дома Неру. Кое-кого из прежних британских друзей настораживало, а кого-то просто отпугивало неожиданное сближение Мотилала с Ганди, под влиянием которого старший Неру не только произвел радикальные изменения в своем быту, но и пересмотрел свои политические взгляды. Вчерашний англоман, сторонник реформистского пути, следуя по которому Индия постепенно высвобождалась бы из колониальных пут, Мотилал вдруг поддержал все положения выдвинутой Ганди осенью 1920 года программы несотрудничества с колониальными властями. Этот шаг Мотилала вызвал недовольство некоторых представителей «старой гвардии» Конгресса — Ч.Р.Даса, Э.Безант, Л.Л.Рая. Они, хотя и высказывались в принципе за несотрудничество, в то же время считали крайней мерой предложенный Ганди бойкот законодательных органов, так как намеревались использовать их в интересах борьбы за сварадж.

Из «Обители радости» исчезало все, что напоминало о прежних вкусах

ее хозяина. Мотилал так же рьяно избавлялся от предметов роскоши, как в свое время стремился обзавестись ими. Будто и не было в доме повара — специалиста по европейской кухне. Спрятаны хозяевами сшитые модными лондонскими и парижскими портными костюмы и платья. Семейство Неру облачилось в одежды из кхади. На Мотилале — белые курта и дхоти, такого же цвета шаль, перекинута через левое плечо, сандалии на босу ногу. Он добродушно посмеивался, когда домашние полушутя-полусерьезно утверждали, что в этом одеянии он напоминает им древнеримского сенатора в тоге. Что осталось неизменным, так это два стаканчика виски с содовой, которые Мотилал выпивает перед обедом. Даже Ганди, нетерпимо относившемуся к алкоголю, не удалось заставить Мотилала расстаться с этой привычкой.

Решение связать себя с движением Ганди пришло к Мотилалу не сразу, а после длительных и мучительных раздумий. «Несотрудничество означало для него отказ от адвокатской практики, — писал Джавахарлал, на глазах которого совершался этот перелом в сознании отца, — оно означало полный разрыв с его прошлой жизнью и полную перестройку ее — дело нелегкое для человека, находящегося на пороге своего шестидесятилетия. Это был разрыв со старыми коллегами по политической деятельности, со своей профессией, со светской жизнью, к которой он привык, это был также отказ от многих расточительных привычек, которые он приобрел».

Размышляя о причинах, побудивших отца на склоне лет «сделать шаг в неведомую область», Джавахарлал приходил к выводу, что на Мотилала повлияли главным образом пенджабские события и знакомство с Ганди, переросшее вскоре в прочную дружбу этих двух столь непохожих друг на друга людей.

Несомненно, однако, и то, что Мотилал поначалу примкнул к Ганди из-за своей привязанности к Джавахарлалу, он и здесь хотел быть рядом с единственным сыном.

Ганди, уже после кончины Мотилала, отвечая на вопросы известного конгрессиста, калькуттского врача Б.Роя, что было самым примечательным в личности старшего Неру, неожиданно для собеседника сказал: «Безграничная любовь к Джавахарлалу».

— А разве не любовь к Индии? — спросил удивленный Рой.

— Нет, — уверенно произнес Ганди. — Его любовь к Индии была производной от любви к сыну. Мотилал гордился Индией как землей, которая дала жизнь его Джавахарлалу.

В декабре 1920 года отец и сын Неру стали свидетелями триумфа Ганди на сессии Конгресса в Нагпуре. Вместе с большинством

конгрессистов они проголосовали за гандистскую программу несотрудничества, обсужденную и выверенную на чрезвычайной сессии в Калькутте тремя месяцами ранее.

Ганди завоевал Конгресс, предложив ему практическую программу борьбы за сварадж, осуществляемую мирными, ненасильственными средствами — методами сатьяграхи. Время для такого предложения он выбрал на редкость точно: почти все лидеры Конгресса уже пришли к единому мнению о неприемлемости для партии ни политики реформ, ни политики террора. Насколько извилистым, длительным, неопределенным, по их убеждению, был путь реформ, настолько тяжким, опасным, кровопролитным являлся путь вооруженной борьбы с такой могущественной колониальной державой мира, какой была Англия. Ганди указал третий путь и ратовал за него с такой уверенностью и страстью, что сразу привлек на свою сторону большинство членов Конгресса.

Особую привлекательность тактике ненасильственного сопротивления придавало то, что при ее разработке Ганди учел и гуманистические традиции индийского народа, и особенности психологии основной его части — крестьянства, в котором переплетались фаталистическая покорность и осознанный протест, религиозная косность и стихийная революционность.

Конгрессисты признали Ганди своим вождем. Выразать мысли только на родном языке, носить только национальную одежду из кхади, избавлять индуизм от скверны неприкасаемости, а себя от соблазнов роскоши, наркотиков, алкоголя, крепить союз между индусами и мусульманами убеждал Ганди соотечественников тихим, слабым голосом, и его призывы западали в души миллионов индийцев.

Лишь единицам не по нраву нововведения Ганди. Выходит из Конгресса Мухаммед Али Джинна, в недавнем прошлом сторонник совместных действий возглавляемой им Мусульманской лиги и Конгресса, «посол индусско-мусульманского единства», как его называла выдающаяся индийская поэтесса и патриотка Сароджини Найдю. «Он вышел из Конгресса не из-за разногласий между индусами и мусульманами, — напишет позже Неру в «Открытии Индии», — а потому, что не мог приспособиться к новой и более передовой идеологии, а в еще большей мере потому, что ему неприятны были толпы оборванных людей, говоривших на языке хиндустани, которые хлынули в Конгресс. Он считал, что политика — это более высокая материя, которой надлежит заниматься в законодательной палате или узкой комиссии».

Джавахарлала неприятно поразило решение Джинны, принятое в тот

момент, когда вопрос о единстве всех национальных сил в начинавшемся движении несотрудничества стоял особо остро.

Спустя два десятилетия Джинна во всеуслышание заявит о «двух нациях», «каждая из которых должна участвовать в управлении их общей родиной». Пройдет еще несколько лет, и он, противопоставив религиозные интересы мусульман и индусов, выступит за раздел Индии на два государства...

Джавахарлал организовывал кампанию несотрудничества в Соединенных провинциях. На поезде и в автомобиле, на лошади, а то и просто пешком он изъездил и исходил этот район вдоль и поперек, выступая с утра до вечера на митингах и собраниях. Он призывал служащих покинуть государственные учреждения, отказаться от постов и титулов, полученных от властей, агитировал школьников и студентов пополнить ряды корпуса волонтеров, созданного Конгрессом для организации движения и проведения его ненасильственными методами, убеждал крестьян возродить чаркху⁴⁹ и заниматься домашним ткачеством, чтобы не пользоваться тканями британского производства.

«Я был всецело поглощен и захвачен движением; то же самое происходило со многими другими, — вспоминал Джавахарлал о тех днях. — Я отказался от всякого общества и связей, от старых друзей, книг и даже газет, если они не имели прямого отношения к тому делу, которым я был занят. До тех пор я еще уделял какое-то время чтению новейших книг и пытался следить за событиями международной жизни. Теперь времени для этого не было. Несмотря на свою привязанность к семье, я почти забыл своих родных, жену и дочь».

Движение несотрудничества быстро охватывало все районы Индии. Ганди много ездил по стране, разъясняя массам смысл несотрудничества. Джавахарлал часто сопровождал его и видел, как растет популярность Ганди. «Махатма Ганди ки джай!» («Да победит великий Ганди!») — этим лозунгом встречали и провожали индийцы нового вождя Конгресса.

Во время одной из таких поездок Ганди и Неру сообщили о кончине Тилака. Пораженный печальным известием, Джавахарлал не мог вымолвить ни слова, он смотрел на Ганди. Наконец тот с трудом произнес:

— Нет уже моей самой надежной опоры!

Утром 1 августа 1920 года Махатма и Джавахарлал прибыли в объятый скорбью Бомбей. Сотни тысяч бомбейцев в белых траурных одеждах заполнили улицы города, чтобы проститься с Тилаком — великим патриотом, который, как никто другой, умел пробуждать национальное сознание народа, спланивать его для борьбы за свободу родины. Ганди и

Неру шли рядом с носилками, на которых покоилось тело Тилака, до места кремации. Вспыхнул погребальный огонь, и Джавахарлал сложил ладони у груди в скорбном прощальном намасте...

Следуя призывам Махатмы, большинство избирателей бойкотировало первые выборы в законодательные органы. Известному журналисту, корреспонденту лондонской «Таймс» Валентайну Чиролу довелось самому оценить, насколько была эффективна деятельность возглавляемого Джавахарлалом провинциального комитета Конгресса в Аллахабаде. В день выборов Чирол находился на городском избирательном участке. «Ничто не свидетельствовало о том, — удрученно сообщал журналист, — что это был праздничный день в истории современной Индии, который должен был бы вдохновлять народ на великое дело самоуправления... С восьми часов утра до поздней ночи не явился ни один избиратель...» На первой сессии только что «избранного» центрального законодательного собрания не присутствовал никто из лидеров Конгресса.

В ноябре 1921 года Рабочий комитет Конгресса, членом которого был и Джавахарлал, объявил бойкот всем торжествам, к которым спешно готовились власти, желавшие по случаю приезда в Индию принца Уэльского продемонстрировать наследнику короны благодарность за дарованные реформы.

В Бомбее, куда высокий гость прибыл 17 ноября, жители устроили мощную антибританскую демонстрацию, проходившую столь бурно, что даже конгрессистским волонтерам не удалось удержать ее участников от столкновений с полицией. Пустыми, словно вымершими улицами встретила принца Уэльского Калькутта и родной Джавахарлалу Аллахабад.

Вдохновленный успехами сатьяграхи, Неру писал редактору аллахабадской газеты: «Я — убежденный сторонник несотрудничества и всего того, что оно означает. Я твердо верю, что именно несотрудничество, а не какое-либо другое движение, приведет нас к победе. Может быть, эта победа наступит не через день и не через год, но она непременно наступит, даже если обрушатся небеса».

Принц, раздосадованный враждебным приемом индийцев, еще не покинул Индию, а правительство поспешило обвинить волонтеров Конгресса в беспорядках, происходивших во время визита, и объявило их вне закона.

Джавахарлал и его товарищи приняли решение не только не прекращать деятельности волонтеров в Соединенных провинциях, но и опубликовать списки с их именами в аллахабадских газетах. В первом опубликованном списке значился Мотилал Неру, ранее не состоявший в

волонтерском корпусе и вступивший в него сразу, как стало известно о запрещении правительством этой организации.

Вечером 5 декабря 1921 года в Аллахабаде был арестован товарищ Джавахарлал конгрессист Капил Део, доводившийся племянником одному из руководителей Конгресса М.М.Малавия.

— Капкан захлопывается, — мрачно заключил Мотилал, услышав об аресте Део. — Скоро придет и наш черед.

Джавахарлал воспринял известие об аресте друга внешне невозмутимо. Репрессии не пугали его. Он свыкся с их неотвратимостью, пережив драматические месяцы кампании несотрудничества, когда едва ли не каждую неделю ему приходилось выслушивать угрозы полицейских чинов привлечь его к суду за антиправительственную деятельность и бунтарские речи.

Весь следующий день Джавахарлал напряженно работал в помещении комитета Конгресса. Понимая, что не сегодня-завтра его арестуют, он спешил завершить хотя бы самые неотложные дела. К вечеру нагрянули полицейские с ордером на обыск. Они перерыли все бумаги, но не обнаружили ничего предосудительного. Через некоторое время после их ухода Джавахарлал узнал, что полиция арестовала уже семьдесят пять городских конгрессистов. Встревоженный, он поспешил домой.

В «Обители радости» шел обыск. Полицейские явились сюда, чтобы арестовать отца и сына Неру.

Родные собрались в комнате отца. Мотилал неторопливо ужинал, запивая еду молоком. Камала сидела рядом, и только вздрагивающие тонкие пальцы сложенных на коленях рук выдавали ее волнение. Четырехлетняя Индира, увидев отца, с радостным визгом бросилась к нему. Сварупрани с трудом поднялась из кресла навстречу сыну и упавшим голосом сказала об аресте его двоюродных братьев и редактора «Независимого» Джорджа Джозефа. Не теряя ни минуты, Джавахарлал подсел к столу и быстро набросал два письма — конгрессистам и землякам — жителям Аллахабада⁵⁰.

«Я прошу вас помнить об одном, — писал Неру товарищам по партии. — Не может быть компромисса... с сатаной. Наша борьба может и должна завершиться только полной победой народа. Любая слабость, любое отступление от наших принципов будут предательством по отношению к тем, кто отдал все для нашего дела». «Друзья, — обращался Джавахарлал к аллахабадцам, — я отправляюсь в тюрьму с величайшим удовольствием и с глубоким убеждением, что это будет способствовать достижению нашей цели. Не забывайте о том, что двенадцатого числа этого месяца состоится

всеобщий хартал, и о том, что долг каждого аллахабадца — вступить в ряды волонтеров. Самое главное — это соблюдать спокойствие и сохранять дух ненасилия. В ваших руках честь Аллахабада, и я надеюсь, что она в безопасности. Я верю, что вы всегда будете на передовых позициях битвы за сварадж и обессмертите имя нашего города...»

Сопровождавший Неру в городскую тюрьму полицейский обмолвился, что Джавахарлала, по всей видимости, отправят в тюрьму в Лакхнау, откуда прислан ордер на его арест. Так и случилось. Отец остался в аллахабадской тюрьме, а Джавахарлала под охраной пяти полицейских ночным поездом вывезли в Лакхнау, город, расположенный в 300 километрах к северо-западу от Аллахабада.

Отца судили 7 декабря. Он отказался от защиты и, следуя требованиям Ганди бойкотировать британское судопроизводство, не отвечал на вопросы судьи. Мотилала обвинили в принадлежности к запрещенной организации волонтеров и приговорили к шести месяцам тюремного заключения и к штрафу в 500 рупий. После вынесения приговора его перевели в тюрьму в Лакхнау, где он встретился с сыном.

Суд над Джавахарлалом состоялся тоже 7 декабря. Джавахарлал, как и отец, отказался от услуг адвоката и не принимал участия в судебном разбирательстве. Он молча выслушал приговор — шесть месяцев тюрьмы и штраф в 100 рупий или еще один месяц в заключении за «распространение извещений о хартале», который должен был состояться 12 декабря.

Тюрьма в Лакхнау помещалась в нескольких огромных бараках, окруженных высокой кирпичной стеной. Джавахарлала и переведенных сюда из Аллахабада его двоюродных братьев Шамлала, Моханлала и отца поместили в барак площадью чуть больше двадцати квадратных метров. Узники могли общаться друг с другом, они получали газеты и письма, им разрешались свидания с родственниками. Джавахарлал не только располагал полной информацией о том, что происходило за тюремными стенами, но ему иногда даже удавалось передать письма оставшимся на свободе аллахабадским конгрессистам. Он настоятельно советовал им не ослаблять деятельности местного комитета Конгресса по проведению кампании несотрудничества.

Сатьяграха, казалось, достигла своей высшей точки, причем в ее развитии возникали новые своеобразные формы гражданского неповиновения. Правительство, прибегнувшее к массовым арестам, в отместку за враждебный прием, оказанный в Индии принцу Уэльскому, недоумевало: индийцы сами тысячами пошли в полицейские участки, в тюрьмы с требованиями, чтобы их арестовали. Многие едва ли не силой

проникали в места заключения.

Недоумение властей вскоре сменилось состоянием, близким к панике. Все тюрьмы оказались переполненными, а число желавших попасть туда не уменьшалось. В сложившейся ситуации властям пришлось стать более «разборчивыми»: арестовывали лишь руководителей волонтеров, секретарей и сотрудников городских, провинциальных комитетов Конгресса. Однако движение, возглавляемое остававшимся пока на свободе Махатмой Ганди, не ослабевало.

Джавахарлал торжествовал: не напрасна та многотрудная, кропотливая работа, которую изо дня в день вели он и его товарищи. Неру воодушевляло сознание того, что попытка совместить антиправительственные выступления горожан и борьбу крестьян успешнее всего удалась им, конгрессистам Соединенных провинций, удалась, несмотря на то, что в самый разгар кампании несотрудничества все пятьдесят пять членов провинциального комитета находились в заключении.

И вдруг вечером 13 февраля 1922 года кто-то из заключенных получил с воли ошеломляющую новость: Ганди приостановил кампанию несотрудничества по всей стране! Многие не поверили, предположив, что эти слухи распространяются англичанами, которым выгодно сейчас скомпрометировать Махатму. Наутро заключенным принесли свежие газеты. На первых полосах излагалась резолюция Рабочего комитета Конгресса. Сомнений не оставалось: сатьяграха прекращена по настоянию Ганди.

Поводом для прекращения кампании несотрудничества явились события 4 февраля в деревеньке Чаури-Чаура, расположенной недалеко от Горакхпура. При разгоне демонстрации волонтеров и किसानов полиция пустила в ход оружие. Разгневанные демонстранты напали на полицейский участок и убили всех находившихся там полицейских. 11 и 12 февраля в Бардоли на созванном в связи с этими событиями заседании Рабочего комитета Конгресса Ганди убедил его членов принять резолюцию о прекращении кампании несотрудничества.

«Мы негодовали, узнав о прекращении борьбы в тот самый момент, когда мы, казалось, укрепили наши позиции и успешно продвигались на всех фронтах», — вспоминал Джавахарлал о том, как единодушно реагировали на решение Рабочего комитета его товарищи по заключению.

Через неделю сестра Сваруп принесла Джавахарлалу послание Ганди. Махатма выражал уверенность в том, что недоумение, возмущение и даже гнев многих его соратников, вызванные решением комитета, неизбежно сменятся «полным пониманием сложившейся ситуации». Ноябрьские

события в Бомбее, трагический инцидент в Чаури-Чаура, по убеждению Ганди, показали, что участники сатьяграхи нарушают принципы ненасилия, выходят из-под контроля своих руководителей, становятся все более «агрессивными, непокорными». Ненасилие грозит переродиться в насилие. Дабы не скомпрометировать вконец идеалы сатьяграхи, кампанию несотрудничества следует немедленно прекратить. «Движение отклонилось от верного пути. Мы должны вернуться на исходные позиции и снова двинуться вперед». Ссылаясь на свой опыт, приобретенный в тюрьмах Южной Африки, Ганди советовал Джавахарлалу не реагировать столь остро на то, что происходит во «внешнем мире», поскольку человек, находящийся в заключении, не в состоянии трезво оценить политическую обстановку.

Послание Ганди не удовлетворило Джавахарлала: «Разве допустимо было, чтобы отдаленная деревня и толпа охваченных возмущением крестьян в каком-то глухом местечке могли положить конец, по крайней мере на какое-то время, нашей национальной борьбе за свободу?» Он прочитал письмо Ганди отцу, товарищам и по их огорченным лицам понял, что они разделяют его чувства.

Сомнения в правильности предпринятого Ганди шага не давали Джавахарлалу покоя. «Если те доводы, которыми Гандиджи обосновывал прекращение кампании неповиновения, были справедливы, то наши противники всегда смогут создать такие условия, при которых мы будем вынуждены отказаться от борьбы, — рассуждал он. — Был ли в этом повинен самый метод ненасилия или вся беда заключалась в том, как интерпретировал его Гандиджи?» Неру снова перечитывал письмо и снова не находил ответа.

3 марта 1922 года Джавахарлала неожиданно освободили. Он пробыл в тюрьме восемьдесят семь дней, то есть меньше половины срока, к которому его приговорили. Оказалось, что какой-то чиновник, занимавшийся судебным надзором, не обнаружил в деле Неру состава преступления и опротестовал приговор. Движение несотрудничества заметно шло на убыль, и начавшие успокаиваться власти решили выпустить часть заключенных из переполненных тюрем.

Неру вышел на свободу без особой радости: в заключении оставались отец, страдавший от частых приступов астмы, товарищи...

Он несколько дней провел дома, а затем выехал в Ахмадабад, намереваясь встретиться и объясниться с Ганди. Но встреча с Махатмой состоялась не в его ашраме⁵¹ на берегу реки Сабармати, а в городской тюрьме, куда Ганди был доставлен 10 марта. Его арестовали по обвинению

в попытке «возбудить недовольство правительством, учрежденным законно в Британской Индии».

Джавахарлал присутствовал на суде и слушал страстное выступление Ганди, заявившего, что он считает «добродетелью быть нелояльным по отношению к правительству, которое в целом причинило Индии больше вреда, чем все предшествовавшие ему». Суд приговорил Ганди к шести годам тюремного заключения.

В Аллахабаде Неру с огорчением обнаружил, что провинциальный комитет Конгресса, по существу, бездействует. Джавахарлал собрал оставшихся на свободе конгрессистов. Кампания несотрудничества прекращена, что ж, они будут выполнять те положения программы Конгресса, которые еще остаются в силе.

В апреле 1922 года под руководством Неру в Соединенных провинциях была успешно проведена кампания за развитие национальной промышленности — свадеши. Джавахарлалу удалось договориться с местными торговцами текстилем, что они откажутся от закупок тканей британского производства и будут пропагандировать и продавать одежду из кхади. На улицах Аллахабада и других городов запылали костры, в огне которых сгорали иностранные ткани и одежда. У магазинов тех торговцев, которые отказывались сотрудничать с конгрессистами, выставлялись пикеты, состоявшие преимущественно из женщин. Кажется, предложение привлечь женщин к участию в свадеши исходило от Ганди, и они с охотой откликнулись на этот призыв, мужественно выстаивая у лавок и магазинов с утра до вечера, отпугивая своим грозным видом редких покупателей. Горожане сели к ткацким станкам, и уже через какое-то время появление на улицах индийцев в одежде, сшитой из британских тканей, и тем более в европейских костюмах, стало исключительной редкостью. Все с гордостью носили национальные костюмы из кхади.

11 мая Джавахарлал приехал в Лакхнау, чтобы навестить отца, все еще находившегося в заключении, а вернулся оттуда в сопровождении нескольких полицейских, доставивших его в аллахабадскую тюрьму. На этот раз Неру обвинили в «преступном запугивании» торговцев тканями и в «подстрекательстве к мятежу».

Джавахарлал не признал себя виновным и отказался от защиты. В своем выступлении на суде он не без иронии поблагодарил власти за предоставленную возможность публично рассказать правду о политической деятельности конгрессистов Соединенных провинций. Легко, остроумно, с изяществом опытного юриста Неру показал полную несостоятельность выдвинутых против него обвинений. Все заслушанные

им показания свидетелей, в том числе и таких «беспристрастных», как аллахабадские полицейские, только подтверждали подлинно мирный характер свадеши. Запугиванием, вымогательством занимались не конгрессисты и волонтеры, а правительственные чиновники, опутавшие Индию сетями коррупции и террора. Однако никто и не думал наказывать их за это, напротив, они поощрялись правительством, которое щедро раздавало им награды и должности.

«Угрозы и террор стали главными средствами политики правительства, — гневно бросил суду Джавахарлал. — С их помощью оно надеется подавлять недовольство народа. Уж не думает ли оно таким образом вызвать к себе симпатии в народе или превратить его в послушное орудие империализма? Симпатии и лояльность исходят из сердца. Их невозможно купить на рынке и тем более принести на острие штыка». Неру выразил уверенность в том, что свадеши и другие формы протеста народа против колонизаторов приблизят день освобождения родины. «Нет большей чести, чем служить Индии в ее борьбе за свободу», — закончил он свое выступление.

19 мая речь Неру была опубликована в аллахабадских газетах. Особенно восторженно приняла ее индийская молодежь, считавшая Неру своим лидером. Для молодых индийцев Джавахарлал стал «нашим Джавахаром». Почему именно он так полюбился молодому поколению? Другие лидеры ИНК, казалось, и выглядели куда внушительнее, и имели большие заслуги в освободительном движении. По всей вероятности, дело было вовсе не в возрасте Джавахарлала, хотя ему едва исполнилось сорок лет, и не в его внешней аккуратности и элегантности, с которой он носил скромные костюмы из кхади, что, кстати, импонировало многим. Дух его речей — вот, пожалуй, что привлекало к Неру молодежь. «В этих речах, — говорил выдающийся индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас, — звучал чисто юношеский задор, даже бесшабашная дерзость, и это сразу отличало его от деятелей старшего поколения, всегда выражавшихся так умеренно и осторожно». Сам Джавахарлал как-то сказал: «Движение молодежи явится революцией в самом широком смысле этого слова и повлечет за собой перемену к лучшему. Молодежь — носитель протеста против всякого зла, и она не согласна только ждать, ждать и ждать».

Приговор Неру был оглашен 19 мая 1922 года — 18 месяцев тюрьмы и штраф в сто рупий. В случае отказа уплатить штраф срок заключения увеличивался на три месяца.

На другой день Джавахарлала отвезли в уже знакомую ему тюрьму в Лакхнау. Отца он там не застал. Мотилала перевели в другую тюрьму, из

которой он вышел на свободу 6 июня 1922 года.

В тюрьме теперь ввели более строгие порядки: очевидно, кто-то из высокого начальства счел слишком мягкими условия, в которых содержались заключенные. Всякая связь между бараками была запрещена. Узникам разрешались свидания с близкими и получение от них писем не чаще одного раза в месяц. Джавахарлалу присвоили номер 4126 и поместили в пятый барак, где находилось более полусотни человек. «Нет никакой возможности скрыться от них в каком-нибудь укромном уголке... — вспоминал спустя несколько лет Неру. — Это была как бы семейная жизнь, неприятные стороны которой увеличивались во сто крат, а от привлекательных сторон почти ничего не осталось, причем жить этой жизнью вынуждены были люди самых различных характеров и вкусов. Это сильно действовало на нервы всем нам...»

Здоровье Джавахарлала оставляло желать лучшего: видимо, сказалось напряжение апрельских дней. Его беспокоили боли в груди, расстроился сон. Неру решил лечить себя сам: бросил курить, утром усердно делал зарядку по популярной тогда системе Мюллера, дополнив ее упражнениями йогов, в частности, знаменитой ширшасаной — стойкой на голове. Неру уверял друзей в том, что ширшасана полезна как в физическом отношении, так и из-за ее психологического воздействия. Кажущаяся забавной поза приводила его в хорошее расположение духа и делала более жизнестойким. (Привычку к ширшасане он сохранил до последних лет жизни, что давало западным журналистам повод писать о «причудах» главы индийского правительства.) Питался скромно, перейдя на вегетарианскую диету: лепешки из пресного теста, молоко, овощи. Большинство заключенных пряли, и Джавахарлал тоже увлекся этим занятием и даже как-то послал домашним свою пряжу. Когда надоедало сидеть за прялкой, Неру бегал вокруг барака и таскал огромное, наполненное до краев водой ведро от колодца к крохотному огороду, разбитому рядом с бараком.

Самочувствие его постепенно улучшалось. «Тебе совсем не стоит беспокоиться о моем здоровье, — успокаивал Джавахарлал отца. — По-моему, тюремная жизнь мне определенно на пользу».

Однако главным занятием, которому Неру посвящал все свободное время, было чтение. Особенно интересовала Джавахарлала историческая литература: изучая уроки прошлого, он надеялся отыскать в них «указание на будущее». Среди присланных из дома книг — их перечень включает в себя около двухсот названий — «Восстание сипаев» Кея и Маллесона, «Начальный период истории Индии» Винсента Смита, «Краткая история

человечества» Герберта Уэллса, «Священная Римская империя» Джеймса Брайса, труды Д.Э.Саймондса по эпохе Возрождения в Италии, «Секретная история захвата англичанами Египта» У.С.Бланта, «Германская социал-демократия» А.Бевана, «Экономические последствия мира» Д.М.Кейнса, «Французская революция» Томаса Карлейля, книги Джона Рескина «Сезам и лилии», «Крона дикой оливы», биография Тилака, «Дантон» Ромена Роллана, любимая в юности книга Тревельяна о Гарибальди и великое множество других книг по истории, географии, политике, экономике, искусству.

В особую тетрадь, переплетенную в кхадии, Неру заносил понравившиеся ему высказывания, мысли, оценки, интересные факты, записывал мнение о той или иной прочитанной книге. Так, 10 августа 1922 года он написал о книге Хэвелла «Правление ариев в Индии»: «Блестящий очерк истории Индии древних времен. Автор проникся духом Индии и создал благожелательный по тону, объективный труд. В целом это обстоятельная, поучительная книга, которую стоит почитать каждому индийцу. Она дает определенное представление о величии древней Индии». А вот другой отзыв: «Эта книга — «Памятники древности Индии» Барнетта — вопиющий пример работы без понимания, без вдохновения. С подобным часто сталкиваешься, читая книги по восточной тематике, написанные европейскими учеными... Они начинают писать с высокомерным превосходством, а на самом деле никогда не понимают того, о чем пишут... Барнетт, должно быть, перечитал уйму книг об Индии и о Востоке, однако он обнаруживает полное невежество в освещаемых им вопросах... С превеликим трудом он собрал воедино сопутствующие религиям и традициям древней Индии нелепости, глупости, непристойности... и на основании этого судит о прошлом... Книги такого рода вводят в заблуждение и, несомненно, причиняют большой вред...»

Тетрадей, на обложках которых твердым почерком Неру выведено «Заметки и цитаты», накопится не один десяток. Впоследствии он не раз обратится к ним, когда будет рассказывать в письмах к дочери о важнейших событиях мировой истории и когда будет работать в тюрьмах над «Автобиографией» и «Открытием Индии»...

В дождливые осенние вечера 1922 года Неру с наслаждением перечитывал литературные произведения любимых авторов — стихи и прозу Рабиндраната Тагора, пьесы Шекспира и Шоу, романы Виктора Гюго, рассказы Эдгара По, рубаи Омара Хайяма. Он увлекся романтической поэзией Шелли и Байрона, Китса и Теннисона. (Не случайно биографы Неру замечают отпечаток романтизма на письмах Джавахарлала того

периода.) Тургеневский «Рудин» и «Анна Каренина» Льва Толстого помогли ему узнать и полюбить великую русскую литературу.

Режим в тюрьме все ужесточался. Тюремные цензоры нещадно вычеркивали из писем то, что, по их мнению, относилось к политике. Узникам запретили получать газеты и журналы. Книги передавались только с дозволения дирекции тюрьмы. Питание ухудшилось, а получать продуктовые посылки с воли также запрещалось. Не разрешалось заниматься физическим трудом, хранить при себе деньги, «шуметь» и прочее, и прочее. Семерых заключенных, наиболее опасных с точки зрения дирекции тюрьмы, и в их числе Джавахарлала, перевели в отдаленный, изолированный барак. Власти, казалось, делали все, чтобы полностью лишить своих политических противников информации из внешнего мира, разобщить узников и если не сломить, то унижить их.

Джавахарлал не терял присутствия духа и старался с юмором воспринимать тяготы жизни в заключении. «Это послание получилось слишком длинным, — притворно сетовал он в одном из писем к отцу, — нашему надзирателю будет тяжело прочесть его. Я знаю, что он проявляет особый интерес к моим письмам. Кажется, на этот раз чтение утомит его!» У Неру были основания «сочувствовать» надзирателю-англичанину, в обязанности которого вменялось просматривать переписку заключенных. Этот тюремный цензор раздражался, когда заставлял кого-нибудь из своих подопечных за чтением — занятием, как он считал, абсолютно никчемным. Однажды он не без гордости сказал Джавахарлалу, что последний раз держал книгу в двенадцатилетнем возрасте.

Поначалу Неру угнетало отсутствие сведений извне, но он переборол себя, заключив с горькой иронией, что в его положении лучше «пребывать в блаженном неведении». Ему было бы во сто крат мучительней слышать, читать о борьбе своих товарищей и вынужденно бездействовать.

31 января 1923 года, через восемь с лишним месяцев после ареста, тяжелые ворота тюрьмы вновь распахнулись перед Джавахарлалом. Его и еще 103 политических заключенных выпустили на свободу по амнистии, объявленной правительством Соединенных провинций. «Великодушие» властей, по мнению Неру, объяснялось просто: «Национальный конгресс не предпринимал никаких действий против правительства, а члены Конгресса были поглощены взаимными раздорами. Из известных деятелей Конгресса в тюрьме оставалось всего лишь несколько человек, и поэтому было решено сделать этот жест».

После трогательной встречи в «Обители радости» Джавахарлал засыпал отца вопросами. Но по мере того как Мотилал рассказывал

подробности о политической ситуации в стране, о положении в Конгрессе, настроение Джавахарлала все больше портилось.

Теперь ему с горечью приходилось признать, что движение несотрудничества закончилось для индийцев поражением и виной тому было вовсе не волевое решение Махатмы о прекращении сатьяграхи. Ганди, пожалуй, интуитивно, да, именно интуитивно уловил тот момент, когда движение достигло какого-то рубежа, остановилось, дрогнуло и медленно пошло на спад. А другие руководители Конгресса? Знали ли они, постоянно говоря о сварадже, что это такое? Не были ли их представления о сварадже слишком расплывчатыми, приблизительными? Чувствуя за своими плечами десятимиллионную армию сторонников Конгресса, не самоуспокаивались ли они, не тешили ли себя иллюзиями о скорой победе над англичанами? Неру хорошо видел, что люди, из которых состояла эта армия, «в своей подавляющей массе не были достаточно сильны, чтобы продолжать борьбу в течение долгого времени, и, несмотря на почти всеобщее недовольство чужеземным господством и сочувствие к Конгрессу, у них не было ни достаточной твердости духа, ни организованности. Отсутствовала выдержка. Даже те, кто толпами шел в тюрьмы, делали это под влиянием момента, рассчитывая, что все это продлится очень недолго». Массы, не увидев результатов своей борьбы, выходили из Конгресса. Численность партии уменьшилась до нескольких тысяч членов. В руководстве Конгресса соперничали две группировки — сторонники перемен и противники их. Сторонники перемен образовали свараджистскую партию, которую возглавили Мотилал Неру и Ч.Р.Дас. Мотилал рассказал сыну, что свараджисты рассчитывают, завоевав большинство в законодательных советах, взорвать их изнутри, парализовать колониальный механизм управления и вынудить англичан предоставить Индии независимость. Против свараджистов выступили находившийся в заключении Ганди и другие лидеры Конгресса, продолжавшие настаивать на проведении прежнего политического курса, который предусматривал и бойкот законодательных советов.

Джавахарлал вспомнил, как летом 1920 года он предлагал Ганди применить тактику ирландских синфейнеров, которые победили на выборах в парламент, а потом отказались занять свои места в палате общин. Махатма сразу отверг это предложение, заявив, что подобные действия будут непонятны массам. «Быть избранными и затем отказаться занять свои места в законодательных советах — значило бы сбить массы с толку», — сказал тогда Ганди.

Теперь Джавахарлал был решительно против вхождения в

законодательные советы, так как считал, что это неизбежно приведет к «тактике компромиссов и к постоянному сужению нашей цели».

Предприняв несколько безуспешных попыток сблизить свараджистов и сторонников Ганди, Неру занялся делами провинциального комитета Конгресса. Он по-прежнему считает несотрудничество единственно верным методом достижения независимости. Под руководством Неру конгрессисты Соединенных провинций собирают средства в фонд Конгресса, пропагандируют кхадии. Особое внимание они уделяют организационной работе по укреплению рядов Конгресса. Джавахарлал, беспокоясь о том, чтобы разногласия между сторонниками перемен и их противниками вконец не ослабили партию, везде, где бы ни выступал, призывает к единству. Ведь только единая, сильная, хорошо организованная партия способна привести индийский народ к победе.

3 апреля 1923 года на заседании муниципального совета Аллахабада Джавахарлал неожиданно для него самого избрали председателем городского муниципалитета. В большинстве городов Соединенных провинций, в Калькутте, Бомбее, Ахмадабаде к руководству муниципалитетами также пришли конгрессисты. Согласившись занять этот пост, Джавахарлал счел необходимым объяснить свое решение. «Мы возглавили городские муниципалитеты, — подчеркивал он в циркулярном письме конгрессистам Соединенных провинций, — с главной целью — помочь национальной борьбе. У нас нет намерений ни разваливать муниципалитеты, ни выступать в качестве обструкционистов. Мы хотим, чтобы в муниципалитетах велась честная и эффективная работа на благо городов и в полном соответствии с программой Конгресса. Для меня быть председателем муниципалитета означает служение нации в интересах скорого достижения свараджа. Лучше всего идти по пути, начертанному нашими руководителями, и не сворачивать с него в темные закоулки... конституционной деятельности. Я знаю, что еще много раз нам придется наступать и вести бои с врагом и платить за свободу самой высокой ценой... Но я также знаю, что нам необходима подготовка и дисциплина, для прямых действий нужны бойцы. Следовательно, мы должны налаживать и постепенно укреплять дисциплину среди тех, кто идет за нами... Пока могу, я буду вести борьбу. Пока могу, я буду сражаться и наносить сильные удары. Такова моя основная обязанность до победы».

Неру увлекся новой работой и уделял муниципалитету много времени. Он внимательно изучал каждый вопрос, с которым ему, как председателю, приходилось сталкиваться: будь то реконструкция аллахабадских дорог или борьба с уличной проституцией. Своей работоспособностью и неумемной

энергией Джавахарлал вскоре снискал уважение не только коллег, но и провинциального правительства, которое, закрыв глаза на его политическую деятельность, даже предложило ему занять пост министра просвещения, от чего Джавахарлал, разумеется, отказался. «Для меня всякая мысль связать себя с правительством, став одним из его министров, была совершенно неприемлемой, больше того, она вызывала во мне отвращение», — объяснял Неру свой отказ. Однако возможность заниматься «серьезной созидательной работой» сильно привлекала его, несмотря на то, что, будучи председателем муниципалитета, он постоянно «чувствовал себя связанным, наталкивался на препятствия и лишен был возможности делать что-нибудь действительно стоящее». Джавахарлалу противостояла непоколебимая в своей косности система государственного управления, созданная колонизаторами. Она безотказно срабатывала только в случае, когда возникала какая-либо угроза ее существованию. Тогда все ее звенья действовали быстро, четко и беспощадно. Если же дело касалось каких-либо мер, хоть в малейшей степени способных облегчить или улучшить положение индийцев, эффект был резко противоположным...

В мае 1923 года в Бомбее на заседании Рабочего комитета Конгресса шесть его членов — «противников перемен» — выступили против политики свараджистов и их лидера Ч.Р.Даса, являвшегося председателем комитета на 1923 год, и заявили о своей отставке. Неру предложил не принимать их отставки, однако «противники перемен» были непреклонны. Столкновение между ними и свараджистами привело к уходу Даса с его поста. Был образован новый Рабочий комитет, в который вошли конгрессисты, не принадлежавшие ни к одной из противоборствовавших группировок. Джавахарлала избрали одним из трех генеральных секретарей комитета Конгресса. Правда, его секретарство продолжалось недолго. Осенью на чрезвычайной сессии в Дели свараджисты добились победы. В принятой по их настоянию резолюции «сторонникам перемен» предоставлялось право участвовать в выборах в законодательные советы, а Конгресс обязался «прекратить всякую пропаганду против вхождения в законодательные органы». «Центристский» Рабочий комитет распался. Джавахарлал с чувством облегчения подал заявление об отставке: ему претило находиться между двух огней, да и «политические маневры», а проще говоря, заурядные интриги «сторонников» и «противников» производили на него удручающее впечатление.

По окончании делийской сессии Джавахарлал с двумя коллегами вечером 19 сентября 1923 года выехал поездом в Муктесар, где выступил на митинге в поддержку движения акали⁵², а утром 21-го прибыл в

местечко Джайто, расположенное на территории княжества Набха. Здесь вспыхнули волнения, вызванные произволом британских властей, которые сместили махарджу княжества, а на его место для управления Набхой назначили английского администратора. В Джайто Джавахарлала арестовали — уже в третий раз — и в наручниках, как особо опасного государственного преступника, доставили в тюрьму, славившуюся тем, что даже ее дирекция считала кошмарными условия, в которых содержались заключенные. «В тюрьме Набхи нас «всех троих держали в душной и грязной камере, — вспоминал Неру. — Она была мала и сыра, с низким потолком, который мы почти могли достать рукой. Ночью мы спали на полу, и я не раз вздрагивал и в ужасе просыпался оттого, что по моему лицу пробегала крыса или мышь».

Судебное разбирательство напоминало дурной сон. Судья, не умевший ни читать, ни писать, робко допрашивал подсудимых, не сводя тревожных глаз с находившегося в зале полицейского офицера. Текст приговора был явно подготовлен еще до начала процесса.

В первых числах октября суд, обвинив Неру в участии в «заговоре», приговорил его к тридцати месяцам тюремного заключения. К такому же сроку были приговорены и товарищи Джавахарлала. Однако вечером того же дня смотритель тюрьмы ознакомил Неру с двумя приказами администратора Набхи. Из первого следовало, что исполнение приговора приостанавливается. Второй предписывал Неру и его товарищам немедленно покинуть территорию княжества и не возвращаться в Набху без особого на то разрешения.

Испытания этих дней не прошли бесследно для Джавахарлала. Вернувшись в Аллахабад, он тяжело заболел. Врач обнаружил у него брюшной тиф, которым Неру, по всей вероятности, заразился в тюрьме. Из-за болезни Джавахарлал не смог присутствовать на провинциальной конференции Конгресса, однако, несмотря на тяжелое состояние, подготовил речь, с которой ознакомили делегатов конференции. Отметив, что несотрудничество и ненасилие продолжают оставаться главными принципами политики Конгресса, Неру писал: «Мы достаточно ясно показали, что ведем борьбу за полную свободу. Нас ни в малейшей степени не интересуют ни провинциальная автономия, ни перестановка фигур в правительстве Индии. Полная внутренняя свобода означает, что мы должны взять под контроль финансы, армию и полицию. До тех пор, пока мы не будем их контролировать, в Индии не будет свободы... Но здесь возникает вопрос: должны ли мы определить сварадж в соответствии с нашими убеждениями как «независимость»? Лично я буду приветствовать

тот день, когда Конгресс выскажется за независимость. Я убежден, что единственно верной и справедливой целью для Индии является независимость».

Речь Неру произвела сильное впечатление на делегатов конференции. Многие из них запутались в бесчисленных интерпретациях свараджа, порожденных различными группировками в Конгрессе, и добивались от своих лидеров ясности в вопросе о независимости. Конгрессисты Соединенных провинций получили от своего руководителя прямой и ясный ответ, содержащий призыв к действию — вести борьбу за достижение Индией полной национальной независимости.

Самого Неру в те дни одолевали сомнения как в правильности курса свараджистов (он усматривал в их действиях элементы «реформизма и конституционализма» и считал, что это неизбежно заведет свараджистов в тупик), так и в верности политики последователей Ганди, которые, по мнению Джавахарлала, «придавали больше значения букве учения, нежели его духу». Неру хорошо понимал, что массовый подъем национально-освободительного движения позади, а сейчас необходимо, критически переосмыслив уроки побед и поражений, энергично и тщательно готовить массы к новому этапу борьбы с колонизаторами. Эту мысль он проводил почти во всех своих выступлениях 1922 — 1926 годов. Но «не спутает ли все наши расчеты и не задержит ли нас снова какой-нибудь инцидент вроде Чаури-Чаура?» — спрашивал Джавахарлал и с нетерпением ждал встречи с человеком, который мог дать столь нужный ему ответ. Он продолжал верить в Ганди, считая его «великим и необыкновенным человеком и замечательным вождем», восторженно принимал моральные и этические стороны гандизма, хотя стал скептически относиться к гандистской доктрине «общества всеобщего благоденствия». Некоторые ее положения — неприятие европейской «машинной» цивилизации, возврат к замкнутым крестьянским общинам — Неру расценивал как утопичные.

12 января 1924 года Ганди сделали операцию аппендицита в тюремном госпитале в Пуне, а 5 февраля по приказу вице-короля Индии лорда Ридинга его освободили из тюрьмы, где он провел два года из шести, к которым был приговорен.

И вот долгожданная встреча. Она состоялась в апреле в приморском местечке Джуху, недалеко от Бомбея, где Махатма восстанавливал силы после тюрьмы и операции. Семейство Неру прибыло туда на отдых, хотя главной целью поездки в Джуху для отца и сына были беседы с Ганди. Мотилал, возбужденный недавним успехом свараджистов на ноябрьских выборах (они завоевали почти половину мест в Законодательном собрании

Индии), с помощью приехавшего из Дели Ч.Р.Даса пытался привлечь Ганди на свою сторону. Махатма мягко, но категорично отказался поддержать свараджистов, дав понять, что вхождение в законодательные органы несовместимо с программой несотрудничества⁵³.

Джавахарлал вернулся из Джуху разочарованным, так как Ганди не рассеял, в сущности, ни одного из его сомнений: «По своему обыкновению он отказывался заглядывать в будущее или излагать какую-либо программу, рассчитанную на долгий срок».

В декабре 1923 года на очередной сессии Конгресса Неру по предложению председателя сессии Мухаммеда Али избрали одним из трех генеральных секретарей ИНК. Ровно через год на сессии в Белгауме Джавахарлала вновь избрали (теперь уже по настоянию Ганди) генеральным секретарем.

Неру признавался, что в обоих случаях он без особой охоты соглашался занять этот пост, так как у него не было ясного понимания будущего политического курса Конгресса. Однако, будучи избранным, он энергично включался в работу, полагая, что она в какой-то степени отвлечет его от тревоживших сомнений.

Работы было много: здесь и чисто организационные вопросы — отчеты, инструкции, директивы для провинциальных, городских отделений ИНК, и борьба с распространением в Индии наркотиков, и поддержка кампании свадеши, и трудные поиски путей урегулирования религиозно-общинной проблемы. Индусы и мусульмане, вчерашние союзники, сегодня — не без участия англичан — снова стали врагами. Только за три года, минувших с момента прекращения движения несотрудничества, произошло семьдесят два кровавых столкновения между индусами и мусульманами.

Напряженная работа в Конгрессе и муниципалитете — как правило, по пятнадцать часов в сутки — не оставляла у Джавахарлала времени для семьи, и он был бесконечно благодарен жене, мужественно и терпеливо переносившей все трудности, выпавшие на ее долю. Слабая от частых приступов болезни (врачи подозревали у нее туберкулез), Камала находила в себе силы поддержать мужа, подбодрить его. «При всей своей гордости и чувствительности, — вспоминал Джавахарлал, — она не только мирилась с моими причудами, но приносила мне утешение и облегчение всякий раз, когда я в них нуждался».

Такую же поддержку Джавахарлал встречал и со стороны отца. Постоянная забота Мотилала о сыне никогда не переходила в навязчивую мелочную опеку старшего над младшим. Если они и расходились во мнениях, как это было в случае со свараджистской партией, то Мотилал не

принуждал сына изменить точку зрения, хотя, несомненно, был бы рад видеть в Джавахарлале своего единомышленника.

Несмотря на занятость в Конгрессе и Законодательном собрании, Мотилал ухитрялся заниматься юридической консультацией, что служило единственным источником доходов семьи. Джавахарлал за работу в Конгрессе и муниципалитете не получал ни рупии. Заметив, что сына беспокоит вынужденное иждивенство, Мотилал убеждал его сосредоточиться только на общественной деятельности и решительно возражал против попыток Джавахарлала подыскать оплачиваемую работу.

Осенью 1925 года состояние здоровья Камалы резко ухудшилось: постоянная тревога за мужа, потеря преждевременно родившегося сына (мальчик прожил всего два дня) вызвали обострение легочного заболевания. Врачи настоятельно рекомендовали Джавахарлалу увезти жену в Швейцарию. Они уверяли, что высокогорный климат оказывает порой благотворное воздействие на больные легкие, да и швейцарские доктора считались тогда лучшими специалистами по таким заболеваниям.

Ни колебаний, ни сомнений у Джавахарлала не было. 1 марта 1926 года он, Камала и восьмилетняя Индира отплыли из Бомбея в Европу.

Глава VI

*Сегодня наш мир создается вновь,
Приди же, поэт, — песнь приготовь.
Когда ты впервые звучанье принес
Рассвету, омытому свежестью рос,
Заря поднималась, сумрак гоня.*

Рабиндранат Тагор

Былую гордую Европу, похвалявшуюся своим расовым превосходством, Джавахарлал увидел теперь усталой, измученной сомнениями и тревогами. Война с ее разрушениями и кровью изменила облик преуспевавшего континента. По улицам городов в толпах неуклюже передвигались люди на костылях, в инвалидных колясках. Рано увядшие женщины угрюмо смотрели на прохожих потухшими глазами, в которых застыли боль и слезы, о не вернувшихся с войны мужьях, о потерянных семьях, о загубленной жизни.

Заводские трубы, как и прежде, выбрасывали в атмосферу клубы черного жирного дыма. А поодаль от заводов, вблизи садов и парков возводились новые банки с крепостными стенами. За зеленым сукном столов, в тишине банковских залов финансисты подсчитывали военные барыши, перераспределяли капиталы, которые потом будут затрачены на производство изощренного оружия, предназначенного для уничтожения людей, для разрушения созданных ими материальных и духовных ценностей.

Но народы больше не хотели войн. Страна Советов дала миру великий исторический пример строительства новой жизни. Заявляя о своей солидарности с пролетариатом всех стран и протягивая руку помощи угнетенным нациям, она положила начало необратимому процессу единения первого в мире рабоче-крестьянского государства с международным рабочим и национально-освободительным движениями.

В апреле 1926 года Джавахарлал с Камалой и дочерью приехал в Женеву и поселился в скромной квартире на окраине города. Беспокойство за здоровье жены и перспектива вынужденной бездеятельности угнетали Неру. Кроме того, ему тогда не доставало ясного видения пути к

намеченной цели. Там, в Индии, он много говорил о свободе, но ему никогда не хватало времени серьезно вдуматься в содержание этого, казалось бы, простого и понятного слова.

«Мы хотим свободы мысли, свободы действий, быть хозяевами своей судьбы и строить Индию, достойную гения ее народа. Мы не хотим, чтобы Индия рабски подражала Западу» — так говорил его отец, примерно то же часто повторял и Джавахарлал. Но стоило только ему задуматься над тем, как воплотить эти слова в реальность, и он обнаруживал отсутствие в них плоти. В самом деле, можно ли говорить об одинаковой свободе для феодала и крестьянина? Джавахарлал знал, что крестьяне «не видят ясной связи между своими повседневными страданиями и борьбой за сварадж». И тогда он снова мысленно обращался к Ганди, которому, как никому другому, удавалось ладить и с элитой, и с социальными низами, не поступаясь своими принципами. «Ганди — великий крестьянин с крестьянским взглядом на вещи и с крестьянской слепотой в отношении некоторых сторон жизни, — рассуждал Джавахарлал. — Может быть, в любой другой стране он был бы сейчас не на месте, но Индия, видимо, все еще понимает или, по крайней мере, ценит людей пророчески-религиозного склада, говорящих о грехе, спасении и ненасилии... Ганди как вождь пришел не откуда-то сверху, он незаметно вышел из гущи народа, снизу, и все его мысли были поглощены заботой о судьбах миллионов обездоленных и угнетенных соотечественников. Он говорил, что его «самое большое желание — осушить слезы у всех людей». Проповедуя свой моральный закон правды и любви, отождествляемый с ненасилием, он стремился восстановить духовное единство индийского народа. Ганди мечтал об Индии, «в которой беднейшие люди будут чувствовать, что это действительно их страна, в строительстве которой они будут иметь решающий голос... где не будет высшего и низшего класса людей». Он часто говорил о «боге бедняков» или о «господе, живущем в бедняке». Джавахарлалу иногда казалось, что за этики словами «скрывалось прославление бедности». Но сам Неру считал бедность «отвратительным явлением, с которым надо бороться и которое надо искоренять, а отнюдь не поощрять каким бы то ни было образом». Каждый раз, когда он заводил разговор с Ганди на эту тему, тот подчеркивал, что богатые должны относиться к личной собственности как к народному добру, вверенному их попечению. Такая точка зрения совершенно не удовлетворяла Джавахарлала. Он отказывался понимать, что в этом именно и кроется разрешение социальной проблемы. Он уже стал достаточно опытным политиком. Утопических представлений, основанных на патриархальных

обычаях и религии, Джавахарлал не принимал. Он подходил ко всему с меркой прогресса и считал полезным заимствовать все лучшее из опыта европейских развитых стран, в том числе из опыта России, которая, покончив с царским деспотизмом, решала социально-экономические и национальные задачи, во многом схожие с теми, которые стояли перед Индией. Извлечение уроков из истории политической борьбы других народов не означало для него преклонения перед чужеземным примером. «Плохо то, — размышлял он, — что Индия колеблется между слепой приверженностью к своим старым обычаям и рабским подражанием иностранному укладу жизни. Ни в том, ни в другом она не может найти ни облегчения, ни источника жизни и развития».

Хотя поездка Джавахарлала за границу была вынужденной, ему хотелось использовать пребывание в Европе, чтобы как можно основательнее ознакомиться с международными делами, установить контакты с друзьями Индии. Этого от него ждали и отец и Ганди. Махатма снабдил его рекомендательным письмом к Ромену Роллану, который в это время жил под Женевой на своей вилле «Ольга». «Один из моих самых дорогих соратников и друзей», — писал ему Ганди о Джавахарлале.

Обстановка в доме Роллана простая, ничего лишнего. Кажется, все вытеснили книги. Джавахарлалу глубоко симпатичны внутреннее благородство и нравственная чистота хозяина дома. Они беседуют на родном языке Роллана — французском. Разговор идет легко, как будто собеседники давние близкие знакомые. Роллан понимает и любит Индию. Он написал яркую книгу о Махатме Ганди, «открыв» его для Европы, а затем выпустил еще две биографии индийских «духовидцев» — Рамакришны и Вивекананды. Обоих — и Неру и Роллана — занимает проблема личности и общества: как добиться примирения противоречий между ними. Джавахарлал знаком с роллановской «Декларацией независимости духа» и с его проповедью «свободно мыслящего интеллигента», стоящего в стороне от социальных битв. Теперь в словах Роллана он улавливает нотки прощания с прошлыми убеждениями, исходившими из того, что интеллигент должен только ограничиваться мышлением, чуждаясь действия. Теперь писатель готов сам устремиться в политику, в гущу событий и действовать сообща с рабочими, с представителями угнетенных народов. Роллан рассказывает Неру о своей новой книге — «Прощание с прошлым», в которой он без сожаления расстается со своей апологией «свободного духа». По его словам, социализм и коммунизм представляют «единственную гарантию подлинной независимости духа, единственную возможность полного и

интегрального развития индивидуальности».

Выводы писателя удивляют Джавахарлала: ведь Роллан — пропагандист и поклонник того Ганди, который неустанно повторяет, что революционный путь не для Индии и что «Индия не хочет большевизма».

В начале 20-х годов, если не считать отдельных сторонников марксизма, в Индии еще не было организованной партии коммунистов. Однажды, в 1923 году, Джавахарлалу попал в руки еженедельник «Социалист», издававшийся в Бомбее индийскими марксистами. А вскоре, в начале 1924 года, колониальные власти организовали так называемый Канпурский процесс. Суд приговорил группу обвиняемых, среди которых были и коммунисты, к четырем годам строгого тюремного заключения. В Бомбее вскоре после вынесения приговора был создан «Комитет в защиту индийских коммунистов». Комитет опубликовал обращение к индийской общественности и к Коммунистической партии Великобритании создать денежный фонд с тем, чтобы добиться в апелляционном суде отмены приговора и признания за индийцами права на образование коммунистической партии⁵⁴.

Неру не раз отзывался об индийских коммунистах как о патриотах, которые так же, как и конгрессисты, только другими методами, добивались независимости для своего народа. Он ценил в них смелость, готовность пожертвовать собой ради достижения этой цели.

Жизнь Джавахарлала в «скучной» Женеве оказалась не такой уж и бездеятельной, чего он опасался ранее. В Женеве Джавахарлал встретился с Шиамджи Кришнавармой, имя которого ему было знакомо еще со школьных лет в Харроу. Тогда Шиамджи издавал «Индиан социолоджист», считавшуюся самой крамольной газетой. Он же основал в Лондоне индийское общество национальных революционеров.

Увидев Шиамджи в Женеве, Джавахарлал невольно испытал разочарование: перед ним стоял дряхлый, утомленный жизнью старик.

Шиамджи обитал в старой, давно не отремонтированной мансарде. Приходя к нему, Джавахарлал попадал в атмосферу уныния и мрака. На полках стояли старые, пропыленные, уже забытые хозяевами книги. Шиамджи жил прошлым, которое ревниво охранял и которым гордился. Бывало, что он вытаскивал из кармана ветхий экземпляр «Индиан социолоджист» и взволнованно показывал Джавахарлалу какую-нибудь статью, написанную им десяток лет назад.

Он владел крупным состоянием, но ходил пешком, чтобы сэкономить несколько сантимов на трамвае. Шиамджи мечтал, чтобы после его смерти на его средства был создан какой-нибудь общественный фонд, и предлагал

Джавахарлалу стать одним из его распорядителей. Джавахарлал не испытывал ни малейшего интереса к финансовым прожектам старца и вежливо отказался от его предложения.

Шиамджи и его жена, уроженка Гуджарата, долгие годы проведшая с ним в изгнании, доживали свой век в одиночестве, без детей, родных и друзей, беспомощные и всеми забытые. Временами во взгляде Шиамджи мелькало что-то от прежнего огня, и тогда Джавахарлал проникался к нему сочувствием и уважением. Супруги после своей почти одновременной смерти оставили большую сумму денег на обучение индийских женщин за границей.

Шумной известностью среди эмигрантов в Швейцарии пользовался Раджа Махендра Пратап. Джавахарлал встретил его в разгар лета в Монтрё. На залитой солнцем набережной Женевского озера среди пестрой толпы курортников выделялась фигура человека в нелепом костюме полувоенного образца, в высоких сапогах. Из многочисленных и вместительных карманов его пиджака торчали старые письма, газеты, документы, фотографии. Содержимого карманов хватило бы для объемистого досье в придачу с фотоальбомом. Это был Махендра Пратап, не утеревший способности радоваться жизни при любых обстоятельствах. Он объехал весь свет, жил в Японии, Китае, Тибете, Афганистане, и всюду с ним случались забавные приключения, о которых он охотно и с большим мастерством рассказывал. В карманах его оригинального костюма хранились всяческие редкости: письмо от германского канцлера, портрет кайзера с его автографом, свиток от тибетского далай-ламы. Витая в облаках и не желая считаться с реальной действительностью, Махендра Пратап основал «Общество счастья» под девизом «Будь счастлив». Он посылал почтовые открытки с обращением к участникам международных конференций, собиравшимся в Женеве. Обращения от имени общества он подписывал длинным вымышленным именем, заканчивая словами «Слуга человечества».

«Трудно было принимать Махендру Пратапа всерьез, — вспоминал Джавахарлал, — но он был абсолютно честен и искренен».

В начале лета 1926 года в Женеву приехала Кришна, младшая сестра Джавахарлала. Она взяла на себя основные заботы по уходу за Камалой.

Наконец-то опасная для здоровья Камалы весна осталась позади. С наступлением сухой погоды она почувствовала себя лучше, и теплыми вечерами Неру отправлялись на прогулки по женевской набережной, в парк «Мон-Репо», катались по озеру на пароходе, ужинали в ресторане «Перл дю лак», расположенном в деревянном доме на берегу озера. Несмотря на

болезнь, Камала выглядела счастливой. Джавахарлал еще никогда не уделял ей столько времени и внимания.

Разница в возрасте супругов была заметной. Еще больше эта разница ощущалась в их воспитании и духовном развитии. Камала не получила такого блестящего образования, как ее муж. Пройдет время, и Джавахарлал напишет, что «ее тонкий чувствительный ум разворачивался медленно, подобно цветку, и нуждался в любовном и заботливом уходе». В первые же годы супружества он, считая жену малоподходящим собеседником, нередко иронически относился к ее вопросам, казавшимся ему по-детски наивными. Она обижалась. Камале было бы легче снести сдержанность мужа в проявлении нежности к ней, нежели неприятие ее всерьез как друга и помощника. Иногда возникали мелкие раздоры из-за ложного представления о собственном достоинстве. Однако эти вспышки были поверхностными, быстро гасли и не влияли на их глубокую привязанность друг к другу, на большое взаимное чувство.

С приездом Кришны Джавахарлал получил возможность на короткое время покинуть Женеву и бывать в других европейских городах, где он знакомился со многими соотечественниками — старыми революционерами, которые из-за преследования колониальных властей вынуждены были находиться в эмиграции. Основная часть индийских эмигрантов жила в Берлине. Много здесь было и индийских студентов, обучавшихся в Германии и образовавших в годы первой мировой войны патриотические группы. Германское правительство стремилось использовать антианглийские настроения индийцев в своих политических интересах. А руководители индийской эмиграции вели торг с немцами, добиваясь признания теми независимости Индии в случае победы Германии в войне. Неопытной молодежи казалось, что она играет историческую роль в судьбе Индии. Выглядело все это наивно. Война окончилась, развеялись и иллюзии. Вернуться на родину индийские эмигранты уже не могли, а жить на чужбине стало неважноту. «В Германии, — по словам Неру, — не любят иностранцев, принадлежащих к ненордическим расам, в особенности же азиатов; их терпят лишь до той поры, пока они хорошо ведут себя».

Неру увидел, что индийцы в Берлине не только не были связаны друг с другом, но и враждовали между собой, причем каждый подозревал другого в предательстве. «Такова, по-видимому, — думал он, — судьба политических эмигрантов повсюду». Некоторые из них превратились в буржуа европейского образца и давно утратили прежнюю патриотичность. Однако большинство индийских эмигрантов, с которыми Джавахарлалу

довелось встречаться, оставались патриотами и страдали от острой ностальгии. Оторвавшись от индийской действительности, они носились с надуманными проектами освобождения Индии. Их жизнь была полна лишений, повседневных волнений и вечной тревоги из-за куска хлеба.

В июле 1926 года в одной из швейцарских газет появилась статья, в которой утверждалось, что индийцы почти единодушно желают сохранения английского господства.

Редко случалось, чтобы Неру негодовал так, как сейчас. Он написал резкий ответ, в котором привел конкретные факты о подлинно всенародном характере освободительного движения в Индии. «Я могу сделать единственный вывод, — обращался он к автору статьи, — что вы считаете индийцев, которые требуют свободы для своей родины, лжецами и ханжами. В таком случае нам не о чем с вами спорить».

Переписка с отцом и друзьями, руководителями Конгресса, позволяла Джавахарлалу быть в курсе всех последних событий в Индии. Его тревожили вести о религиозных распрях, разжигаемых в стране англичанами. Крайние группировки индусов и мусульман, враждуя между собой, разъединяли народ и тем самым облегчали колонизаторам задачу держать его в повиновении. А Махатма Ганди, успокаивая Неру, писал ему в Женеву: «Индусы и мусульмане все больше и больше отдаляются друг от друга. Но это не беспокоит меня. Так или иначе, но я чувствую, что разъединение между ними возрастает лишь только для того, чтобы привести их к большему сближению». Неру не разделял этого оптимизма.

Через несколько месяцев после получения письма от Ганди Джавахарлала потрясла мрачная весть из Индии о гибели известного всей стране патриота Свами Шраддхананда, которого вероломно убил какой-то фанатик, подкравшийся ночью к его постели. Неру вспомнил, как однажды во время народного волнения против англичан этот мужественный человек с открытой грудью пошел на штыки солдат, и, когда те отступили, он, индус, смело поднявшись на священную для мусульман кафедру храма Джами-Мазджид в Дели, призвал индусов и мусульман к братскому единству. И люди внимали его призыву, ликовали, выкрикивали лозунги братства.

Вообще новости из Индии часто ввергали Неру в состояние тревоги и разочарования. Все больший вес в Индийском национальном конгрессе приобретали титулованные особы, землевладельцы и промышленники, религиозно-националистические взгляды которых мало чем отличались от взглядов лидеров «Хинду махасабха», крайне правой воинствующей организации индусов. Неру писал своему другу Саиду Махмуду, что

религиозный фанатизм может погубить дело освобождения родины от колониального господства.

С наступлением осени состояние Камалы вновь ухудшилось. Врачи рекомендовали перевезти ее на зиму в горный санаторий в Монтане. Снова потребовались деньги. Кроме того, надо было выплатить крупную сумму за учебу Индиры в швейцарской школе. Пришлось продать те немногие драгоценности, которые Камала имела при себе. Но и вырученных денег не хватало. Джавахарлал и Камала не хотели ни у кого одалживаться, даже у родственников, и жили только на свои скромные средства. Приходилось экономить на всем: к примеру, Джавахарлал вынужден был воздержаться от покупки столь необходимого для него, южанина, пальто. Когда Мотилал Неру узнал о финансовых трудностях сына, он написал ему: «Мне было очень больно читать твое письмо, в котором ты советуешь продать золотые браслеты Камалы... Я боюсь, что ты пытаешься быть чересчур экономным и отказываешь себе и Камале в самом необходимом».

Камала, Джавахарлал и Кришна переехали в Монтану. Сухой и чистый воздух, пахнувший хвоей лесов, космическое безмолвие гор, внимательные врачи — все это должно было поднять Камалу на ноги. Вскоре ей действительно стало лучше.

Джавахарлал полюбил европейскую зиму. Катание на коньках приносило ему огромное наслаждение. Рискуя поломать себе ноги, он в конце концов овладел и горными лыжами.

«Но ничто, кроме тюремных стен, не могло удержать брата сколько-нибудь долго на одном месте», — говорила Кришна.

Действительно, как только Камала начала поправляться, Джавахарлал отправляется в Берлин, чтобы установить контакты с руководителями Антиимпериалистической лиги, подробнее разузнать о предстоящем в начале 1927 года конгрессе угнетенных народов.

На сей раз в Берлине Неру познакомился с Вирендранатхом Чаттопадхьяя, которого друзья и знакомые называли просто Чатто. Жил Чатто в долгой эмиграции бедно, едва сводя концы с концами, глубоко тоскуя по родине. Революционно-патриотической работой он начал заниматься еще до первой мировой войны в Лондоне и Париже. В 1917 году встречался с представителями РСДРП, посетил Москву. Встав на путь научного социализма, установил связи с III Интернационалом. Будучи человеком высокообразованным и талантливым, сумевшим полностью отказаться от морали старого мира, Чатто неизменно пользовался авторитетом среди профессиональных революционеров, коммунистов и

некоммунистов. Его никогда не покидало чувство мягкого юмора. Неру высоко ценил интеллектуальные качества Чатто, считая его «очень способным и обаятельным человеком».

По предложению Чатто Неру согласился принять участие в работе по подготовке антиколониального конгресса в Брюсселе. «Идеи о необходимости каких-то совместных действий угнетенных народов, а также совместных действий этих народов и левого крыла рабочего движения, — по словам Неру, — пользовались большой популярностью». И сам он все более убеждался в правильности мысли о том, что все подавляемые народы и эксплуатируемые классы имеют одного и того же противника — империализм, а поэтому и выступать против него нужно едиными силами. В письме к отцу Джавахарлал писал: «Совершенно очевидно, что конгресс в Брюсселе будет весьма авторитетным форумом, и было бы крайне желательным направить на него представителей Индийского национального конгресса: в конечном счете самым устрашающим империализмом в наши дни является английский, тот, который господствует в Индии».

С таким же предложением он обратился к руководству ИНК, подробно информируя его о деятельности Антиимпериалистической лиги.

Однако Ганди воспринял предложение Джавахарлала без энтузиазма. «Я со всем вниманием прочитал вашу официальную информацию, равно как и личное конфиденциальное письмо о конгрессе угнетенных народов, — отвечает он ему. — Что касается меня, то я столь больших надежд на лигу не возлагаю». Свое сомнение Ганди обосновывал тем, что представители европейских стран — участники Конгресса будут преследовать якобы только свои цели. Кроме того, по его мнению, конгресс в Брюсселе мог внушить индийцам опасную мысль: «Искать свое спасение, ориентируясь на внешние силы и на помощь из-за рубежа, вместо того чтобы добиваться этого посредством наращивания собственных сил внутри страны».

Неру огорчился, прочитав эти строки. Но менять свои убеждения из-за того, что они расходились с мнениями других авторитетов и даже с мнением самых дорогих и уважаемых людей, какими для Джавахарлала являлись отец и Махатма Ганди, было не в его характере. Он упорно добивается установления связи представителей индийского национально-освободительного движения с интернациональными органами Антиимпериалистической лиги. Индийскому национальному конгрессу посылается официальное приглашение направить делегацию в Брюссель, подписанное Сун Цинлин, вдовой выдающегося китайского

революционера-демократа Сунь-Ятсена, и видным деятелем английской лейбористской партии Джорджем Лансбери. Приглашение зачитывается на съезде Конгресса в Гаухати в декабре 1926 года и единодушно принимается его делегатами.

В Монтану пришел долгожданный ответ от генерального секретаря Конгресса Рангасвами Лиенгара. Джавахарлал уведомлялся о том, что он назначен представителем ИНК на брюссельском конгрессе. Одновременно ему пересылается чек на пятьдесят фунтов стерлингов — для оплаты возможных расходов. Однако в ответе Лиенгара не было главного — политических указаний. «Я надеялся на получение каких-либо инструкций в связи с брюссельским конгрессом, — писал Неру Лиенгару, — но выходит так, что мне придется рассчитывать только на себя».

Он все же запрашивает Шриниваса Айенгара, исполняющего обязанности председателя Конгресса, о том, можно ли в качестве политической цели освободительного движения в Индии назвать вместо расплывчатую «свараджа» — «независимость». Ответ пришел от отца. Мотилал поддержал сына. «Мы (Конгресс) требуем свараджа, — писал он, — а ты можешь интерпретировать это понятие как «независимость».

До начала конгресса оставалось чуть больше месяца. Джавахарлалу за это время нужно успеть многое. Он налаживает связи с левыми лейбористами в Англии и с их помощью собирает богатый фактический материал, обличающий грабительскую сущность британского империализма в Индии. В эти же дни пишет для женевского журнала «Ревью оф Нейшнс» статью, в которой обрушивается на тех, кто не в меру превозносил «цивилизаторскую» роль Англии в Индии и проповедовал мир между метрополиями и колониями. «Мир — это прекрасно, но даже ужасы и страдания на поле битвы лучше мира на кладбище».

В руководящие органы Антиимпериалистической лиги вместе с Анри Барбюсом, Роменом Ролланом, Сун Цинлин входит и Чатто.

Неру прибывает в Брюссель за несколько дней до открытия конгресса, 6 февраля 1927 года. С ним рядом Кришна. Он бесконечно благодарен сестре, которая взяла на себя обязанности его личного секретаря и машинистки. Неоценимую помощь Джавахарлалу оказывает Чатто: он знакомит Неру с тонкостями в позициях делегаций отдельных стран, представляет его многим делегатам.

Неру и Чатто засиживаются далеко за полночь, обсуждая проблемы национально-освободительного и международного рабочего движения. От Чатто Неру слышит правдивый рассказ о Советской России.

Дни бегут быстро. Работы столько, что на сон остается совсем мало

времени. Джавахарлал участвует в заседаниях подготовительного комитета конгресса, пишет проекты резолюций, беседует с прибывающими в Брюссель со всех концов мира делегатами, делает заявление для международной прессы.

«Мы отдаем себе отчет в том, — говорит он в этом заявлении, — что в борьбе, которую ныне ведут колониальные, полуколониальные и угнетенные народы, есть много общего. У них зачастую одни и те же противники, хотя иногда они выступают в различном обличье... Контакт между народами приведет к лучшему пониманию общих проблем и трудностей и неизбежно выльется в более тесное сотрудничество, которое приблизит всеобщую победу».

В день открытия конгресса, 10 февраля 1927 года, Неру дает интервью газете бельгийских коммунистов «Драпо Руж», в которой приветствует «создание органа, объединяющего движения в колониях и опирающегося на сотрудничество рабочих организаций капиталистических стран, сочувствие писателей и политических деятелей». Он отвергает утверждение английской прессы, что брюссельский конгресс является коммунистическим. «Для Англии, — говорит он, — все, кто выступает против эксплуатации других народов, — большевики».

Неру избирают в рабочий президиум конгресса. Председательствующий на конгрессе Стефан Дейвис, руководитель профсоюза шахтеров Южного Уэльса, предоставляет ему слово.

Говорит Неру спокойно, уверенно, почти не прибегая к жестам, никакой аффектации, что делает его речь еще более убедительной.

— Мы должны рассматривать индийских князей и крупных землевладельцев как пособников английского правительства в проводимой им политике в Индии. Они не хотят свободы для Индии из-за того, что это означало бы свободу крестьян от эксплуатации... Мы часто наблюдаем отвратительный союз английских капиталистов с капиталистами индийскими.

Воззрения Неру выходят теперь за рамки национальных задач: он связывает борьбу за независимость в Индии с антиимпериалистическим движением всех прогрессивных сил мира.

— Я хочу, чтобы вы осознали, — обращается Неру к делегатам конгресса, — что задача освобождения Индии — не только национальная проблема. Она непосредственно затрагивает большое число других стран и косвенно отражается на обстановке во всем мире. Мы не можем дальше терпеть сложившееся положение не только из-за того, что свобода — это хорошо, а рабство — плохо; для нас и для нашей страны это вопрос жизни

и смерти. В равной мере такое же положение нетерпимо и для вас.

По предложению Неру участники конгресса принимают резолюцию, в которой говорится, что «конгресс горячо поддерживает индийское национальное движение в его борьбе за полную независимость Индии и считает, что освобождение страны от иноземного владычества и всех форм эксплуатации есть важный шаг к окончательному освобождению народов Земли». В резолюции, которая была написана самим Неру, выражалась надежда, что «индийское национальное движение положит в основу своей программы идею полного освобождения крестьян и рабочих Индии, без чего не может быть подлинной свободы, и что оно будет сотрудничать с освободительными движениями в других частях света».

Самой многочисленной в Брюсселе была китайская делегация. В нее входили как представители гоминьдана, так и коммунисты, выступавшие в то время единым фронтом.

Неру вступает в тесный контакт с китайскими делегатами и предлагает им принять совместную индийско-китайскую декларацию, проект которой был им заранее заготовлен. Декларация ставила задачи углубления интернациональной солидарности и расширения сотрудничества между представителями национально-освободительного движения двух соседних стран. Неру по своей инициативе ведет переговоры с английскими коммунистами, в частности, с Гарри Поллитом и другими, а также с левыми лейбористами о том, что они поддержат эту декларацию, выступят в британском парламенте против посылки английских войск в Китай. Неру предусматривает также проведение в Индии кампании солидарности с китайским народом и пишет в индийскую газету «Волонтер» статью «Положение в Китае и долг Индии», в которой выступает в поддержку китайской революции как истинный интернационалист.

Несмотря на попытки отдельных китайских делегатов всячески подчеркнуть исключительность «китайского вопроса» и их требования о признании «традиционной культурной миссии» Китая в Азии, что отдавало великоханьским шовинистическим душком, декларация была принята и в течение более чем тридцати лет служила укреплению дружбы и сотрудничества между двумя народами Азии.

На конгрессе Джавахарлал встретился с молодым вьетнамцем по имени Нгуен Ай Куок. На его худом лице с резко очерченными скулами светились бесстрашные и чистые глаза, знавшие правду жизни. Он скромно держался в стороне от шумных дискуссий, и только по тому, как с ним подчеркнуто уважительно здоровались видные деятели Антиимпериалистической лиги, можно было догадываться, что это был

один из тех руководителей национально-освободительного движения в Азии, которые вынуждены были скрываться от многочисленных агентов империалистических спецслужб. Позднее Неру узнает, что это был Хо Ши Мин. Через двадцать семь лет, в 1954 году, они вновь встретятся — в Ханое, уже в качестве руководителей двух государств.

Конгресс закончил свою работу 15 февраля 1927 года. Созданы руководящие органы Антиимпериалистической лиги. Неру, как представитель Индии, избран одним из пяти почетных президентов лиги и членом ее исполнительного комитета.

Джавахарлал заметно утомлен. «После восьми или девяти дней работы конгресса без ночного отдыха и без приличной пищи я смертельно устал», — признается он в письме Лиенгару. Но времени на отдых не остается: он готовит подробный отчет о брюссельском конгрессе и уже через несколько дней отправляет его в Индию.

Неру не только подробно описывает работу конгресса, анализирует принятые на нем документы, но и высказывает глубокие мысли о складывающейся в мире расстановке сил. «Нам нельзя больше оставаться в неведении того факта, — отмечает он, — что американский империализм в ближайшем будущем создаст огромную проблему, еще большую, чем та, которую ныне представляет собой английский империализм. Не исключен также и такой вариант — на это есть много указаний, — что две державы с тем, чтобы господствовать над миром, создадут мощный англосаксонский блок».

Критикуя «узкий национализм», он защищает идею развития сотрудничества между народами, высказывает мысль о необходимости создания международной организации солидарности народов афро-азиатских стран, выступает против империалистических войн. «Я надеюсь, — говорит Неру, — что после обретения свободы мы используем нашу энергию для установления мира на земле». Уже тогда он приходит к выводу, что Советский Союз — «друг всех угнетенных народов и что у Индии есть все основания к тому, чтобы развивать с ним дружественные отношения».

Социализм, который до этого существовал в сознании Неру лишь как отвлеченная идея, теперь становится конкретной целью, соединенной с борьбой за независимость. Он знал, что руководители Индийского национального конгресса, в том числе Ганди и отец, не разделяют его взглядов, и все-таки пишет в отчете: «Я принимаю в своей основе социалистическую теорию о государстве». Коммунисты привлекали Джавахарлала прежде всего своими впечатляющими успехами в России.

Говоря о социалистической теории государства, Неру не принимал расплывчатых догм социалистов из II Интернационала и открыто отдавал предпочтение III Интернационалу.

По окончании брюссельского конгресса Неру несколько дней проводит в Лондоне и Париже. Здесь его радушно принимают лидеры профсоюзов, руководители левых партий. Он участвует в заседании исполкома Антиимпериалистической лиги, состоявшемся в Кёльне, затем едет в Дюссельдорф на митинг протеста против казни Сакко и Ванцетти. Во время одной из поездок он обнаруживает за собой слежку. Друзья предупреждают его об угрозе ареста. Что ж, он готов и к этому: ведь перед отъездом из Индии английские власти пытались заполучить от него обещание, что в Европе он не будет заниматься политической деятельностью.

В сентябре из Индии приехал Мотилал. Его приезд не был неожиданностью для Джавахарлала: он неоднократно приглашал отца присоединиться к ним и хотя бы несколько недель отдохнуть в Европе.

Джавахарлал знал, что в жизни отца наступили нелегкие времена. Авторитет и влияние возглавляемой Мотилалом Неру свараджистской партии⁵⁵ катастрофически падали. Тщетными оказались усилия перестроить в «национальных интересах» работу Законодательного собрания. Обещанный свараджистами «взрыв изнутри» не удался. Слово «доминион», казалось, вытеснило неопределенный «сварадж» из политического лексикона лидеров партии. Укрепилось правое крыло — так называемые «респонсивисты». Они настойчиво требовали полного сотрудничества с колониальными властями. Все это привело к тому, что на последних выборах в законодательные органы свараджисты лишились многих мест.

Мотилал остро переживал происходившее. Тяготился он и отсутствием сына. Письма Джавахарлала из Брюсселя нет-нет да и вызывали у Мотилала опасение: не сблизился ли сын с «коминтерновцами»? Тем более что такое же предположение высказывали и некоторые ознакомившиеся с отчетом Джавахарлала конгрессисты.

Джавахарлал встретил отца в Венеции. Беседы с сыном, его объяснения несколько успокоили Мотилала.

В октябре 1927 года произошло знаменательное для обоих Неру событие: советский полпред в Германии передал им приглашение Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) посетить СССР в дни празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Мотилал колебался недолго и, уступив

настояниям Джавахарлала, дал согласие на поездку.

О скором приезде Неру в СССР сообщала газета «Правда» 5 ноября 1927 года: «Несмотря на чинимые английскими властями препятствия, на торжествах в Москве будут и индийские делегаты. Здесь уже находятся три индийских делегата, представители индийской секции Лиги борьбы с империализмом. Сегодня-завтра должен приехать один из виднейших вождей индийского национального движения — Пандит Мотилал Неру... Он приедет в Москву в сопровождении своего сына Явахирлала Неру, вождя левого крыла Национального конгресса. Как известно, Явахирлал Неру был официальным представителем Индийского национального конгресса на первой конференции Антиимпериалистической лиги, состоявшейся в феврале 1927 года в Брюсселе».

На предстоящую поездку Неру в Москву откликнулась и индийская печать. В статье «Товарищеская рука», опубликованной в калькуттском «Форварде», говорилось: «Приглашение, присланное индусам, имеет особое значение. Вековая идея о «низших расах», резко отделявшая Европу от Азии и Африки и белых от желтых и коричневых, рухнула. Россия протянула свою братскую руку презираемым и угнетенным».

Отец и сын Неру с Камалой и Кришной выехали поездом из Берлина вечером 6 ноября и через сутки пересекли советскую границу в районе станции Негорелое. Офицер-таможенник, хорошо владевший английским, вежливо осведомился у них о цели поездки в СССР. Услышав ответ, он приветливо улыбнулся и сказал, что Неру, как гости Советского государства, освобождаются от таможенного досмотра.

Здание станции было празднично украшено красными флагами, на алом кумаче огромных транспарантов белели надписи на разных языках: «Советский народ приветствует своих гостей!» Неру вышли из вагона и сразу попали в кольцо радушных жителей Негорелого.

— Тебе не кажется, что вот так же нас приветствовали соотечественники в дни кампании несотрудничества? — шепнул сыну растроганный теплой встречей Мотилал.

— По-моему, русских гораздо больше интересуют диковинные для них сари Камалы и Кришны, — отшутился Джавахарлал.

В Москву Неру приехали к вечеру 8 ноября. На вокзале их встретили представители ВОКСа и знакомый Джавахарлалу по Брюсселю индийский коммунист Ш.Саклатвала, который прибыл сюда несколькими днями раньше в составе многочисленной англо-ирландской делегации. От него Неру узнал, что через два дня откроется Всемирный конгресс друзей СССР. В его работе примут участие около 1000 гостей из 43 стран. Саклатвала

сообщил, что намеревается выступить на конгрессе, но еще не решил окончательно, в качестве представителя какой делегации — англо-ирландской или индийской — будет выступать. Он слышал, что на одном из первых заседаний от индийской делегации должен выступить Чатто. На вопрос Мотилала о составе участников конгресса Саклатвала ответил, что организаторы не намеревались делать из этого тайны. «Прокоммунистическим» назвать конгресс будет сложно, — улыбнулся он. — Нас, коммунистов, не больше 10 — 15 процентов от общего числа участников. Основная же масса — представители самых различных партий и группировок, придерживающиеся далеко не всегда левых взглядов».

Саклатвала красочно описал ноябрьский военный парад и демонстрацию сотен тысяч людей на Красной площади. Слушая его, Неру искренне пожалели, что не приехали двумя днями раньше, и не смогли увидеть это, как следовало из рассказа Саклатвалы, великолепное зрелище.

Неру остановились в 207-м номере московского «Гранд-отеля». Окна гостиницы выходили на площадь Свердлова, и Джавахарлал любовался строгими, внушительными домами, опоясывавшими площадь и сходящимися к центру ее архитектурного ансамбля — величественному зданию Большого театра.

Москва ноябрьских дней 1927 года многим напоминала Джавахарлалу большие европейские города, но он сразу заметил и ее отличие от них. На вымощенных булыжником улицах те же трамваи, автобусы, однако значительно меньше автомобилей, нередко встречаются запряженные лошадьми телеги, коляски с живописными бородачами извозчиками. Неру отметил отсутствие некоторых товаров в магазинах, обратил внимание на скромную одежду москвичей. Но не эти детали быта советской столицы, объяснение которым он легко находил, отложились в его памяти. Джавахарлала поразили в советских людях энергия, решимость, способность выносить тяжкие лишения ради достижения цели, царивший повсюду дух равенства, братства, доброжелательности. Узнав значение столь часто звучавшего здесь слова «товарищ», он неизменно испытывал волнение, когда видел, с какой гордостью, с каким достоинством обращаются с этим словом друг к другу советские люди. «Каждый, является ли он носильщиком на вокзале или официантом в ресторане, — «товарищ»; так здесь говорят всем... Крестьянин из деревни или рабочий с завода, посещая президента, приветствует его как представителя своего класса, только чуть более умного и талантливого, и говорит ему: «Товарищ!»

В первые же часы пребывания в Москве Неру побывали на Красной

площади. Джавахарлал не удержался и зашел в церковь, расположенную рядом с Кремлем. Он увидел толпу верующих, преимущественно пожилых женщин. «Никто не останавливал их, но все входившие в церковь не могли не видеть плаката, висевшего рядом с храмом, на котором было выведено знаменитое изречение Маркса: «Религия — опиум для народа!» — не без улыбки отметил Джавахарлал.

У деревянного, лишенного украшений Мавзолея молчаливо стояла многотысячная очередь. «Со всех концов России... приезжали представители простого люда, крестьяне и рабочие, мужчины, женщины и дети, чтобы отдать последний долг своему дорогому товарищу, который поднял их со дна и указал путь к счастливой жизни».

Безграничную, но осознанную, далекую от бездумного, слепого поклонения любовь к Ленину Джавахарлал чувствовал в каждом советском человеке. Он видел, как светлели лица при упоминании имени вождя, с каким бережным интересом, с какой уважительной благодарностью рассматривали люди ленинские портреты, украшавшие Москву в дни праздника.

«Так можно относиться только к самому близкому, самому родному человеку, — думал Джавахарлал. — Для русских Ленин был и остается другом, братом, отцом».

Интерес к личности Ленина возник у него самого давно. Впервые услышав о вожде русской революции в конце 1917 года, он стал тщательно выбирать из газет, журналов и книг все сведения о Ленине, о его теоретической и практической деятельности. Он прочитал краткий биографический очерк о Ленине Э.Людвига, «Большевистскую Россию» А.Калгрена, «Теорию и практику большевизма» Бертрана Рассела, «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида, некоторые другие. Книги были, конечно, далеко не равноценны. Редко какая из них содержала правдивую информацию о Советской России. Большинство авторов не скрывало своих антипатий. В лучшем случае они писали о России с настороженной неприязнью, а такие, как Калгрэн, — с откровенной ненавистью. На Джавахарлала никогда не действовало пугало «большевистской угрозы». Определив свое отношение к Советской стране, «заглянувшей в будущее», составив мнение о ее вожде как «о великом уме и гении революции», он, приехав в Россию, не пережил разочарований.

Пребывание Неру в Москве было слишком коротким — всего три дня. Сетуя в письмах к старшей сестре на кратковременность поездки в СССР, Джавахарлал вместе с тем признавался, что и месяца было бы мало даже для поверхностного знакомства с жизнью этой гигантской страны. Но

здесь, в Москве, он стремился использовать каждый час, любую возможность, чтобы объяснить себе, как большевики решают некоторые из тех проблем, с которыми, по его убеждению, предстоит столкнуться строителям будущей новой Индии.

Его интересует, какую политику проводит государство диктатуры пролетариата в отношении самого многочисленного класса — крестьянства, как Советское правительство решает сложный, отягощенный колониальным наследием царизма национальный вопрос, как большевики борются с не менее тяжким последствием старого режима — с некогда почти всеобщей неграмотностью, как они осуществляют культурную революцию, чего добилось государство в деле уравнивания женщин в правах с мужчинами.

Одно из самых ярких впечатлений в Москве оставило у Джавахарлала посещение Дома колхозника. Он воочию убеждается, с каким уважением и заботой относится Советское государство к своему неутомимому кормильцу — сельскому труженику. В доме, рассчитанном на одновременный прием 350 человек, крестьяне могут не только остановиться и отдохнуть, но и получить консультацию по любым вопросам сельского хозяйства. Не умеющих читать и писать здесь учат грамоте, им дают книги, столь нужные деревне. В больших аудиториях, стены которых увешаны схемами, диаграммами, выставлены образцы сельскохозяйственных машин, призванных облегчить труд крестьянина; здесь рассказывают о новостях земледелия, животноводства, наглядно демонстрируют преимущества обработки земли с помощью нового мощного союзника — науки, здесь убеждают в необходимости коллективного хозяйствования в деревне.

Джавахарлал с восхищением отзовется о московском Доме колхозника в первом же интервью по возвращении на родину, отныне он будет мечтать о том времени, когда создание таких домов станет возможным в Индии.

В Советской стране успешно решается национальный вопрос. К такому выводу приходит Джавахарлал после нескольких дней пребывания в СССР. Он не заметит никаких следов национализма или шовинизма. Все национальности, уравненные революцией, пользуются одинаковыми правами, не только сохраняют, но и развивают свою самобытность, культуру, язык. На концерте русского классического балета Неру встретил рядом с русским татарина и казаха в национальных одеждах. Джавахарлала поразили успехи среднеазиатских народов, в прошлом угнетенных, отсталых, столь напоминавших ему народы Индии. Он узнал о десятках тысяч узбекских, туркменских, таджикских женщин, презревших вековые

предрассудки, сбросивших паранджу и наравне с мужчинами участвующих в строительстве новой жизни. Беседовавшие с Неру представители народных комиссариатов делились замыслами, идеями, планами, целью которых будет полное преодоление вековой отсталости народов Востока, создание национальной экономики, повышение культурного уровня, и он радовался и по-доброму завидовал дерзкому энтузиазму, непреклонной решимости большевиков.

Неру увидел, как в Советской стране образование, бывшее еще десять лет назад привилегией для немногих, стало доступным каждому. В Народном комиссариате просвещения ему объяснили, что ликвидацию неграмотности и развитие школьной системы большевики считают важнейшими средствами строительства социалистического общества и воспитания нового человека.

Познакомившись с тем, как живут и трудятся советские женщины, Джавахарлал потом с негодованием опровергал буржуазные мифы о «национализации женщин в большевистской России». Он утверждал, что советская женщина «независима и может показаться агрессивной в своей независимости, и наотрез отказывается играть подчиненную роль по отношению к мужчине». Неру написал о том, что Советский Союз единственная в мире страна, где женщины занимают крупные государственные посты, единственная страна, послом которой является женщина, единственная страна, где торжественно всенародно празднуется Международный женский день.

10 ноября отец и сын Неру в качестве гостей присутствовали на открытии в Колонном зале Дома Союзов Всемирного конгресса друзей СССР. Джавахарлал увидел много знакомых лиц. Неутомимая Сун Цинлин, Анри Барбюс, мексиканский художник Диего Ривера, представители Коминтерна — немка Клара Цеткин, японец Сен Катаяма, француз Поль Вайян-Кутюрье; англичанин Уильям Галлахер. В толпе участников конгресса мелькает улыбающееся лицо вездесущего Чатто. Сопровождающий Неру переводчик познакомил их с Н.К.Крупской, Е.Д.Стасовой, С.А.Лозовским, А.В.Луначарским и другими видными советскими государственными и общественными деятелями.

Джавахарлал с огромным интересом слушал выступления ораторов — людей самых разных национальностей, возрастов, профессий, взглядов, убеждений. Выходившие на трибуну конгресса высказывали страстное желание не допустить новой войны и выражали искреннюю решимость помочь советскому народу создавать новый общественный строй в условиях мира.

За несколько часов до отъезда из Москвы Неру в числе других участников конгресса были приняты Председателем ЦИК СССР М.И.Калининым и наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным. Простота, демократичность, спокойная рассудительность советских руководителей понравились Джавахарлалу, но главное, что он вынес из встречи, — это убежденность в миролюбии Советского государства, в его готовности развивать дружеские отношения со всеми народами, в стремлении оказывать поддержку силам национально-освободительного движения.

11 ноября Неру выехали в Берлин. Уже в дороге Джавахарлал начал обобщать свои впечатления от увиденного в Москве.

Через несколько месяцев мадрасская газета «Хинду» опубликовала очерки Неру о поездке в СССР. В декабре 1928 года в Аллахабаде увидела свет первая книга Джавахарлала, составленная из этих очерков. Он назвал ее «Советская Россия» и поместил в ней фотографию В.И.Ленина, читающего газету «Правда» в кремлевском кабинете.

Джавахарлал не мог не написать о своей поездке в Советский Союз. Трехдневное пребывание в Москве повлияло на эволюцию его политического мировоззрения. Он признавал, что «стал теперь лучше разбираться в международных вопросах, лучше понимать современный мир, находящийся в процессе постоянного изменения». Нет, Неру не стал марксистом и тем более коммунистом, в чем его неоднократно пытались упрекать политические противники. Некоторые стороны советской действительности он, последователь Ганди, разделявший идеи ненасильственного преобразования общества, не сумел понять и сохранил к ним критическое отношение. Однако сначала в «Советской России», а несколько позже в «Автобиографии» он открыто выразил свои симпатии к социализму и коммунизму и искренне заявил о том, что «насилие в России, каким бы плохим оно ни являлось, было направлено на создание нового строя, основанного на мире, сотрудничестве и подлинной свободе для масс».

Со страниц своей книги о Советской России Неру убеждал индийцев видеть в северном соседе не врага, а друга. «Каждому изучающему современную историю ясно, — писал он, — что Россия не хочет войны». Хорошо понимая, что измышлениями об «агрессивных планах России в отношении Индии» британские империалисты стремились оправдать свою разбойническую, грабительскую колониальную политику, Неру утверждал, что у России никогда не было «никаких экономических мотивов, чтобы стремиться к захвату Индии». Он сумел оценить значение для Индии

советского опыта в деле создания национальной экономики, развития культуры, как бы предвидя ту дружескую бескорыстную помощь, которую будет оказывать Советский Союз независимой Индии, и прозорливо предсказал: «Если Россия найдет удовлетворительное решение этих проблем, то наша работа в Индии будет облегчена».

Глава VII

*Вот богатство храбрости победной!
Вот оно — отважное терпенье!
Вот оно — бесстрашие перед смертью.
Видите — пустыней раскаленной
Толп людских поход непобедимый.*

Рабиндранат Тагор

Из Европы Неру возвращался в хорошел настроении, влекомый желанием побыстрей окунуться в горячий поток политической жизни Индии. Ощущение внутреннего разлада, угнетавшее его перед поездкой в Европу, исчезло.

Будущее мира представлялось Неру во всевозрастающей взаимосвязи государств и народов, но не на основе подчинения одних наций другими, а на условиях их равенства и полной политической и экономической самостоятельности.

Требование о предоставлении Индии государственной независимости было для Неру лишь шагом в верном направлении. «При отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства, — считал он, — ни страна, ни человеческая личность не могли развиваться свободно».

Страна жила в ожидании больших событий, и Неру видел свою задачу в том, чтобы подготовить к ним Соотечественников. Прежде всего надлежало рассеять всякие сомнения относительно главной цели национально-освободительной борьбы народа. Никаких уступок, ограничивающих будущую государственную самостоятельность Индии.

Движение за независимость должно предусматривать установление в стране подлинных демократических свобод, обеспечивающих социальные и экономические права народа. А как раз в этом вопросе от некоторых руководителей Конгресса ничего хорошего ожидать не приходилось. Неру с горечью отмечал, что и сам Конгресс выражал в основном националистические идеалы имущих классов. Иногда политика ИНК походила на надувательство доверчивого крестьянина, мечтавшего о сколько-нибудь сносной жизни. В Конгрессе и не помышляли о

необходимости земельной реформы, и это в крестьянской стране!

Когда иные конгрессисты, претендовавшие на роль лидеров освободительного движения, угодливо склонялись перед именитыми князьями, когда они цинично рассуждали о «крестьянском невежестве и эгоизме» и о склонности простого люда «к преступному насилию», Джавахарлал чувствовал, как закипает в нем ненависть к их политическому ханжеству. В такие минуты его возмущенная совесть подсказывала ему радикальный выход: отказаться от всяких постов в Конгрессе и попытаться самостоятельно найти путь к тем, кого неопределенно называли массами...

1927 год проходил в Индии под знаком организованных выступлений рабочих: бастовали нефтяники и металлисты Мадраса, текстильщики Бомбея, проводили всеобщую стачку железнодорожники. В профсоюзах образовалось левое революционное крыло, в котором важную роль играли коммунисты. Стремление объединить свои силы появилось и у крестьянства: возникали первые крестьянские союзы — «кисан-сабха». Разочарованная робким реформизмом старшего поколения конгрессистов, волновалась студенческая молодежь.

В ноябре 1927 года английское правительство назначило комиссию во главе с членом парламента Саймоном, которой поручалось изучить систему управления, установленную в Индии в 1919 году, и выяснить вопрос: стоит ли расширять полномочия представительных учреждений в стране? Комиссия состояла из семи англичан, представлявших консервативную, либеральную и лейбористскую партии. Индийцев в нее не допустили. Колонизаторы, направляя комиссию Саймона, думали тем самым создать видимость, что им небезразлична участь индийского народа, и тем самым ослабить массовые антианглийские выступления в стране.

...В декабре 1927 года Неру вместе с женой и дочерью пароходом прибыл в Мадрас. В порту на Джавахарлала сразу пахнуло жарким дыханием родины. Косые лучи утреннего солнца зажгли краски многочисленных гигантских и крошечных храмов. Юг Индии — оплот индульской ортодоксии. Бесконечные вторжения в Северную Индию чужеземных полчищ и легионов не затрагивали его. Коренное население субконтинента, теснимое завоевателями, переселялось с севера на юг, принося сюда с собой духовную культуру, которая существовала на заре истории индийской цивилизации. Юг становился основным вместилищем древнего духовного предания.

Еще в начале XVII века Ост-Индская компания получила разрешение могольского императора на открытие фактории на юге Индии. Здесь англичане основали форт Св. Георга, вокруг которого разрастался

«черный» туземный город Мадрас. Форт Св. Георга — город в городе со своими крепостными стенами, с площадями, улицами и переулками. Здесь по «Аллее снобов» прогуливались с дамами английские офицеры. С тех пор почти ничего не изменилось: те же здания с лепными колоннами, пушки на стенах крепости, та же церковь св. Марии, где британские торговцы и офицеры по-прежнему бессовестно смотрят в глаза богоматери, не желая думать о миллионах ограбленных и уничтоженных ими индийцев.

В церкви св. Марии молился и «основатель Британской империи» Роберт Клайв, который прибыл в форт в 1743 году в качества писца с окладом в 15 фунтов в год. А потом, через несколько лет, уже будучи лордом, бароном Плесси и генералом, он нагло похвалялся в английском парламенте: «Я бродил по открытым для меня подвалам между грудями золота и драгоценностей!» Клайв нагреб для себя и компании столько, что вошел в число богатейших людей мира. Писатель Хорейс Уолпол писал о нем: «Прибыл генерал Клайв, обладатель поместий и бесчисленных бриллиантов. Когда нищий просит у него милостыню, он отвечает: «Друг мой, у меня сейчас нет с собой мелких бриллиантов».

Клайв, вероломный интриган и мошенник, был одним из тех злых гениев, которых порождала эпоха колониальных захватов. И уж совсем не полководческий талант и не государственный ум, как это приписывали ему буржуазные английские историки, сделали Клайва всесильным хозяином Индии. Его армия была невелика и большей частью состояла из отбросов общества — бродяг и авантюристов, собранных с задворков английских городов. Изо щренное коварство и хитрость помогли Клайву сравнительно легко справиться с умственно одряхлевшими, передравшимися между собой феодальными деспотами из династии Великих Моголов. Народ же стоял в стороне: ему было не до бесконечных дворцовых переворотов, подкупов, дележей добычи, кровавых оргий. Его уделом всегда были земля и ремесла. Он строил, созидал, сохранял богатства страны, но постепенно в душе его накапливался гнев к своим и к чужеземным поработителям.

«Это был открытый грабеж, — писал Неру об экономической экспансии англичан в Индии. — Дерево злата трясло вновь и вновь, пока неоднократный чудовищный голод не опустошил Бенгалию...» Продажность, жестокость и алчность были в полной мере свойственны этим первым поколениям английских правителей в Индии. Показательно, что слово «loot» («грабеж») пришло в английский язык из языка хинди...

Приток индийских богатств во многом способствовал промышленной революции в Англии. История мировых экономических отношений не знала таких колоссальных прибылей, какие приносила англичанам

«торговля» с Индией. Английская буржуазия не зря прославляла Клайва: не без его помощи Англия стала «кузницей мира». Напротив входа в департамент по делам Индии в Лондоне ему был установлен памятник, позорный монумент британскому колониализму...

Когда Неру ступил на родную землю, в Мадрасе проходила очередная сессия Конгресса, и он сразу же включается в ее работу. Вносит на обсуждение делегатов сессии резолюцию о предоставлении Индии полной независимости, которую, к его удивлению, они почти единодушно одобрили. За резолюцию проголосовала даже Энни Безант, прежде выступавшая за предоставление Индии статуса доминиона.

Делегаты сессии из умеренных, поддавшись энергичному напору Неру, не сразу разобрались в сути резолюции и приняли ее за формальный «академический документ», составленный в «модных европейских выражениях». Но вскоре спохватились, поняв, что эта резолюция может завести их слишком далеко, и начали на ходу перестраиваться: снова заговорили о самоуправлении для Индии в рамках Британской империи. Самое большее, о чем эти люди могли помышлять, так это о верноподданническом исполнении долга перед иностранным сувереном, который, в свою очередь, делился бы с ними доходами и властью над «низами».

Умеренным все же удалось переключить внимание делегатов сессии на вопрос о бойкоте комиссии Саймона и на предложение о созыве межпартийной конференции для выработки проекта конституции, предусматривающей, что Индия останется в составе Британской империи. Таким образом, резолюция о независимости хотя и не отменялась, но фактически сводилась на нет.

Махатма Ганди находился в это время в Мадрасе, однако заседаний Рабочего комитета Конгресса не посещал, не присутствовал он и на самой сессии. Ганди смотрел на ее работу как бы глазами стороннего наблюдателя, пристально следил он и за деятельностью Неру. И только под конец счел нужным вмешаться.

Неру не любил вспоминать об этом. Даже в «Автобиографии», упомянув о неодобрительном отношении Ганди к его инициативе на мадрасской сессии Конгресса, он о многом умолчал.

В действительности Ганди осудил позицию Джавахарлала, причем дело дошло до обмена необычными для их добрых отношений резкостями. «Вы слишком торопитесь, — писал Ганди Неру. — Вам необходимо время на то, чтобы подумать, привыкнуть к обстановке в Индии...» В другом письме Ганди охарактеризовал резолюции, предложенные Неру, как

«поспешно выдвинутые», а Конгресс, который принял их, назвал «школьным дискуссионным клубом».

Джавахарлал жестко возразил Ганди, заявив, что «их идеалы сильно расходятся». Он утверждал, что его поддерживает большое число людей. Молодой лидер упрекал Ганди в нерешительности и в слабом руководстве движением.

Письмо Джавахарлала явно обидело Ганди. Он ответил ему:

«Разногласия между вами и мною, как мне кажется, стали столь широкими и существенными, что, по-видимому, лишает нас общей платформы. Я не могу скрыть от вас печали, что теряю товарища, такого жизнестойкого, преданного, способного и честного, каким вы всегда были. Однако товарищество должно быть принесено в жертву ради цели».

Более того, Ганди предложил Неру обнародовать их разногласия. И тут Джавахарлал отступил, он не допускал даже мысли о разрыве с учителем: слишком велика была его привязанность и любовь к этому человеку. К тому же он опасался нового раскола Конгресса. «Незначительные разногласия по некоторым вопросам не следует распространять на другие области, — отвечает он Ганди в очередном письме. — Разве я не являюсь вашим учеником в политике, хотя, пожалуй, заблудшим и не очень примерным?»

Успокоив Ганди, Джавахарлал все же выговаривает себе право действовать самостоятельно в вопросе о предоставлении Индии полной независимости.

На мадрасской сессии ИНК Джавахарлала вновь избрали генеральным секретарем Конгресса. Соглашаясь занять этот пост, он рассуждал так: поскольку предложенные им резолюции все-таки приняты, ему надлежит проследить за их выполнением. Неру понимал также, что, несмотря на все колебания, Конгресс остается самой организованной и влиятельной политической силой в стране. Отход Неру от активной деятельности в Конгрессе мог бы только укрепить позиции правых. Во взаимоотношениях с политическими оппонентами, в том числе с Ганди и отцом, Джавахарлал, не поступаясь главными принципами, искусно жертвует второстепенным, отступает только для того, чтобы выбрать более благоприятный момент, собрать силы для будущего наступления. В Неру-политике гармонично сочетаются как будто бы совсем несовместимые качества: бескомпромиссная воля к достижению поставленной цели и умение сделать уступку на пути к ней, упорство и гибкость, твердость и мягкость, простота и утонченность, скрытность и откровенность. Он искренне признавал свои ошибки или слабости и в то же время объективно оценивал сильные стороны противников и тем самым частично обезоруживал их.

В проведении своей политической линии Неру мог опереться на поддержку со стороны Антиимпериалистической лиги, исполком которой поздравил Индийский национальный конгресс с тем, что тот «объявил полную независимость страны целью национального движения, поскольку все прочие формулы «свободы в рамках империи» предполагают лишь замаскированное иноземное владычество». Руководители лиги осудили позицию некоторых индийских лидеров, искавших «компромисса с британским империализмом».

Конгресс решил провести две политические кампании: бойкот комиссии Саймона и созыв межпартийной конференции по выработке основных принципов будущей конституции страны. Джавахарлал, как секретарь Конгресса, участвовал в обеих кампаниях, хотя считал совершенно бесполезным разрабатывать подробные «бумажные конституции», в то время как подлинная задача заключалась в завоевании власти.

Для подготовки доклада об основах конституции был учрежден объединенный комитет, который возглавил Мотилал Неру. Джавахарлал внес предложение о том, чтобы будущая конституция провозглашала создание демократической республики. В конституционном комитете преобладали умеренные, и, естественно, к этому предложению никто не отнесся всерьез. Оно только вызвало раздражение отца, который, к огорчению Джавахарлала, продолжал отстаивать статус доминиона.

Межпартийная конференция собралась в Лакхнау. При обсуждении основного доклада Джавахарлал и его сторонники высказались за то, чтобы конференция оставила вопрос о независимости открытым, предоставив каждому делегату право сохранять за собой свободу действий. Конгресс по-прежнему мог бы признавать своей целью достижение независимости для Индии, а входившие в него более умеренные группы — получение статуса доминиона.

Мотилал был против, не пожелав идти ни на какие уступки. Тогда Джавахарлал заявил, что он и его сторонники полностью отмежевываются от всего, что принижает их цель — достижение независимости. Кроме того, он сказал, что считает «преступлением превращение прав собственников огромных полуфеодалных владений в одну из незыблемых основ конституции». Было очевидно, что руководство Конгресса не желало опираться на передовые в социальном отношении группы населения и шло на союз с земельными магнатами. В этих условиях Джавахарлалу было нелегко оставаться генеральным секретарем Конгресса, и он подал в отставку. Потеряв надежду изменить положение дел в Конгрессе, он вместе

с Субхасом Чандра Босом основал новую политическую партию — Лигу независимости Индии.

Однако руководство ИНК отклонило отставку Неру. Ему и Босу было заявлено, что они могут продолжать свою деятельность в Лиге, не вступая в противоречия с политикой Конгресса.

Борьба Лиги за достижение независимости, рассудил Неру, не противоречит решениям мадрасской сессии ИНК, и поэтому его совесть будет чиста. Он согласился остаться на посту генерального секретаря Конгресса.

«Меня поразительно легко было уговорить взять назад свое заявление об отставке, — позднее вспоминал Джавахарлал. — Так было уже много раз, и поскольку ни та, ни другая сторона в действительности не желала разрыва, мы цеплялись за любой предлог, чтобы его избежать».

Оставшись в рядах Конгресса, Неру все-таки сосредоточил основное внимание на работе в Лиге независимости. Он рассчитывал «превратить Лигу в крепкую организацию, охватывающую всю страну, и использовать ее для пропаганды идей независимости и социализма».

О политических воззрениях Неру этого периода можно судить по подготовленным им проектам программы деятельности Лиги: «Лига выступает за государство социальной демократии... и за государственный контроль над средствами производства и распределением».

Чатто, ознакомившись с деятельностью Лиги, писал Неру из Берлина: «Ваша Лига, по нашему мнению, должна взять на себя работу, которую иначе должна была бы выполнить Лига против империализма, — вовлечение таких рабочих и крестьянских организаций, как профсоюзы и кооперативы, и принятие такой социальной программы, какую Национальный конгресс не может и никогда не пытался принять».

Чатто полагал, что Лига, возглавляемая Неру, «способна стать могущественной организацией, поскольку отвечает запросам широких народных масс». Однако он обеспокоен тем, что Неру трудно будет справиться с укоренившимся консерватизмом и реакционными настроениями некоторых влиятельных индийских политиков, которые, выступая против английских колонизаторов, далеко еще не готовы воспринять даже весьма умеренные социально-экономические программы. Поэтому он просит Неру не забегать вперед, хотя, конечно, ему хотелось бы, чтобы все общественные силы, выступающие за полную независимость, были вовлечены в Лигу. Чатто разделял озабоченность Неру тем, что не хватает подходящих, преданных делу людей, которые могли бы составить ядро организации, и советовал ему приступить к

созданию «школы для обучения социальным революционным принципам и тактике». Он также рекомендовал наладить выпуск ежедневной или, по крайней мере, еженедельной газеты и обещал в этом деле всяческую поддержку.

Лозунги, провозглашаемые Лигой независимости, встретили особенно восторженный прием у индийской молодежи. В значительной степени это можно было бы отнести за счет «яростной, неистовой пропаганды» Джавахарлала, как писал его отец.

В это время по стране разъезжала комиссия Саймона. Ее всюду преследовали толпы с черными флагами, выкрикивающие: «Simon, go back!» («Саймон, убирайся домой!») Миллионы неграмотных индийцев заучили эти английские слова. Полиция то и дело провоцировала людей на насилие, чтобы иметь повод для расправы, но идея ненасилия уже настолько завладела массами, что демонстрации протеста носили сугубо мирный характер. Об одной из полицейских провокаций узнала вся страна. Случилось это в Лахоре. Английский офицер жестоко избил возглавлявшего мирную демонстрацию видного лидера Конгресса Лала Ладжпат Рая. Через несколько дней Рай скончался.

«То, что подобным образом могли обойтись даже с крупнейшим из наших деятелей, виднейшим и популярнейшим человеком в Пенджабе, — писал Неру, — казалось нам просто чудовищным, и вся страна, особенно Северная Индия, была охвачена глубоким негодованием. Какими мы были беспомощными, какими жалкими, если не могли даже защитить честь своих избранных вождей!»

Чувства унижения и отчаяния, гнев и возмущение охватили индийцев. 8 апреля 1928 года в зале заседаний Законодательного собрания в Дели раздались взрывы бомб. Никто не пострадал, если не считать смертельно перепугавшегося Саймона, который как раз в это время почтил собравшихся своим присутствием. Самодельные бомбы взорвали юные патриоты Бхагат Сингх и Батукешвара Датт. Они надеялись, что их поступок послужит сигналом к народному восстанию против колонизаторов. Однако Сингх и Датт, самоотверженные одиночки, жертвующие собой ради счастья народа и в то же время далекие от него, ошиблись в оценке ситуации. Восстания не последовало, а власти получили повод для новых массовых репрессий.

Неру часто говорил, что не верит в пользу индивидуального насилия и террора. Но он допускал, что «может наступить такое время, когда для завоевания свободы окажутся необходимыми организованные насильственные методы, как это часто бывало в других странах». Такой

вывод явно шел вразрез со стратегическими установками Ганди и других руководителей Конгресса. Их успокаивало одно: Неру пока только теоретически допускает возможность применения насильственных методов, в практической же деятельности он соблюдает партийную дисциплину и строго следует политике ненасильственных форм борьбы с колонизаторами.

После трагической смерти Рая протесты против комиссии Саймона приобрели угрожающие для властей масштабы.

Неру отправился в Лакхнау, население которого готовилось к приезду комиссии Саймона. Город жил в напряженном ожидании событий, глаза людей горели решимостью и отвагой, но вместе с тем никто и не помышлял о насильственных действиях. Проявлением героизма считалась способность человека выдержать любое человеческое страдание, любое моральное унижение, если надо — погибнуть, но не наносить ответного удара.

За сутки до прибытия в Лакхнау комиссии Саймона Неру вместе с другими конгрессистами провел репетицию предстоявшей массовой демонстрации. Конные полицейские напали на колонну демонстрантов. Неру стоял посреди улицы во главе колонны, когда прямо на него устремились всадники. На какое-то мгновение Джавахарлала охватил страх. Мелькнула мысль о спасении. Но ее тут же сменила другая: он не смеет выглядеть трусом в глазах товарищей. Внезапно Джавахарлала оглушили два сильных удара по спине, однако он устоял на ногах. На тупую боль, охватившую все тело, он не обратил внимания, продолжая оставаться среди своих товарищей.

Рано утром следующего дня еще до восхода солнца огромные толпы горожан начали стекаться на большую привокзальную площадь. Подходы к вокзалу были перекрыты отрядами солдат и конных полицейских. Джавахарлал снова был во главе демонстрантов. Процессия с черными флагами остановилась на краю площади в ожидании прибытия поезда с комиссией Саймона. Вдруг из-за укрытия на площади появились отряды кавалеристов. Кони натолкнулись на плотную стену людей и встали на дыбы, подняв копыта над головами демонстрантов. За всадниками шли цепи полицейских. Они начали зверски избивать демонстрантов дубинками. Неру охватил безотчетный гнев, вспыхнуло сильное желание нанести ответный удар. «Я думал о том, — вспоминал он позднее, — как легко было бы стащить с лошади полицейского офицера, находившегося передо мной, и сесть самому в седло, но долгая тренировка я дисциплина сделали свое дело, и я ограничился тем, что защищал руками лицо от

ударов. К тому же я прекрасно понимал, что всякое агрессивное действие с нашей стороны повлекло бы за собой ужасную трагедию и множество людей было бы расстреляно на месте».

Удары не переставали сыпаться на голову, плечи и спину Джавахарлала, пока он не упал, едва не потеряв сознание. В этот момент какой-то незнакомец приподнял его с земли и оттащил в сторону, а затем попытался сунуть ему в руки сразу два револьвера. Неру решительным жестом отстранил оружие. Позднее незнакомец, выдававший себя за студента, был разоблачен как полицейский агент, который имел специальное задание спровоцировать Неру на насильственные действия. Окровавленный, обессиленный Джавахарлал смотрел на злобные, почти безумные лица полицейских. Демонстранты не оказали сопротивления полиции, хотя их глаза горели ничуть не меньшим, чем у противника, огнем ненависти.

Мужество, организованность, стойкость, проявленные конгрессиистскими волонтерами и населением Лакхнау, всколыхнули всю страну. Миссия Саймона с позором провалилась.

Имя Джавахарлала Неру приобретало среди соотечественников все большую популярность. «Примите мою любовь к вам, — писал ему в эти дни Ганди. — Да сохранит вас бог на многие грядущие годы и изберет своим орудием в избавлении Индии от ига».

Колониальные власти тоже не обошли Неру своим вниманием: вице-король лично распорядился тщательно изучить все его речи. Друзья предупреждали Джавахарлала о возможности нового ареста. Эта мрачная перспектива не слишком тревожила Неру. Он знал, что, каково бы ни было его будущее, оно не предвещает спокойной, размеренной жизни. «Чем скорее я привыкну к неизвестности, к внезапным переменам и водворениям в тюрьму — тем лучше», — говорил Джавахарлал. Он даже находил, что постоянная опасность ареста придавала его жизни необходимые напряжение и остроту, «всякий день, проведенный на свободе, был драгоценным, выигранным днем».

На одной из молодежных конференций, состоявшейся в 1928 году в Бомбее, Неру был устроен восторженный прием. «От начала до конца, — говорилось в донесении начальника бомбейской полиции, — на конференции преобладал откровенно коммунистический революционный тон». А в записке секретарю по внутренним делам Индии сообщалось, что речь, с которой выступил Неру, «не только не была осторожной, но, напротив, содержала сознательный призыв к повсеместному восстанию».

Джавахарлал постоянно находится в разъездах. В 1928 году он

председательствует на четырех провинциальных конференциях Конгресса — в Пенджабе, в Малабаре, в Дели и в Соединенных провинциях, а также на собраниях молодежных лиг. И где бы он ни выступал — у рабочих и крестьян, среди университетской молодежи и учителей, наконец, у профессиональных политиков, — везде Неру говорил просто, доходчиво, убедительно; его язык понимали все. «Я стремился пропагандировать идеологию социализма, — вспоминал он, — особенно среди работников Конгресса и среди интеллигенции, ибо эти люди, составлявшие костяк национального движения, в большинстве находились в плену крайне узкого национализма. В своих речах они прославляли старые времена, говорили о том ущербе, материальном и моральном, который причинило Индии чужеземное владычество, о страданиях нашего народа, о том, как унижительно подчиняться иностранному господству, и о том, что наша национальная честь требует, чтобы мы были свободны, о необходимости приносить жертвы на алтарь матери-родины. Все это были знакомые речи, находившие отклик в каждом индийском сердце, и националист во мне также откликался на них и бывал задет за живое». Но сам Неру никогда не был сторонником возврата к старым порядкам. Поэтому ему не нравились эти речи, которые уже основательно «поизносились и поистерлись»; они только отвлекали людей от активной работы, от решения насущных проблем борьбы за независимость. «Они действовали, — говорил Неру, — лишь на эмоции, не возбуждая мысль».

До сессии ИНК в Калькутте оставалось еще несколько дней. Неру направился в Джхариа на съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов. Антиимпериалистическая лига послала на съезд своего представителя У.Джонстона. Полицейские попытались арестовать его прямо на съезде, однако, увидев всеобщее возмущение и угрожающее настроение делегатов, предпочли удалиться. (Джонстона арестовали на следующий день на одной из улиц города.) Неру произнес обличительную речь против произвола властей и призвал индийские профсоюзы войти в состав Антиимпериалистической лиги. Рабочая среда была в меньшей степени знакома Неру. Он чувствовал себя на съезде профсоюзов несколько стесненно, но был приятно удивлен, когда заметил, что его выступления воспринимались здесь с пониманием и энтузиазмом. И, несмотря на то, что на съезде были представлены как революционные, так и реформистские группировки, делегаты проявляли гораздо больше единодушия, чем конгрессисты на своих сессиях.

Неру не дождался окончания съезда профсоюзов: надо было еще успеть на очередную сессию Конгресса.

Прибыв в Калькутту, Неру узнал, что в Джхариа его избрали председателем Всеиндийского конгресса профсоюзов. Это известие скорее огорчило его, чем обрадовало. На этот пост Неру выдвинула группа реформистов, которая, полагаясь на популярность Неру, точно рассчитала, что у него больше шансов одержать победу над кандидатом из рабочих, которого предложили деятели левого революционного крыла профсоюзов. Неру казалось прямо-таки непристойным, что «какой-то новопришелец и к тому же не рабочий ни с того ни с сего навязывается председателем». Неприятное чувство усиливалось еще и тем, что его симпатии были отданы левому крылу профсоюзов. Но его кандидатуру поддерживали как левые, так и правые группировки рабочего движения. «Уже сам по себе этот факт, — делал вывод Неру, — свидетельствовал о младенческой неопытности и слабости профсоюзного движения в Индии».

На калькуттской сессии Конгресса, проходившей в декабре 1928 года, председательствовал старшин Неру. Он хотел во что бы то ни стало добиться утверждения своего доклада о проекте конституции, которая предусматривала для Индии статус доминиона в рамках Британской империи. Мысль о каком-то компромиссе по вопросу о независимости была неприятна Джавахарлалу. Но Мотилал твердо стоял на своем. Между отцом и сыном развернулась борьба. Мотилал активно поддерживал Махатма Ганди, Джавахарлала — Субхас Чандра Бос. Споры грозили обернуться расколом Конгресса, и тогда отец и сын оказались бы во враждующих лагерях. Разногласия между ними еще никогда не достигали такого обострения. На этот раз они даже сказались на обстановке в семье, чего раньше никогда не случалось. Продолжая спор дома, первым вспылел Мотилал. Он вскочил с места и, угрожающе сверкая глазами, встал перед сыном, лицо которого исказилось от гнева. Они стояли друг против друга как настоящие враги. Было ясно, что Джавахарлал не уступит. Насмерть перепуганная Камала подошла к мужу. Не говоря ни слова, она взяла его за руку и дружески сжала ее. Перед Мотилалом стояли два бесконечно дорогих ему человека. Глаза старика смягчились, и он устало опустил в кресло, склонив тяжелую седую голову...

После жарких дебатов сессия Конгресса одобрила доклад Мотилала, но по настоянию Джавахарлала и его сторонников в резолюции Конгресса было записано, что, если английское правительство в течение года не даст согласия на конституцию, предусматривающуюся этим докладом, Конгресс объявит своей целью достижение независимости и начнет по всей стране кампанию неповиновения. Это был, по словам Джавахарлала, вежливый ультиматум. Он был уверен, что английское правительство не согласится,

по крайней мере в ближайшие годы, предоставить Индии даже статус доминиона. Такая резолюция, как он рассчитывал, позволяла сохранить единство Конгресса и выиграть время для подготовки сил к предстоящей борьбе, которая казалась ему теперь неизбежной.

И все-таки, расценивая резолюцию как неоправданный компромисс, Джавахарлал в момент ее принятия покинул зал заседаний Конгресса. Ганди так объяснял его поступок: «Он исходит из того, что эта резолюция далеко не то, что ему хотелось бы иметь. Но он, как человек глубоко порядочный, не желает доставлять людям лишнего огорчения. Он не был бы Джавахарлалом, если бы не нашел для себя совершенно оригинального решения, чтобы остаться верным своей линии». Ганди не раз повторял, что для Джавахарлала нет ничего дороже своей страны и что он не считается ни с какими авторитетами, когда речь идет о выполнении им своего долга перед родиной.

Авторитет Джавахарлала Неру был столь велик, что, несмотря на острые разногласия по самым принципиальным вопросам, его вновь избрали генеральным секретарем Конгресса. Ганди, видя явную склонность Джавахарлала к организаторской работе, посоветовал ему объехать некоторые провинции и помочь конгрессиистским комитетам на местах оживить свою деятельность.

Снова десятки выступлений, сотни встреч. Неру занимается формированием новых групп конгрессиистских волонтеров, собирает средства для учреждения штата профессиональных работников Конгресса. Он стремится к объединению усилий ИНК, Лиги независимости с рабочими, крестьянскими и молодежными организациями, к выработке для них общей платформы, хотя бы по главному вопросу — о борьбе против британского империализма. Об этом же писал ему из Европы и Чатто.

Однако всеиндийская конференция рабочих и крестьянских партий, состоявшаяся в декабре 1928 года, отклонила предложение об объединении с Лигой независимости. В письме к Чатто Неру с сожалением называл это решение «не очень разумным». Вместе с тем, будучи реалистом, он понимал, что организационное слияние столь различных по социально-классовому составу партий, на котором настаивало руководство Антиимпериалистической лиги, пока невозможно.

К сожалению, в политике Антиимпериалистической лиги в это время стали проявляться сектантские тенденции, преодоленные впоследствии благодаря рекомендациям Исполкома Коминтерна.

Неру все больше склонялся к мысли, что на данном этапе важно объединить, но не организационно, а по духу разноликие движения

рабочих, крестьян, ремесленников, торговцев, студентов, враждебных колониальному режиму.

Он надеялся, что ему, быть может, удастся сблизить позиции Всеиндийского конгресса профсоюзов с ИНК, с тем чтобы его партия стала более социалистической по своему характеру и более пролетарской по социальному составу. Однако все усилия Неру в этом направлении неизменно терпели неудачу. «Рабочий класс, — считал Неру, — должен был помогать Конгрессу, сотрудничать с ним и оказывать на него влияние, сохраняя в то же время в неприкосновенности свою собственную идеологию». Он полагал также, что развитие национально-освободительного движения в конце концов приведет Конгресс к более радикальной идеологии и заставит подойти его вплотную к решению социально-экономических проблем.

21 февраля 1929 года секретарь по внутренним делам Индии специальным циркуляром уведомил провинциальные власти о том, что среди различных политических деятелей страны и коммунистов «наблюдается тенденция действовать сообща... Что же касается Джавахарлала Неру... искренне увлеченного некоторыми коммунистическими доктринами, то он во многом преуспел в достижении этой цели».

Секретные службы колониальной администрации вынашивают план разгрома коммунистов, готовят фальшивки, чтобы представить молодое коммунистическое движение в Индии как антинациональное.

20 марта 1929 года одновременно в Бомбее, в Соединенных провинциях, в Бенгалии и Пенджабе по обвинению в заговоре власти арестовывают тридцать три видных профсоюзных лидера, среди которых четырнадцать коммунистов. В отдаленном городишке Мируте над ними ведется судебный процесс, длящийся четыре с лишним года.

Обвинитель на Мирутском процессе строго следовал секретным инструкциям правительства, рассчитывавшего ослабить силы рабочего движения и поссорить руководителей Конгресса с рабочими лидерами. Он обрушился с упреками в адрес индийских коммунистов, заявляя об отсутствии у них патриотических чувств. По словам обвинителя, коммунисты называют Джавахарлала Неру «умеренным реформистом», а Субхаса Чандра Боса — «буржуа и ничтожным карьеристом». Обвинитель нажимает на то, что коммунисты рассматривают Ганди как ярого реакционера и испытывают к нему неприязнь. Неру было любопытно слышать об этом из уст представителя колониального «правосудия», которое еще вчера ожесточенно преследовало защищаемых им сегодня

«оскорбленных» лидеров Конгресса!

Для Джавахарлала было не ново, что многие революционно настроенные рабочие не до конца доверяли конгрессистским руководителям, и он также знал, что у рабочих были на то веские основания. Пролетарское движение с его духом классового самосознания представлялось опасным как колониальным властям, так и многим крупным индийским собственникам в городе и деревне.

Неру выступает инициатором создания комитета защиты обвиняемых рабочих лидеров. По его просьбе Мотилал, как наиболее опытный адвокат, согласился стать председателем этого комитета.

Комитет защиты нуждался в деньгах, а собрать их было делом нелегким. Сам Неру, его отец и еще несколько юристов вели дела обвиняемых без всяких вознаграждений. Однако средств все равно не хватало. «Нам приходилось собирать деньги — часто это были медные гроши, которые вносили беднейшие рабочие, — чтобы выплачивать жирные куши адвокатам», — досадовал Неру. Горше всего было сознавать, что эти «дорогие медяки» ни в коей мере не могли повлиять на исход дела: при самой блестящей защите результат оставался одним и тем же. Это был не суд, а расправа.

К Мирутскому процессу было приковано внимание всей Индии.

Лидеры Конгресса выступили против незаконных репрессий правительства. Один Ганди, казалось, отошел от политики: уже который месяц разъезжал он по стране, пропагандируя кхади. Повсюду к нему стекались огромные толпы крестьян, ремесленников, лавочников. Джавахарлал провел с ним несколько дней, когда Ганди прибыл в Соединенные провинции. Правда, Джавахарлал не сопровождал Махатму в его походах по деревням: у Ганди и без того была большая свита. «Я ничего не имел против толпы, — вспоминал Неру, — но у меня не было достаточного интереса, который побуждал бы мириться с тем, что тебя будут теснить, толкать и отдавливать ноги — обычный удел тех, кто сопровождал Гандиджи. У меня была масса другой работы, и я не имел никакого желания ограничиваться пропагандой кхади». В те тревожные для страны дни Неру отказывался понимать «внутреннюю подоплеку» поступков Ганди, который отдавал столько сил и времени популяризации кхади.

Близился к концу 1929 год. Комитеты Конгресса на местах готовились к выборам председателя очередной сессии ИНК. Большинство высказывалось за кандидатуру Ганди, кто-то поддерживал других лидеров, и только немногие предлагали избрать председателем Джавахарлала Неру.

Ганди и без того был признанным вождем конгрессистов, но, поскольку предстояла решительная и, судя по всему, затяжная борьба с правительством, ветераны партии считали, что именно Ганди надлежит взять в свои руки непосредственное руководство Конгрессом.

29 сентября в Лакхнау на заседании Рабочего комитета Конгресса Ганди наотрез отказался занять пост председателя и предложил вместо себя Джавахарлала Неру.

Руководители правого крыла партии забеспокоились: Неру был слишком революционен для них. Однако они вынуждены были уступить настояниям Ганди.

Чем же руководствовался Ганди, выдвигая Неру на этот важнейший пост? Отстаивая его кандидатуру, он утверждал, что Неру не только обладает решительностью и смелостью воина, но ему также присуще благоразумие государственного деятеля. «Он чист как кристалл; его честность выше всяких подозрений. Нация под его руководством будет вне опасности», — убеждал Ганди своих коллег.

На высший пост в ИНК претендовали другие весьма влиятельные конгрессисты — Валлабхаи Патель, Абул Калам Азад и другие. Конкурировать с ними было не по душе Джавахарлалу. Нельзя сказать, что он стремился занять этот пост, тем более что это предполагало сложную внутрипартийную борьбу. Поэтому он предпочел покинуть совещание лидеров ИНК, на котором решался этот вопрос. Позднее, объясняя свое отношение к выдвижению на пост председателя ИНК, он писал: «Мне редко приходилось испытывать такую досаду и унижение, как во время этих выборов. Дело было не в том, что я не понимал, какая честь мне оказана, ибо это была великая честь, и я был бы счастлив, если бы меня избрали обычным путем. Но я попал на этот пост не через главный и даже не через черный ход, а через какой-то люк, и сбита с толку публика вынуждена была принять мою кандидатуру. При этом она сделала хорошую мину, проглотив меня как необходимое лекарство».

Однако Джавахарлал понимал, что сейчас совсем не то время, когда можно позволить себе отвлекаться на переживания. Подходила к концу отсрочка, предоставленная Конгрессом правительству для того, чтобы оно решило наконец вопрос о будущем Индии. Правительство уже испытало на себе силу гандистской сатьяграхи и, опасаясь очередной кампании гражданского неповиновения, изыскивало любой способ, чтобы не допустить ее. Вице-король Индии лорд Ирвин объявил о предстоящей «конференции круглого стола», участвуя в которой индийские политические деятели могли бы обсудить с британским правительством все

«спорные вопросы». Сразу после опубликования заявления Ирвина в Дели собрались лидеры Конгресса — Ганди, Мотилал Неру, Валлабхаи Пател и другие. Обсудив заявление вице-короля, они приняли совместный манифест, в котором выдвигались следующие условия: «1. Вся работа предполагаемой конференции должна исходить из предоставления Индии полного статуса доминиона. 2. Среди участников конференции большинство должны составлять члены Конгресса. 3. Полная амнистия политическим заключенным. 4. Деятельность английского правительства в Индии должна отныне соответствовать, насколько это возможно при существующих условиях, требованиям, предъявляемым к правительству доминиона». В случае принятия правительством этих условий конгрессисты соглашались поддерживать с ним контакты.

Джавахарлал расценил манифест как вызывающий глубокое отвращение компромисс. В какой-то степени его успокаивала лишь уверенность в том, что правительство вряд ли выполнит условия конгрессистов.

Сначала Джавахарлал отказывался поставить свою подпись под манифестом, но потом, опасаясь раскола Конгресса в канун великой битвы, он все же дал себя уговорить.

Настроение у Неру было настолько подавленное, что он всерьез подумывал о том, чтобы отказаться от поста председателя Конгресса. К тому же из Берлина пришло письмо от Чатто. Тот упрекал Неру за то, что «его воля к борьбе ослабла»... Джавахарлала больно задела упреки Чатто, хотя и сам он сомневался в правильности своего поступка.

Как он и предполагал, встреча Ганди, Пателя и отца с вице-королем ни к чему не привела, общий язык отсутствовал. Негативный исход переговоров обрадовал Неру. В конце концов партия остается единой, а через несколько недель состоится очередная сессия Конгресса, на которой будет непременно принята программа прямых действий, направленных на достижение Индией полной независимости. Резолюция о полной независимости, предложенная Джавахарлалом, была принята Конгрессом еще два года назад в Мадрасе. Однако из-за оппозиции Ганди и Мотилала Неру она все это время фактически не имела силы. Теперь и Махатма, и Мотилал, и все те, кто шел за ними, не только согласятся с этой резолюцией, но и наверняка выскажутся за проведение кампании гражданского неповиновения.

В конце декабря 1929 года в Лахоре открылась очередная сессия ИНК. Вместе с делегатами и гостями, приехавшими на сессию, на улицы и площади города вышло все его население, чтобы приветствовать нового

председателя Конгресса. Джавахарлал, привыкший к митингам и демонстрациям, впервые столкнулся с таким ярким проявлением дружелюбия и уважения десятков тысяч людей. Многие из приветствовавших его сознавали важность предстоящего события. Джавахарлал открывает первое заседание сессии. Он оптимистически утверждает, что близок тот день, когда Индия, да и вся Азия покончат с европейским господством. После решения первоочередной задачи завоевания индийским народом власти в стране необходимо выработать свой национальный путь к социалистическим преобразованиям, цель которых заключалась бы прежде всего в ликвидации нищеты и классового неравенства. Неру предлагает установить на кооперативных началах рабочий контроль над промышленными предприятиями и наделить крестьян землей. «Я социалист и республиканец, — заявляет он с трибуны сессии, — и не верю в королей и князей или в порядок, который устанавливают нынешние промышленные магнаты, обладающие большей властью над судьбами людей, чем короли старого времени, но чьи методы являются такими же хищническими».

Выбор ненасильственных методов борьбы с колонизаторами Неру объясняет практическими соображениями: «Конгресс не располагал материальной базой и подготовленными кадрами для осуществления организованного насилия, а случаи индивидуального и случайного насилия были проявлением безнадежного отчаяния, — говорит он. — Если Конгресс или нация когда-нибудь в будущем придут к выводу, что методы насилия избавят нас от рабства, тогда я не сомневаюсь в том, что Конгресс одобрит их. Насилие — плохо, но рабство и того хуже».

После Неру на трибуну неторопливо поднялся Ганди. Делегаты замерли в ожидании: что скажет вождь, одобрит ли он выступление председателя?

— Предлагаю принять резолюцию, — просто, без приветствий сказал Ганди и зачитал: — «Конгресс во исполнение решения, принятого на сессии в Калькутте в прошлом году, заявляет, что слово «сварадж» будет отныне означать «полную независимость», и надеется, что все конгрессисты приложат энергичные усилия для достижения Индией полной независимости».

Зал взорвался овациями. Неру заранее знал об этой резолюции, но и он не смог сдержать счастливой улыбки.

31 декабря, когда часы пробили полночь и наступил 1930 год, делегаты проголосовали за резолюцию. Против нее выступили лишь пятнадцать человек, представлявших правое крыло ИНК и левых

экстремистов.

Теперь руководству Конгресса надлежало разработать план проведения кампании гражданского неповиновения. Для начала решено было объявить 26 января Днем независимости Индии. Повсюду в этот день народ должен был дать клятву бороться за независимость своей страны.

Мотилал Неру в соответствии с решением лахорской сессии призвал всех конгрессистов — членов Законодательного собрания и провинциальных законодательных советов уйти со своих постов.

Первую половину января 1930 года Джавахарлал провел в родном Аллахабаде. В это время здесь проходила большая ежегодная ярмарка и индусский праздник «Магх Мела», которые ему запомнились еще с детских лет. К Гангу тянулись нескончаемые вереницы пилигримов. «Какой удивительной силой обладала эта вера, которая на протяжении тысячелетий приводила их и их предков из самых различных уголков Индии на берега Ганга, чтобы совершить омовение в его священных водах? — размышлял Джавахарлал, наблюдая за паломниками. — Не могут ли они направить часть этой громадной энергии на политическую и экономическую борьбу ради облегчения своей собственной участи? Или же умы их слишком заполнены религиозными преданиями и догмами, чтобы в них нашлось место каким-либо иным идеям?» И, зримо представив себе обстановку только что прошедшей лахорской сессии Конгресса, Джавахарлал уверенно отвечал себе: «Иные идеи уже проникли в их сознание, взбудоражив безмятежный покой веков».

Этот вывод для него как для политического деятеля был очень важен, поскольку он знал, что любой самой хорошей идее суждено остаться бестелесной мыслью, если она не будет воспринята народом и не станет его коллективной волей. Вывод Неру находил также довольно своеобразное подтверждение в стремительном росте его популярности среди простых людей. Оказалось, что паломники, прибывавшие в Аллахабад, интересовались не только святыми местами. Они стремились увидеть Джавахарлала, его дом — «Обитель радости». Люди хорошо усвоили политические лозунги Конгресса и целый день выкрикивали их наравне с приветствиями в адрес Джавахарлала. Крестьяне и ремесленники из окрестных деревень, пилигримы из далеких провинций Индии приходили к дому Неру, чтобы взглянуть на своего кумира. Они толпились на верандах, заглядывали в окна и двери дома и как могли изливали свою преданность человеку, который понял их страдания и нужду. Какой бы навязчивой ни казалась любовь этих обездоленных людей, нельзя было запретить им выражать ее — она являлась формой их пробудившегося социального

сознания. Они ничего не требовали и не ждали от Неру. Они просто выражали ему благодарность за сочувствие к ним.

Неру трезво относился к себе и знал свои сильные и слабые стороны. Жизненный опыт подсказывал ему, что «популярность часто сопутствует совершенно неподходящим личностям и уж, конечно, отнюдь не является безошибочным показателем добродетели или ума». Чему же он был обязан своей популярностью? Может быть, выдающейся учености или добровольной отрешенности от прежней роскоши, способности жертвовать личным благополучием ради высокой цели? Сам Неру был далек от того, чтобы причислить себя к великим умам. Отрешение и жертвенность, столь почитаемые индийцами качества, тоже мало привлекали его, и он не хотел, чтобы его репутация основывалась на этом. К тому же Неру вовсе не считал жертвенным поступком то, что он посвятил себя борьбе за независимость Индии. Скорее отказ от этой борьбы был бы для него неоправданной жертвой. Конечно, слава не оставляла его равнодушным, хотя он никак не мог привыкнуть к ней. Она помогала ему влиять на умы людей. Но и люди «незаметно осуществляли тираническую власть над мной, — рассуждал Неру, — ибо их доверие и любовь волновали сокровенные глубины моего существа и вызывали у меня эмоциональный отклик».

И все-таки публичные торжества, официальные церемонии, цветистые приветственные адреса, напыщенный вид некоторых ораторов вызывали у Неру «почти неудержимое желание засмеяться, высунуть язык или встать на голову, только чтобы шокировать это высокое собрание и посмотреть, какие у них будут лица». Что спасало Неру от трескучей навязчивой славы, так это его ироническое отношение к ней. Шутили по поводу популярности Джавахарлала и его близкие — жена, сестры, давая ему высокие титулы и называя его «Тиагамурти» («Воплощение жертвенности»).

Приближалось 26 января 1930 года, провозглашенное Конгрессом Днем независимости Индии. Над Джавахарлалом тяготел один вопрос: как начинать кампанию гражданского неповиновения? Лидеры ИНК ждали, что скажет Махатма. 18 января Рабиндранат Тагор спросил Ганди о его намерениях. Ганди ответил, что денно и нощно думает и не видит «никакого просветления в окружающей его темноте».

Празднование первого Дня независимости стихийно вылилось в сотни митингов и демонстраций в городах и селах Индии, во всех ее отдаленных уголках. Всюду индийцы давали клятву бороться за независимость. «Мы должны готовиться к борьбе путем прекращения, насколько это возможно, всех видов добровольного сотрудничества с английским правительством, а

также должны готовиться к движению гражданского неповиновения, включая неуплату налогов, — звучали слова клятвы. — Мы убеждены, что стоит нам только прекратить добровольную помощь и выплату налогов, не прибегая к насилию даже в случаях провокации, как этот нечеловеческий режим будет обречен».

Наконец Махатму Ганди осенила мысль начать кампанию гражданского неповиновения с нарушения закона о соляной монополии. Поначалу это предложение несколько удивило Неру: как-то не сочетались соль и борьба за независимость. Правда, почти сразу Ганди выдвинул еще одиннадцать пунктов, сводившихся к требованию осуществления в стране незначительных реформ. Все это, по мысли Неру, были половинчатые меры, и они мало вдохновляли его, поскольку в вопросе о независимости страны он был максималистом. Но события развивались со стремительной быстротой, и политическая обстановка была малоподходящей для дискуссий.

Ганди уведомил вице-короля, что 11 марта 1931 года он начнет сатьяграху с нарушения закона о налоге на соль. В этот день, совершив утреннюю молитву, Ганди во главе семидесяти восьми своих последователей отправился из ашрама — обители на реке Сабармати в Данди, к побережью Арабского моря. Четырехсоткилометровый поход длился три недели. Махатма с мирным, но неустрашимым видом шагал во главе все увеличивающейся процессии. На его пути по обочинам дороги, преклонив колени в приветствии, стояли люди. Крестьяне заранее поливали пыльные дороги водой и усыпали их цветами. К морю подходила многотысячная безоружная армия сатьяграхистов. Всю ночь с 5 на 6 апреля они молились, а утром, в годовщину первой сатьяграхи 1919 года, Ганди, который, кстати, сам никогда не употреблял соли, ступил в море и, выйдя на берег, выпарил из морской воды символическую щепотку соли. После этого сотни тысяч индийцев по всей стране начали кустарно добывать соль, отказываясь покупать ее в магазинах.

В Аллахабаде собрались руководители ИНК, чтобы разработать тактику проведения «соляной сатьяграхи». Джавахарлал настаивал на необходимости дальнейшего развития кампании гражданского неповиновения путем перехода к бойкоту всех законоположений и указов вице-короля. «Нам не следует довольствоваться одним нарушением соляного закона. Мы должны помнить, что наша цель — полная независимость», — говорил он.

Власти решили защищать «законность» любой ценой. Начались повальные аресты. Для того чтобы выстоять и победить в этой борьбе,

Конгрессу нужно было перестроить работу своих организаций в соответствии с требованиями политического момента: ввести железную дисциплину и, что самое главное, не дать возможности правительству обезглавить движение. ИНК наделяет Неру чрезвычайными полномочиями. Аналогичными полномочиями наделяются и председатели провинциальных комитетов ИНК, которых стали именовать конгрессистскими «диктаторами». Так называемый «диктатор» единолично действовал при условии, если невозможно было создать коллективный руководящий орган. Каждый такой «диктатор», как в условиях военного времени, должен был руководить борьбой до тех пор, пока его не арестуют, а затем назначить своего преемника. Все новые и новые «диктаторы» становились на место тех, кто выбывал из строя.

В течение марта — апреля Неру, забыв о сне и отдыхе, разъезжает по стране, выступает на митингах, организует массовое неповиновение властям. Только с 1 по 4 апреля он выступил на двадцати двух митингах, в которых приняло участие около двухсот тысяч человек. Он заботится о том, чтобы конгрессистские агитаторы доходчиво разъясняли крестьянам задачи национально-освободительной борьбы, призывает студентов принять участие в пропаганде лозунгов Конгресса, популяризирует опыт народного движения. «В Бомбее волонтеры ведут работу, которая должна вас заинтересовать, — советует он в письме молодежным организациям. — Группы волонтеров ходят по городу, останавливаются поочередно на улицах, трубят в рог, выкрикивают национальные лозунги, руководители групп произносят короткие речи. Все это длится не более десяти минут, после чего группы переходят на другие улицы. Такая тактика позволяет охватить до двухсот улиц в день. Можете себе представить, какое значение имеет такая пропаганда, особенно в бедных кварталах, где люди не читают газет».

Неру рекомендует местным комитетам ИНК, как лучше наладить добычу и продажу соли в различных районах страны, как проводить бойкот английских товаров, как осуществлять связь между конгрессистскими комитетами и центром, минуя правительственную почту; налаживает работу патриотической печати и выпуск листовок. «Тот, кто не с нами, тот против своей родины!» — заявляет он соотечественникам.

Вице-король Индии издавал один указ за другим, но многочисленные правительственные запреты только подталкивали индийцев к их нарушению. Кампания гражданского неповиновения расширялась. Сатьяграха как бы раскрыла героический дух народа. Особенно трогал Джавахарлала патриотический энтузиазм женщин. «Множество их вышло

из своего домашнего затворничества, и, несмотря на отсутствие опыта в общественной деятельности, они бросились в самую гущу борьбы, — описывал Неру события тех дней. — Женщины полностью взяли в свои руки пикетирование магазинов, торгующих иностранными тканями и винами. Во всех городах происходили грандиозные демонстрации, в которых участвовали одни только женщины; вообще они занимали более непреклонную позицию, нежели мужчины. Женщины часто становились конгресси́стскими «диктаторами» в провинциях и на местах».

Сварупрани, мать Неру, обе его сестры и жена с необыкновенной энергией и решимостью включились в кампанию гражданского неповиновения в Аллахабаде. С утра до вечера под лучами обжигающего солнца они на демонстрациях и митингах разъясняли людям цели сатьяграхи. Камала неожиданно для всех проявила организаторские способности. Джавахарлал всегда думал, что он хорошо знает свою жену. Теперь же перед ним раскрылась еще одна Камала, бесстрашная и волевая женщина, способная повести за собой людей в пекло сражения.

Предвидя свой арест, Джавахарлал попросил Ганди занять председательский пост, а когда тот отказался, Мотилал согласился заменить сына.

Джавахарлал был арестован 14 апреля 1930 года на вокзале, когда он собирался ехать в Райпур, чтобы выступить там на конференции сатьяграхистов. Суд состоялся в тот же день прямо в тюрьме. Неру приговорили к шестимесячному заключению за нарушение закона о соляной монополии и отвезли в центральную тюрьму в Наини, поместив его в изолированный барак, прозванный «Куттагхар» («Собачья конура»).

Несмотря на то, что многие руководители ИНК уже находились в заключении, движение гражданского неповиновения ширилось, принимало все новые формы. Мирные выступления жителей Пешавара, воля которых не была сломлена даже огнем пулеметов, грандиозные забастовки и демонстрации в Бомбее, где полиция устроила массовые избиения людей, полицейские погромы на соляных варницах, на заводах в Калькутте — все эти события разжигали гнев народа; не было ни одной деревеньки, которая бы оказалась в стороне от общенациональной борьбы с колонизаторами.

Рассказывали, что вице-король лорд Ирвин был человеком глубоко религиозным и, прежде чем принять какое-либо решение, молился. Как-то после молитвы он, чтобы лишить конгресси́стов возможности назначать очередных «диктаторов», объявил весь состав Рабочего комитета ИНК вне закона. Узнав о решении лорда Ирвина, Ганди, улыбнувшись, сказал: «Что за жалкий бог дал ему такой плохой совет?»

Колонизаторы обрушились на Конгресс, обвиняя его в диктаторских методах, шумно рекламируя при этом свою, западную демократию. Неру не мог представить себе более бесстыдного лицемерия: «Перед нами была Индия, управлявшаяся насильственными методами абсолютной диктатуры, действовавшей с помощью чрезвычайных указов, подавляя всякие гражданские свободы, и тем не менее наши правители вели елейные разговоры о демократии».

В ночь на 5 мая арестовали Ганди. Кампанией продолжал руководить Мотилал Неру, хотя врачи находили состояние его здоровья крайне неудовлетворительным: высокое кровяное давление, частые приступы астмы. Он нуждался в лечении и покое, а вместо этого, не обращая внимания на советы врачей, взвалил на себя всю тяжесть организаторской работы в Конгрессе. Партии, как никогда, был нужен сильный руководитель, и кто, как не Мотилал, привыкший повелевать, подходил на роль «диктатора»? Он распоряжался, приказывал, принимал решения, но никто не мог упрекнуть его в излишней жесткости. Его авторитет был непререкаем.

Еще в начале кампании гражданского неповиновения Мотилал, посоветовавшись с сыном и Ганди, передал свой дом в Аллахабаде в дар Индийскому национальному конгрессу. «Обитель радости» переименовали в «Сварадж Бхаван» — «Обитель независимости». Часть дома в дни сатьяграхи была превращена в больницу для индийцев, пострадавших в борьбе с колонизаторами. Для своей семьи Мотилал приобрел скромный дом поблизости, дав ему прежнее название «Ананд Бхаван».

Мотилала арестовали 30 июня 1930 года рано утром, когда он был еще в постели. Город спал, и тюремщики могли не опасаться возмущенной толпы. Мотилала привезли в тюрьму, где он встретился с сыном. Вскоре туда же доставили давнего друга семьи, секретаря Рабочего комитета Конгресса, доктора Саида Махмуда. В июле начался сезон дождей. Крыши в камерах протекали. Влажные испарения и тюремные запахи усугубляли страдания Мотилала от приступов удушья. Джавахарлал делал все возможное, чтобы хоть как-то облегчить участь больного отца.

В июле почти все видные лидеры ИНК уже находились в заключении, но гражданское неповиновение в стране продолжалось. Правительство, поначалу явно недооценивавшее организованность конгрессистской партии и ее влияние в массах, теперь было не прочь начать переговоры с руководителями ИНК. Лорд Ирвин выступил в роли миротворца, заговорил о необходимости «конференции круглого стола», созвать которую предполагалось в Лондоне. Нашлись и посредники из числа

высокопоставленных индийцев, вызвавшихся примирить Конгресс с правительством. Это были причислявшие себя к либеральной партии Тедж Бахадур Сапру и М.Джайякар. Первый одно время был членом вице-королевского исполнительного совета, а второй являлся известным бомбейским адвокатом.

Сапру и Джайякар после консультаций с лордом Ирвином приехали в тюрьму в Иеравде, где содержался Ганди. Вождь конгрессистов встретил предложение «миротворцев» о начале переговоров благожелательно, но отказался принять какое-либо решение без согласования его с Мотилалом и Джавахарлалом Неру. Через неделю с письмом от Ганди «миротворцы» появились в тюрьме Наини. Два дня продолжались их беседы с отцом и сыном Неру. Споры, которые так ни к чему и не привели, только утомили и расстроили Мотилала. Оба Неру остались при мнении, что шансов на примирение Конгресса с правительством нет. Они отказались высказать свое отношение к предложению Сапру и Джайякара до тех пор, пока его не обсудит Рабочий комитет ИНК. В таком же духе Неру ответили и Ганди.

«Миротворцы» проявляли настойчивость, и 8 августа Сапру вновь посетил Неру, сообщив им, что вице-король не возражает против их свидания с Ганди, но что в просьбе о встрече с другими членами Рабочего комитета Конгресса им отказано. Мотилал все же добился того, чтобы к ним присоединился еще и Саид Махмуд. Все трое 10 августа специальным поездом были отправлены из тюрьмы Наини в Пуну. Власти остерегались возможных манифестаций, и поэтому поезд проносился мимо городов и поселков, останавливаясь лишь на безлюдных полустанках. По прибытии в иеравдскую тюрьму ни Мотилала, ни Джавахарлала в течение двух дней к Ганди не допускали: ждали приезда сюда Сапру и Джайякара, которым, как того хотели власти, надлежало присутствовать при беседах лидеров Конгресса.

Наконец утром 13 августа отцу и сыну Неру сообщили, что Ганди, Сапру и Джайякар ожидают их в тюремной канцелярии. Джавахарлал вместе с отцом заявили протест, согласившись разговаривать с «миротворцами» лишь после своей встречи с Ганди с глазу на глаз.

Правительство, не желая срыва переговоров, вынуждено было уступить.

Переговоры продолжались три дня и завершились 15 августа подписанием руководителями ИНК письма об условиях мира. «Индия должна получить право выхода из состава Британской империи, если она этого пожелает» — таково было основное требование конгрессистов. Руководство ИНК соглашалось приостановить движение гражданского

неповиновения и принять участие в «конференции круглого стола» при условии освобождения из тюрем политических заключенных, отмены всех чрезвычайных указов вице-короля.

На обратном пути из Пуны в Наини узники видели на перронах толпы встречавших их людей. Громовые раскаты приветствий заглушали стук колес: народ, готовый продолжать борьбу, одобрял действия своих лидеров.

Мотилалу становилось все хуже. Он похудел и изменился до неузнаваемости. Тревожные заключения врачей вынудили правительство во избежание лишних осложнений пересмотреть судебный приговор. Сам же Мотилал противился, возмущался и даже послал вице-королю телеграмму, в которой писал, что не желает пользоваться особыми милостями властей. Тем не менее 8 сентября после десятидневного заключения Мотилал был освобожден, а 14 октября по истечении срока наказания на свободу вышел и Джавахарлал.

Дома он застал одну Камалу, отец лечился в Муссури. Мать и сестра были с ним. Только в первые минуты встречи Камала проявила слабость: она не удержалась от слез.

Джавахарлал отвел всего полтора дня на пребывание в Аллахабаде. За это время он хотел успеть многое, а главное — провести заседание руководства отделения ИНК Соединенных провинций.

Приближались сроки сбора властями арендной платы в сельских районах. Джавахарлал пришел к выводу, что именно сейчас надо провести в рамках сатьяграхи кампанию неуплаты налогов. Собравшиеся члены комитета, в состав которого входила и Камала, поддержали его предложение. Было решено 19 октября созвать в Аллахабаде крестьянскую конференцию. Неру не мог не повидаться с родителями и с дочерью. Приехав в Муссури, Джавахарлал нашел, что отец выглядит несколько лучше. Мать долго не отходила от сына и, обняв его, пристально всматривалась в его глаза, будто пыталась прочесть в них все, что пережил он за это время. Счастье казалось полным: все члены семьи Неру за долгие годы снова собрались вместе. Вечером отец и сын тихо разговаривали. В этот момент Джавахарлал еще не знал, что такой беседы с отцом у него уже больше не будет. Это чувствовал, видимо, только сам Мотилал.

На следующий день он, сидя в шезлонге, с теплой грустью смотрел на любимого сына, как тот, счастливый и веселый, играл с дочерью, а потом, забавляясь, устроил торжественное шествие детей во главе с самой маленькой девочкой, которая несла в руке флажок Конгресса, и все вместе они увлеченно пели: «Пусть будет высоко наше знамя».

Время быстро промелькнуло, оставив в сердце Джавахарлала память о счастливых днях, проведенных с семьей в Муссури. 17 октября он с Камалой выехал в Аллахабад, чтобы успеть на созываемую там конференцию крестьян. Отец и остальные члены семьи должны были выехать туда на следующий день.

Обратный путь оказался на редкость беспокойным. В Дехра Дуне, Лакхнау и, наконец, Аллахабаде Джавахарлалу трижды вручали предписания одного и того же содержания: на основании параграфа 144 уголовно-процессуального кодекса ему запрещались публичные выступления. Естественно, Джавахарлал и не думал подчиняться этим предписаниям. 19 октября 1930 года Неру выступил с речью на конференции крестьян, призвав их начать кампанию неуплаты арендной платы и земельного налога. В этот же день он участвовал в митинге, организованном крестьянами окрестных деревень совместно с горожанами. В девятом часу вечера в полном изнеможении Джавахарлал и Камала возвращались домой, где их уже дожидались Мотилал и вся семья. Но почти у самого дома Неру арестовали и переправили через реку Джамну в Наини. Уже в пятый раз перед ним распахнулись тюремные ворота. За подстрекательство к мятежу Джавахарлал был приговорен к двум годам строгого тюремного заключения и дополнительно еще к пяти месяцам в случае неуплаты штрафа.

Как только убитая горем Камала принесла мрачную весть домой, Мотилал в негодовании стукнул кулаком по столу и заявил, что не намерен больше болеть. После этого заявления и впрямь произошло чудо: у него прекратилось кровохарканье, былым огнем зажглись волевые глаза, с поразившей всех энергией он взялся за организацию кампании протеста против ареста Джавахарлала. Он задумал приурочить массовые выступления к 14 ноября — дню рождения сына и успешно осуществил свое намерение. В этот день по всей Индии состоялись митинги, имя Неру звучало в устах миллионов индийцев.

Джавахарлал пробыл на свободе всего несколько дней, и его, разумеется, не радовала перспектива снова очутиться за тюремной решеткой. Но он успокаивал себя тем, что жертвует свободой не напрасно; начатая им кампания неуплаты налогов сместила центр борьбы в сельские районы, поскольку энтузиазм средних классов городского населения к этому времени уже заметно иссяк.

Тюрьма со всеми своими мерзостями и унижениями, иезуитской системой подавления личности все-таки не может лишить человека способности мыслить. Больше того, лишь умственная деятельность спасает

человека от мучительно однообразных дней заключения. Неру добивается разрешения тюремной администрации на переписку с дочерью. Это прекрасная возможность для отца, годами оторванного от дочери, повлиять на ее духовный мир, поделиться знаниями. Неру давно вынашивал мысль в доступной и занимательной форме рассказать Индире о важнейших событиях мировой истории, волновавших его самого. Теперь ничто не помешает осуществить эти планы...

Стойкость индийцев перед любым наказанием раздражала правительство, и оно усиливало гонения и репрессии. Участились случаи телесных наказаний политических заключенных. Джавахарлал, Саид Махмуд и еще двое узников, хотя и не подвергались избиению, объявили в знак солидарности с другими заключенными трехдневную голодовку.

Первый день нового, 1931 года принес Джавахарлалу известие об аресте Камалы, которая заявила в тюрьме: «Я безмерно счастлива и горда тем, что следую по стопам своего мужа...»

Мотилал в это время находился в Калькутте. Узнав об аресте Камалы, после нескольких минут несвойственной ему растерянности он отказался от намерения выехать за границу на лечение и срочно возвратился в Аллахабад.

18 января Мотилал добился свидания с сыном. Джавахарлал не виделся с ним почти два месяца. Вид отца встревожил Неру. Лицо Мотилала отекло, он говорил, тяжело переводя дыхание. В сознании Джавахарлала впервые мелькнула страшная мысль, что он может потерять отца. Эта мысль потом не давала ему покоя ни днем, ни ночью: так трудно было представить себе мир без отца.

Сам Мотилал понимал, что обречен, но как мог бодрился и, улыбаясь, говорил сыну, что собирается прожить еще много лет.

По тому, как резко высказывался Мотилал в адрес Сапру и Джайякара, участников проходившей в это время в Лондоне первой «конференции круглого стола», было очевидно, что его взгляды во многом полевели. Джавахарлала радовали эти перемены в отце. Если бы ему еще не изменило здоровье!

За последние годы Конгресс под влиянием широких масс, вовлеченных в его ряды, склонялся к более радикальным методам борьбы. В Лондоне, конечно, понимали, что в случае прихода конгрессистов к власти представители народа имели бы в ИНК значительный вес и, без сомнения, начали бы выдвигать требования о социальных и экономических преобразованиях в стране. Такая перспектива тревожила и колонизаторов, и

имущие классы Индии, которые, рядясь в популярные одежды индийского национализма, нашли «за круглым столом много общего с английским правительством». Обласкав индийских либералов, английское правительство призвало Конгресс последовать их примеру.

Нельзя сказать, что призывы из Лондона оставили равнодушными всех конгрессистов. В середине января 1931 года по этому вопросу даже созывалось специальное заседание Рабочего комитета ИНК. Мотилал, предчувствуя недоброе, собрался с силами и добился того, чтобы заседание проходило у него в доме. На предложение одного из членов Рабочего комитета приостановить движение гражданского неповиновения Мотилал гневно заявил, что «не пойдет на уступки, пока не будет достигнута общенациональная цель, и будет продолжать борьбу даже в одиночку». Благодаря бескомпромиссной позиции Мотилала комитет принял резолюцию, осуждающую соглашателей.

Приближалась первая годовщина Дня независимости — 26 января 1931 года. На многочисленных собраниях, состоявшихся во всех городах и поселках страны, принималась «Резолюция памяти участников борьбы». Демонстративно отказываясь от британского подданства и провозглашая себя свободными гражданами, участники митингов выражали благодарность сынам и дочерям Индии, принимавшим участие в великой борьбе за независимость, тем, кто страдал и жертвовал своей жизнью ради освобождения родины... Индийцы клялись продолжать борьбу до полной победы.

Правительство, не теряя надежды договориться с руководителями ИНК о прекращении сатьяграхи, распорядилось освободить из тюрем всех конгрессистских лидеров. Это распоряжение пришло в тюрьму Наини как раз 26 января. В тот самый день, когда Джавахарлал получил известие о том, что отец находится при смерти.

Дом наполнили родственники и товарищи отца. Все говорили шепотом. Мать словно тень ходила по комнатам, не находя себе места. Она провела много бессонных ночей у постели мужа и совершенно обессилела от горя к усталости.

Джавахарлал вошел в спальню отца. Мотилал ждал сына и, увидев его, с большим усилием оторвался от подушки, протянул дрожащие руки для объятия. Лицо Мотилала просветлело: он был счастлив тем, что перед смертью еще раз ему удалось увидеть бесконечно дорогого и любимого сына.

В Аллахабад спешили освобожденные из тюрем Камала и Ганди. Мотилал временами терял сознание и каждый раз, когда снова приходил в

себя, беспокойно справлялся о приезде Ганди.

Поезд из Пуны прибыл в Аллахабад поздно ночью. Войдя к Мотилалу, Ганди какое-то время молча смотрел на умиравшего друга и соратника. Затем он тихо сказал:

— Если вы переживете этот кризис, мы обязательно завоюем независимость для нашей Индии.

— Нет, — с суровой предрешенностью ответил Мотилал, — мой конец близок. Мне уже не придется увидеть родину независимой. Но я знаю, что вы на пороге победы и скоро Индия станет свободной.

Врачи настаивали на перевозе Мотилала в больницу в Лакхнау. Он всячески противился, желая умереть дома, но потом согласился. Там, в Лакхнау, проснувшись утром 5 февраля, Мотилал вдруг почувствовал себя лучше, но счастливая надежда быстро угасла: уже к вечеру он не мог дышать без кислородных подушек. Всю ночь Джавахарлал просидел у изголовья отца и лишь под утро задремал, а когда очнулся, увидел, что в комнату проник первый луч солнца, озаривший непривычно спокойное лицо отца. Джавахарлал вздрогнул от нарушивших тишину рыданий матери.

Хоронили Мотилала Неру вечером на берегу Ганга. Носилки с его телом, обернутым трехцветным флагом Конгресса, водрузили на поленницу из сандаловых деревьев. Джавахарлал, выполняя последний сыновний долг, поднес к ней факел, и ярко вспыхнувшее пламя выхватило из темноты скорбные лица тысяч индийцев, стоявших по обоим берегам Ганга.

Глава VIII

Мне становится доступно мира постижение...

Рабиндранат Тагор

Старый Дели просыпался рано. Едва забрезживший рассвет заставлял на улицах озабоченно сновавших в поисках лучшего места торговцев молоком, фруктами, овощами, бобовыми лепешками и прочей снедью. На узких мостовых Дили-базара уже суетились босоногие, в истрепанных дхоти, с чалмами на головах муниципальные подметальщики из «неприкасаемых». Уборка городских улиц — единственная «привилегия» живущих здесь хариджан⁵⁶.

От дома доктора Ансари⁵⁷, где обычно останавливались приезжавшие в Дели конгрессисты, до вице-королевского дворца, расположенного в новой части города, не больше десяти километров. Весь этот путь Ганди и сопровождавший его Джавахарлал преодолевали пешком. Февраль в Дели — лучшая пора года. Прохладный воздух напоен запахом свежей травы.

Ганди и Неру шли неторопливо, большей частью молча. Махатма равномерно постукивал массивным деревянным посохом, контрастировавшим с его хрупкой фигурой. Неру в светлом шерстяном шервани шагал, чуть втянув голову в плечи, с улыбкой посматривая на полуобнаженного Ганди, а того, казалось, ничуть не смущала прохлада февральского утра: лишь кусок белого полотна опоясывал его бедра.

Изломанные пыльные переулки Старого Дели сменились широкими, прямыми улицами нового города. Недавно здесь был пустырь, а теперь на его месте стараниями лучших английских архитекторов и трудом тысяч рабочих-индийцев возведены современные благоустроенные дома для колониальных чиновников.

Дворец вице-короля, сложенный из красного песчаника, из какого Великие Моголы некогда воздвигали памятники своей власти — Красный Форт и мечеть Джами-Мазджид, — высился на холме. Джавахарлал помнил предание, связанное с этим местом. Будто бы в XIV веке по приказу жестокого завоевателя Тимура на холме была сооружена пирамида из черепов десятков тысяч убитых индийцев. Знал ли об этом лорд Хардинг, вице-король Индии в 1910 — 1916 годах, распорядившийся построить именно здесь резиденцию правителей страны?

Переговоры Ганди с вице-королем Индии лордом Ирвином начались 17 февраля 1931 года.

Джавахарлал приехал в Дели спустя несколько дней, вызванный, как и остальные члены Рабочего комитета ИНК, телеграммой Ганди.

Переговорам предшествовали состоявшиеся в доме Неру в Аллахабаде совещания конгрессистов с возвратившимися из Лондона участниками первой «конференции круглого стола» — Тедж Бахадуром Сапру, Сриниваса Састри, М.Джайякармом. Лидеры либералов поспешили сразу же по приезде в Индию встретиться с руководителями ИНК, словно хотели оправдаться за свое двурушничество в Лондоне.

После покаянного выступления Сриниваса Састри, удостоенного в Эдинбурге звания почетного гражданина и отблагодарившего англичан пренебрежительным отзывом об участниках сатьяграхи, либералы зачитали доклад об итогах конференции. Все еще находясь под впечатлением от призывов лондонских политиков к «всеобщему братству», Сапру и Састри убеждали конгрессистов принять участие в следующей «конференции круглого стола». Необходимо мирно урегулировать «нерешенные проблемы», взывали либералы, а пока в качестве первого шага следует прекратить кампанию гражданского неповиновения.

Слушая велеречивые, обтекаемые фразы «миротворцев», Неру с горечью думал, что они готовы согласиться на все, только бы англичане не уходили из Индии. Иначе кто оградит их от «самых индийцев, от истинной демократии, от подъема масс»?

Предложения либералов Неру отвергал с негодованием: индийцы должны быть полновластными хозяевами в своей стране. Если Лондон намеревается обсудить с ИНК вопросы о «нормализации отношений» и о будущем государственном устройстве Индии, непременными условиями для таких переговоров должны стать передача под контроль индийцев вооруженных сил и финансов и немедленный отвод британской армии из страны.

В феврале 1931 года Неру беседовал с корреспондентом американской газеты «Хартфорд таймс».

— Возможно ли достижение цели ИНК с помощью конституционных методов? — поинтересовался журналист.

— У Индии нет конституции, — отрезал Неру, — и посему говорить о конституционных методах бессмысленно.

— Не считаете ли вы, что с помощью Англии со временем все встанет на свои места?

— Нас не устраивает «со временем», нам надо сейчас. Никто из тех,

кто узурпирует власть, не отдает ее по единственно доброй воле.

— Вы не верите в великодушие Англии?

— Я изучал английскую историю и ни разу не встречал в ней примеров великодушия. А потом, мы в нем не нуждаемся, — решительно закончил Неру.

Два дня совещаний с либералами показали Неру полную безрезультатность конференции в Лондоне. Однако для него было очевидным, что у правительства, беспокоившегося, как бы сатьяграха не помешала принятию нового закона об управлении Индией, появилась заинтересованность в контактах с ИНК. Кто-то из конгрессистов предложил, чтобы Ганди встретился с вице-королем и, откровенно изложив ему позицию Конгресса, выяснил, в свою очередь, планы правительства в отношении Индии. Хотя Джавахарлал усмотрел в этом предложении элементы капитулянтства, возражать он не стал, видя, что Ганди и большинство членов Рабочего комитета не исключали возможности переговоров с лордом Ирвином. То, что Ганди никогда не терял надежды убедить любого противника в своей правоте, было хорошо известно Неру...

Три недели длились переговоры Ганди с лордом Ирвином. Обычно Махатма находился в вице-королевском дворце до глубокого вечера. Невзирая на усталость и позднее время, Ганди непременно рассказывал членам Рабочего комитета о ходе переговоров. Выслушивая ежедневные отчеты Ганди, Джавахарлал склонялся к мысли, что позиция Махатмы, похоже, становилась все более компромиссной, нежели это первоначально предусматривалось. Слишком незначительными казались уступки со стороны правительства в сравнении с теми обязательствами, которые по настоянию Ганди должен был взять на себя Конгресс. Исход переговоров тревожил Джавахарлала. Он поделился своими опасениями с Ганди. Неру поддержали и другие конгрессисты. Раджендра Прасад⁵⁸ как-то в присутствии Ганди явно с иронией предложил предпринять какие-нибудь дополнительные меры, чтобы достигнутый компромисс не показался поражением. Тем не менее Ганди не разделял опасений товарищей. После реплики Прасада он громко рассмеялся и сказал: «Компромисс сам по себе не может превратить поражение в победу и наоборот».

В ночь с 4 на 5 марта в доме доктора Ансари царило особое волнение: ждали Ганди с текстом достигнутого соглашения. Он появился около двух часов ночи, молча передал товарищам несколько листов, испещренных многочисленными пометками, и сел поодаль, устало откинувшись на спинку кресла. Несмотря на то, что большинство статей соглашения было хорошо известно Джавахарлалу, он внимательно просмотрел текст

документа. Первая статья, как это и было решено Рабочим комитетом Конгресса, предусматривала прекращение кампании гражданского неповиновения. Взамен правительство обязалось отказаться от репрессий. Индийский национальный конгресс признавался легальной организацией. В документе сообщалось, что ИНК примет участие в очередной «конференции круглого стола».

Можно ли было расценивать достигнутое соглашение с правительством как успех ИНК? Джавахарлал с горечью склонялся к противоположному выводу. Ни одно из тех требований, с которыми они весной 1930 года начинали кампанию гражданского неповиновения, не было удовлетворено. Вынужденные уступки правительства легко сводились на нет различными условиями и оговорками.

Но полной неожиданностью для Джавахарлала явилась вторая статья соглашения, в которой витиеватыми фразами о «гарантиях в интересах Индии» не слишком умело маскировалось стремление англичан удержать и закрепить свое колониальное господство в Индии. Прямую угрозу индийцам содержала и последняя статья, гласившая, что в случае, если Конгресс не сможет обеспечить выполнение соглашения, «правительство предпримет для обеспечения законности и порядка те меры, которые оно считает нужными».

Тягостные раздумья одолевали Джавахарлала: «Разве для этого наш народ в течение года проявлял такое мужество? Неужели этим должны были кончиться все наши славные слова и дела? А как же быть с резолюцией Конгресса о независимости, с клятвой, данной 26 января и столь часто повторяемой?»

Утром 5 марта 1931 года Ганди и лорд Ирвин скрепили своими подписями соглашение, получившее название Делийский пакт, или пакт Ганди — Ирвина.

Видя угнетенное состояние Неру, Ганди пытался внушить ему, что заключение пакта с англичанами ни в коем случае не означает сдачу Конгрессом прежде завоеванных позиций. Он уверял, что вызывавшие у Джавахарлала опасения статьи пакта абсолютно не противоречат избранному курсу на независимость. В конце концов, разве не укрепляет веру в будущие успехи и не свидетельствует о силе их движения то, что британское правительство впервые согласилось сесть за стол переговоров с представителями самой массовой партии Индии?

Неру стоял на своем, с упреком заявляя Ганди, что ему не по душе его манера «преподносить сюрпризы», как это было на переговорах с Ирвином, когда Ганди без согласования с конгрессистами включил в текст

соглашения пресловутую вторую статью. Против ожидания Ганди добродушно согласился с Джавахарлалом и, улыбнувшись, как бы шутя заметил, что чувствует в себе «элемент неизвестного», не поддающийся контролю. Такое поведение Ганди обезоруживало Неру. Но разница в оценке Делийского пакта не отразилась на их отношениях, ставших еще более близкими после кончины Мотилала. Ганди с «неизменным терпением» выслушивал все, что я хотел сказать, и всемерно старался идти навстречу моим желаниям, — вспоминал впоследствии Джавахарлал. — Это, собственно, и навело меня на мысль, что, может быть, я вместе с некоторыми коллегами сумею постоянно влиять на него в социалистическом духе, и он сам говорил, что готов двигаться шаг за шагом в этом направлении по мере того, как он ясно будет видеть перед собой этот путь. В ту пору мне казалось почти неизбежным, что он займет в основном социалистическую позицию, ибо я не видел другого способа покончить с насилием, несправедливостью, расточительностью и нищетой, которые породил существующий порядок». Вскоре, правда, Джавахарлал откажется от мысли обратить Ганди в «социалистическую веру», убедившись в серьезных различиях между идеалами Махатмы и социалистической целью, конечно, в том смысле, как ее понимал и интерпретировал сам Неру.

Не соглашаясь с Ганди в оценке пакта и видя уязвимость и непрочность достигнутого с англичанами соглашения, Джавахарлал тем не менее считал необходимым в интересах единства рядов Конгресса подчиниться решению Рабочего комитета, одобдившего пакт. Об этом Неру заявил в интервью газете «Хинду» 8 марта 1931 года. Но в том же интервью он снова повторил, что следующие переговоры с англичанами Конгресс должен вести, не отступая ни на шаг от решений лахорской сессии, требуя для Индии права «полного контроля оборонной, экономической и финансовой политики». На следующий день он выступил на митинге в Лакхнау, где выразил убеждение, что прекращение кампании гражданского неповиновения не означает мира с англичанами, а является лишь перемирием. О мире можно будет говорить только тогда, когда Индия обретет независимость. Неру признал, что далеко не все устраивает его в достигнутом с англичанами соглашении, но как солдат Конгресса он обязан проводить это соглашение в жизнь. Джавахарлал предостерег от того, чтобы перемирие не обернулось «праздным бездельем» для масс, и призвал всех индийцев-патриотов использовать вынужденную передышку для укрепления своих рядов.

Подчинившись партийному решению, Неру совершал очередную

поездку по стране с тем, чтобы призвать народ к прекращению кампании гражданского неповиновения. Он разъяснял на собраниях и митингах суть Делийского пакта и удовлетворенно отмечал возрастающую дисциплинированность участников движения. Хотя далеко не каждый соглашался с политикой руководства ИНК, а многие даже критиковали действия Ганди на переговорах с лордом Ирвином и открыто высказывались против пакта, для подавляющего числа конгрессистов решение Рабочего комитета о прекращении сатьяграхи явилось законом.

Только вырвавшись на несколько дней в Аллахабад, очутившись в родных стенах, Неру понял, как он устал. Произошло то, что он сам иронически называл «незначительным упадком сил». Здоровье стало ухудшаться еще в тюрьме: донимали головные боли, мучила бессонница. Потрясение, вызванное кончиной отца, постоянное нервное напряжение, в котором он пребывал, ожидая конца переговоров в Дели, дали себя знать. Впрочем, крепкое в своей основе физическое здоровье Джавахарлала, его, казалось, неиссякаемые энергия и жизнелюбие, заботливый уход домашних помогли ему быстро забыть о недомоганиях. И уже вскоре он в сопровождении матери, жены и сестры Кришны едет на сессию Конгресса в Карачи.

Сессия открылась 27 мая 1931 года. На ней председательствовал Валлабхаи Патель, имя которого получило широкую известность после успешно проведенной им сатьяграхи в Гуджарате.

«Сессия Конгресса в Карачи впервые проводилась под открытым небом, — вспоминал Р.Прасад. — После заключения пакта Ганди — Ирвина в соответствии с его условиями большинство сатьяграхистов было выпущено из тюрьмы, и многие из них присутствовали на сессии... Сессия Конгресса в Карачи приняла две основные резолюции. Первая ратифицировала пакт Ганди — Ирвина, а во второй излагались принципы программы, которой следовало придерживаться после достижения независимости, и упоминалось об экономической свободе». Вторую резолюцию подготовил Джавахарлал. Помимо требований о предоставлении индийскому народу общедемократических свобод, ликвидации кастовых и религиозных ограничений, снижения налогов, отмены соляной монополии и других, в резолюции впервые содержался важный пункт, который Неру скромно именовал «небольшим шагом в социалистическом направлении», — право государства контролировать ключевые отрасли промышленности и природные ресурсы, что на деле означало их национализацию.

Подтвердив верность лозунгу «пурна сварадж» («полная

независимость»), делегаты сессии приняли решение об участии ИНК в работе второй «конференции круглого стола» в Лондоне. Единственным представителем Конгресса на конференции был выдвинут Ганди. При этом делегаты сессии исходили из рекомендаций самого Махатмы, который говорил, что «если английское правительство останется непреклонным, то численность делегации сама по себе не окажет на него никакого влияния».

После окончания сессии Неру, уступая настоянию родных и врачей, беспокоившихся о его здоровье, согласился немного отдохнуть. Он и сам испытывал острую потребность в отдыхе. «Все, что мне нужно сейчас, — это сон и другая обстановка», — признавался Джавахарлал в одном из писем к старшей сестре.

Избрав местом отдыха Цейлон, Неру так объяснил свое решение: «Индия при всей ее обширности все же не сулила реальной возможности переменить обстановку и умственно отдохнуть, ибо куда бы я ни направился, я, вероятно, встретился бы с товарищами по политической деятельности, и те же проблемы стали бы преследовать меня. Цейлон был ближе всего к Индии, и поэтому я вместе с Камалой и Индирой отправился туда».

23 апреля Неру после двухдневного морского путешествия ступили на землю Цейлона и сразу очутились в вечнозеленом царстве рощ, кокосовых пальм, каучуковых и чайных плантаций.

Джавахарлал знакомится с историческими памятниками Цейлона — острова, тесно связанного с Индией общим прошлым.

Сигирия (или Сихагири, что означает «Львиная скала») — редкостный по красоте архитектурный памятник V века. Искусные руки цейлонских каменотесов по приказу царя острова придали двухсотметровой скале форму сидящего льва, передние лапы которого опираются о равнину и образуют вход, ведущий наверх. На стесанной вершине располагался царский дворец. О его былом великолепии напоминают развалины стен укреплений, бездонные колодцы, каменные изваяния женских фигур. Скальные галереи-тайники сохранили от разрушительных сил природы и людей древние росписи, поражающие нетленной яркостью и свежестью красок, точностью пропорций, красотой и изяществом человеческих фигур. Такие же чарующие женские лица с ласково-печальными глазами Джавахарлал видел в Индии на фресках пещерных храмов в Аджанте.

Побывали Неру и в древней столице Цейлона Полоннаруве. Здесь внимание Джавахарлала привлекли многочисленные «дома-статуи», предназначенные для монументальных скульптур Будды. «Дома-статуи» гармонично вписывались в рельеф местности, радуя взор совершенством и

вместе с тем простотой пластических форм. Казалось, неизвестные создатели древнего города заботились прежде всего о том, чтобы в этих местах человек мог отрешиться от житейской суеты и предаваться мечтам о совершенстве мира, размышлять об учении Будды. В Полоннаруве сохранилась огромная статуя лежащего Будды, которая считалась наиболее совершенным его изображением. Будда покоится на правом боку, левая рука вытянута вдоль тела, правая подложена под щеку. У его изголовья стоит, скрестив руки на груди, любимый ученик Будды Ананда. Он ревностно охраняет сон своего великого учителя, пребывающего в нирване, отошедшего в мир «истинного бытия». Гениальному ваятелю древности удалось оживить мертвый камень: от статуи исходит благодное спокойствие и умиротворенность; лицо Будды, круглое, мягкое, доброе, расслаблено в мудрой улыбке.

Джавахарлалу особенно понравилась статуя сидящего Будды, которую он увидел в Анурадхапуре, первой столице сингальского царства в III веке до н.э. «Сильные, спокойные черты статуи Будды умиротворяли меня, придавали мне силы и не раз помогали преодолевать уныние».

В Анурадхапуре Неру показали и знаменитое дерево Бо. Это самое старое, по утверждениям, дерево в мире, возраст которого исчислялся двумя тысячелетиями, выросло из веточки дерева пипал (смоковница) из Гайи в Индии. Там, в Гайе, под сенью смоковницы индийский принц Сиддхартха Гаутама, уставший от аскетических подвигов, утомленный семилетними скитаниями, измученный сомнениями в поисках истины, внезапно «достиг просветления» и решил указать людям «путь праведной жизни». Учение принца-отшельника, прозванного Буддой, что на санскрите означало «просветленный», стало для человечества новой религией...

Религиозное мировоззрение Неру считал «врагом ясного мышления, ибо оно основано не только на безропотном принятии неких твердых и неизменных теорий и догм, но также и на чувствах, эмоциях и страстях». Любая религия, по его убеждению, «прививает людям узость и нетерпимость, легкое верие и суеверие, эмоционализм и иррационализм. Она замыкает и ограничивает ум человека и порождает в человеке настроение зависимости, связанности». Подтверждение своей точке зрения Неру находил в индийской действительности, часто наблюдая, как сознание исключительности своей религии превращало индусов и мусульман, еще вчера добрых соседей, в смертельных врагов. Он отчетливо представлял, как религиозно-общинные распри ослабляли мощь национально-освободительного движения в Индии, как они облегчали колонизаторам борьбу с ним. Видя в религии «реакционную силу, противостоящую

изменениям и прогрессу», сознавая ее опасность для будущей свободной и демократической Индии, о которой он мечтал, Джавахарлал не раз обращался к соотечественникам с призывом «освободиться от этого узкого религиозного мировоззрения, от этой безумной склонности к сверхъестественным и метафизическим спекуляциям, от этого расслабляющего влияния религиозно-обрядового и мистического эмоционализма на дисциплину ума, которые мешают нам понять самих себя и весь мир».

Критическое отношение Неру к религии вместе с тем не уводило его от вопроса, который он часто задавал себе: «Как религия могла быть столь большой силой и приносить мир и утешение бесчисленным страждущим душам?» В поисках ответа на этот вопрос Джавахарлал обращался к истории мировых религий, изучал Библию и Коран, заветы Будды и его еще более аскетичного и ортодоксального современника, основателя джайнизма Махавиры. Без этого Неру не смог бы свободно чувствовать себя в общении с соотечественниками — представителями многих религий и сект — индусами и мусульманами, сикхами и парсами. Не зная того, что духовно разъединяет и что сближает людей разных вероисповеданий, невозможно спланировать их на борьбу с общим для всех индийцев врагом — британским империализмом.

Джавахарлала всегда привлекали исторические личности, оказавшие сильное воздействие на человеческие умы. К таким личностям он относил и Будду, причем не сомневался в реальности его существования и возражал против его обожествления. Проповеди Будды Неру воспринимал не как религиозные догмы, а как наставления много испытавшего в жизни мудрого человека, который «опирается на разум, логику и опыт». Близки Джавахарлалу были и советы Будды о самовоспитании и самосовершенствовании человека. Он часто вспоминал его изречение: «Даже бог не может превратить в поражение победу человека, который поборол самого себя».

Приветливо встретили Неру жители города Канди, потомки тех мужественных и свободолюбивых сингалов, которые в начале XVIII века нанесли поражение войскам колонизаторов и в течение десяти лет героически отстаивали свое маленькое независимое государство в самом центре захваченного Великобританией Цейлона. Понимая, что именно здесь от него, непосредственного участника антиколониального движения в Индии, с нетерпением ждут рассказа о последних событиях, Джавахарлал выступил перед горожанами. Он произнес первые фразы, простые, лишённые обтекаемых формулировок, и сразу почувствовал напряжённое

внимание к себе обступивших его людей. Откровенно, как с близкими друзьями, он поделился с ними мыслями об успехах и трудностях освободительного движения в Индии, рассказал о последней сессии ИНК и о принятых на ней решениях, особо подчеркнув необходимость социальных и экономических преобразований в Индии и на Цейлоне после достижения ими независимости.

Сердечный прием ожидал Неру и в Коломбо. Джавахарлал никак не мог привыкнуть к приветствиям в свой адрес, нередко переходившим в славословие. Постоянное напоминание о заслугах Неру в освободительном движении, которые он сам оценивал более чем скромно, вызывало у него острое чувство неловкости. Поэтому, благодаря цейлонцев за гостеприимство, оказанное ему и его семье, Неру постоянно подчеркивал, что относит проявленные к нему уважение и восхищение к тем миллионам индийцев, которые самоотверженно борются за независимость родины и находятся в рядах которых он считает честью для себя.

Неру не покидало хорошее настроение, особенно радовало его заметное улучшение здоровья жены. Он, казалось, совсем забыл о причине, вынудившей его отправиться на Цейлон, и не замечал, как его жизнь снова обрела напряженный ритм — встречи, беседы, споры, выступления, переписка с многочисленными корреспондентами в Индии, в Европе (ежедневно Джавахарлал отправлял около 25 писем и почтовых открыток)...

Как-то в Коломбо Джавахарлал поздно вечером вернулся в гостиницу усталый. Тихо, стараясь не разбудить спящих Камалу и дочь, он прошел к себе в комнату, разделся, лег в постель и вскоре забылся в тяжелом сне. Очнулся он на жестком полу; с тревожным удивлением ощущая во рту солоноватый привкус крови, провел рукой по мокрому лицу и, задев ссадину, поморщился от боли. Первое, что бросилось Неру в голову и заставило вскочить на ноги, — это мысль о нападении. Нет, страха он не испытывал, скорее сработало сознание возможной опасности: вспомнились два угрожающих анонимных письма, полученных перед самым отъездом на Цейлон. В комнату вбежала встревоженная Камала. Увидев окровавленное лицо мужа, она лишилась чувств. Придя в себя, помогла смыть кровь, перевязала ссадину. Утром по настоянию Камалы пригласили врача. Он внимательно осмотрел Джавахарлала и, объяснив случившееся сильным переутомлением, категорически запретил ему заниматься какими бы то ни было делами.

Из Коломбо Неру на автомобиле отправились на юг острова.

Они обогнули юго-западное побережье, проехали Калутару, Галле, Матару, достигли мыса Дондра — самой южной точки острова и поездом

вернулись в Коломбо. После короткого отдыха Джавахарлал посетил Джафну, город на севере Цейлона, где его особенно восторженно приветствовали темпераментные молодые тамилы⁵⁹, отличавшиеся своей воинственностью и антибританскими настроениями.

22 мая Неру пароходом отплыли на родину. Джавахарлал испытывал сожаление и радостное облегчение одновременно: сожалел о том, что надолго, если не навсегда, расставался с «тихой гаванью, укрытой от яростных ветров», а радовался тому, что без яростных ветров и грозowych бурь не мыслил своего существования...

По возвращении на родину Неру совершили поездку по Южной Индии. Эту поездку Неру использовал для разъяснения массам текущей политики Конгресса. Во всех своих выступлениях он подчеркивал временный характер соглашения Конгресса с британским правительством. ИНК точно выполнил условия перемирия, прекратив сатьяграху, но именно сейчас нельзя забывать о главном уроке последней кампании несотрудничества: успех немыслим без массовой, хорошо подготовленной организации волонтеров. Говоря об успехах национального движения, Джавахарлал сказал, что его радуют не столько политические, сколько моральные и психологические результаты более чем десятилетней борьбы индийского народа за независимость. Теперь индиец, находясь за границей, не чувствует себя, как прежде, рабом, не испытывает унижения за свою родину. Он исполнен сознания будущей неизбежной победы, и окружающие проникаются уважением к его свободолюбию. «Желание каждого человека жить в мире, и мы хотим мира, — всюду повторял Неру, — но только такого мира, который принесет свободу Индии».

Не доезжая Бомбея, Неру ненадолго остановились в Хайдарабаде, чтобы погостить у давнего друга их семьи, выдающейся индийской поэтессы, видной деятельницы ИНК Сароджини Найдугупты. Здесь Камала, дав волю своему красноречию, выступила перед местными женщинами и призвала их решительнее отстаивать свои права в борьбе против некоторых консервативных обычаев предков и против порядков, устанавливаемых мужьями. Результаты призывов Камалы к эмансипации не заставили себя долго ждать: через несколько дней Неру получили письмо, в котором один хайдарабадский муж жаловался на свою супругу, отказавшуюся слушаться его сразу после того, как она побывала на выступлении Камалы.

Джавахарлал все явственнее ощущал шаткость достигнутого перемирия. Активизировалась деятельность террористических групп в Бенгалии, что явилось прямым следствием отказа властей выполнять

условия Делийского пакта и освободить политических заключенных. Все напряженнее становилась обстановка в Соединенных провинциях; правительство не только не уменьшило там арендную плату и поземельный налог, что оно было обязано сделать в соответствии с Делийским пактом, но и вновь прибегло к массовому выселению крестьян. В Пограничной провинции, на северо-западе, где продолжали действовать репрессивные указы, ширилось антианглийское движение пуштунов — «краснорубашечников». Их предводитель — двухметровый гигант Абдул Гаффар-хан, снискавший себе необычайную популярность в народе, неукоснительно сохранял верность гандистским принципам ненасилия, за что и был прозван Пограничным Ганди.

7 июля 1931 года в Бомбее начались заседания Рабочего комитета ИНК, на которых присутствовал и Джавахарлал. Шесть дней продолжалось бурное обсуждение вопроса: какие шаги следует предпринять Конгрессу в связи с непрекращающимися нарушениями со стороны правительства и его представителей на местах условий Делийского пакта?

В дни, предшествовавшие заседаниям комитета, Неру выезжал из Бомбея в Бардоли, Пуну, Аллахабад, Дели и другие города, где разъяснял местным конгрессистам проблемы, стоявшие перед ИНК в сложившейся ситуации. «Перемирие не означает мира», — доказывал он. Правительство нарушает Делийский пакт, что чревато «политическим землетрясением». По прогнозам Джавахарлала, перемирие продлится еще три-четыре месяца. Именно этот срок он отвел для мобилизации Конгрессом всех сил. «В случае неуспеха очередных переговоров с правительством, — говорил Неру, — Конгрессу ничего не остается делать, кроме как возвращаться на прежний путь — путь войны». Если индийский народ хочет добиться свободы, он должен быть бдительным и готовым к любым неожиданностям. Этими выступлениями Неру навлек на себя гнев властей, которые поспешили обвинить его в «нарушении атмосферы мира», в подстрекательстве к срыву достигнутого в Дели соглашения.

На заседаниях Рабочего комитета Неру поддержал предложение еще раз попытаться урегулировать спорные вопросы в отношениях с правительством и для этого направить Ганди в Симлу для встречи с новым вице-королем Индии лордом Уиллингдоном, о котором говорили, что он человек более жесткий и несговорчивый, чем его предшественник лорд Ирвин.

Переговоры в Симле хотя и были, по выражению Неру, «откровенными», сколько-нибудь заметных результатов не дали, да и не могли дать. На каждое обвинение конгрессистов в нарушении Делийского

пакта англичане отвечали десятью контробвинениями, на выяснение и уточнение которых уходило основное время участников встречи. Ни к чему не привело и обсуждение вопроса о создании какого-нибудь органа по расследованию нарушений пакта: правительство не допускало мысли, что, кроме него, кто-то еще может осуществлять арбитраж в Индии. В традиционной для британской дипломатии манере, с холодной вежливостью и непреклонной твердостью, вице-король и его окружение дали ясно понять, что хорошо отлаженный механизм подавления будет запущен мгновенно, если какие-то действия Конгресса вызовут недовольство правительства Великобритании.

Новости из Симлы окончательно убедили Джавахарлала в неотвратимости конфликта с властями.

Время отъезда Ганди в Лондон приближалось, а руководители ИНК и сам Махатма колебались принять окончательное решение об участии Конгресса в «конференции круглого стола». Помимо сомнений в благоприятном для индийцев исходе конференции, конгрессисты высказывали обоснованное опасение: как бы в отсутствие Ганди сила народного возмущения, с трудом сдерживаемая ими и растущая по мере нарушений англичанами Делийского пакта, не выплеснулась из тесных рамок перемирия и не прокатилась стихийной грозной волной по всей стране. Ганди соглашался с ними и не хотел покидать Индию без полной уверенности в том, что как одна, так и другая стороны будут соблюдать условия перемирия. Только после второй встречи с вице-королем и обмена письмами с начальником департамента внутренних дел Индии Гербертом Эмерсоном, заручившись туманным обещанием колониальных властей не нарушать Делийский пакт и, в свою очередь, заверив их в том, что Конгресс будет воздерживаться от прямых действий до окончания переговоров в Лондоне, утром 29 августа Ганди отбыл в Великобританию. Без Ганди, единственного представителя самой массовой политической партии Индии, «конференция круглого стола» потеряла бы свой смысл и превратилась бы в собрание послушных Уайтхоллу⁶⁰ марионеток, представлявших разве что самих себя — раджей, махараджей, навабов⁶¹. О том, насколько британское правительство было заинтересовано в приезде Ганди в Лондон, свидетельствовал такой факт: вторая встреча Махатмы с Уиллингдоном несколько затянулась, и Ганди не успевал попасть на пароход, на борту которого уже дожидались отплытия восемьдесят семь участников конференции. Правительство выделило для Махатмы специальный поезд, который безостановочно промчался от Симлы до

Бомбея: движение всех других поездов на этой железнодорожной линии было приостановлено.

Джавахарлал простился с Ганди в бомбейском порту. Они успели поговорить о многом, и теперь Неру, провожая взглядом удалявшийся пароход с одиноко стоявшим на площадке для пассажиров третьего класса Ганди, воскрешал в памяти наиболее важное из сказанного ему Махатмой. Отправляясь в Лондон без особой веры в успех, Ганди все-таки допускал возможность достижения соглашения с англичанами. В таком случае, предупреждал Махатма Джавахарлала, он вызовет в Лондон членов Рабочего комитета ИНК с тем, чтобы они приняли участие в заключительных переговорах. Ганди также сказал Джавахарлалу, что, «совершенно независимо от «конференции круглого стола» и политических проблем, Конгрессу, возможно, придется защищать права народа, и особенно крестьянства, в экономической борьбе».

Вопрос о том, не будет ли истолкована как нарушение Делийского пакта открытая поддержка Конгрессом крестьянского движения, не прекращавшегося в Индии ни на минуту и принимавшего в ряде мест формы, весьма отдаленно напоминавшие гандистское ненасилие, неотвязно беспокоил руководителей ИНК. Правда, и на переговорах в Дели, и позднее Ганди заявлял англичанам, что принятое Конгрессом обязательство приостановить кампанию гражданского неповиновения «не относится к местной экономической борьбе», то есть к антифеодалному движению в индийских деревнях, участники которого требовали закрепления за ними прав постоянной аренды и сокращения размеров ренты. Джавахарлал и другие лидеры ИНК хорошо понимали, что правительство, отнюдь не отказавшееся от намерений дискредитировать Конгресс, подорвать его влияние и снова поставить его вне закона, выжидает и ищет повод для того, чтобы осуществить свои планы. Поэтому, содействуя расширению организованной и ненасильственной борьбы крестьян за свои права, конгрессисты вместе с тем старались по мере возможности избегать конфликтов с властями. Теперь же, в отсутствие Ганди, от Конгресса требовался еще более внимательный подход, более гибкое реагирование на постоянные изменения сложной и напряженной обстановки в стране. «Хотя в настоящее время Конгресс решил неуклонно выполнять условия перемирия, — писал в те дни Джавахарлал, — все будет зависеть от позиции правительства. Если правительство не изменит свои нынешние методы, для Конгресса будет невозможным соблюдать перемирие».

Осенью 1931 года снова ухудшилось положение в Соединенных провинциях, правительство которых потребовало от арендаторов

немедленной уплаты налогов и ренты. Арендаторов уведомили о том, что в случае неуплаты сумма будет взыскана через суд. Слушание подобных дел непременно заканчивалось тем, что тысячи людей насильственно сгонялись с земли, а принадлежавшие им скот, инвентарь, личное имущество конфисковывались властями. Отчаявшиеся арендаторы обратились за помощью к Конгрессу. Учитывая всю серьезность возникшей ситуации, Неру решил посоветоваться с Ганди. 16 октября он послал Махатме телеграмму, в которой сообщал, что вопрос о «критическом положении» в Соединенных провинциях не терпит отлагательства. Ответ из Лондона пришел через два дня. Сославшись на свою беспомощность в данном вопросе, Ганди рекомендовал конгрессистам поступать так, как они сочтут нужным.

Несмотря на то, что некоторые лидеры Конгресса колебались, склоняясь больше к тактике переговоров с правительством, Неру удалось убедить членов Рабочего комитета ИНК предоставить комитету Конгресса в Соединенных провинциях право «разрешать прекращение арендной платы и земельного налога в любом районе».

Тем временем в Лондоне продолжалась «конференция круглого стола». Как и ожидал Неру, британское правительство всеми средствами старалось свести конференцию к обсуждению мелких и второстепенных вопросов. И надо воздать должное лондонским политикам: в поставленном ими спектакле все исполнители как главных, так и эпизодических ролей были подобраны безупречно. Джавахарлал мало что знал о закулисных сторонах работы конференции, однако даже перечня состава ее участников было для него вполне достаточно, чтобы прийти к единственному выводу: «В целом они (участники конференции. — Авт.) представляли в политическом и социальном отношении самые реакционные круги в Индии. Они были настолько отсталы и реакционны, что индийские либералы, такие умеренные и осторожные в Индии, казались в их обществе прогрессивными».

Усилия Ганди, в одиночку пытавшегося добиться от участников конференции поддержки в вопросе о независимости Индии, оказались напрасными. «Оппортунизм проявлялся во всей своей красе, — с негодованием писал Неру, — и различные группы напоминали стаи голодных волков, которые рыскали вокруг в ожидании добычи — добычи, которую им должна была дать новая конституция. Даже само понятие свободы приняло форму широкого дележа мест — так называемой «индианизации», то есть предоставления большего количества мест для индийцев в армии, на гражданской службе и т.д. Никто не думал о

независимости, об истинной свободе, о передаче власти в руки демократической Индии, о решении каких-либо жизненно важных и насущных экономических проблем, стоявших перед индийским народом».

В середине декабря 1931 года Ганди, исчерпав все свои аргументы и окончательно разуверившись в возможности достижения на конференции какого-либо соглашения с британским правительством, покинул Лондон и выехал на родину.

Правительство Индии, опасавшееся того, как бы возвращение Ганди не послужило поводом для массовых антианглийских выступлений, торопилось принять надлежащие меры в первую очередь в тех районах страны, где позиции колонизаторов были особенно шаткими. Новым правительственным указом по Соединенным провинциям, изданным в связи с «аграрными беспорядками», запрещалась, по существу, всякая политическая или общественная деятельность.

Джавахарлал находился в это время в Аллахабаде. Он только что вернулся из Бомбея, куда отвез заболевшую жену, и намеревался по окончании работы провинциальной конференции конгрессистов вновь отправиться в Бомбей для встречи с Ганди и участия в заседаниях Рабочего комитета. Однако сразу же после опубликования указа власти запретили Неру, председателю провинциального комитета ИНК Тассадуку Шервани и другим конгрессистам выезжать за пределы Аллахабада. В Этаву, где должны были проходить заседания конференции, поспешно перебрасывались полицейские и воинские части. Отложив проведение конференции, Неру и Шервани, которого пригласили на заседание Рабочего комитета для того, чтобы обсудить вопрос о положении в Соединенных провинциях, утром 26 декабря, невзирая на запрет властей, выехали поездом в Бомбей.

В пути Джавахарлал узнал из газет, купленных им на станции, о новом правительственном указе, на этот раз по Пограничной провинции, в соответствии с которым власти подвергли преследованиям «краснорубашечников». В газетах сообщалось об аресте руководителей движения, в том числе и Абдул Гаффар-хана. Не успел Неру обсудить с Шервани это взволновавшее его известие, как поезд неожиданно остановился, и в вагон вошли полицейские, посланные сюда для того, чтобы арестовать Джавахарлала и Шервани. Обоих отвезли в уже хорошо знакомую Неру центральную тюрьму в Наини.

28 декабря в Бомбей прибыл Ганди. От встретивших его конгрессистов он узнал о проведенных властями арестах. Все еще надеясь предотвратить конфликт с правительством, Ганди предпринял несколько попыток

увидеться с вице-королем, но тот под различными предлогами уклонялся от встреч. Наконец Ганди уведомили о том, что вице-король готов принять его, но только при одном условии: на встрече не будут затрагиваться вопросы, связанные с действиями правительства в Бенгалии, Пограничной и Соединенных провинциях.

В тюрьме Джавахарлал и его товарищи недоумевали: «Почему медлят Ганди и другие оставшиеся на свободе лидеры ИНК? Неужели не ясно, что правительство твердо решило раздавить Конгресс?»

В последние дни 1931 года Рабочий комитет ИНК постановил начать с января новую кампанию гражданского неповиновения. Ганди настоял на том, чтобы кампания ограничивалась только индивидуальным неповиновением членов Конгресса.

Решение Рабочего комитета вызвало жаркие споры среди конгрессистов. Некоторые из них, находившиеся вместе с Неру в тюрьме в Наини, упрекали Ганди в излишней осторожности. Кое-кто раздраженно называл поведение Махатмы трусливым. Джавахарлал защищал Ганди, усматривая в его поступках последовательную решимость не допускать актов насилия со стороны индийцев. Не соглашался Неру и с теми, кто обвинял Ганди в том, что он далек от народа. Разве не Ганди широко распахнул двери Конгресса для простых крестьян, рабочих, ремесленников, разве не он всеми силами способствовал пробуждению национального самосознания индийцев, усилению их политической активности?

Вместе с тем Джавахарлал хорошо понимал, что ряд деятелей Конгресса, представлявших верхушку национальной буржуазии, поддержал поправку Ганди к решению Рабочего комитета, руководствуясь отнюдь не морально-этическими принципами гандистского учения. Крупная буржуазия, как и прежде, страшилась возникновения в стране революционной ситуации, ей виделись апокалипсические картины стихийного народного гнева, обрушивающегося сначала на колонизаторов, а потом на нее...

Дело Неру слушалось неоткрытом заседании аллахабадского окружного суда 4 января 1932 года. Не разрешив Джавахарлалу выступить с заявлением, поскольку оно, мол, носит «политический характер», судья поспешил огласить приговор. За нарушение статьи 13-й правительственного указа о чрезвычайных полномочиях властей в Соединенных провинциях Неру приговаривался к двум годам строгого тюремного заключения и к штрафу в 500 рупий (в случае неуплаты штрафа срок заключения увеличивался на шесть месяцев).

Поспешно издав четыре приказа, предоставляющие судебным органам

и полиции практически неограниченные полномочия, правительство запретило деятельность Конгресса. Вне закона были поставлены все примыкавшие к ИНК организации, другие прогрессивные политические партии и группировки. В день суда над Неру были арестованы по обвинению в государственных преступлениях Ганди и председатель ИНК В.Патель. Тюремны вскоре уже не вмещали всех арестованных, и власти срочно сооружали временные лагеря для заключенных.

13 января власти конфисковали наряду с другими зданиями, принадлежавшими Конгрессу, и «Сварадж Бхаван». Джавахарлал со дня на день ждал, что та же участь постигнет и его дом. Однако власти, по-видимому, резонно рассудив, что выселение семьи Неру повлечет за собой новый взрыв возмущения и в без того беспокойном Аллахабаде, ограничились конфискацией и продажей автомобиля Джавахарлала.

Правительство, словно торопясь продемонстрировать «непокорным индийцам» мощь своего карательного аппарата, непрерывно наносило жестокие удары по всем очагам национально-освободительного движения в стране. «В Индии фактически было введено военное положение, — оценивал обстановку Неру, — и Конгрессу, в сущности, так и не удалось вновь захватить инициативу или приобрести какую-либо свободу действий». И все-таки каждый день приносил Джавахарлалу новые подтверждения того, что, несмотря на репрессии и на отсутствие действенного руководства со стороны ИНК, освободительное движение в Индии ширилось, охватывая все большее число индийцев. В борьбу с колонизаторами, стремясь достойно заменить арестованных отцов, мужей, братьев, сыновей, включились индийские женщины. Мать Джавахарлала, его сестры (Камала все еще находилась на излечении в Бомбее) ездили по деревням Соединенных провинций, призывая крестьян уклоняться от уплаты ренты и налогов, пикетировали магазины, где продавались иностранные ткани, участвовали в уличных демонстрациях и митингах.

27 января Джавахарлал узнал об аресте сестер Виджайялакшми⁶² и Кришны. Их отвезли в тюрьму в Малакке. 1 февраля суд приговорил сестер к году тюремного заключения. Джавахарлалу сообщили, что они были чрезвычайно горды вынесенным им приговором.

Уже находясь в окружной тюрьме в Барейли, куда Джавахарлала перевели 7 февраля 1932 года, он переслал сестрам письмо, в котором за шутливыми фразами проскальзывали восхищение мужеством Виджайялакшми и Кришны, тревога за их судьбу, желание всячески помочь им, приободрить их. Брат называл тюрьму «лучшим из всех университетов». «Только здесь, — оптимистически утверждал он, — мы

начинаем ценить то малое, что с трудом замечали раньше, и поэтому радость восприятия жизни становится острее».

В конце марта 1932 года после четырнадцатимесячного перерыва Неру в письмах к дочери возобновил рассказ о важнейших событиях мировой истории. Не претендуя на всеохватность и точность изложения (суровые условия заключения не позволяли Неру иметь при себе необходимые для такой работы источники, здесь-то и пригодились тетради с выписками из прочитанных прежде книг), Неру старался живым, образным языком поведать о самом существенном, интересном и поучительном в истории человечества от его древнейших эпох до 30-х годов XX века.

Приглашая дочь вместе с ним заглянуть в прошлое — «сложную, запутанную сеть, которую трудно распутать и трудно даже всю целиком охватить взором», Джавахарлал предостерегает ее от того, чтобы воспринимать историю других стран и народов как нечто менее достойное внимания и изучения, чем история собственной страны. «История, — пишет он Индире, — не является просто летописью деяний великих мужей, королей, императоров и им подобных... Подлинная история должна заниматься не отдельными личностями, которые появляются время от времени, а людьми, которые составляют нацию, работают и своим трудом создают предметы первой необходимости и предметы роскоши, людьми, которые тысячами различных способов влияют друг на друга и взаимодействуют друг с другом».

Отношение Неру к проблемам всемирной истории свободно от тенденциозности, столь присущей трудам буржуазных исследователей, хотя он и сетовал на то, что ему подчас бывало трудно совладать с личными суждениями, или сложившимися ранее, или возникавшими при ознакомлении с новыми источниками. Не являясь профессиональным историком, Неру весьма скромно оценивал свои возможности исследователя: «Мое собственное образование было недостаточным, и историю мне преподавали в искаженном виде», — говорил он, имея в виду годы учебы в Харроу и Кембридже. Однако Неру с настойчивостью и тщательностью подлинного ученого стремится воспроизвести целостную объективную картину мира в его постоянном движении, во всем его многообразии, не отвлекаясь при этом от главной задачи, которую он поставил перед собой: «увидеть свою страну и свой век в истинной перспективе мировой истории». И Неру повествует о прошлом родины, показывая духовную красоту, неистребимое свободолобие, мужество, богатейшие творческие возможности своего народа. Решительно возражая тем шовинистически настроенным соотечественникам, которые твердили

об обособленности исторического пути, пройденного Индией, об исключительности индийской нации, о ее мессианской роли в Азии и во всем мире, Неру сопоставлял и связывал ключевые моменты в истории родины о том, что происходило в других странах, убежденно говорил об общности мировых цивилизаций, настойчиво искал в опыте прошлого и настоящего наиболее приемлемое и полезное для будущего Индии.

С марта 1932 года до конца августа 1933 года, когда Неру вышел на свободу, он написал дочери более 170 писем-очерков по истории человечества. Эти письма легли в основу книги «Взгляд на всемирную историю», которую сестра Джавахарлала Виджайялакшми подготовила к изданию в 1934 году. Книга Неру была переведена на многие языки мира и поразила современников глубиной и занимательностью изложения. Индийские и зарубежные исследователи отдавали должное интеллекту, энциклопедической эрудиции автора, а историки Советского Союза⁶³ и социалистических стран отмечали еще и то, что трактовка Неру многих важных проблем истории свидетельствовала о несомненном влиянии на него трудов классиков марксизма-ленинизма. Это неоднократно признавал и сам Неру. «Теория и философия марксизма осветила много темных уголков в моем сознании, — писал он позднее в «Автобиографии». — История наполнилась для меня новым содержанием, марксистское толкование пролило на нее поток света, и она предстала передо мной в виде разворачивающейся драмы, в которой имелись закономерность и цель, пусть даже и неосознанные. Несмотря на ужасающее расточительство и страдания в прошлом и настоящем, будущее было озарено надеждой, хотя впереди было еще много опасностей. Особенно привлекали меня в марксизме отсутствие в основном догматизма и научный подход...» Неру высказывал также убеждение, что «наиболее проницательный и острый анализ изменений, происходящих в настоящее время в мире, дают марксистские авторы». Разделял он и оценку историками-марксистами роли народных масс как основной силы исторического прогресса. Народ, утверждал Неру, всегда являлся «главным действующим лицом». В письме-очерке «Марксизм» Неру, широко используя труды К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, изложил их взгляды на процессы развития человеческого общества и подчеркнул, что классики марксизма смотрели на историю как «на великий процесс эволюции, совершающийся посредством неизбежной борьбы классов». Неру не смог ни в 30-х годах, ни позднее отойти от буржуазно-демократических, реформистских концепций (он называл их «либеральными гуманистическими традициями»), под воздействием которых формировалось его

мировоззрение. Сказалось здесь и сильное влияние на него утопических идей гандизма⁶⁴.

Эпистолярный жанр, избранный Неру для освещения основных этапов всемирной истории, позволил ему откровенно и полно изложить свои гуманистические взгляды, осмыслив уроки прошлого с морально-этических позиций.

Со страниц своих писем Неру предстает убежденным противником любых форм порабощения и угнетения человека человеком, повествует ли он о рабовладельческой эпохе, феодализме или капиталистической формация. Непримиимо его отношение к колониализму, обстоятельно и убедительно вскрывает он его губительные последствия для судеб народов Азии и Африки. Говоря о так называемой «просветительской» и «цивилизаторской» миссии колониальных держав, он пишет: «Под маской добродетели скрываются алчность, жестокость и беспринципность, и из-под овечьей шкуры цивилизации видны кровавые когти хищника». Борьба индийского народа с британским империализмом, подчеркивает Неру, «является частью великой борьбы всего человечества, стремящегося положить конец страданиям и нищете, мы можем радоваться, что вносим свою лепту, содействуя прогрессу всего мира».

Размышляя над проблемами настоящего и будущего человечества, Неру приходит к выводу, что «капитализм свое отжил и достиг стадии, когда пришло время ему уйти», однако такой уход вряд ли произойдет добровольно и безболезненно. Свидетельством тому и захват власти в Италии и Германии фашистами с их человеконенавистническими, расистскими теориями, с их бредовыми идеями о мировом господстве. «Фашизм и нацизм поднимаются в грубом, обнаженном виде, выдвигая войну в качестве конечной цели своей политики».

Думая над тем, существуют ли в современном мире силы, способные не только противостоять империализму и фашизму, но и построить общество, свободное от угнетения и бесправия, нищеты и безработицы, экономических кризисов и войн, Неру с надеждой обращался к примеру Советского Союза. Он постоянно следил за внешнеполитической и хозяйственной деятельностью молодого Советского государства, за «изумительными и грандиозными усилиями, направленными к созданию нового мира на обломках старого. Поездка в Москву в ноябре 1927 года еще больше укрепила его симпатии к СССР, но главное, он утвердился во мнении, что Россия и Индия имеют много общего, их народам предстоит решать сходные проблемы.

Понять настоящее, не зная прошлого, невозможно, и Неру — благо

времени у него в тюрьме предостаточно — внимательнейшим образом изучает историю России по всем доступным для него источникам. «Россия под властью царей» — так озаглавил он письмо-очерк, датированное 16 марта 1933 года. Из длинной вереницы российских самодержцев Неру выделяет Петра I и Екатерину II (о прочих он упоминает лишь вскользь). Интерес Неру к ним не случаен. Пожалуй, ни об одном из государственных деятелей России, кроме Ивана Грозного, не написано на Западе такого огромного количества исторических и не меньше псевдоисторических трудов и исследований, авторы которых сосредоточивали внимание прежде всего на усилиях как Петра I, так и Екатерины II, содействовать укреплению могущества России.

Воздавая должное прогрессивным сторонам деятельности Петра, Неру не забывает упомянуть о народных массах, титаническим жертвенным трудом которых была осуществлена мечта монарха о выходе России к морю и которые оставались такими же «отсталыми и угнетенными», как и прежде. Не улучшили положение народа и многочисленные «культурные и образовательные» реформы Екатерины II, стремившейся прослыть во мнении современников и потомков выдающейся просветительницей русского народа и в этом качестве завязать дружеские отношения с великим Вольтером. Показной характер благодеяний императрицы, затронувших лишь элиту русского общества, не вызывает сомнений у Неру. Вывод, к которому он приходит, делает честь любому исследователю, занимающемуся историей чужой страны: «Культура Западной Европы опиралась на определенные социальные условия. Петр и Екатерина, не пытаясь воссоздать эти условия, старались воспроизвести у себя надстройку, в результате эти преобразования, бремя осуществления которых легло на плечи народных масс, фактически укрепили крепостное право и еще более усилили самодержавную власть царя».

Но главное, что привлекает Неру в истории России, — это борьба против самодержавия: крестьянские стихийные бунты, восстание декабристов, движение народников, распространение марксистских идей, образование подлинно революционной партии во главе с В.И. Лениным.

Рассказывая о событиях 1917 года в письмах-очерках «Конец царизма в России» и «Большевики берут власть», Неру называет Великую Октябрьскую социалистическую революцию «событием огромной важности, уникальным в истории». «Хотя эта революция была первой революцией такого типа, — утверждает он, — она вряд ли долго будет оставаться единственной, ибо является вызовом другим странам и образцом для многих революционеров во всем мире. Она заслуживает

поэтому тщательного изучения».

Неру убежден в том, что уроки русской революции чрезвычайно полезны для индийцев в их освободительной борьбе, поэтому он подробно останавливается на вопросах тактики и стратегии партии большевиков, руководимых В.И.Лениным. О Ленине Неру пишет с искренним восхищением: «Ленину были чужды колебания или неопределенность. Он обладал проницательным умом, зорко следившим за настроением масс, ясной головой, способностью применять хорошо продуманные принципы к меняющейся ситуации и нестигаемой волей, благодаря которой твердо придерживался намеченного курса, невзирая на непосредственно достигнутые результаты... «Мы не шарлатаны, — говорил он. — Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придется остаться в меньшинстве, — пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве» (см.: В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 105). И он твердо придерживался своих принципов, отказываясь идти на компромисс. Революция, которая так долго шла по течению, без руководства и без ориентиров, наконец-то получила вожда. Время создало человека!»

К истории СССР Неру подходит не только как объективный, доброжелательный исследователь, но и как вдумчивый практик: он отбирает и тщательно взвешивает все то, что может пригодиться для его Индии и сегодня, и в будущем. Отсюда его повышенный интерес к хозяйственной, национальной и культурной политике Советского государства, о чем он обстоятельно рассказывает в письмах-очерках «Союз Советских Социалистических Республик», «Пятилетка, или Русский пятилетний план», «Трудности, неудачи и успехи Советского Союза».

Не выпускает из поля зрения Неру и внешнюю политику СССР, миролюбивый и гуманный характер которой никогда не вызывал у него сомнений. «Политика Советов в отношении других стран была политикой мира почти любой ценой, ибо им требовалось время для восстановления и их внимание было поглощено великой задачей перестройки огромной страны на социалистических началах». В подтверждение своей неоднократно уже высказанной мысли о необходимости в будущем дружеского широкого сотрудничества между свободной Индией и Советским Союзом, Неру пишет: «По отношению к странам Востока — Китаю, Турции, Персии и Афганистану — Советская Россия проводила чрезвычайно великодушную политику. Она отказалась от старых привилегий царской России и старалась установить с ними дружественные отношения. Это отвечало провозглашенным ею принципам освобождения

всех угнетенных и эксплуатируемых народов... Такие империалистические державы, как Англия, часто попадали в трудное положение благодаря этому великодушию Советской России, и страны Востока делали сравнение не в пользу Англии и других держав».

В своих письмах Неру не ограничивается только вопросами политической и социальной истории. Он с одинаковым увлечением и так же убедительно и емко рассказывает об истории мировой культуры и науки. Среди более чем 120 создателей духовной сокровищницы человечества, о которых пишет Неру, — Пифагор и Аристотель, Гомер и Эврипид, Платон и Сократ, Фирдоуси и Калидаса, Данте и Петрарка, Леонардо да Винчи и Рафаэль, Ньютон и Уатт, Сервантес и Шекспир. Моцарт и Бетховен, Нант и Гегель, Вольтер и Руссо, Пушкин и Гёте, Бальзак и Гюго, Достоевский и Толстой, Дарвин, Павлов, Тагор, Горький, Роллан. Размышляя о назначении культуры, ее месте и роли в жизни людей, Неру приходит к заключению: «Мы склонны забывать, что поэзия и проза и вообще культура являются монополией состоятельных классов. Поэзии и культуре нет места в хижине бедняка, они предназначаются не для пустого желудка. Поэтому наша современная культура становится отражением сознания состоятельного буржуа. Культура может претерпеть большие изменения, когда ею займется рабочий в условиях иной социальной системы, в которой у него будут условия и досуг для наслаждения культурой. Подобное изменение можно с интересом наблюдать сегодня в Советской России... Культурная отсталость Индии на протяжении нескольких последних поколений в значительной степени вызвана чрезвычайной бедностью нашего народа. Говорить о культуре людей, которым нечего есть, равносильно оскорблению. Эта язва бедности поражает даже тех немногих, кто относительно обеспечен, поэтому, к несчастью, даже эти классы в сегодняшней Индии исключительно некультурны. Сколько зла принесли нам чужеземное правление и социальная отсталость! Но даже в условиях этой всеобщей бедности и серости Индия все же способна рождать таких великолепных людей и блестящих представителей культуры, как Ганди и Рабиндранат Тагор».

Неру твердо верит в богатейшие творческие силы своего народа, пытливый ум которого обогатил мировую науку многими значительными открытиями. В Древней Индии знали секреты термической обработки железа. Индийские медики задолго до Уильяма Гарвея предсказали наличие кровообращения в организме животных и человека. Индийцы стояли у истоков современной математики. Десять индийских цифр, в том числе и знак «шунья» («ничто») — нынешний ноль, заимствованы арабами и от

них пришли в Европу. Неизвестному гениальному индийскому математику обязано человечество появлением десятичной системы счисления.

Ясно представляя себе, сколько колоссальных затрат энергии и труда потребует преодоление тон вековой отсталости Индии, к которой привело ее колониальное владычество Британии, Неру понимал, что без овладения индийцами всеми последними достижениями научной мысли задача строительства новой Индии, экономически сильной и подлинно независимой, неосуществима. Он преклоняется перед безграничным могуществом современной науки: «Наука дает ответы на все большее и большее число вопросов и помогает нам понять жизнь, а следовательно, предоставляет нам возможность, если только мы захотим ею воспользоваться, зажить лучшей жизнью, направленной на достойную цель. Наука освещает неясные стороны жизни и делает нас способными видеть реальность, а не смутную неразбериху, создаваемую фантазией и глупостью».

Работа над письмами к дочери захватила Неру, и он гораздо спокойнее, чем прежде, сносил тяготы жизни в заключении. Однако было несколько дней, когда он не мог, сколько себя ни заставлял, прикоснуться к бумаге и перу.

8 апреля 1932 года в день Национальной недели памяти жертв на Джаллианвала Багх жители Аллахабада, невзирая на угрозы властей, организовали демонстрацию. На одной из улиц колонна остановилась: путь ей преградила шеренга полицейских. Некоторое время демонстранты и полицейские выжидали, безмолвно стоя друг против друга. Демонстранты в первых рядах расступились и уважительно пропустили вперед хрупкую пожилую женщину в белом сари — Сварупрани Неру. Несколько человек бережно поддерживали ее за руки. Кто-то принес стул. Сварупрани с достоинством села и бесстрашно устремила взгляд в сторону полицейских. Те наконец, словно сбросив с себя оцепенение, угрожающе размахивая бамбуковыми палками с металлическими наконечниками — латхи, бросились на демонстрантов. Дюжий полицейский ногой выбил стул из-под Сварупрани и нанес ей, уже лежавшей на земле, несколько ударов по голове. Пытавшихся защищать Сварупрани аллахабадцев жестоко избивали и увозили в тюрьму. Какой-то полицейский офицер узнал в окровавленной, безжизненно лежавшей на земле старухе вдову Мотилала Неру и, не на шутку испугавшись тех возможных последствий, которые могла вызвать смерть женщины, фамилию которой знала вся Индия, поднял ее, осторожно уложил на сиденье своего автомобиля и отвез в «Обитель радости». По городу немедленно распространились слухи об убийстве Сварупрани.

Вечером того же дня толпы разгневанных аллахабадцев окружили полицейский участок и пытались разгромить его. Возникла перестрелка, в которой погибли несколько человек...

О том, что случилось с матерью, Неру узнал на третий день. Шок, испытанный им, был настолько сильным, что он не запомнил лица друга, сообщившего ему это трагическое известие, не услышал искренних, сочувственных слов товарищей. Все, что окружало его в тюрьме, куда-то внезапно исчезло. Нахлынувшее мучительное сознание собственного бессилия сменилось обжигающей рассудок яростью. Лишь неимоверным усилием воли, напряжением до боли мускулов тела Неру подавил в себе острое желание сейчас же, немедленно, круша все преграды, вырваться из тюрьмы.

Несколько дней Неру не находил себе места, тревожась за здоровье матери. Некоторое облегчение принесло ему свидание с женой и письмо, написанное материнской рукой. Понимая душевное состояние сына, Сварупрани сразу, как только начала подниматься с постели, навестила его в тюрьме.

Неру с нежностью всматривался в доброе, чуть виноватое лицо матери. Заметив бинты, видневшиеся из-под края сари, накинутого на голову, он вспомнил неровные строки ее письма к нему: «Я горжусь тем, что подверглась избиению за дело моей родины... Когда это происходило, я думала о тебе и о твоём отце и не издала ни единого звука... Мать отважного сына также должна быть хоть чем-то похожей на него...»

Едва не закончившийся трагически случай с матерью снова породил в душе Неру сомнения в истинности гандистских принципов ненасилия, приверженность которым он сохранял в течение вот уже более десяти лет. «Как бы я повел себя, находясь тогда рядом с матерью? Неужели не отвел бы руку полицейского, не поставил себя под его удары, а стоял бы в стороне, дожидаясь, когда страдания старой, немощной женщины смягчат сердца негодяев, избивавших ее?» — беспокойно спрашивал он себя и, отвечая отрицательно, ощущал, как в нем усиливалось раздражение против слепой веры в ненасилие. «Люди, страдающие во имя идеала, всегда внушали восхищение; идти на страдание во имя дела, не смиряясь, но и не нанося ответного удара, — в этом есть некое благородство и величие, которое нельзя не признать, — говорил себе Неру, но тут же добавлял: — И все же лишь тонкая линия отделяет такое страдание от страдания ради самого страдания, а этот последний вид добровольного страдания имеет тенденцию приобретать патологический и даже несколько принижающий характер. Если насилие часто бывает садистским, то ненасилие, по крайней

мере в его негативных формах, грешит, вероятно, в противоположном направлении. Кроме того, всегда имеется возможность, что ненасилием станут прикрывать трусость, бездействие, а также стремление сохранить статус кво».

Неру далек от того, чтобы отвергать концепции Ганди, он считает, что на отдельных этапах освободительного движения ненасилие — достаточно мощное и эффективное средство, но он уже серьезно сомневается в том, что именно ненасилие приведет индийцев к конечной цели: «Во всяком случае, какая-то форма принуждения кажется неизбежной, ибо люди, удерживающие власть и привилегии, не откажутся от них, пока их не заставят это сделать или пока не будут созданы такие условия, когда для них будет безопаснее отдать эти привилегии, нежели сохранять их». «Нынешние противоречия в обществе, — приходит к заключению Неру, — как национальные, так и классовые, могут быть устранены лишь с помощью принуждения. Разумеется, необходимо широко применять и метод убеждения, ибо, пока не будет убеждено значительное число людей, движение за социальные преобразования не может иметь реальной основы. Но по отношению к некоторым будет применено принуждение».

В июне 1932 года Неру и его товарища Говинда Баллабха Панта⁶⁵ перевели из окружной тюрьмы Барейли в тюрьму Дехрадуна, небольшого города, лежавшего у подножия Гималаев. Новое место показалось Джавахарлалу едва ли не раем по сравнению с душным и пыльным Барейли, где в последние дни отметка термометра достигала 45° по Цельсию.

За невысокой стеной, окружавшей тюрьму, виднелся лес, простиравшийся на несколько километров и упиравшийся в подножие гор. У тюремных ворот горделиво высились четыре живописные смоковницы. Когда наступали сумерки, Джавахарлал подходил к стене и подолгу стоял там, всматриваясь в темноту, пытаясь разглядеть спрятанные в деревьях огоньки Муссури, где он с родными обычно проводил летние месяцы, казавшиеся ему теперь такими безмятежными и счастливыми.

К январю 1933 года Пант и другие товарищи Неру по заключению вышли на свободу, и уже до своего освобождения Джавахарлал оставался в камере один. Газеты, доставляемые с опозданием на три-четыре дня, письма от родных и друзей, приходившие не чаще раза в две недели, как это было заведено администрацией тюрьмы, свидания с близкими, хотя и редкие, скрашивали одиночество Джавахарлала и приносили столь необходимую для него информацию из внешнего мира. Но новости, как правило, были весьма неутешительными и часто ввергали Неру в состояние

уныния.

Движение гражданского неповиновения на этот раз так и не приняло массового характера из-за нерешительности руководства ИНК и из-за жестоких репрессий властей. Оно явно шло на убыль и наконец в мае 1933 года было приостановлено Ганди. Стихийные антифеодалные выступления крестьян в княжествах Джамму, Кашмире, Алваре были решительно и быстро подавлены с помощью английских войск. На закончившейся 24 декабря 1932 года третьей «конференции круглого стола» британское правительство вкупе с самыми реакционными представителями индийского общества обсудило проект закона об управлении Индией и, без особого труда протаскив его через парламент, в феврале 1933 года опубликовало в своей «Белой книге».

Ознакомившись с проектом нового закона, который официальная печать пышно именovala «конституцией» и преподносила как очередной великодушный жест британского правительства, стремившегося подготовить неопытных индийцев к самоуправлению, Неру поймал себя на мысли, что не испытывает привычного возмущения или гнева. Он и не мог ожидать иного от правительства, позицию которого в отношении Индии так образно сформулировал в декабре 1930 года будущий премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль: «Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все наши прочие доминионы и владения, составляет силу и славу Британской империи». Неру хорошо запомнил эти слова...

23 августа 1933 года Неру перевели в тюрьму Наини, откуда через семь дней он вышел на свободу, чувствуя себя «оторванным и утратившим связь со своим окружением».

Глава IX

*Ты слышишь? Век взывает новый:
«Открой мне дверь, сорви оковы!
Пусть, озарив твой лик суровый,
Взметнется пламя вольности святой!»
О, пробудись, Восток седой!*

Рабиндранат Тагор

Местные власти Аллахабада доносили центральному правительству Индии, что в Соединенных провинциях восстановлен порядок, что кампания гражданского неповиновения идет на спад и что Неру, судя по его переписке, не имеет ясных планов на будущее.

Выйдя из тюрьмы, Джавахарлал хотел уладить самые неотложные домашние дела. После смерти отца расходы семьи, хотя и были урезаны до возможного минимума, не покрывались ее скромными доходами. Положение осложнялось еще и тем, что мать вот уже в течение года была прикована к постели, здоровье Камалы тоже вызывало не меньшую тревогу, пора было определять на учебу в университет Индиру.

Несколькими месяцами раньше Джавахарлала из тюрьмы после годичного заключения вышла его младшая сестра Кришна. Она уже была помолвлена и рассчитывала на то, что боготворимый ею брат, единственный мужчина в семье, не откажется от участия в предстоящей свадьбе. В общем, забот хватало, но все эти вдруг свалившиеся на Джавахарлала дела ничуть не тяготили его. Ненавистные, бесконечно длинные дни в тюрьме остались позади. Жизнь входила в привычный для Джавахарлала ритм. Ему хотелось быстрее встретиться с Ганди, которого он не видел более двух лет, а также поделиться своими мыслями о политической обстановке в стране и обсудить положение дел в мире с руководителями ИНК. Экономический кризис, охвативший капиталистические страны, и угроза второй мировой войны требовали от Конгресса, как считал Неру, выработки боевой политической программы борьбы Индии за независимость...

Массовая кампания гражданского неповиновения в начале 30-х годов пробудила к действию все слои индийского общества. Забастовки рабочих,

волнения крестьян, выступления мелких собственников, недовольство национальной буржуазии — все объединилось в порыве нации к свободе. Мощный водоворот антиколониального движения в Индии втянул в себя людей различных судеб и классовых интересов.

В то же время империализм, находясь в тисках мирового кризиса, в страхе перед крепнувшей международной солидарностью рабочего класса со Страной Советов и ростом национально-освободительного движения в колониях, ужесточал методы подавления трудящихся, все чаще переходил к установлению в ряде стран фашистских режимов. В Германии к власти пришел Гитлер, в Италии правил Муссолини, в Австрии, гордившейся своими устоями социал-демократии, расстреливались рабочие демонстрации, японские милитаристы захватили Маньчжурию.

Реформистские социал-демократические партии и буржуазные либералы, не принимая боя, сдавали свои позиции крайней реакции, военщине и фашизму, которым до конца противостояли одни коммунисты.

Наступление мировой реакции сказалось и на обстановке в Индии. Национальная буржуазия и феодальная знать, напуганные всенародным размахом освободительной борьбы, сочли, что для них безопасней положиться на «добрую волю» Англии и связать все свои национальные чаяния с конституционными маневрами колонизаторов. А правительство Англии, обещая индийским князьям, богатым торговцам и промышленникам ввести в стране новую систему управления, которая бы в меньшей мере ограничивала их самостоятельность, тем временем укрепляло в Индии режим террористической диктатуры...

Неру представлялось, что мир стоит на краю «политической и экономической катастрофы», которая полностью изменит существующие отношения между людьми. Он предвосхищал смертельную схватку двух мировых сил — фашизма и социализма. Отдавая свои симпатии социализму, Джавахарлал спешил закрепить в программе ИНК четкие положения, указывающие на социалистическую ориентацию национально-освободительного движения в Индии. Однако он не считал себя вправе действовать, предварительно не посоветовавшись с Ганди. А тот, добиваясь уравнивания прав касты неприкасаемых с остальными индийцами, вконец истощил свои силы длительными голодовками, которые он проводил в тюрьме. Власти, естественно, не хотели брать на себя вину за возможную смерть Ганди и поэтому предпочли досрочно освободить его из заключения. Теперь Махатма медленно поправлялся в Пуне, будучи не в состоянии перенести дорогу до своей обители. Неру отправляется в Пуну.

О чем договорятся два лидера? И договорятся ли вообще?

Неру идет к цели, используя исторический опыт других народов и логику политической борьбы. Он ищет ответа в научном подходе к проблемам, он за политические, экономические и социальные преобразования в стране, которых можно добиться не путем переговоров с колонизаторами, а лишь опираясь на широкое народное движение. Политика же Ганди исходит не из логики событий, а из его личной интуиции, он основывает свои решения на религиозной совести и пытается, объявляя одну голодовку за другой, склонить и соотечественников и колонизаторов к «лучшему социальному поведению»...

Ганди встретил молодого лидера как всегда приветливо. Его светлые глаза, редкость для индийцев, смотрели на Джавахарлала с отцовской теплотой.

— Чем вы расстроены, Джавахарлал? — заботливо спросил он.

Неру откровенно высказал Ганди свое недовольство отходом Конгресса от ранее принятых им решений и намеченных целей политической борьбы.

— Почему вы настаиваете на необходимости точного указания политической цели? — задал вопрос Ганди.

— Потому, — ответил Неру, — что народу нужен вдохновляющий политический идеал, если мы хотим, чтобы народ продолжал борьбу.

— Согласен, — сказал Ганди и, поразмыслив, добавил: — Но, определив однажды эту цель, зачем говорить о ней еще и еще раз?

Было видно, что Махатма при всей непоколебимости своих убеждений стремился смягчить разногласия с любимым учеником.

— Определение пути движения к цели на сегодняшний день, безусловно, является делом важным, — примирительно продолжал он. — Однако зачем забегать далеко вперед? Мне достаточно того, чтобы в каждый данный момент сделать один правильный шаг.

Беседа затянулась на несколько часов. Неру горячо и аргументированно отстаивал одобренные на предыдущих сессиях ИНК программные положения по социально-экономическим вопросам.

— Необходимо, чтобы Конгресс уже теперь открыто заявил о своем намерении добиваться после получения Индией независимости перераспределения общественных богатств, ограничения прав привилегированных классов и передачи под контроль государства крупного производства, — упорно убеждал он Ганди. А тот с готовностью соглашался, говоря, что действительно «без пересмотра имущественных интересов положение народа нельзя улучшить. Однако этот пересмотр

должен осуществляться на добровольных началах».

Джавахарлал горько улыбнулся на эту оговорку Ганди. Когда и где имущие классы добровольно отказывались от своих привилегий?

Из этой беседы Неру так и не вынес ясного представления о том, каким путем думает идти Ганди, который, отказавшись от массовой кампании: ненасильственного сопротивления, заменил ее индивидуальной сатьяграхой. В чем разница между той и этой сатьяграхами? — задавался вопросом Неру. Ведь если каждый индеец будет оказывать сопротивление колонизаторам, то это и приведет в конечном итоге к массовому неподчинению населения властям.

Ганди, зная о сомнениях Неру, вскоре написал ему: «Главное различие между массовым гражданским сопротивлением и индивидуальным заключается в том, что в последнем участвует человек как совершенно независимый субъект, и его неудача не затрагивает других людей. При массовой же кампании неудача одного обычно неблагоприятно отражается на остальных...» Махатма писал также, что если при массовой сатьяграхе необходимо руководство проведением кампании, то при индивидуальной в нем нет нужды; при коллективных выступлениях государству легче справиться с неповиновением, тогда как иметь дело с индивидуумом ему куда сложнее. При этом он уже в который раз повторял Джавахарлалу, что средства, применяемые в борьбе, важнее самой цели.

Средства, безусловно, имеют значение, но стоит ли их противопоставлять цели? Неру думал о том, насколько сильно расходится он во взглядах с Ганди и в какой степени они смогут сотрудничать в будущем. Обстановка в Рабочем комитете ИНК тоже беспокоила его. Собственно, Рабочий комитет как таковой в то время не действовал, поскольку Ганди призвал все руководящие органы конгрессистской партии прекратить работу. Осуждая тактику самоустранения с постов в партии, Неру настаивал на том, чтобы его по-прежнему считали генеральным секретарем ИНК. «Было ясно, — мрачно оценивал он обстановку, — что мы в тупике, причем выхода из него, приемлемого для всех, не находилось». Однако Неру вовсе не склонен был отступать перед соглашателями в руководстве ИНК.

В памфлете «Куда идет Индия?», написанном им в эти дни, Неру видит выход в борьбе индийского народа вместе с угнетенными трудящимися всего мира против иностранного господства и своих собственных эксплуататоров: «...Главная цель, к которой должна стремиться Индия, может быть сформулирована как уничтожение эксплуатации ее народа. Политически это должно означать достижение независимости и разрыв с

англичанами... с точки зрения экономической и социальной — это должно означать конец всем особым классовым привилегиям и имущественному неравенству».

Антиколониальные выступления Неру находят сочувствие и поддержку у левых конгрессистов и членов Коммунистической партии Индии.

Его призыв на съезде профсоюзов в Канпуре в декабре 1933 года свергнуть колониальное иго взбесил английское правительство. Государственный секретарь по внутренним делам Индии, отдавая распоряжение не медлить с арестом Неру, говорил, что он является «самым опасным элементом в стране»...

Наступил январь 1934 года. Несмотря на запрет вице-короля проводить какие-либо антиправительственные манифестации, Неру обратился к соотечественникам с воззванием отметить 26 января — День независимости Индии. Поступая так, он, разумеется, понимал, что ему, как организатору антианглийских выступлений, грозит неминуемый арест. Морально Джавахарлал был подготовлен к этому, и беспокоило его только одно: он непременно должен еще до того, как окажется в тюрьме, побывать в Калькутте и договориться там с местными врачами о курсе лечения для Камалы. Хорошо бы также успеть навестить Рабиндраната Тагора, проживающего недалеко от Калькутты в Шантиникетане, и определить Индиру на учебу в основанный Тагором университет.

Дочери уже исполнилось шестнадцать лет. Жизнерадостность и задорная веселость, свойственные этому возрасту, часто сменялись у Индиры печальным раздумьем. Склонность к самоуглублению она, видимо, унаследовала от отца. Природа щедро наделила ее незаурядными способностями, обаянием, сильным и волевым характером. Детство Индиры прошло в одиночестве: отца бросали из одной тюрьмы в другую, а когда он был на свободе, то полностью отдавал себя политической деятельности; мать и бабушка часто болели. Индира, на глазах которой проводились обыски и аресты в доме, вместе со взрослыми переживала радости и муки борьбы за высокие идеи, была не по возрасту стойкой ко всем невзгодам жизни. Отцу нравилась самостоятельность дочери, но он не переставал переживать за нее, наблюдая, как иногда тяжело ей бывает переносить удары судьбы.

За несколько часов до отъезда в Калькутту днем 15 января Джавахарлал беседовал на веранде своего дома с группой крестьян, приехавших в Аллахабад на праздник «Магх Мела». Вдруг завyli собаки, и огромные стаи птиц с криком поднялись в небо. В то же мгновение пол

на веранде заходил под ногами, с крыши посыпалась черепица. Толчки продолжались две-три минуты. Внезапно все стихло. Эпицентр землетрясения находился далеко, и Джавахарлал тогда еще не мог знать, чего стоили эти короткие мгновения для миллионов индийцев.

На следующий день, как и намечалось, Джавахарлал вместе с женой и дочерью приехал в Калькутту. Но здесь тоже мало что было известно о последствиях землетрясения в Бихаре...

Все свободное время от посещения врачей Неру использовал для встреч с товарищами по партии. Среди них царили смятение и полная растерянность: одних тревожила соглашательская политика правых и падение из-за нее престижа Конгресса в народе, других, напротив, беспокоил рост влияния коммунистов в местных конгрессистских организациях. Коммунисты возглавили крупные профсоюзные объединения в Бенгалии и доставляли много хлопот и колонизаторам, и владельцам предприятий.

В Калькутте Неру выступил на трех больших митингах, подвергнув критике правительство за его жестокие репрессии против народа, за удушение всякой свободы мысли. «Было бы проще, — с сарказмом говорил он в заявлении для прессы, — вместо многочисленных указов, приказов и наставлений иметь один всеобъемлющий вердикт, ликвидирующий все школы и колледжи, запрещающий все газеты и книги, который бы предписывал каждому индийцу считать себя заключенным... каждое утро салютовать флагу Соединенного королевства и дважды петь во время церковной службы британский гимн».

Полицейские агенты неослабно следили за Неру. Секретные донесения о его встречах и выступлениях направлялись в Дели, а оттуда в Лондон. «В настоящий момент, — докладывал английскому правительству вице-король Индии Уиллингдон, — для нашего политического будущего существует одна реальная угроза, заключающаяся в том, как бы Джавахарлал Неру не начал пропаганду в селах в чисто социалистическом и коммунистическом духе. Правительство Соединенных провинций не сомневается в том, что основной целью Неру является... заражение массы коммунистическими бациллами». Далее в докладе Уиллингдона сообщалось, что «результатом всего этого, по мнению директора разведывательного бюро, может стать то, что в ходе следующей кампании гражданского неповиновения Ганди поднимет огромную армию хариджан, а Джавахарлал поведет за собой войско стойких аграриев».

Правительство Индии в циркулярном письме уполномочивает власти в провинциях арестовать Неру «на основании серьезного обвинения, которое

повлекло бы за собой длительное заключение».

...Шантиникетан — «обитель спокойствия» — так можно было бы перевести это название с бенгали. Тагор принял семейство Неру как самых дорогих ему людей. В своем белом, свободно колышущемся на ветру хитоне, с белыми волосами и длинной окладистой бородой, с удивительно молодыми живыми глазами, писатель походил на патриарха. Он провел гостей по университетским аудиториям и потом, допоздна гуляя с ними по аллеям парка, увлекательно рассказывал о Шантиникетане, о планах на будущее. Занятия в основном проходили на открытом воздухе, под сенью деревьев. Учащиеся пользовались обширной библиотекой, лабораториями, имели опытные поля, мастерские. Преподаватели и студенты проводили большую просветительную работу среди крестьян и рабочих. «То, что мы пытаемся делать в Шантиникетане, русские делают в масштабе целой страны, и делают хорошо», — рассказывал Тагор об увиденном во время поездки в Советский Союз и тут же негодовал по поводу того, что его книга «Письма из России» запрещена колониальными властями. Россия представляется ему «светом ангела в сатанинском мире». Он всю свою жизнь мечтал покончить в Индии с духовным рабством, накормить голодных и дать простым людям образование, а в России, в прошлом такой же задавленной и бесправной, как и его страна, это осуществлено в сказочно короткое время. Он верит в духовное начало мироздания и знает, что большевики — атеисты, но это его в отличие от Ганди не страшит: «Большевики, — говорит он, — видят во всеобщем благе человечества высшую правду на земле».

Неру сосредоточенно слушал Тагора и радовался, находя подтверждение собственным суждениям в словах великого соотечественника.

Установленные Тагором гуманистические и патриотические традиции в университете и общая демократическая обстановка, царившая в нем, не могли не понравиться Джавахарлалу и Камале. Оставляя Индиру в Шантиникетане, родители были спокойны за ее воспитание.

Только на третий день пребывания Неру в Калькутте сюда начали поступать сообщения о последствиях землетрясения в Бихаре. Размеры катастрофы были ужасны. Десятки тысяч людей оказались погребенными под развалинами зданий. Правительство не сумело организовать своевременной помощи населению, и число жертв поэтому еще более возросло.

Неру решает, прежде чем вернуться в Аллахабад, совершить поездку по Бихару. Он собирает отряды добровольцев для оказания первой помощи женщинам и детям, оставшимся без крова и пищи; он осуждает правительство за его бездеятельность, публикует обращение к соотечественникам, призывая их к сбору средств для пострадавших.

В эти дни Неру прочитал в газетах заявление Ганди, которое просто ошеломило его. Махатма, как всегда руководствуясь своим «внутренним голосом», провозгласил, что «землетрясение ниспослано людям в наказание за грех неприкасаемости». Подобное мистическое обоснование человеческих страданий показалось Неру нелепым, и он не мог не осудить заявления Ганди. «...Все это возвращает к временам, отдаленным от нас несколькими сотнями лет, — возмущался он, — когда в Европе свирепствовала инквизиция, которая сожгла Джордано Бруно за его ученую ересь и отправила на костер не одну ведьму!» На том же основании колонизаторы могли бы объявить, что постигшее народ Бихара бедствие является божеской карой за неповиновение населения властям!

Тагор, который признавал заслуги Ганди как народного вождя, так же как и Неру, никогда не одобрял перенесения им религиозных догм в сферу политики. Не скрывая своего гнева, он, обращаясь к Ганди, писал: «Почему бог избрал народ Бихара, чтобы проявить к нему свою немилость?» К тому же система неприкасаемости распространена не в Бихаре, а на юге Индии. Махатма ничего не ответил: он был искренне убежден в своей правоте.

Думая о Ганди, о его редком даре улавливать биение пульса страны и о его умении заглянуть в души миллионов индийцев и точно определить настроение народа, Неру удивлялся тому, что этот человек «мог быть безнадежно неправым во многих вопросах».

Тагор и Ганди — два великих индийца, оба патриоты, а какие они разные люди! Тагор — за социальный и экономический прогресс, за интернациональное единение духовных ценностей и культур народов; Ганди — за возврат к индийскому «золотому веку», за очищенный от скверны неприкасаемости индуизм. Первый признает радости жизни, второй проповедует самоотречение и аскетизм.

И все же и в Тагоре и в Ганди жила одна и та же душа Индии, древняя и вечно молодая, разная и единая; душа, черты которой были бесконечно дороги и понятны каждому индийцу. Стремление к социальной справедливости, страстное желание видеть свою родину свободной и процветающей объединяло этих двух великих индийцев, они оба принадлежали всей Индии и всему ее народу.

26 января 1934 года, несмотря на уныние, разочарование и даже страх,

царившие в конгрессиистских рядах, Неру и его последователям удалось организовать празднование Дня независимости. Как всегда, в городах и поселках прошли митинги и демонстрации. Правые конгрессиисты участия в них не принимали, энтузиазм проявили в основном рабочие и крестьяне. Демонстрантов разгоняла полиция. Снова начались аресты, но Джавахарлал все еще оставался на свободе.

Усталый и разбитый после напряженной и длительной поездки по стране, он вернулся 11 февраля в Аллахабад, надеясь хоть немного побыть с семьей. На следующий день они с Камалой вышли на веранду и увидели, как к дому, оставляя за собой клубы пыли, подкатила полицейская машина, из которой вышел офицер. Неру понял, что наступил час возвращения в тюрьму.

— Я давно ждал вас, — сказал он офицеру.

Тот извиняющимся тоном ответил:

— Ордер на арест получен из Калькутты.

Джавахарлала поездом доставили на большой и шумный вокзал Хаура в Калькутте, а там — под усиленным конвоем, в тюремной карете с мрачным названием «черная Мария» — в полицейское управление.

Судили его при закрытых дверях. Как и прежде, Неру от защиты отказался. 16 февраля за «антигосударственную деятельность» его приговорили к двум годам лишения свободы. Началось его седьмое по счету заключение.

Возвращаясь мысленно к проведенному на свободе времени, Неру с удовлетворением думал о том, что он все-таки успел кое-что сделать. Ему удалось нанести ощутимый удар по капитулянтской политике правых и в то же время поддержать левое крыло ИНК, которое постепенно начало набирать силу. Он уладил семейные дела: здоровье матери пошло на поправку, отпраздновали замужество Кришны, Индира училась в Шантиникетане. Единственно, что очень беспокоило Джавахарлала, — это постоянно ухудшавшееся здоровье жены...

Заклучили Джавахарлала в алипурскую центральную тюрьму, близ Калькутты, поместили в крохотную камеру. Потянулись монотонные дни. Прошли зима, весна, наступило изнуряющее жаркое калькуттское лето. Одинокое заключение выматывало и физически и духовно. Неру очень похудел, цвет лица приобрел землисто-зеленый оттенок. «Как я начал ненавидеть все замки, засовы, ограды и стены!» — вспоминал он позже о днях заключения в алипурской тюрьме...

Вице-король учитывал огромную популярность Неру в Индии, и поэтому ему совсем не хотелось выглядеть жестоким в отношении

человека, перед образованностью, умом и стойкостью которого преклонялись даже в английском парламенте. К тому же времена менялись, и некоторые наиболее прозорливые из колонизаторов все чаще подумывали о том, как бы, не теряя Индии, научиться управлять ею руками самих индийцев, а уж тогда с политическим авторитетом Неру нельзя будет не считаться.

Власти решили перевести его в тюрьму Дехрадуна, где Неру был помещен в «приличную» по тюремным стандартам камеру — бывший хлев с небольшим двориком для прогулок. Однако одиночное заключение продолжалось, и оно пагубно действовало на психику узника. Гнетущее состояние усугублялось плохими вестями с воли. Конгрессистские капитулянты заигрывали с английским правительством, а оно в ответ сделало широкий жест, отменив указ о запрещении ИНК. В то же время коммунисты в Индии объявлены вне закона. Причем к ним причисляются те, кто сочувствует им или известен прогрессивными взглядами, и те, кто проявляет активность в рабочих организациях. Колонизаторы исходят из того, считал Неру, что, «продолжая подавлять наиболее передовые элементы в Конгрессе или в рядах рабочих и крестьян, они не слишком обидят более осторожных лидеров Конгресса».

В тюрьме ему стало известно, что Ганди призвал к окончательному и полному прекращению кампании гражданского неповиновения, к отказу от прямых выступлений против англичан в Индии и к использованию в деятельности Конгресса исключительно конституционных методов.

Руководители ИНК на заседании Рабочего комитета приняли резолюцию «в связи с безответственными разговорами о конфискации частной собственности и необходимости классовой войны». Резолюция давала ясно понять, что всякий, кто проповедует классовую борьбу, не может быть членом Конгресса.

Левые конгрессисты подвергались яростным нападкам со стороны новых членов ИНК, которые никогда ранее не принимали участия в антиколониальном движении. «Если не касаться, — говорил Неру, — непостижимой и загадочной личности Гандиджи, которая доминировала над всем, то у Конгресса было как бы два лица: в чисто политическом отношении он начинал походить на некий парламентский партийный комитет, а с другой стороны — он напоминал молитвенное собрание, исполненное набожности и сентиментальности».

Наступление реакции в стране и приход к руководству Конгрессом правых соглашателей Джавахарлал переживал болезненно. Ему казалось, что он прошел трудный путь борьбы длиной в пятнадцать лет и вдруг с

ужасом обнаружил, что вернулся к началу пути, к его истоку. В тюремном дневнике он тогда отметил, что между ним и Ганди остается мало общего: «Наши цели различны, наши духовные воззрения различны и наши методы, по-видимому, должны быть различными».

В поиске причин, которые могли бы объяснить кризис конгрессистского движения, Неру обращается к прошлому, к анализу истории ИНК, мысленно возвращается к событиям начала XX века и прослеживает их до середины 30-х годов. Глубокие размышления над тем, что происходило в минувшие годы, как развивалось освободительное движение в Индии еще в совсем недалеком прошлом, становились для него в условиях тюрьмы единственным способом удовлетворить свою потребность в действии, в ощущении жизни.

В июне 1934 года Неру приступил к написанию «автобиографического повествования». Работал много, прерываясь лишь для того, чтобы сделать гимнастику и прогуляться в тюремном дворе. Работа над книгой поддерживала в нем волю к борьбе, отвлекала от гнетущей тоски и тревоги, вызванных известием о резком ухудшении состояния здоровья Камалы.

Тагор и многие влиятельные соотечественники добивались его освобождения, к ним присоединились лидеры английской лейбористской партии К.Эттли и Д.Лансбери и другие деятели, хотя они и не разделяли политических взглядов Неру. Кампанию за освобождение лидера Конгресса в меру своих возможностей поддержала и индийская пресса. В этих условиях власти сочли разумным хотя бы частично пойти навстречу общественному мнению. 11 августа узнику объявили, что он освобождается на несколько дней для встречи с больной женой.

В Аллахабад Неру сопровождал полицейский. Дом был полон врачей, сиделок, родственников, из Шантиникетана приехала Индира. Камала не вставала с постели. Увидев мужа, она виновато улыбнулась ему: вот, мол, видишь, сколько я тебе доставляю хлопот.

«Неужели Камала покинет меня теперь, когда я особенно нуждаюсь в ней? Ведь мы только начали по-настоящему понимать друг друга; наша совместная жизнь, собственно, только начинается», — думал Джавахарлал, проводя у постели жены долгие часы и всматриваясь в черты лица любимой женщины.

В первую же ночь, когда Камала, взволнованная встречей, наконец заснула, Джавахарлал написал Ганди полное горечи и отчаяния письмо, напрямую высказав ему все, что наболело у него на душе: и свое несогласие с соглашательской политикой руководства Конгресса, и недовольство ролью самого Махатмы в освободительном движении. Он

писал об идейном разброде в партии, который, по его убеждению, наносит ей большой вред.

«Человек обладает удивительной способностью приспосабливаться к обстоятельствам, — писал он, — и я тоже до некоторой степени привык к новой обстановке: глубина моих переживаний, доходившая почти до физической боли, прошла, острота притупилась. Однако новые потрясения, следующие одно за другим, непрерывная цепь событий делают положение просто невыносимым и не дают покоя ни моему разуму, ни чувствам...»

Находясь дома под полицейским надзором и проводя почти все время у постели больной жены, он, естественно, был не в состоянии предпринимать какие-либо шаги, чтобы повлиять на политическую обстановку в стране. Каждую минуту он мог ожидать конвоя, который вернет его в тюрьму.

Семья снова переживала серьезные материальные затруднения: услуги врачей стоили дорого. Как раз в это тяжелое для всех Неру время один из крупнейших индийских банкиров, принадлежавший к знаменитому клану промышленников Бирлы, предложил Джавахарлалу свои услуги; он писал, что мог бы установить ему солидное ежемесячное пособие, которым уже пользуются конгрессисты. Неру с негодованием отклонил это предложение.

23 августа 1934 года за Джавахарлалом приехала полицейская машина. Прибывший с ней офицер заявил, что он должен доставить его в тюрьму Наини. Своеобразный отпуск длился всего одиннадцать дней. Когда Джавахарлала уводили, к нему с протянутыми руками подбежала мать. Лицо ее выражало такое страдание, что он еще долго не мог забыть этого тяжелого мгновения. Успокаивало лишь то, что тюрьма Наини была расположена близко от дома, на другом берегу Джамны, и правительство, как сообщали об этом газеты, обещало проявить к «упрямому» узнику милосердие, «если того потребуют обстоятельства».

В начале октября его снова доставили из тюрьмы домой повидать Камалу. У нее был сильный жар, и она еле могла говорить.

По настоянию врачей Камалу отправили в Бховали, ближе к Гималаям, а Неру перевели в алморскую тюрьму, расположенную неподалеку от этого места. К отчаянию Джавахарлала, пребывание Камалы в Бховали не дало положительных результатов, и в мае 1935 года ее увезли для лечения в Европу.

Еще раньше, 14 февраля 1935 года, он написал в алморской тюрьме последнюю страницу своей книги, которую сначала хотел озаглавить «В тюрьмах и вне их», но потом решил назвать ее просто: «Автобиография».

В эпилоге книги Неру писал: «Сколько лет я провел в тюрьме! Сколько

времен года сменило друг друга и кануло в небытие, пока я сидел в одиночестве, погруженный в свои мысли!.. Сколько здесь погребено вчерашних дней моей юности, и иногда мне чудится, как поднимаются призраки этих вчерашних дней, воскрешая мучительные воспоминания, и нашептывают мне: «А был ли во всем этом смысл?» Я отвечал без колебаний. Если бы я мог начать свою жизнь сначала, располагая своими нынешними знаниями и опытом, я, без сомнения, попытался бы многое изменить в своей жизни и постарался бы во многих отношениях улучшить сделанное мной раньше, но мои основные решения, касающиеся общественной деятельности, остались бы неизменными».

В «Автобиографии» Неру часто обращается к трудам К.Маркса и В.И.Ленина; на примерах из своей жизни, тесно связанной с политической борьбой в Индии, он показывает развитие буржуазного национализма в стране, раскрывает столкновения классов, исследует гандистскую доктрину ненасилия, дает оценку социально-экономическим и религиозно-общинным проблемам в индийском обществе, мастерски изобличает волчью природу империализма, высмеивает лицемерие западной демократии.

Участие Неру в конгрессе угнетенных народов в Брюсселе в феврале 1927 года и его поездка в ноябре того же года в Москву, как это видно из «Автобиографии», пробудили в нем пытливым интерес к теории и практике социализма, к поиску правильных путей борьбы индийского народа за национальную независимость, политические и социально-экономические свободы. «Автобиография» не календарь событий жизни Неру, а аналитический труд. Неру вовсе не стремится привлечь интерес читателя к себе.

Автор не делает из себя апостола, провозглашающего непреложные истины. Он сомневается, рассуждает, откровенно признается в своих заблуждениях, сам ставит под вопрос некоторые из своих выводов; он честно и упорно ищет правду.

На страницах книги появляются десятки имен разных людей, среди них и друзья и противники Неру, но он ни разу не сбивается ни на сентиментальность, ни на злой тон: объективность, такт, доброжелательность во всем повествовании. Вместе с тем автор не останавливается перед критикой, порою весьма суровой, даже самых близких товарищей по борьбе, не освобождая от нее и Махатму Ганди. «Критика не умаляет моего уважения ко многим из них, — пишет Неру в предисловии к первому изданию «Автобиографии». — Но я считаю, что те, кто занимается общественными делами, должны быть откровенны друг с

другом и с народом, которому они, по их утверждению, служат. Внешняя вежливость и уклонение от вопросов, ставящих в затруднительное положение, а порой причиняющих огорчение, не содействуют достижению подлинного взаимного понимания или понимания стоящих перед нами проблем. Истинное сотрудничество должно основываться на учете как общих точек зрения, так и разногласий и на признании фактов, сколь бы неприятны они ни были. Я надеюсь, однако, что ни в чем из написанного мною нет и следа злобы или недоброжелательности по отношению к кому бы то ни было».

Книга написана просто и образно, о самом сложном говорится в ней без всякой рисовки и красивых фраз. Неру часто цитирует стихи любимых им поэтов, а иногда, совсем незаметно для читателя, вставляет в текст свои поэтические строки. Лирика гармонично вплетается в ткань повествования, превращая политику и сухие исторические факты в яркую картину жизни.

Книга раскрывает духовный мир самого автора — гуманиста, тонкого политика, обаятельного человека, для которого интересы народа и страны, неразрывные с личной совестью и честью, стоят превыше всего.

Впервые «Автобиография» была издана в апреле 1936 года. Ее выход в свет привлек внимание политических и государственных деятелей, общественности Индии и Англии. Даже консервативная английская пресса признавала достоинства книги. «Как бы ни разнились взгляды читателя с автором, — писала лондонская «Таймс», — книга заслуживает того, чтобы ее прочесть». А в английском «Экономисте» отмечалось, что «любое понимание последнего пятнадцатилетия в Индии будет неполным без прочтения книги Неру».

Высокопоставленные персоны в Англии сожалели, что могучий интеллект Неру, столь доступный им по своему проявлению, в отличие, например, от непонятого для европейца образа мыслей Ганди, оказался на противоположном политическом полюсе.

Левые лейбористские лидеры в Англии приветствовали книгу Неру как «фундаментальное свидетельство одного из немногих великих людей своего времени».

Индийские патриоты встретили «Автобиографию» восторженно. Они говорили, что работа Неру сыграет немалую роль в развенчании политики реакционеров и соглашателей. Не случайно поэтому буржуазно-либеральная пресса в Индии обвиняла Неру в том, что его замечания в отношении либералов не только оскорбительны, но будто бы и ложны, а деятели вроде Сапру и Джайякара отзывались об «Автобиографии» с подчеркнутым пренебрежением, как об «истории личной жизни».

Неру отверг нападки недругов и не считал для себя возможным изменять текст, где говорилось о капитулянтском поведении либералов, несмотря на просьбу об этом со стороны Ганди, который прочел «Автобиографию» еще в рукописи.

Убежденность Джавахарлала в своей правоте укрепил Тагор, написавший ему о книге: «Сквозь все описания, содержащиеся в ней, проглядывает глубокая человечность, которая превосходит хитросплетения фактов и подводит нас к личности более выдающейся, чем ее деяния, и более правдивой, чем ее окружение».

Книга Неру, выдержавшая десятки изданий в различных странах мира, со временем стала важным источником в исследовании и понимании новейшей истории Индии...

4 сентября 1935 года Джавахарлалу сообщили, что состояние здоровья его жены критическое и что поэтому правительство решило «приостановить» действие приговора и разрешить ему выехать в Европу.

Камала находилась на лечении в Германии, в Шварцвальде. Но ей ничто уже не помогало: ни горный воздух, ни лекарства. Она медленно угасала, жизнь в ней едва теплилась. Правда, с приездом Джавахарлала и Индиры она воспрянула духом. Джавахарлал проводил с ней все дни, много рассказывал, читал главы из своей книги, строил планы на будущее, мечтал. Камала со всем соглашалась, бросала на мужа благодарные взгляды и одобрительно кивала головой. Вместе с тем она переживала, что Джавахарлал тратил столько дорогого времени попусту у ее постели и что Индира из-за нее прервала учебу.

Тагор прислал им из Шантиникетана письмо. «С тяжелым сердцем мы распрощались с Индирой, она была для нас поистине драгоценностью, — писал он. — Я очень внимательно наблюдал за ней и восхищен тем, как вы ее воспитали. Ее преподаватели очень высоко о ней отзывались, и я знаю, что она пользовалась большим авторитетом и уважением у студентов».

Камала настояла на том, чтобы Джавахарлал поехал в Лондон и выяснил возможности поступления Индиры в университет, а заодно и решил все неотложные дела с изданием «Автобиографии».

В эти дни Неру получил известие о том, что его заочно избрали председателем ИНК на 1936 год. Эта новость совсем не обрадовала, ибо на свободе он находился условно, и власти вряд ли разрешат ему заниматься политической деятельностью. Да и обстановка внутри Конгресса не вдохновляла его. Руководящие партийные посты удерживались правыми. Впрочем, позиции их были не такими уж прочными, поскольку в низовых организациях ИНК господствовала новая группировка — конгресс-

социалисты, которые еще в октябре 1934 года провели в Бомбее общендийскую конференцию и создали свою партию, действовавшую внутри Конгресса. По существу, это было организационным оформлением левого крыла ИНК.

Политическая платформа конгресс-социалистов во многом совпадала со взглядами Неру, и, казалось, он мог бы на них опереться, но его по-прежнему не прельщала перспектива раскола Конгресса.

Внутрипартийная борьба среди конгрессистов началась вокруг нового закона об управлении Индией, опубликованного в августе 1935 года. По мнению Неру, этот закон был составлен таким образом, что «представители индийского народа лишались малейшей возможности воздействовать на находящийся под английским контролем государственный аппарат или изменять его. Изменения и улучшения могли быть произведены только английским парламентом». Уже в предпосланном к закону «введении» давалась формула, которая ни у кого не должна была вызывать сомнений по поводу верховной власти в Индии. «Все права, вся власть и вся юрисдикция осуществляются Его величеством», — говорилось во «введении». Согласно этому закону страна должна была представлять собой федерацию провинций Британской Индии и индийских княжеств. Законодательная и исполнительная власть в федерации оставалась в руках колонизаторов и послушных им князей во главе с английским генерал-губернатором. Создавались две палаты — Центральное законодательное собрание и Государственный совет, в которых индийские князья имели преобладающие голоса. В провинциях предусматривалось учреждение законодательных собраний с правом формировать местные правительства, состав которых опять же утверждался или отклонялся губернатором провинции.

Левые конгрессисты выступили за бойкот нового закона об управлении Индией, правые готовились занять министерские посты в провинциях.

Ганди, усматривая, видимо, в создавшейся обстановке угрозу раскола партии, решает, что предотвратить его может только Джавахарлал, и выдвигает кандидатуру Неру на пост председателя ИНК. Никто не отважился противиться Ганди. И вот Неру перед свершившимся фактом: он вновь председатель Конгресса...

В Лондоне, к удивлению Джавахарлала, ему устраивают шумную встречу: журналисты и газетчики окружают лидера Индийского национального конгресса плотной стеной, назойливо домогаясь от него интервью и заявлений для прессы.

«Когда он сошел с поезда, кругом воцарилась тишина. Я увидел красиво очерченное лицо, словно отлитое по классическому слепку, — восторженно живописал портрет Неру репортер газеты «Трибюн». — Несомненно, Джавахарлал — выдающаяся личность, притом неизмеримо более значительная, нежели простой политик». От похвал не было отбоя. Даже твердолобые консерваторы, ярые противники ИНК, и те сдержанно признавали авторитет и популярность Неру.

Лорд Лотиан, один из тех, кто формулировал в Лондоне политику для Индии, настойчиво добивался встречи с Неру, приглашая его посетить «самый роскошный в Англии Елизаветинский дворец», как он сам писал о своем имении в Норфолке. «Я не сомневаюсь, что наши взгляды на последние события в Индии и на политику вообще будут весьма различными, — откровенничал лорд, — но к лучшему или худшему, судьбы Индии и Англии все еще тесно взаимосвязаны, и мне представляется очень важным, чтобы некоторые из нас в Англии, кто заботится об индийских делах, были лично знакомы с теми молодыми лидерами в Индии, которые будут строить ее будущее и определять ее политику. Я думаю, что не менее важно, чтобы вы также знали кое-кого из нас».

Лотиан обещал пригласить на предложенную им встречу с Неру и лорда Галифакса — недавнего вице-короля, который носил в Индии титул лорда Ирвина.

При всей присущей лидеру Конгресса тактичности он не проявил ожидаемой в таком случае учтивости и уклонился от встречи, ответив Лотиану, что «испытывает для себя определенное неудобство встречаться с людьми, которые в течение последних кошмарных лет официально связаны с правительством Индии... Непросто пожимать руки тем, — писал Неру, — кто пытается повесить тебя».

Джавахарлал знал цену салонным улыбкам, мягким, вкрадчивым речам английских аристократов, знал, чего стоит их «личное расположение». «Даже члены лейбористской партии, — как он говорил, — в своем большинстве, со всеми их проклятиями в адрес империализма опутаны его сетями, из которых они не могут выбраться».

Когда Неру возвращался по вечерам в лондонскую гостиницу, то портье вручал ему пачку визитных карточек от его бывших сверстников по школе в Харроу и университету. Многие из них уже стали «Ви-Ай-Пи» — «очень важными лицами». Те, кому удавалось свидеться с Джавахарлалом, горько упрекали его в «подрыве единства Британской империи» и выражали недоумение по поводу его «измены делу служения интересам привилегированного общества», к которому они его причисляли. Ничего

общего у Неру с этими напыщенными снобами не было, и он как мог избегал встреч с ними.

В Лондоне Джавахарлал познакомился с человеком, который впоследствии станет его самым близким товарищем и соратником, — Кришной Меноном. Пышной, вьющейся шевелюрой и темнокожим нервным лицом он сразу же выдавал в себе жителя южного побережья Индии. Несмотря на чрезмерную худобу, Кришна Менон выглядел мужественно, и в его внешности находили что-то от героев древнеиндийского эпоса. Менон создал в Англии Индийскую лигу, сплотив вокруг нее индийских патриотов и подлинных друзей Индии из числа левых лейбористов и коммунистов. Он писал и распространял страстные памфлеты, организовывал лектории, проводил собрания и митинги, без устали отстаивая требования о предоставлении Индии независимости.

В конце ноября в горах Шварцвальда выпал мокрый снег. Промозглая погода вызвала у Камалы новый приступ болезни. Джавахарлал перевозит жену в Швейцарию, под Лозанну, здесь суше и теплее, поэтому Камала почувствовала себя немного лучше.

В лозаннской санатории для легочных больных Неру повстречался с Раджани Палм Даттом — членом исполкома Компартии Англии, редактором газеты «Дейли уоркер», который приехал сюда из Лондона навестить своего близкого товарища по партии Бена Бредли.

Датт родился в Англии. Сын индийца, он считал Индию второй родиной. Имя его, как талантливого публициста и историка, было Джавахарлалу известно еще задолго до этой встречи.

Целых три дня они провели в беседах, обсуждая положение дел в Индии, политику Конгресса и роль других партий в национально-освободительном движении. Уже по истечении многих лет Датт рассказал Сарвепалли Гопалу (компетентному и крупному биографу Неру, директору его мемориального фонда), что Джавахарлал высказал готовность сотрудничать с индийскими коммунистами в рамках единого антиимпериалистического народного фронта, создания которого необходимо было добиваться на базе широкого вовлечения в Конгресс рабочих и крестьянских организаций.

Камала покоряющей искренностью своих суждений, непосредственностью восприятия и чистотой мыслей произвела на Датта неизгладимое впечатление. У него сложилось твердое убеждение, что ее духовная сила передавалась Джавахарлалу и помогала ему выстоять в трудные дни его жизни. Впрочем, это признавал и сам Неру, говоря, что

самое большое влияние на него, помимо отца и Ганди, оказывала жена.

На апрель 1936 года в Лакхнау была назначена очередная ежегодная сессия ИНК. Камала и слышать не хотела о том, чтобы Джавахарлал из-за ее болезни отказался от поста председателя Конгресса и не поехал на сессию. После некоторых колебаний Неру заказал билет на самолет. Но за несколько дней до вылета врачи посоветовали ему задержаться: состояние жены, по их мнению, было почти безнадежным.

Камала умирала спокойно, находясь до последнего вздоха в ясном сознании. Джавахарлал и Индира постоянно были при ней. 28 февраля, в пятницу, в пять часов утра Камалы не стало.

Маленькая урна с прахом — все, что осталось у Джавахарлала от любимой жены. Он увезет ее останки в родной Аллахабад, там рассеет их в водах Ганга, а щепотку праха сохранит до конца своих дней при себе, завещав после смерти смешать эту бесценную для него реликвию с его собственным прахом.

Джавахарлал еще несколько дней оставался в Швейцарии для завершения оставшихся дел. В его адрес поступали сотни соболезнований от друзей, родственников и знакомых. Прислали их и некоторые официальные лица — члены английского парламента, государственный секретарь по делам Индии и даже вице-король. Больше всего Джавахарлала растрогали письма, полученные от Тагора и Ганди. Их соболезнования были проникнуты искренним участием и скорбью по невозвратимой утрате. Тагор объявил в Шантиникетане день памяти Камалы. Выступая на траурном митинге, он назвал ее самым верным соратником Джавахарлала в борьбе за новую Индию.

В начале марта Неру посетил итальянский консул в Лозанне и передал ему соболезнование от Муссолини. Станный жест итальянского диктатора сначала удивил и насторожил Джавахарлала: чем можно объяснить такое внимание к нему со стороны дуче? Но через несколько дней все прояснилось: Муссолини искал с ним встречи, направив ему официальное приглашение приехать в Италию.

Диктатор, несомненно, намерен был использовать встречу с индийским лидером для осуществления своих политических интриг против англичан, и Неру это хорошо понимал. У него, питавшего глубокое отвращение к фашизму и лично к Муссолини, который вел грабительскую колониальную войну в Абиссинии, не было никакого желания видеться с ним.

Получив отказ, дуче продолжал настаивать на свидании. Когда

самолет, на котором Неру возвращался в Индию, сделал остановку в Риме, к Джавахарлалу в аэропорту подошел начальник личной канцелярии Муссолини и тоном, не допускающим возражений, заявил, что дуче будет рад видеть его в шесть часов вечера у себя в резиденции. Видя, что его заявление не произвело ожидаемого впечатления на Неру, он сменил тон и начал уговаривать его поехать к диктатору, обещая, что их свидание будет длиться всего несколько минут и что в беседе не будут затрагиваться политические вопросы и о ней вообще никто не узнает. Представитель Муссолини наконец попытался разжалобить Неру, говоря, что дуче уволит его со службы, если он не сумеет организовать эту встречу. Затем в голосе фашиста появились нотки угрозы. Для Неру создалась вполне реальная опасность. У Муссолини, как известно, были длинные руки, и он вероломно расправлялся с антифашистами не только в Италии, но и далеко за ее пределами. Ему ничего не стоило расправиться и с Неру, который по случаю оказался в самом Риме. Англо-индийские власти вряд ли бы стали защищать Неру. Официальный Лондон, видимо, выразил бы лицемерное соболезнование по поводу трагической гибели лидера Индийского национального конгресса и, может быть, даже заявил бы Муссолини протест.

От Неру потребовалось большое мужество, и он нашел его в себе — вежливо, но решительно отклонив всякую возможность встречи с Муссолини.

Когда самолет наконец поднялся в воздух, Джавахарлал облегченно вздохнул. Его мысли снова вернулись к ушедшей Камале. На пути в Индию из Багдада он послал в Лондон издателю «Автобиографии» телеграмму, в которой просил поместить на титульном листе книги слова: «Камале, которой уже нет».

Конгрессиистские руководители с нетерпением ожидали возвращения председателя партии. В отсутствие Неру они не принимали никаких решений. Один из них, Раджендра Прасад, говорил, что именно Джавахарлалу предстоит «покончить с этой политикой бездействия и бездумья».

Как только Неру вернулся в Индию, он сразу же погрузился в работу: встретился с Ганди, Р.Прасадом, А.К.Азадом и другими старейшинами Конгресса.

За время, пока он находился в тюрьме, а затем ездил в Европу, в ИНК произошла перегруппировка сил, обострилась внутрипартийная борьба, «создалась атмосфера подозрительности, ожесточения и конфликта». На первом заседании Рабочего комитета Конгресса Неру обнаруживает, что

предлагаемый им для обсуждения на предстоящей сессии Конгресса политический курс воспринимается большинством членов комитета весьма сдержанно, а некоторыми из них просто враждебно. Однако при опоре на левое крыло Конгресса ему все же удастся провести резолюцию об объединенном антиимпериалистическом фронте, необходимость создания которого обсуждалась им во время бесед с Даттом в Лозанне. Делая практический шаг в этом направлении, Неру предложил внести изменения в устав ИНК с тем, чтобы организации трудящихся и крестьянские союзы могли входить в Конгресс на правах его коллективных членов. Но состав Рабочего комитета, за малым исключением, отнесся к этому предложению настороженно, опасаясь притока в партию сил, могущих укрепить ее левое крыло.

Готовясь к сессии Конгресса, Джавахарлал хорошо взвесил обстановку. Он отдавал себе отчет в том, что его позиция придется не по душе многим ветеранам ИНК; наверняка ее не одобрит и Ганди. Вместе с тем для Неру, чуткого политика, было очевидным и то, что рядовые члены партии тяготились руководством Конгресса, которое стало безынициативным, слишком медлительным и не в меру осторожным. Через поверхностный слой капитулянтства и реакции в общественно-политической жизни страны Неру видел глубинные течения и революционные тенденции, проявлявшиеся в народной гуще; благотворные процессы обновления происходили и внутри самой конгрессистской партии. Представители трудовой Индии — рабочие, крестьяне, интеллигенция, — приобретая опыт политической борьбы в период кампаний гражданского неповиновения, пройдя через тюрьмы колонизаторов, начали задумываться над необходимостью новой ориентации Конгресса, склоняться к близким и понятным для Неру социалистическим взглядам. Именно эти тенденции и привели к образованию внутри ИНК Конгресс-социалистической партии. Разумеется, далеко не все, кто причислял себя к ней, были истинными социалистами, многие из них являлись сознательными выразителями левого национал-реформизма. Однако правдой было и то, что немало конгресс-социалистов, восприняв теорию научного социализма, вступило затем в Коммунистическую партию Индии. «Между Конгресс-социалистической и Коммунистической партиями Индии, — писал один из видных представителей коммунистического движения в стране Ш.С.Сардесаи, — существовали такие тесные отношения, что была даже предпринята попытка объединить их в единую марксистскую партию. Этого не произошло только из-за того, что реакцией снова было пущено в ход пугало

«коммунистической опасности».

Сессия Конгресса проходила с 12 по 15 апреля 1936 года в Лакхнау.

Над древним городом, утопавшим в цветах, висела еще не успевшая выгореть от весенних лучей лазурь. Высокие минареты, бирюзовые купола мусульманских мечетей, чередующихся с индуистскими храмами, великолепные дворцы с кружевными орнаментами молчаливо свидетельствовали о былом богатстве, вере, вкусе и могуществе правителей этого края. Рикши в прилипших к потному телу рубашках с утра до вечера развозили приехавших на сессию Конгресса делегатов и гостей. Повсюду мелькавшие белоснежные конгрессиистские шапочки придавали уличной толпе своеобразный колорит. Город жил в ожидании чего-то важного, такого, что будет иметь значение для судьбы каждого индийца в отдельности и для народа в целом, и, видимо, поэтому рикши, обычно усталые и унылые от изнуряющего труда, приветливо улыбались конгрессиистам.

Тишину пререзает усиленный громкоговорителями ровный и неторопливый голос:

— Я уверен, что единственным ключом к решению проблем, стоящих перед миром и перед Индией, является социализм, — говорит председатель Конгресса Джавахарлал Неру. — Когда я произношу это слово, я вкладываю в него не смутный гуманитарный смысл, а точное, научное, экономическое содержание. Однако социализм является чем-то большим, нежели просто экономическая доктрина; он является философией жизни, и именно этим он мне импонирует. Я не вижу другого пути уничтожения нищеты, безработицы, деградации и зависимости индийского народа. Для этого необходимы широкие и революционные перемены в нашем политическом и общественном строе, уничтожение господства богатых в сельском хозяйстве и промышленности, а также феодальной деспотической системы индийских княжеств.

При этих словах волна восторженных возгласов слышится из рядов делегатов. Зато угрюмо молчат трибуны, где восседают важные гости, представители имущих классов и колониальной прессы; нет энтузиазма и среди «старой гвардии» Конгресса.

— Это в конечном счете означает изменение наших инстинктов, привычек и желаний, — продолжает Неру. — Короче говоря, имеется в виду новая цивилизация, радикально отличающаяся от нынешнего капиталистического строя... Я смотрю на это великое и вдохновляющее созидание нового строя и новой цивилизации как на одно из

обнадеживающих явлений нашего мрачного мира. И если будущее полно надежды, заслуга в этом главным образом принадлежит Советской России и тому, что она сделала. Я уверен, — с пророческой выразительностью звучит голос оратора, — что, если не помешает какая-нибудь мировая катастрофа, эта новая цивилизация распространится и в других странах, положив конец войнам и конфликтам, которые порождает капитализм.

Махатма Ганди присутствовал на сессии Конгресса, но, казалось, был равнодушен ко всем политическим страстям, бушевавшим вокруг него. Но когда Неру затронул в своей речи вопрос о неприкасаемых, решению которого Махатма отдавал столько сил, он стал внимательно вслушиваться в то, что говорил Джавахарлал.

Сознательно не касаясь религиозного аспекта проблемы, оратор приходил к выводу, что только общество, организованное на социалистических началах, способно до конца и последовательно уравнивать хариджан, лишенных земли и других средств производства, во всех правах с остальным населением.

— Я осознаю, — продолжал Неру, — что большинство Конгресса в том составе, в котором он представлен сегодня, может быть, не готово идти столь далеко... Каким бы сильным ни было мое желание продвинуть дело социализма в нашей стране, у меня нет намерений навязывать это Конгрессу силой и тем самым создавать трудности на пути борьбы за независимость. Я буду с радостью, отдавая всего себя, сотрудничать со всеми теми, кто добивается независимости, если даже они не согласны с социалистическим подходом к решению проблемы.

Далее в обращении к делегатам сессии он развивает идею объединенного фронта: «Настоящей проблемой для нас является вопрос о том, как мы в нашей борьбе за независимость можем объединить все антиимпериалистические силы в стране, как мы можем создать широкий фронт из представителей масс и подавляющего большинства представителей средних классов, выступающих за независимость... Главной сутью объединенного народного фронта должно быть непреклонное сопротивление империализму. Такой фронт неизбежно будет черпать свои силы в активном участии в нем крестьян и рабочих».

У Неру, хотя он и был избран председателем ИНК, не было достаточной поддержки в партии, но он уже тогда являлся наряду с Ганди признанным общенациональным лидером. Огромной популярностью Неру пользовался в профсоюзах, в крестьянских массах, во Всеиндийской федерации студентов, в патриотических кругах интеллигенции, среди прогрессивных писателей. И все знали, что он выступал на сессии ИНК не

только как председатель партии, а как общенациональный лидер, обращавший свои слова ко всему индийскому народу.

Вскоре после сессии Конгресса Неру беседовал с группой рабочих. Кто-то из них спросил его:

— Какая польза от вашего сотрудничества со «старой гвардией» в Конгрессе?

— Я стремлюсь добиться успеха в борьбе за независимость путем пробуждения во всех слоях народа острого чувства национального самосознания, — ответил Неру, хорошо осознававший роль национальной буржуазии в освободительном движении, интересы которой и выражало руководство ИНК.

Непоследовательность и колебания Конгресса отражали классовую ограниченность буржуазии. Неру был достаточно прозорливым политиком, чтобы разглядеть относительную прогрессивность миссии индийской буржуазии на данном этапе антиколониальной борьбы.

После своей программной речи на сессии Неру стал известен всей Индии как «проповедник социализма», и где бы он ни появлялся, газетчики и представители различных политических партий забрасывали его вопросами: «Как вы мыслите ликвидировать феодальные землевладения? Намерены ли вы повернуть политику Конгресса на социалистический путь?» Среди вопросов были и такие: «Чем отличается социалистическое общество от коммунистического и что такое марксизм? Что вы думаете о классовой борьбе? Есть ли будущее у капитализма в Индии?»

Неру никогда не принимал марксизм полностью: «На меня слишком большое влияние оказал Оксфорд, — говорил он, — возможно, я слишком большой индивидуалист». А в «Автобиографии» писал: «...Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом. Истоки моего мировоззрения, вероятно, все еще частично восходят к XIX столетию, либерально-гуманистические традиции оказали на меня слишком большое влияние, чтобы я мог совсем от них освободиться. Это буржуазное воспитание неотделимо от меня».

Неру порой упрекал индийских коммунистов в нигилистическом отношении к истории своей родины и к национальным традициям, говоря, что для них история начинается с 1917 года. Такое мнение о коммунистах в Индии тогда было довольно распространенным, и это до известной степени препятствовало росту рядов компартии. Но, не всегда соглашаясь с индийскими коммунистами, Неру в то же время восхищался их огромным мужеством и самоотверженностью: «Коммунист... ощущает себя частицей движущейся вперед великой армии, вершительницы судеб человечества, и он чувствует, что «идет в ногу с историей».

Кампания по выборам в провинциальные законодательные собрания достигла летом 1936 года своей вершины. Неру с поражающей всех энергией включился в проведение предвыборной кампании. Он летал на самолетах, ездил по железной дороге, в автомашинах, передвигался в крестьянских повозках, на велосипеде, верхом на лошадях, верблюдах и даже слонах, плыл на пароходах, в рыбацких лодках, шел пешком, иногда бежал, чтобы успеть вовремя на митинг, забирался в самые отдаленные и глухие уголки Индии. Оставляя на сон по пять-шесть часов в сутки, Джавахарлал за четыре месяца кампании покрыл расстояние в восемьдесят тысяч километров. Он ежедневно выступал в среднем на двенадцати митингах, в каждом из которых принимали участие от двадцати до ста тысяч человек. По самым скромным подсчетам, за время поездки Неру по стране около десяти миллионов индийцев имели возможность услышать и увидеть своего лидера. Часто на митингах люди стояли так плотно друг к другу, что Неру не мог пройти к трибуне, и тогда тысячи рук поднимали его в воздух и переносили к месту выступления.

Путешествуя, Джавахарлал открыл для себя новые черты Индии, своего народа. При всем богатом разнообразии Севера и Юга, Востока и Запада страны в главном и основном Индия и ее народ оставались едиными.

Кажется, еще никогда Неру не воспринимал так остро все увиденное. Его завораживали пещерные скульптуры и фрески знаменитых Аджанты и Эллары, он пристально всматривался в лица соотечественников, встречавшихся ему на длинных проселочных дорогах, и находил в облике простых крестьян общие черты с их легендарными предками.

Широкая агитационная кампания, проводимая Неру, не на шутку встревожила не только колонизаторов, но и представителей крупного индийского бизнеса. Двадцать предпринимателей, объединившись, издали в мае 1936 года манифест, в котором обвинили Неру в осуществлении «разрушительной и подрывной» пропаганды, могущей привести к беспорядкам в стране, что, по их мнению, только затруднит получение Индией прав на самоуправление.

В ответ, выступая на многолюдном митинге в Бомбее — «городе большого бизнеса», Неру определил крупных индийских промышленников как союзников английского империализма.

Через своих ставленников в Конгрессе индийские банкиры, промышленники и князья все настоятельнее требовали отстранения Неру от политического руководства партией. В то время, когда он, разъезжая по стране, вел кампанию за избрание конгрессистских кандидатов в

законодательные собрания, консервативные лидеры в ИНК делали все, чтобы настроить Махатму Ганди против Неру.

Однако изменить отношение Махатмы к Джавахарлалу никому не удавалось. Несмотря на разительные расхождения во взглядах с Неру, вера Ганди в политическую честность и глубокую личную порядочность своего ученика и соратника была непоколебима. В этом проявились его проницательность и удивительное умение, пусть временно, но уравнивать различные конфликтующие, порой, казалось бы, непримиримые общественные силы, участвовавшие в национально-освободительном движении.

Махатма, советуя Неру поубавить воинственный тон в публичных выступлениях, в то же время защищает его от нападок представителей «старой гвардии». Больше того, на пост председателя ИНК на следующий, 1937 год Ганди вновь выдвигает Неру, считая, что было бы неразумным заменять руководителя партии в период продолжающейся в стране избирательной кампании.

Очередная, пятидесятая по счету, сессия ИНК собралась в конце декабря 1936 года в деревне Файзпур, находящейся в западной части Индии в Махараштре.

Одновременно с сессией Конгресса здесь проходила всеиндийская крестьянская конференция. Ганди и Неру заявили, что Файзпур выбран ими не случайно, а для установления более широких и прочных связей Конгресса с крестьянством.

Всеиндийская крестьянская конференция приняла «Хартию крестьянских прав». В хартии указывалось, что борьба за хлеб и землю неразрывно связана с борьбой за национальное освобождение, и выдвигалось требование уничтожения всех видов помещичьего землевладения и передачи крестьянам прав на землю.

Неру предложил делегатам сессии ИНК принять резолюцию, в которой говорилось, что «фашистская агрессия расширилась, фашистские державы создали союз и объединились, чтобы начать войну, целью которой является достижение господства в Европе и во всем мире, уничтожение политических и социальных свобод. Конгресс полностью осознает необходимость противостоять этой всемирной угрозе в сотрудничестве с прогрессивными нациями и народами земного шара».

29 декабря 1936 года Неру, подводя итоги сессии ИНК, сказал: «Сессия имела исключительный успех. Она продемонстрировала единство индийского народа в великой борьбе за независимость... Огонь, который мы зажгли в Файзпуре, осветит не только сельские и городские районы

Махараштры, но озарит также всю Индию, и десятки тысяч мужчин и женщин, собравшиеся здесь, понесут факелы, зажженные от этого огня для того, чтобы запылало пламя борьбы за независимость в бесчисленных деревнях и городах Индии».

В 1937 году конгрессиистские кандидаты завоевали на выборах в законодательные собрания в шести провинциях абсолютное большинство голосов. Успех Конгресса, который впервые выступил с демократической аграрной программой, обеспечили голоса крестьян и рабочих, всех левых сил страны.

Внутри ИНК снова возник острый спор о том, принимать ли конгрессиистам министерские посты. Члены Рабочего комитета вопреки мнению Неру высказались за то, чтобы передать решение этого вопроса провинциальным комитетам Конгресса. После чего во многих провинциях конгрессиисты заняли министерские должности, в том числе сестра Неру Виджайялакшми стала первой в истории Индии женщиной-министром в правительстве Соединенных провинций.

Министерская деятельность конгрессиистов, как и предполагал Неру, ничего не дала народу: власть по-прежнему оставалась в руках колонизаторов, и конгрессиисты даже частично не смогли выполнить своих предвыборных обещаний.

Прошло несколько месяцев, и Джавахарлал, говоря о деятельности министров — членов ИНК, написал Ганди: «Они слишком горячо пытаются приспособиться к старому порядку и оправдать его. Все это, хотя и плохо, было бы еще терпимо; гораздо хуже то, что мы теряем высокое доверие, которое с таким трудом завоевали у народа. Мы превращаемся в заурядных политиканов...»

К концу 1937 года из-за обострившегося конфликта между консервативной группировкой и левыми в Конгрессе назревал внутрипартийный кризис. Это крайне беспокоило Ганди, и он высказывал Джавахарлалу свое недовольство некоторыми его действиями как председателя партии. Неру и сам не хотел раскола Конгресса и делал все, чтобы предотвратить кризис. Его успокаивала мысль: после Лакхнау и Файзпура капитулянты уже бессильны повернуть движение вспять, если даже на посту председателя ИНК окажется не он, а другой человек.

Глава X

Посмотрите вокруг! Всюду жизнь, всюду труд.

Люди грудью за землю родную встают,

За человечество жизнь отдают.

Мир великой охвачен борьбой.

Рабиндранат Тагор

«Мне стало известно, что некоторые конгрессисты предложили выдвинуть мою кандидатуру на пост председателя ИНК на следующий срок. У меня нет желания баллотироваться, и я хотел бы попросить вас вычеркнуть мою фамилию из списка кандидатов. Буду также признателен вам, если вы объявите об этом в печати с тем, чтобы избиратели не проголосовали за меня по ошибке. Искренне ваш Джавахарлал Неру». Такое письмо получил в начале января 1938 года один из руководителей Конгресса.

Двумя месяцами ранее в калькуттской газете «Модерн ревью» появилась анонимная статья под заголовком «Раштрапати», что на санскрите означает «Глава государства». Неизвестный автор, воздавая должное Неру и не оспаривая его заслуг перед индийским народом, решительно возражал против его избрания на пост председателя ИНК на третий срок. В статье утверждалось, что люди, подобные Джавахарлалу Неру, несмотря на все их достоинства и способности, опасны для дела демократии. В результате слишком широкой популярности Неру (кстати сказать, заметно раздражавшей автора) в нем развилась потребность к поклонению толпы; сила воли, позволявшая ему сравнительно легко добиваться поставленной цели, грозила обернуться беспринципностью при выборе средств для достижения ее, а развитое чувство собственного достоинства все чаще стало походить на заносчивость, и так далее. Избрание Неру, который уже семнадцать лет занимает ответственные посты в ИНК, в третий раз председателем Конгресса, предупреждал автор, породит в нем уверенность в его незаменимости, и дело закончится тем, что Индия получит своего Цезаря, под лозунгами социализма и демократии насаждающего деспотизм. Несколько неожиданно для читателей сменив

гнев на милость, автор доверительно сообщал, что Неру основательно переутомился и крайне нуждается в отдыхе, который они и должны ему предоставить, дабы сохранить Неру для будущих важных дел. «Мы вправе ожидать от него потом хорошей работы, давайте же не портить его излишними лестью и хвалой», — восклицал автор и, снова перейдя на воинственный тон, заканчивал: «Мы не хотим цезарей!»

Статья наделала много шума в конгрессистских кругах. Правых, особенно тех, кто с опаской относился к Неру и считал его марксистом, она порадовала, а у левых, естественно, вызвала возмущение. Но тех и других одинаково занимал вопрос: кто же автор статьи? На этот вопрос не смог ответить даже редактор «Модерн ревью», получивший статью по почте. Правые подозревали, что автор находится среди них. Левое крыло ИНК допускало причастность к появлению статьи как англичан, так и правых. Неру же, невозмутимо наблюдавшего за реакцией конгрессистов, это нисколько не волновало. Автором статьи, шумно обсуждавшейся его коллегами, был не кто иной, как он сам.

Что же побудило Неру пуститься на такую уловку? Не пытался ли он с помощью статьи, в которой он нападал на самого себя, выяснить, насколько расстановка сил в Конгрессе благоприятствует продолжению его работы в качестве председателя партии? А потом, собрав нужные сведения и убедившись в шаткости своих позиций, уже открыто заявить об отказе вновь стать кандидатом на этот пост? Но Неру всегда неприязненно относился к различного рода закулисным маневрам и считал недостойным для себя прибегать к приемам, которыми обычно пользовались иные деятели от политики.

В течение двух последних лет он возглавлял Конгресс, и какими бы тяжелыми ни казались ему подчас его обязанности, он никогда не стремился облегчить их или переложить часть своей ответственности на плечи других. За эти годы численность ИНК увеличилась почти в десять раз и достигла 5 миллионов человек. Неру гордился тем, что и он содействовал возрождению Конгресса как подлинно массовой политической организации индийского народа.

Однако вступившие в ряды Конгресса крестьяне, рабочие, ремесленники, студенты требовали от его руководителей выполнения предвыборной программы ИНК, одобренной всеми прогрессивными силами страны, настаивали на более решительных действиях, направленных на достижение полной независимости. Положение Неру осложнялось тем, что он, разделяя требования левых кругов ИНК и пытаясь помочь им, наталкивался на противодействие правых,

составлявших большинство в руководстве Конгресса. Крупная индийская буржуазия, как и раньше, уповала на тактику компромиссов и реформ и, не желая укрепления позиций левых сил, препятствовала превращению ИНК в орган единого национального фронта борьбы против империализма. Между правым руководством и левым крылом Конгресса назревал конфликт, и в этих условиях некоторые лидеры ИНК, и в их числе Ганди, выражали недовольство взглядами и деятельностью Неру, по-прежнему убежденного в том, что для разрешения главных внутривнутриполитических проблем «требовались более глубокие и основательные изменения и ликвидация империалистической системы, стоявшей на страже всякого рода интересов привилегированных групп». Уже были случаи, когда Валлабхаи Пател и другие правые из Рабочего комитета угрожали Неру уходом в отставку, если он не прекратит оказывать поддержку левому крылу ИНК.

Идти на явный разрыв с руководителями Конгресса Неру не хотел, да и не мог, понимая, что подобный шаг будет способствовать только ослаблению партии. С другой стороны, он слишком устал насилловать себя, постоянно следуя нехитрой житейской истине: «Худой мир лучше доброй ссоры».

Окончательно решив отойти на время от руководства Конгрессом, Неру попытался опубликованием статьи, направленной против его переизбрания, подготовить почву для своего ухода, а затем сообщил об этом решении товарищам по партии. Председателем ИНК был избран один из лидеров левого крыла, Субхас Чандра Бос.

В январе 1938 года от кровоизлияния в мозг скончалась мать Неру. После двух апоплексических ударов, которые она перенесла в 1935 и 1936 годах, Сварупрани долго и тяжело болела, почти не поднимаясь с постели. Третий оказался для нее роковым. Умерла она на руках Джавахарлала. Дочери Виджайялакшми и Кришна приехали в родной дом из Лакхнау и Бомбея и успели застать мать еще живой, чтобы теперь уже навсегда проститься с ней.

Со смертью матери оборвалось, по словам Джавахарлала, последнее звено, связывавшее его с прошлым...

16 февраля 1938 года Неру выступил на 51-й сессии Конгресса, проходившей в бенгальском городе Харипуре, с отчетом о деятельности ИНК за истекший год. Подтвердив неизменность курса Конгресса на достижение полной независимости для Индии, Неру сказал: «Сейчас перед

нами две основные задачи — покончить с империализмом в стране и с остатками феодализма в индийских княжествах и в нашей системе землепользования». Он также призвал соотечественников задуматься над тем, какую роль предстоит сыграть Индии в международных делах.

Сам Неру постоянно думал о месте, которое занимает его родина в современном мире, и, пристально следя за развитием международных событий, находил все больше подтверждений тому, что «отдельные политические или экономические проблемы в Китае, Абиссинии, Испании, Центральной Европе, Индии или других странах были частицами одной общей мировой проблемы».

Сразу после сессии Конгресса Неру уведомил друзей и близких о намерении посетить Европу. Он говорил о необходимости «освежить свой усталый и смятенный ум», о желании повидать дочь, учившуюся в Оксфорде. Но главной причиной намеченной поездки все-таки было иное. В Европе силы демократии уже вступили в битву с фашизмом, и Неру, может быть, яснее, чем другие лидеры Конгресса, понимал: от исхода этой борьбы зависит будущее мира, дальнейшая судьба Индии...

В письме своему близкому другу Кришне Менону, находившемуся в Лондоне, Неру сообщил маршрут поездки: Испания, Англия, Франция, Австрия, Чехословакия, Венгрия, возможно Турция, Скандинавские страны, перед возвращением домой — Советский Союз.

2 июня 1938 года Неру на пароходе отплыл в Европу.

Когда корабль входил в Суэцкий канал, Неру передали телеграмму, принятую судовым радистом из Каира: лидер партии «Вафд» Наххас-паша приглашал Джавахарлала на встречу с руководством «Вафд». Неру был хорошо информирован о деятельности этой крупнейшей политической партии Египта, основанной в 1918 году и добивавшейся ухода англичан из страны.

10 июня в Александрии состоялась двухчасовая беседа Неру с вафдистами. «Вафд», по признанию его руководителей, переживал черные дни. На последних выборах, состоявшихся в апреле 1938 года, партия, в течение нескольких лет находившаяся у власти, потерпела тяжелое поражение, что вафдисты объясняли происками проанглийски настроенной дворцовой клики во главе с королем Фуадом.

Такое объяснение показалось Неру слишком простым. Из того, что он знал раньше и услышал здесь, он бы, пожалуй, сделал несколько иные выводы.

Подписав 26 августа 1936 года англо-египетский договор, по которому оккупация Египта британскими войсками формально прекращалась,

правительство Наххас-паши решило, что цель, к которой стремился «Вафд», достигнута. Но англичане, хотя и вывели из Египта некоторые воинские подразделения, по-прежнему продолжали занимать ключевые позиции в стране. Многие феллахи, недовольные робкой аграрной политикой правительства Наххас-паши, так и не решившегося экспроприировать земли у крупных помещиков и у королевской семьи, отдали свои голоса другим партиям. Извлекли ли вафдисты должные уроки из своего поражения? Задавать этот нелегкий для них вопрос Неру не стал, но, говоря об Индийском национальном конгрессе, заметил, что наивысших успехов его партия достигала именно тогда, когда опиралась на массы.

Договорившись об установлении регулярных контактов между ИНК и «Вафд», Неру самолетом вылетел в Порт-Саид, едва успев к отплытию парохода.

Утром 14 июня он был уже в Генуе, откуда, не задерживаясь, вылетел в Марсель. Здесь ему передали приглашение правительства Испанской Республики посетить страну. Почти целый день ушел на оформление визы, что оказалось делом далеко не простым. Французские власти придирались буквально к каждой мелочи: то их не устраивало количество сданных Неру фотографий для паспорта, и тогда Джавахарлал метался по городу в поисках фотографа-моменталиста, то вдруг обнаруживалось, что выездные документы заполнены по-английски, а нужно по-французски, после чего Неру мчался в британское консульство, и так до позднего вечера.

Джавахарлал прекрасно понимал причину своих мытарств. Он был бы куда больше удивлен, если бы оформление его документов проходило гладко. Уже одного того, что он направлялся в Испанию в качестве гостя правительства Народного фронта, было достаточно, чтобы вызвать к себе враждебное отношение французских официальных лиц. В течение 25 месяцев героический испанский народ сражался против фашистских мятежников и итало-германских интервентов, вызывая горячую симпатию и солидарность прогрессивных и демократических сил всего мира. Мировая, в первую очередь британская, буржуазия осуществляла так называемую «политику невмешательства», которая на деле привела к политической и экономической блокаде Испанской Республики и облегчила мятежникам и их пособникам проведение враждебных и агрессивных действий.

Ранним утром следующего дня Неру на стареньком самолете вылетел в Барселону. В барселонском аэропорту, разминувшись с встречавшими его представителями испанского правительства, он сел в автобус, доставивший его в город.

Барселона, 15 июня 1938 года. Неру вглядывается в лица барселонцев: улыбающиеся, смеющиеся, озабоченные, суровые, угрюмые... Мужчины и женщины, одетые в холщовые синие или зеленые комбинезоны, с карабинами, пистолетами, гранатами на ремнях. У многих на головах темные береты или островерхие шапочки с кисточками, напоминающие Джавахарлалу конгрессистские пилотки. Он провожает взглядом промчавшихся мимо него парней в потертых кожаных куртках, перепоясанных пулеметными лентами. Издали, с холмов, доносится глухой грохот разорвавшегося снаряда, и тотчас же, где-то совсем близко раздается сухой короткий треск пулеметной очереди. Никто из людей, идущих рядом с Джавахарлалом, не вздрогнул, не остановился, не посмотрел встревоженными глазами в сторону, откуда прозвучали выстрелы. Люди привыкли к войне, сжились с напряженной обстановкой, которая сложилась в городе после того, как франкисты два месяца назад отрезали Барселону от всей страны.

Разыскав отель «Мажестик», адрес которого он получил от испанского консула в Марселе, Джавахарлал с помощью портье дозвонился до представителей министерства иностранных дел и через каких-нибудь десять минут уже знакомился со своим гидом — очаровательной юной испанкой в военной форме.

Барселонские власти устроили в честь Неру обед, если можно было назвать обедом скромное угощение, состоявшее из бутербродов с овощами и нескольких чашек крепкого кофе. Испанские товарищи, словно извиняясь перед Джавахарлалом, сказали, что в городе не хватает продуктов — мяса, молока, хлеба, а то, что удастся достать, получают в первую очередь солдаты республиканской армии, обороняющие Барселону, и дети в многочисленных приютах, созданных правительством Народного фронта.

Кроме этих приютов, в городе работали детские столовые, организованные бойцами-республиканцами. Неру побывал на открытии одной из таких столовых. Шефство над ней взяла героическая дивизия генерала Листера, сдерживавшая франкистов на подступах к Барселоне. В светлом, просторном помещении, стены которого были украшены забавными детскими рисунками, могли одновременно питаться триста ребят. Несколько девушек в уже знакомой Джавахарлалу синей форме бойцов народной милиции приветливо встречали детей у входа. А на улице, нетерпеливо дожидаясь своей очереди, толпились взволнованные и радостные маленькие испанцы, не обращавшие никакого внимания на три громадные воронки перед самым домом — следы ночной бомбежки.

Утром 16 июня Неру с Кришной Меноном, который прилетел из

Лондона, в сопровождении переводчицы и офицера-республиканца, обеспечивавшего беспрепятственный проезд их машины, посетили передовые позиции дивизии генерала Энрике Листера. На фронте было относительное затишье, и Листер мог уделить гостям несколько часов. Каменщик из Галисии, он с первых дней революции вступил в ряды республиканской армии и, начав рядовым, стал одним из самых блестящих военачальников республики, чьи боевые операции нередко ставили в тупик германских и итальянских штабистов, консультировавших Франко.

Познакомившись с прославленным генералом, Неру сразу проникся к нему симпатией. Открытое, круглое, очень подвижное лицо, на котором озорно поблескивали темные мальчишеские глаза, а в уголках рта таилась радушная улыбка. Прямые, энергично зачесанные назад медного цвета волосы, атлетическая, чуть приземистая фигура, от которой исходила какая-то основательность, — все это говорило Джавахарлалу о незаурядности стоявшего перед ним человека. Листер абсолютно ничем не походил на тех кадровых военных, этаких ограниченных служак-ретроградов, с которыми доводилось сталкиваться Неру и которых было много в британских колониальных войсках. Говорил генерал ясно, убедительно, иногда, как показалось Неру, слишком категорично; часто шутил и, видя, что смысл шутки понят собеседниками, заразительно хохотал вместе с ними, и тогда его молоджавое лицо становилось совсем юным. Понравилось Неру и то, как заботливо, по-товарищески и вместе с тем без намека на панибратство, требовательно относится Листер к солдатам и офицерам. А глядя на них, было нетрудно догадаться, что они боготворят своего командира. В дивизии Листера царили железный порядок и дисциплина. Стоило ли удивляться тому, что, имея таких людей, как Энрике Листер, республике за считанные месяцы удалось создать народную армию, способную успешно противостоять регулярным войскам до зубов вооруженных франкистов, усиленных отборными подразделениями итало-германских интервентов, уже приобретших опыт боевых действий.

Гостей отвезли в расположение одной из интернациональных бригад, сформированной из англичан и американцев. Джавахарлал знал, что в Испании на стороне республиканцев сражались тысячи иностранных добровольцев. Во многих странах мира были созданы комитеты по оказанию помощи Испанской Республике. Дочь Неру Индира в таком комитете в Лондоне записывала добровольцев, решивших с оружием в руках дать первый бой фашизму на испанской земле. Среди них был и близкий друг Индиры Фероз Ганди (однофамилец Махатмы Ганди). Только происки британских секретных служб, конфисковавших у него паспорт,

помешали Ферозу приехать в Испанию.

Посещение интернациональной бригады, беседы с ее бойцами произвели на Неру глубокое впечатление. Его поразили великодушные и мужество этих людей, которые нелегально покинули свою страну, оставили дома, семьи, любимое дело и, презрев удобства мирной жизни, прибыли под вымышленными именами в чужую, казалось бы, для них Испанию, чтобы каждый час подвергаться здесь смертельной опасности, с ясным пониманием того, что в случае их гибели ни родные, ни друзья, вероятней всего, никогда не узнают, где похоронен их отец, муж, брат, сын, товарищ...

Джавахарлала и его спутников в штабе бригады ожидал скромный ужин. Испанский офицер провозгласил тост за свободу индийского народа. Растроганный до глубины души, Неру с трудом нашел ответные слова благодарности и горячо пожелал республиканцам победы.

В Барселону возвратились поздно вечером. Ночью город подвергся сильной бомбардировке, и Джавахарлал, сколько ни старался, не мог заснуть, а под утро ему сообщили, что его может принять министр иностранных дел республики Хулио Альварес дель Вайо.

Беседа длилась долго. Министр рассказывал Неру о положении в Испании, не утаивая трудностей, стоящих перед республиканским правительством. «В военном плане ситуация складывается не в нашу пользу, — сухо произнес Х.Альварес дель Вайо и, сняв очки в тяжелой роговой оправе, поднял на Джавахарлала покрасневшие от усталости глаза. — Говорят, вы были на передовой?» Неру утвердительно кивнул. «Правительство довольно своей армией, — продолжал министр, — но у нас мало опытных штабистов. Многие наши неудачи, если оставить в стороне явное превосходство противника в авиации, артиллерии, в боеприпасах, объясняются неопытностью республиканских генералов в проведении боевых операций широкого масштаба. В ряде случаев мы сталкиваемся с саботажем со стороны некоторых профессиональных военных, обещавших служить нам верой и правдой». Министр покачал головой и горько усмехнулся. «Но и это не самое страшное. Впереди зима, а у нас уже сейчас не хватает продовольствия, и мы лишены возможности закупать его из-за политики, которую проводят в отношении Испании Великобритания и Франция. Их «невмешательство» в испанские дела на руку только Франко и агрессорам и является прямым продолжением Мюнхена. Политика «невмешательства», — с сарказмом подытожил Х.Альварес дель Вайо, — блестящий образец искусства поднести на блюде жертву агрессии государствам-агрессорам, соблюдая при этом изысканные манеры джентльмена и в то же время создавая впечатление, будто бы

единственной целью при этом является сохранение мира».

Неру согласился со словами министра и, в свою очередь, рассказал о последних событиях в Индии. В знак симпатии индийцев к борьбе республиканцев против фашизма он вручил Х.Альваресу дель Вайо конгресси́стский флаг. В душе он решил при первой возможности заняться организацией доставки продовольствия и медикаментов в Испанию.

Перед самым отъездом Неру из Барселоны произошла еще одна встреча. И у себя на родине, и здесь Джавахарлал много слышал о первой испанской женщине-коммунистке, простой судомойке, ставшей признанным вождем революционного народа, — Долорес Ибаррури. Друзья любовно, враги с ненавистью называли ее «Пасионария» («Пламенная»), Неру передавали пылкие слова Пасионарии, облетевшие всю страну и с гордостью повторяемые республиканцами: «Никто никогда не мог до конца победить народ, который борется за свободу. Можно превратить Испанию в груды развалин, но нельзя превратить испанцев в рабов...»

Долорес Ибаррури «была не совсем здорова, — рассказывал Неру, — и мы пришли к ней в ее маленькую комнату. Мы пробыли у нее час или около того и объяснялись с ней с помощью переводчика. Меня поразило ее какое-то особенное жизнелюбие, и довольно скоро я понял, что передо мной — одна из самых замечательных женщин, которых мне приходилось когда-либо видеть. Она родилась в шахтерской семье в Стране басков. Далеко еще не старая, мать нескольких взрослых детей, она выглядела домашнему. Ее лицо, приятное и открытое, было лицом счастливой женщины, на котором легко читалась улыбка, но за этой улыбкой скрывалась бесконечная печаль о своем классе, о своем народе. Оно казалось спокойным, но за спокойствием таилась тревога. Когда она начинала говорить, с ее губ одно за другим слетали слова, полные страсти, лицо освещалось внутренним огнем и ее прекрасные глаза загорались, сверкали, завораживали вас. Я слушал ее в этой тесной комнатухе, разбирая только часть из того, что она говорила по-испански, но наслаждался музыкой ее языка, а по постоянно менявшемуся выражению ее лица улавливал глубокий смысл произносимых ею слов. Тогда-то я понял, в чем причина ее необычайно сильного влияния на массы. Если она смогла произвести столь сильное впечатление на меня, человека, которого было не так легко чем-то поразить, то интересно, какое же воздействие она должна оказывать на массовую аудиторию соотечественников?»

Франкисты войдут в Барселону только в последних числах января 1939 года, а через два месяца падет столица Испанской Республики —

Мадрид, и Неру воспримет поражение республиканцев как большое личное горе. В течение всей своей жизни, чрезвычайно насыщенной событиями и людьми, он будет в мыслях часто возвращаться к тем пяти дням, проведенным им в Испании: «Там, среди нищеты, руин и нависшей над всеми опасностью, я испытывал такое душевное равновесие, как ни в одной другой стране Европы. Там был свет, там все было пронизано духом отваги и решимости и сознанием, что борьба ведется во имя достойной цели».

23 июня 1938 года Неру прибыл в Лондон.

Во время своей последней поездки в Англию Джавахарлал всячески уклонялся от встреч с представителями британского правительства, но на этот раз он не собирался отказываться от контактов с ними, разумеется, только в том случае, если инициатива исходила бы с их стороны. В том, что надвигающийся политический кризис приобретает глобальный характер и охватит все крупные державы мира, Неру не сомневался, и его беспокоил вопрос: какое же место в грядущих событиях уготовано Индии англичанами? Так от кого же, как не от самих «хозяев» Индии, мог он получить ответ на этот вопрос? Поэтому, когда ему пришло приглашение от вице-короля Индии лорда Линлитгоу, который в это время находился в Лондоне, он не раздумывая согласился на встречу с ним.

Неру и Линлитгоу беседовали долго, обстоятельно и, судя по записям Джавахарлала, достаточно откровенно: обсуждали вопросы, связанные с последними событиями в Европе, говорили о наиболее острых внутренних проблемах Индии, о состоянии британско-индийских отношений.

— Не согласятся ли индийцы на статус британского доминиона? — вдруг спросил Линлитгоу.

Чуть помедлив, Неру ответил, что Индия не станет политически независимым государством до тех пор, пока она не добьется полной экономической самостоятельности и не получит права определять структуру своей экономики без оглядки на лондонский Сити.

— Статус доминиона предполагает известную экономическую самостоятельность, — продолжал Неру, — но сомнительно, чтобы так было в случае с Индией, которая столь долгое время находится в кабале у Великобритании. Если нам действительно предложат статус доминиона, то наша реакция будет зависеть от многих обстоятельств. Нас такое решение вряд ли устроит, во всяком случае, спор между Индией и Англией на этом не закончится: слишком глубоко укоренилось в индийском народе стремление к независимости. Кто знает, быть может, при определенных обстоятельствах Конгрессу придется согласиться со статусом доминиона

для Индии, но и тогда мы будем рассматривать это как первый шаг, который даст нам возможность укрепить свои позиции. В конце концов мы добьемся основной цели. Желание индийцев идти всегда вперед неистребимо, и пока оно не будет удовлетворено, психологическое ощущение конфликта между Индией и Англией не исчезнет.

Линлитгоу слушал Неру, устремив на него холодный, тяжелый взгляд.

— Независимость Индии мы мыслим не в плане изоляции страны от остального мира, — говорил Джавахарлал, — и не собираемся ограничивать себя рамками узкого национализма. Мы готовы поддерживать тесные связи и с Англией, но лишь в том случае, конечно, если наши отношения будут свободными и равноправными. Если британское правительство не возражает против таких отношений, ему следует признать право индийского народа самому решать свою судьбу. Созыв Учредительного собрания, облеченного доверием индийцев, которое примет новую конституцию Индии, — вот единственный демократический путь... Как патриот Индии, я могу думать только о росте могущества моей страны. Именно в этом я вижу залог нашего прогресса и свободы. Но как человек, который искренне заинтересован в прочном мире на земле и в международном сотрудничестве, а в частности, и в установлении дружественных отношений между Индией и Англией именно сейчас, в дни, когда над нами нависла угроза новой мировой войны, я призываю британское правительство тщательно продумать и взвесить все спорные вопросы между нашими странами и сделать правильный и справедливый в отношении Индии шаг.

От внимания Джавахарлала не ускользнуло, что вице-король Индии испытывал некоторое замешательство. По всей видимости, Линлитгоу ждал от него несколько иного ответа на свой вопрос. Наконец он медленно изрек:

— Если даже я и соглашусь с вами в том, что Закон об управлении Индией должен быть отменен и что должно быть созвано Учредительное собрание, то мне ничего не останется делать, кроме как подать в отставку и возглавить крошечную группку моих соотечественников, солидарных с вами. — Лорд Линлитгоу изобразил на лице некоторое подобие улыбки, словно пытаясь показать, насколько невероятна такая ситуация. — Но я при всем желании не смогу заставить британское правительство согласиться с вами.

Неру встал, сухо поблагодарил за беседу и направился к выходу. Уже в дверях он услышал обращенные к нему слова вице-короля, который патетически воскликнул: «Нас разделяет широкая пропасть...»

В истинности последних слов лорда Линлитгоу Неру убеждался,

встречаясь с другими членами английского кабинета. «Нынешнее правительство Англии, — приходит он к выводу, — удивительно реакционно и самонадеянно, к тому же не отличается особым умом».

Но отнюдь не все англичане слепо следуют за своим правительством. В стране нарастает недовольство внутренней и внешней политикой Чемберлена. С критикой в адрес премьер-министра выступает даже вчерашний сторонник «невмешательства» Уинстон Черчилль, начавший понимать, что усиление агрессивной мощи фашизма опасно не только для социализма и демократии, злейшим врагом которых Черчилль всегда был, но и для Великобритании.

Неру использует свое месячное пребывание в Лондоне для того, чтобы обратиться к демократическим силам Англии с призывом поддержать освободительное движение индийского народа, проявить солидарность со сражающимся с фашизмом героическим испанским народом, с народом Китая, отстаивающим свою независимость в боях с японскими милитаристами. Об этом он говорит пришедшему взять у него интервью корреспонденту газеты английских коммунистов «Дейли уоркер». После встречи Неру с членами лондонского Книжного клуба левых, основанного в 1935 году в целях публикации и распространения социал-демократической и лейбористской литературы, руководитель клуба, известный издатель Виктор Голанц сравнит яркую речь Неру, обличавшую колониализм, империализм и фашизм, со знаменитыми антифашистскими выступлениями выдающегося болгарского коммуниста Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе.

17 июля на Трафальгарской площади в Лондоне состоялся массовый митинг, организованный демократической общественностью Англии в знак солидарности с Испанской Республикой и Китаем. Джавахарлал выступил на митинге с краткой речью. Заявив о полной солидарности индийцев с испанским и китайским народами, Неру сказал, что справедливая и бескомпромиссная борьба этих народов является хорошим уроком для Индии, добывающей независимости от британского империализма. Он открыто указал на реальную опасность превращения кабинета Чемберлена в профашистское правительство и призвал англичан постоянно помнить об этой опасности так же, как и о тех варварских методах, с помощью которых империя управляет зависимыми от нее странами.

В июле — сентябре 1938 года Неру посетил Париж, Прагу (по пути в Чехословакию он провел два дня в Мюнхене в качестве рядового туриста, категорически отказавшись встретиться с гитлеровскими чиновниками), Будапешт, Женеву, снова Париж и Лондон и всюду находил подтверждение

самым мрачным своим мыслям о неизбежности войны. Европа напоминала ему «вулкан, извержение которого может начаться в любой момент».

8 сентября в английской газете «Манчестер гардиан» публикуется статья Неру о последних событиях в Европе. В статье, в частности, говорится: «Мы в Индии не хотим ни фашизма, ни империализма и больше, чем когда-либо, убеждены, что они сродни друг другу и угрожают свободе и миру во всем мире. Индия с возмущением отвергает британскую внешнюю политику и не будет ее соучастником. Мы приложим все силы, чтобы разорвать путы, связывающие нас с этим столпом реакции... Если начнется война, английский народ будет неизбежно втянут в нее. Каким образом тогда нынешнее британское правительство, открыто выражающее свои симпатии фашистскому или нацистскому режиму, будет способствовать делу демократии и свободы? Пока это правительство находится у власти, фашизм всегда будет стоять на пороге Англии».

А спустя неделю Неру направляет приветственное послание съезду Коммунистической партии Великобритании, проходившему в Бирмингеме. «Фашистская агрессия в Испании и Китае уже привела к кошмару войны, и существует угроза его распространения по всему континенту, — писал Неру английским коммунистам. — Силы демократии и прогресса должны объединиться и совместными усилиями противостоять этой угрозе. Внешняя политика Советского Союза является одним из самых мощных факторов международного мира, и нет сомнения в том, что, если бы другие страны поддерживали ее, мир на земле был бы сохранен. Но британское правительство проводит другую политику: поощряя и в прошлом и в настоящем фашистскую агрессию, оно тем самым приближает войну. Индийский народ решительно выступает против такой политики. Нас, ведущих борьбу за независимость Индии, волнует битва с фашизмом, и все наши симпатии на стороне сил, противостоящих ему».

В конце сентября 1938 года Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье отправились в Мюнхен на переговоры с Гитлером и Муссолини. Политика «умиротворения», как известно, завершилась позорнейшей сделкой лидеров Запада с фашистскими агрессорами. Подписав Мюнхенское соглашение и тем самым отдав Чехословацкое государство на растерзание гитлеровской Германии, Чемберлен, этот «мальчик на побегушках у Гитлера», как его презрительно называл Неру, торжествовал и с наглой самонадеянностью уверял, что «отныне мир обеспечен целому поколению». Торжествовала и самая реакционная часть британской буржуазии, собиравшаяся в имении леди и лорда Асторов в Клайвдене: теперь, после Мюнхена, когда германская граница прошла всего в 40

километрах от Праги, Гитлер, конечно, двинется в поход на ненавистный «клайвденской клике» Советский Союз.

30 сентября в интервью корреспонденту «Дейли уоркер» Неру с негодованием отозвался о мюнхенской сделке: «Мир любой ценой — ценой крови и страдания других, ценой оскорбления демократии, ценой расчленения дружественных государств — это не мир, а продолжение политики конфликта, шантажа, продолжение господства насилия и в конечном итоге — война».

Теперь, после всего увиденного им в европейских столицах, Неру больше, чем когда-либо, убежден в том, что «единственной эффективной преградой на пути фашизма и антидемократических сил в Европе и Азии» остается Советский Союз. Джавахарлал намеревается поехать туда, уверенный, что в Москве его примут как друга, готовится к этой поездке. Но болезнь дочери помешала осуществлению его планов. «Огорчен, узнав, что вы не сможете приехать в Советский Союз, поскольку хорошо представляю, как вы желали этого, — писал полпред СССР в Англии Неру. — Однако надеюсь, что в будущем у вас будет возможность совершить эту поездку, от которой вы сейчас вынуждены отказаться».

В ноябре 1938 года после пятимесячного пребывания в Европе Неру вместе с Индирой вернулся на родину.

Первое, что он сделал по прибытии в Бомбей, — это тотчас же занялся вопросами сбора и доставки продовольствия для Испанской Республики. В письме министру иностранных дел Испании Х.Альваресу дель Вайо от 21 ноября 1938 года он сообщал: «Уважаемый господин Х.Альварес дель Вайо! Я нахожусь в Индии уже четыре дня и с радостью хочу информировать Вас о том, что все необходимые меры по доставке продовольствия в Испанию приняты. Для этого в Бомбее создан Комитет по оказанию помощи Испании... Я являюсь председателем этого Комитета...» Через некоторое время республиканцы получили из Индии пшеницу, рис, сахар, чай, кофе, а также партии хлопка и джута. По инициативе Неру Конгресс направил также отряд врачей с необходимым оборудованием и медикаментами в борющийся с японскими милитаристами Китай.

Уже находясь в Индии, Неру получил письмо Сун Цинлин. Обращаясь к Неру, как к «большому другу Китая», Сун Цинлин сообщала, что китайские патриоты «с чувством одобрения и признательности» встретили проявление со стороны Неру симпатии и солидарности с их борьбой против японского милитаризма. Неру ответил, что, несмотря на скромные возможности, ИНК будет всегда оказывать помощь дружественному китайскому народу. «Я убежден, Китай с триумфом преодолеет стоящие

перед ним трудности», — писал он Сун Цинлин.

Летом 1939 года в Аллахабад пришло письмо из Яньани — столицы Особого района Китая, где располагалась опорная база китайских патриотов, боровшихся с японскими захватчиками. «Мы хотим сообщить Вам, — читал Неру, — что индийский медицинский отряд приступил к работе здесь и был очень тепло встречен всеми бойцами 8-й полевой армии⁶⁶. Готовность индийских врачей разделить с нами трудности произвела глубокое впечатление на всех, кто общался с ними⁶⁷. Пользуясь этой возможностью, мы благодарим великий индийский народ и Индийский национальный конгресс за медицинскую и материальную помощь, предоставленную нам. Мы надеемся, что в будущем Индийский национальный конгресс и народ Индии будут поддерживать нас и помогать нам, способствуя тем самым изгнанию японских империалистов. И последнее, но не менее важное. Примите нашу благодарность, пожелание благополучия и сердечные приветствия. С уважением. Мао Цзэдун».

Кто мог предполагать тогда, что пройдет двадцать лет, и маоистское руководство Китая, отказавшись от курса на развитие добрососедских дружественных отношений с Индией, лицемерно обвинит ее в «посягательстве» на китайскую территорию и спровоцирует вооруженные столкновения на китайско-индийской границе? А осенью 1962 года китайские войска под предлогом «самозащиты» вторгнутся в Индию и оккупируют обширную территорию на северо-востоке и севере страны...

Словно торопясь наверстать упущенное за время, проведенное им вне Индии, Неру с головой уходит в дела Конгресса. В декабре 1938 года благодаря усилиям Неру создается Национальный комитет по планированию. Джавахарлал назначен его председателем.

На первом заседании комитета 17 декабря в Бомбее Неру заявил, что не мыслит деятельности новой организации, которой предстоит подготовить всеобъемлющий план развития национальной экономики, без тесной связи с освободительным движением в Индии. «Широкое планирование, — говорил он, — возможно лишь при наличии свободного национального правительства, достаточно сильного и достаточно популярного, чтобы осуществить коренные преобразования в социальной и экономической системе. Следовательно, достижение национальной свободы и ликвидация иностранного контроля составляли существенную предпосылку для планирования». Отвечая тем скептикам, которые указывали на нереальность и утопичность задуманного Неру мероприятия,

Джавахарлал говорил о необходимости уже сейчас собирать все данные об индийской экономике, тщательно анализировать их и готовить рекомендации по развитию той или иной отрасли промышленности в будущей независимой Индии.

В отличие от Ганди, который продолжал выступать за развитие мелкой, кустарной, «крестьянской» промышленности, Неру видел будущую Индию мощным, экономически развитым государством. Политическая независимость немыслима без свободы экономической, а добиться ее невозможно без плановой индустриализации страны в максимально короткие сроки, как это сделано в Советском Союзе, — таково убеждение Неру. Ему удалось отстоять свою точку зрения, и она нашла отражение в документах Национального комитета по планированию.

В январе 1939 года должны были состояться выборы делегатов на очередную ежегодную сессию ИНК. Конгрессистам также предстояло решить вопрос о новом председателе партии. Субхас Чандра Бос, заручившись поддержкой левых кругов Конгресса, вторично выставил свою кандидатуру на этот пост. Выступая на предвыборных митингах, Бос говорил, что настало время предъявить Англии ультиматум: или британское правительство называет точные сроки, когда Индии будет предоставлена независимость, или все индийцы поднимаются на решительную борьбу с иностранным владычеством. Сторонники Ганди во главе с Пателем высказались против переизбрания Боса, заявляя о «принципиальных разногласиях» с ним. Массовое движение в стране сейчас невозможно, утверждали они, поскольку народ еще не готов вести борьбу ненасильственными методами. После отказа одного из лидеров ИНК Абул Калам Азада баллотироваться на пост председателя партии правые предложили кандидатуру Паттабхи Ситамарая, ортодоксального гандиста из Андхры.

На выборах, состоявшихся 29 января 1939 года, Бос получил на 203 голоса больше, чем его соперник, и, таким образом, вновь стал председателем Конгресса.

Исход выборов огорчил Джавахарлала. С Босом его связывали добрые, дружеские отношения. Он высоко ценил критический ум Субхаса, его доходящую порой до фанатизма преданность делу освобождения родины. Но Неру видел и другое: крайнее честолюбие Боса, его резкую нетерпимость к мнению других, своеволие и упрямство. Не вызвала у Неру симпатий и манера Боса давать однозначные безапелляционные характеристики коллегам по партии. Он предостерегал Субхаса от поспешности в оценках.

Соглашаясь с Босом в том, что руководству Конгресса следует полностью отказаться от тактики выжидания и перейти к решительным и последовательным методам борьбы с англичанами, Неру откровенно недоумевал и возмущался по поводу попыток Субхаса необоснованно обвинить некоторых лидеров ИНК едва ли не в тайном сговоре с колонизаторами.

Конгресс будет оставаться самой мощной политической организацией страны до тех пор, пока его ряды едины. Сколько душевных сил, терпения, выдержки, такта затрачено самим Джавахарлалом, другими лидерами Конгресса для сохранения единства партии... Пребывание на посту председателя ИНК такого человека, как Бос, рано или поздно приведет к расколу Конгресса и, следовательно, вызовет ослабление освободительного движения в Индии.

22 февраля 1939 года Неру заявил представителям индийской прессы, что Конгресс допустил ошибку, переизбрав С.Ч.Боса председателем партии. В тот же день двенадцать из пятнадцати членов Рабочего комитета вышли из его состава, мотивируя свой отказ сотрудничать с Босом «расхождением во взглядах» и не желая брать на себя ответственность за предложенный им политический курс ИНК. Вместе с Пателем, Прасадом и другими руководителями Конгресса подал заявление об отставке и Неру. Правда, Джавахарлал тут же подчеркнул, что между ним и «группой двенадцати» имеются свои серьезные разногласия и, пока эти разногласия не будут улажены, он не вернется в Рабочий комитет.

Сторонники Боса не замедлили обрушиться с нападками на вышедших из комитета конгрессистов, утверждая, что своими действиями те намеренно способствуют изоляции левых сил. Бос отказался принять отставку «двенадцати», отложив решение этого вопроса по причине своей болезни.

Сессия Конгресса открылась 10 марта в княжестве Трипура, расположенном к юго-востоку от Дели. Торжественный праздник в честь председателя ИНК, для чего из соседних княжеств пригнали пятьдесят двух слонов — по числу лет существования партии, — проходил в отсутствие все еще болевшего Боса.

Как и предполагал Неру, на сессии разгорелись жаркие споры, подчас доходившие до скандалов, между сторонниками Боса и гандистами. Бос появился только на одном заседании. Лежа на возвышении для президиума, окруженный родственниками и друзьями, он слабым голосом зачитал свое короткое выступление, в котором настаивал на предъявлении ультиматума английскому правительству.

Неру возражал против предложенной Босом тактики ультиматумов: «Дни британского империализма в Индии сочтены, но он еще не до такой степени, слаб, чтобы страшиться словесных ультиматумов и пустых угроз».

Большинством голосов сессия приняла подготовленную Неру резолюцию о национальных требованиях. В резолюции были подтверждены основные цели Индийского-национального конгресса — достижение полной независимости для Индии, созыв Учредительного собрания, избранного народом без всякого вмешательства извне, и утверждение этим собранием демократической конституции. В резолюции содержался призыв ко всем организациям ИНК, конгрессистским провинциальным правительствам, к индийскому народу готовиться к последней битве с колонизаторами.

Споры разгорелись и вокруг вопроса об отношении-Индии к надвигавшейся войне. Ганди считал, что индийцы не должны участвовать в войне ни при каких обстоятельствах, даже если это участие принесет им свободу. Неру и Азад заявляли, что Индии следует воздерживаться от поддержки Англии в войне с фашизмом лишь в том случае, если британское правительство не признает Индию свободной страной. «Только свободная Индия способна надлежащим образом участвовать в этой войне, — говорил Неру. — Только обрета свободу, могли бы мы преодолеть мучительное наследие наших прошлых отношений с Англией, зажечь энтузиазм в массах и мобилизовать наши обширные ресурсы». Мнения руководителей ИНК по этому вопросу разделились и какого-либо конкретного решения на сессии принято не было.

Пожалуй, впервые сессия Конгресса закончила свою работу, не утвердив состава руководящих органов ИНК. Настроение у Неру было подавленным: его усилия добиться какого-то соглашения между сторонниками Боса и гандистами оказались безуспешными. К тому же он узнал, что Бос обвиняет его в намерениях всяческими способами подорвать авторитет председателя Конгресса.

Неру встретился с Босом и потребовал от него объяснений. Беседа получилась долгой и, к огорчению Джавахарлала, в итоге безрезультатной. Субхас, явно находясь под воздействием разных наветов и домыслов, так и не смог избавиться от своих абсурдных подозрений в отношении Неру.

В конце апреля в Калькутте собрались лидеры ИНК, чтобы решить вопрос о составе Рабочего комитета. Неру предпринял последнюю попытку примирить Боса с Ганди, но тщетно. Бос заявил, что он уходит с поста председателя Конгресса и отклонил предложение остаться членом Рабочего комитета.

После долгих споров о том, кто заменит Боса на посту председателя ИНК, лидеры Конгресса остановили свой выбор на Раджендре Прасаде. Поначалу предлагалось несколько кандидатур и среди них Неру, Азад и Патель, но Неру категорически отказался от председательства, Азад сослался на нездоровье, а кандидатура Пателя вызвала слишком бурные возражения: многие конгрессисты считали его человеком холодным, черствым и слишком властолюбивым.

Когда Прасад приступил к формированию Рабочего комитета, Неру не согласился войти в него, пояснив, что считает необходимым для себя и полезным для общего дела какое-то время побыть в стороне от руководства Конгрессом. На него удручающе подействовали усилившиеся не без влияния Боса интриги и распри среди конгрессистских лидеров. Допуская наличие разногласий между ними по принципиальным вопросам, Неру в то же время считал неприемлемым для политика вносить в определение политического курса элемент субъективного. Джавахарлал утверждал, что в качестве рядового члена ИНК ему будет легче находить общий язык с представителями различных группировок и содействовать урегулированию разногласий между ними в интересах единства Конгресса.

В мае 1939 года С.Ч.Бос объявил о создании в стране новой политической партии — «Форвард блок», которая, по его словам, должна была объединить все левые силы на основе программы и принципов ИНК и подготовить индийцев к «предстоящей схватке с британским империализмом».

Джавахарлала не ввела в заблуждение формулировка «на основе программы и принципов ИНК», он сразу разгадал замысел Боса: противопоставить «Форвард блок» Конгрессу. Одобрить это Неру не мог. Он выступил против создания новой партии, заявив, что действия Боса идут вразрез с интересами страны. Неру поддержали коммунисты и конгресс-социалисты, указывавшие, что образование «Форвард блока» лишь углубляет раскол левых сил.

В конце мая Неру опубликовал в конгрессистской газете «Нэшнл геральд», выходившей в Лакхнау, большую статью, в которой анализировал события последних дней. Отметив, что раскольнические тенденции в Конгрессе существенно ослабляют антиколониальную борьбу, он выразил опасение относительно будущего партии Боса. В любую новую организацию или группировку, у руководства которой нет четких принципов, ясно выраженной идеологии, легко проникнуть разным авантюристическим и оппортунистическим элементам, и при определенных благоприятных условиях, прикрываясь красивыми фразами

о социализме и демократии, они могут занять ведущие позиции. Разве нельзя допустить и возможность того, что в эту партию или группировку могут также пробраться фашиствующие и коммуналистские деятели, которые постараются направить ее против Конгресса, против его борьбы с проявлением религиозно-общинной розни? Что тогда будет делать Бос? Основные положения статьи Неру повторил в нескольких своих публичных выступлениях.

Вспыльчивый Бос пришел в ярость и обвинил Джавахарлала в ничем не обоснованных нападках на «Форвард блок». «Где Неру обнаружил фашизм и оппортунизм? — гневно вопрошал Бос. — Кто из членов нашей организации является фашистом или оппортунистом? Как можно считать фашистами тех, кто борется с фашистскими тенденциями в Конгрессе и вне его? А может быть, стоит назвать фашистами тех, кто поддерживает диктаторское руководство ИНК, открыто солидаризируется с нынешним «однородным» Рабочим комитетом или тайно участвует в его заседаниях и готовит его резолюции?»

Узнав о словах Боса, Джавахарлал ее почувствовал обиды, хотя хорошо понимал, в чей адрес направлена последняя фраза. Скорее он ощутил горечь, видя, что один из близких ему людей не желает прислушаться к нему. Все попытки Неру разъяснить Босу свою точку зрения наталкивались на откровенно враждебное отношение Субхаса. Вскоре Бос окончательно отошел от Конгресса и был лишен Рабочим комитетом права занимать выборные посты в ИНК...

Известие о начале второй мировой войны застало Неру в Юго-Западном Китае, в портовом городе Чунцине на реке Янцзы, где он находился по приглашению руководства гоминьдана.

Неру поехал в Китай не без колебаний. Кое-кто из друзей советовал ему повременить с поездкой, да и сам он чувствовал, что выбрал для нее не самое удачное время: в любой момент в Европе могла вспыхнуть война, пламя которой неизбежно опалило бы Индостанский субконтинент, и тогда присутствие Неру в Индии было бы просто необходимо. Но слишком велико оказалось искушение своими глазами увидеть то, что происходило в Китае, и установить контакты с гоминьданом и коммунистами, между которыми тогда еще существовала договоренность о совместных действиях против Японии.

В переговорах с Чан Кайши и другими деятелями гоминьдана Неру развивал мысль о необходимости тесного сотрудничества между Индией и Китаем. Джавахарлалу показалось, что его взгляды на будущее индийско-

китайских отношений нашли поддержку у руководства гоминьдана. Правда, хорошее в целом впечатление, оставшееся у Неру от переговоров, несколько испортил Чан Кайши, который самоуверенно заявил, что, по его мнению, между статусом доминиона и полной независимостью нет особой разницы, а поэтому он рекомендует индийцам не отказываться от возможного предложения британского правительства предоставить Индии статус доминиона. С трудом сдерживал Неру ироническую усмешку, выслушивая разглагольствования Чан Кайши об исключительной демократии, якобы царившей в гоминьдане. Джавахарлалу сразу вспоминалась атмосфера тех митингов и собраний, на которых ему довелось побывать, когда все собравшиеся дружно, как по команде, вставали при одном только упоминании имени Чан Кайши. Вставать им приходилось довольно часто, и со стороны зрелище это было весьма комичным.

По окончании переговоров с гоминьдановцами Неру намеревался поехать в северо-западные районы страны для встречи с руководителями Коммунистической партии Китая, но получил телеграмму от председателя ИНК Р.Прасада с просьбой немедленно вернуться в Индию в связи с нападением Гитлера на Польшу.

9 сентября 1939 года Джавахарлал вернулся на родину и сразу попал на экстренное заседание Рабочего комитета.

Гитлеровцы вторглись в Польшу 1 сентября 1939 года. Казалось бы, союзный договор с Польшей, заключенный Англией и Францией, обязывал их без промедления выступить на ее стороне, но «умиротворители» выжидали, очевидно, рассчитывая на очередной сговор с Гитлером. Только окончательно убедившись в нежелании фашистской Германии вести с ними какие-либо переговоры, а следовательно, и в опасности для себя военных планов Гитлера, британское и французское правительства были вынуждены 3 сентября объявить войну Германии.

Через несколько часов после того, как Чемберлен выступил в палате общин с заявлением о вступлении Англии в войну, вице-король Индии лорд Линлитгоу без консультаций с лидерами ИНК, с членами Законодательного собрания, с правительствами провинций объявил Индию воюющей стороной.

Члены Рабочего комитета собрались в городе Вардха бомбейской провинции для того, чтобы определить отношение Конгресса к начавшейся войне. Ганди снова убеждал конгрессистов, что Индия не должна принимать участия в войне. «Я знаю, что процесс ненасилия, по всей видимости, ужасающе медленный процесс, — говорил он. — Но опыт

убедил меня, что это самый надежный путь к общей цели. Вооруженное столкновение не принесет освобождения ни Индии, ни всему миру. Насилие, даже ради защиты справедливости, уже почти изжило себя». В своем пацифизме Ганди зашел так далеко, что направил английскому народу письмо, в котором призывал не воевать с гитлеровской Германией, а противостоять ей «силой духовного сопротивления». Приглашенный на заседание С.Ч.Бос потребовал немедленно начать кампанию гражданского неповиновения англичанам. Неру не соглашался ни с Ганди, ни с Босом. «Мы хотим бороться с фашизмом, — заявлял Джавахарлал, — но мы не должны допускать того, чтобы империализм эксплуатировал нас. Мы не желаем, чтобы кто-то извне навязывал нам обязательство воевать. Индия может поддержать Англию в войне с фашизмом, но только тогда, когда она станет свободной страной».

Победила точка зрения Неру, и 14 сентября Рабочий комитет утвердил подготовленную Джавахарлалом резолюцию. В этой резолюции говорилось, что Индийский национальный конгресс осуждает агрессию фашизма и «уничтожение всех установившихся принципов и признанных норм поведения в цивилизованном мире. Он видит в фашизме и нацизме усиление принципов империализма, против которого индийский народ на протяжении многих лет ведет упорную борьбу... Вопрос об участии или неучастии Индии в войне должен решаться самим индийским народом, и никакая чужеземная власть не имеет права навязывать ему этого решения; индийский народ не может также допустить использования своих ресурсов для империалистических целей... Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, она непременно должна покончить с империализмом в своих собственных владениях и способствовать установлению в Индии полной демократии с тем, чтобы индийский народ посредством созыва Учредительного собрания, без всякого вмешательства извне, мог выработать свою собственную конституцию, дающую ему право на самоопределение и право самостоятельно распоряжаться своей политикой. Свободная демократическая Индия с радостью объединится с другими свободными странами для совместной обороны против агрессии и в целях экономического сотрудничества. Она готова содействовать созданию такого мирового порядка, который действительно будет основан на свободе и демократии, и использует знания и ресурсы всего мира в интересах прогресса и благосостояния человечества». Конгресс призвал британское правительство «открыто заявить, каковы его цели в этой войне в отношении демократии, империализма и предполагаемого нового порядка и, в частности, как эти цели будут распространены на Индию и

осуществлены в настоящем». В конце резолюции содержалось обращение Конгресса к индийскому народу «покончить со всеми внутренними конфликтами и противоречиями и в этот грозный час опасности быть наготове, сплотившись как единая нация, ясно сознающая свою цель и решившая добиться свободы Индии на широком фоне свободы всего мира».

Подготовленная Джавахарлалом резолюция произвела впечатление даже на Ганди, который, хотя и не одобрял ряда ее положений, не скрывал своего удовлетворения тем, как точно, логично, а главное, как страстно, она написана. «Автор резолюции — настоящий художник, пылкий патриот и вместе с тем гуманист и интернационалист», — с гордостью отозвался Махатма о Джавахарлале.

Тем временем британское правительство спешило принять все меры, чтобы укрепить свои позиции в Индии. Как и в годы первой мировой войны, англичане рассчитывали широко использовать людские и материальные ресурсы страны, а для этого было необходимо, как и прежде, силой удерживать Индию в колониальном ярме. Британский парламент «дополняет» Закон об управлении Индией 1935 года актом, предоставлявшим вице-королю и губернаторам провинций особые полномочия «в интересах сохранения мира и спокойствия в стране». Издаётся закон «Об обороне Индии», на основании которого власти могут беспощадно расправляться с теми, чья деятельность признавалась «опасной для обороны Индии».

В ответ последовали массовые демонстрации протеста в Мадрасе и забастовка девяноста тысяч бомбейских рабочих, потребовавших передать власть в Индии национальному правительству. Англичане сочли за лучшее туманно пообещать индийцам созвать по окончании войны конференцию представителей всех политических партий, религиозных общин и индийских князей для разработки новой конституции Индии. О целях же Великобритании в войне с Германией не говорилось ни слова.

В последние дни сентября 1939 года вице-король лорд Линлитгоу пригласил к себе всех крупных политических деятелей Индии для «откровенного и свободного обмена мнениями». Неру принялся было со свойственной ему пылкостью излагать содержание последней резолюции Рабочего комитета ИНК.

— Нельзя ли говорить медленнее, господин Неру, — прервал его вице-король, недовольно поморщившись, и с плохо скрываемой издевкой добавил: — Моему медлительному англо-саксонскому уму не угнаться за вашим быстрым интеллектом.

«Откровенного и свободного обмена мнениями» не получилось.

Одновременно в Рамгархе и в Лахоре в марте 1940 года проходили сессии Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги. Двумя месяцами ранее Ганди тщетно пытался убедить руководителя лиги Джинну в необходимости сотрудничества между двумя партиями в интересах сплочения нации. Джинна, одетый в элегантный костюм от лондонских портных, с моноклем в правом глазу, холодно отвечал Махатме, что не понимает, о какой индийской нации можно говорить, если ее вообще не существует.

При поощрении англичан уже выношен план о создании на территории Индостанского субконтинента обособленного мусульманского государства, уже придумано название для него — «Пакистан» («Страна чистых»). В Лахоре Мусульманская лига признала, что отныне борьба за создание Пакистана является главной ее целью...

Идея возрождения панисламизма принадлежит не только Мусульманской лиге, но и британскому правительству, утверждал Неру в письме к А.К.Азаду, конгрессисту-мусульманину, убежденному стороннику единства индусов и мусульман. «Панисламизм в 1914 году и позднее являлся антиимпериалистической силой... А сегодня та же самая идея используется в поддержку британского империализма. Она в известной степени подрывает национальную сплоченность индийцев». Неру особо подчеркивал «несомненно империалистический характер нового этапа панисламизма». Серьезные опасения вызывала у него и деятельность индусской общинной организации «Хинду махасабха», которая, по его словам, «проникнута таким же воинствующим религиозно-общинным духом, как и лига, но пытается прикрыть крайнюю узость своего мировоззрения туманной националистической фразеологией, хотя она стоит скорее за возврат к старому, чем за прогресс».

На мартовской сессии в Рамгархе конгрессисты подтвердили сентябрьскую резолюцию Рабочего комитета и постановили начать кампанию гражданского неповиновения в случае, если не будет создано ответственное национальное правительство. «Любая попытка разделить Индию или нарушить ее национальное единство, — говорилось также в резолюции сессии ИНК, — встретит со стороны Конгресса решительный отпор. Конгресс всегда стремился к конституции, гарантирующей полную свободу и возможность развития как общественным группам, так и отдельным лицам, к конституции, где социальная несправедливость уступает место справедливому общественному строю».

Когда избранный на сессии председателем ИНК А.К.Азад приступил к

формированию Рабочего комитета, он, учитывая первостепенную важность определения дальнейшего внешнеполитического курса партии, недолго раздумывал над вопросом: кто в Конгрессе может взять на себя ответственность за разработку и проведение такого курса? Азад не видел иного деятеля, более сведущего и искушенного в международных делах, чем Неру. На этот раз Джавахарлал не стал отказываться от участия в Рабочем комитете, и не только потому, что он искренне симпатизировал Азаду и высоко ценил его человеческие качества и исключительную преданность делу освобождения родины. Неру, возможно, лучше других понимал, что начавшаяся мировая война не может не привести в итоге к существенным изменениям в Индии. Уже теперь, на первом этапе войны, ему было ясно видно, как в результате продолжающейся реакционной политики английского правительства в отношении зависимых стран усиливаются «разрушительные тенденции в колониальной империи». Как и четверть века назад, потрясения в мире не обойдут стороной индийский народ и вызовут мощный рост национального самосознания.

«Революционная перемена, как политическая, так и экономическая, не только нужна в Индии, но и представляется неизбежной», — таково непоколебимое убеждение Неру. Тем более нетерпимым кажется ему сейчас проявление даже малейших признаков пассивности, с тем большей горячностью выступает он против пацифистских настроений Ганди и его сторонников.

10 мая 1940 года, в день, когда войска фашистской Германии вторглись на территорию Франции, Бельгии и Голландии, правительство Чемберлена подало в отставку. Король поручил сформировать новый кабинет Уинстону Черчиллю. В коалиционное правительство наряду с консерваторами вошли либералы и лейбористы. Последние накануне войны будто бы сочувственно относились к требованиям индийцев о предоставлении их стране независимости. Поэтому сообщение о назначении лидера лейбористов К.Эттли на пост лорда — хранителя печати породило среди некоторых конгрессистов надежды на достижение договоренности с новым правительством Великобритании. Джавахарлал не разделял этих надежд. Он слишком хорошо помнил многие высказывания Черчилля, смысл которых сводился к одному: «Англия, потеряв Индию в качестве части своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава».

На июльском заседании Рабочего комитета в Пуне была принята резолюция, в которой говорилось, что Конгресс готов поддержать Англию в войне, но только после того, как британское правительство объявит о предоставлении Индии независимости сразу же по окончании военных

действий и не будет препятствовать созданию ответственного национального правительства.

Последние сомнения и надежды на возможность какого-то компромисса с англичанами окончательно развеялись 8 августа 1940 года, когда вице-король объявил об отрицательном ответе правительства Черчилля на июльскую резолюцию Рабочего комитета. Англичане отказывались пойти даже на минимальные уступки Конгрессу. «Империализм не желал разжимать своих когтей, которые он глубоко запустил в живое тело Индии» — так комментировал ответ британского правительства Неру.

Дальше медлить было невозможно, и Конгресс начал кампанию гражданского неповиновения, 13 октября на заседании Рабочего комитета в Вардхе по настоянию Ганди, опасавшегося широких народных волнений и вспышек насилия, принимается решение ограничить предстоящую кампанию индивидуальным неповиновением. Сатьяграху начали лидеры и активисты ИНК, и первым из них — ревностный последователь Ганди и его ученик, сорокапятилетний Виноба Бхаве. Через несколько дней после окончания заседания Рабочего комитета Виноба произнес пылкую антивоенную речь в маленькой деревушке вблизи Вардхи, после чего был арестован.

Джавахарлал должен был начать сатьяграху в родном Аллахабаде в первых числах ноября. На пути из Вардхи домой он заехал к горакхпурским крестьянам, выступил перед ними, порадовался их настроением: किसानы уверовали в неминувость освобождения страны и теперь не только пассивно дожидались облегчения своей участи, но и готовы были вступить в бой с чужеземными и с собственными угнетателями.

До Аллахабада Неру не доехал. 30 октября его арестовали на железнодорожной станции и по обвинению в антиправительственной пропаганде заключили под стражу в тюрьму Горакхпура.

Судебный процесс проходил так, словно судья и подсудимый поменялись местами. Неру не защищался, он обвинял: «Вы судите не меня, а сотни миллионов индийцев. Задача весьма сложная даже для преисполненной самодовольства империи».

Неру приговорили к четырем годам заключения и перевели в тюрьму в Дехрадуна. К концу 1940 года около тридцати тысяч человек, практически все лидеры и активисты Конгресса, были арестованы правительством по обвинению в нарушении Закона об обороне Индии. Уложенная Ганди в узкие рамки индивидуального неповиновения, сатьяграха, лишившись

своих руководителей, широкого распространения на этот раз не получила...

Нелегко дается человеку деятельному переход от жизни на свободе, пусть тревожной и напряженной, но интересной, наполненной событиями и людьми, к унылому, гнетущему однообразию тюремного быта; нелегко, даже если это заключение для него уже восьмое по счету. В первые недели узником, как правило, овладевает апатия, которая, если с ней не бороться, расслабляет мускулы, парализует волю, притупляет ум...

Неру верен себе. Каждый день в тюрьме начинается для него с интенсивных физических упражнений. Часами копается в сухой, каменистой земле в надежде вырастить овощи или цветы. В дождливую погоду сидит за прялкой. Вечерами читает, делает выписки из книг.

В конце июня 1941 года с опозданием на несколько дней в тюрьму пришло сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Эта весть глубоко взволновала Джавахарлала. С неослабевающим интересом следя за героической борьбой советского народа против гитлеровских захватчиков и всей душой желая ему победы, Неру понимал, что вступление Советского Союза в войну коренным образом меняет ее суть: из жестокой схватки между противостоящими друг другу империалистическими группировками, с помощью оружия разрешавшими свои противоречия, война окончательно превращалась в подлинно антифашистскую, освободительную, справедливую. Симпатии всех честных людей Индии были на стороне Советского Союза, в котором они видели единственную силу, способную сокрушить фашизм. Спустя несколько месяцев Неру от близких Тагора узнает, что смертельно больной писатель до последнего дня жизни просил сообщать ему о событиях на советско-германском фронте и часто повторял: «Я буду счастливейшим человеком, если Россия победит».

4 декабря 1941 года Неру вместе с другими конгрессистами был освобожден из тюрьмы. Правительство, досрочно выпуская на свободу руководителей Конгресса, рассчитывало тем самым заручиться их поддержкой в предстоящей войне с Японией, которая уже захватила Индокитайский полуостров и угрожала колониальным владениям Англии, США, Голландии.

7 декабря японская авиация внезапным бомбовым ударом уничтожила военные корабли США в Пирл-Харборе. 15 февраля 1942 года под ударами японских войск пал Сингапур, 8 марта японцы заняли столицу британской Бирмы — Рангун. Они оккупировали Гонконг, высадились в Индонезии, на островах Новой Гвинеи. Японские корабли стали все чаще появляться в Бенгальском заливе. Война вплотную подошла к границам Индии.

Англичане настойчиво добивались от индийцев сотрудничества в войне, но руководство Конгресса на заседании в Бардоли, заявив о «сочувствии народам, подвергшимся нападению и боровшимся за свободу», подтвердило свою прежнюю позицию. Какого иного ответа мог ожидать от Индии Черчилль, подписавший в августе 1941 года с президентом США Ф.Д.Рузвельтом Атлантическую хартию, где говорилось, что США и Великобритания «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; ...стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем», а в сентябре заявивший, что эта хартия не распространяется на Индию?

Военные успехи Японии, грозившие Британской империи катастрофой, вынудили Черчилля предпринять еще одну попытку для преодоления кризиса в отношениях Англии с Индией. Через три дня после падения Рангуна он объявил в парламенте о том, что в Индию для переговоров с лидерами всех индийских партий и общин направляется видный государственный деятель Англии, бывший британский посол в СССР Стаффорд Криппс.

22 марта Криппс прибыл в Дели, имея при себе предложения британского правительства, пышно именовавшиеся «декларацией» и касавшиеся главным образом будущего устройства Индии. Англичане обещали по окончании войны предпринять шаги к созданию «нового Индийского союза, который образует доминион, связанный с Соединенным Королевством и другими доминионами общей преданностью короне».

Для выработки новой конституции предполагалось создать орган, куда входили бы избранные депутаты от провинций и княжеств. Тем провинциям и княжествам, которые не пожелали бы войти в Индийский союз, предоставлялось право либо «сохранить свое положение в соответствии с ныне действующей конституцией», либо образовывать отдельные доминионы. До принятия же новой конституции «правительство Его Величества неизбежно должно сохранить за собой контроль над обороной Индии и нести ответственность за руководство обороной Индии».

Передавая проект «декларации» руководителям Конгресса, Криппс заявил, что они должны или одобрить текст документа без каких-либо исправлений и дополнений, или целиком отвергнуть его.

С 29 марта по 11 апреля Рабочий комитет Конгресса обсуждал предложения кабинета Черчилля. Начиная со 2 апреля председатель ИНК А.К.Азад каждый вечер вел переговоры с Криппсом. Почти во всех этих

встречах участвовал Неру. Привезенные Криппсом предложения произвели на Джавахарлала удручающее впечатление. «Это было вызвано главным образом тем, — объяснял впоследствии Неру, — что я ожидал от сэра Стаффорда Криппса чего-то более значительного, особенно учитывая тогдашнюю критическую ситуацию... Однако при ближайшем рассмотрении в них (предложениях. — Авт.) оказалось столько оговорок, а самое признание принципа самоопределения сопровождалось столькими условиями и ограничениями, что это создавало угрозу нашему будущему». Сходные мысли и чувства «декларация» вызвала у большинства руководителей ИНК.

11 апреля Криппс телеграфировал Черчиллю: «Совершенно ясно, что нет никакой надежды на достижения соглашения». В тот же день была опубликована резолюция Рабочего комитета, в которой говорилось об отказе ИНК принять предложения британского правительства. Предложения англичан отвергли и другие индийские политические партии и группировки, включая Мусульманскую лигу.

Единодушие конгрессиистских лидеров в отношении английских предложений пробудило в Джавахарлале некоторую надежду на постепенное преодоление разногласий с Ганди по вопросам тактики ИНК в условиях надвигавшейся войны с Японией.

Сам Джавахарлал считал, что если японские войска вторгнутся в Индию, индийцы должны от тактики ненасилия перейти к партизанской войне против агрессоров. «Мирный бойкот не может остановить наступающую вражескую армию», — утверждал он и при поддержке А.К.Азада призывал соотечественников оказать сопротивление японцам. «При всей моей ненависти к войне перспектива японского вторжения в Индию ничуть меня не пугала, — открыто признавался Неру в те годы. — В глубине души я даже в некотором смысле радовался этому приходу в Индию войны, сколь бы ужасной она ни была. Ибо я хотел, чтобы миллионы людей лично испытали мощную встряску, которая вывела бы их из состояния могильного покоя, навязанного нам Англией. Нужно было что-то такое, что заставило бы их взглянуть в лицо сегодняшней действительности и освободиться от прошлого, которое с таким упорством цеплялось за них».

Ганди неожиданно резко прореагировал на высказывания Неру. Он написал Джавахарлалу, что считает их ошибочными. Если линия Неру получит одобрение, предупреждал Ганди, состав Рабочего комитета будет изменен. Он также настоятельно потребовал, чтобы Неру исключал из своих выступлений всякое упоминание о партизанской войне.

Ганди уверял Джавахарлала и других лидеров Конгресса в том, что Япония враждует и ведет войну с Великобританией, а не с индийским народом. Англичане поймут, что они не в состоянии обеспечить оборону Индии, и будут вынуждены покинуть страну. Тогда индийцы сами будут защищать себя от нападения Японии или иного агрессора. По, возможно, первое, что сделает освободившаяся Индия, — это попытается убедить Японию и другие страны в полном отсутствии у нее какой-либо враждебности по отношению к ним. В случае же, если все-таки Япония нападет на Индию, а англичане не уйдут из страны, индийский народ прибегнет к методам «ненасильственного несотрудничества» с японцами и не будет препятствовать действиям британских войск.

Неру и Азад решительно возражали Ганди и поддерживавшему его Пателю, заявляя, что индийский народ должен всеми средствами оказывать сопротивление любому агрессору, вторгшемуся на землю Индии. Японские милитаристы столь же враждебно относятся к индийцам, как и британские империалисты. Приход японцев в Индию не только не принесет ее народу желанной свободы, но и приведет к тому, что индийцы получат новых властителей, может быть, даже еще более коварных и жестоких.

В эти дни Джавахарлал никак не мог избавиться от того горького чувства, которое вызвало в нем выступление С.Ч.Боса, переданное берлинским радио на Индию. Бос, таинственно исчезнувший из своего дома в Калькутте в январе 1941 года, долгое время не подавал о себе никаких вестей. И вот в марте 1942 года индийцы, имевшие радиоприемники, с изумлением услышали знакомый голос бывшего лидера Конгресса. Бос утверждал, что все враждебные Англии государства, в частности, страны оси, являются союзниками индийского народа и поэтому индийцам следует поддерживать Японию в ее вооруженной борьбе с англичанами, поработившими Южную и Юго-Восточную Азию. Выступление Боса, транслировавшееся из столицы фашистской Германии, практически ничем не отличалось от пропагандистских передач токийского радио, призывавших индийцев встречать японцев как избавителей от английского ига.

Неру был далек от того, чтобы ставить под сомнение патриотизм Боса. Но неужели Субхас не видит, что германский фашизм и японский милитаризм не менее опасны для Индии, чем британский империализм? К каким еще политическим авантюрам приведет этого незаурядного человека ослепившая его ненависть к англичанам?

...В марте 1942 года в жизни семьи Неру произошло важное событие:

дочь Джавахарлала Индира вышла замуж. Индира и ее избранник Фероз Ганди намеревались вступить в брак сразу по возвращении домой из Лондона летом 1941 года, но тогда Джавахарлал находился в тюрьме, и нежно любившая отца Индира не представляла своей свадьбы в его отсутствие. К счастью, ждать ей и Ферозу пришлось недолго. В декабре 1941 года Неру был досрочно освобожден и, давно зная Фероза, не возражал против их брака. Но перед молодой парой неожиданно возникло серьезное препятствие. Известие об их помолвке вызвало буквально целую бурю возражений, протестов и даже угроз со стороны правоверных индусов. Причиной тому были религиозные различия: Фероз происходил из семьи парсов, а все Неру были индусами. Каждый день почтальон приносил в дом Неру сотни посланий от возмущенных ортодоксов. «Иногда мне кажется, что все индийцы противятся моему замужеству», — жаловалась отцу расстроенная Индира.

И снова Джавахарлалу довелось убедиться в великодушии Махатмы Ганди, который, несмотря на частые размолвки между ними, по-прежнему продолжал неназойливо и бережно опекать Неру и его семью. Узнав о возникших сложностях, Махатма немедленно вступился за Индиру и Фероза. Заявление Ганди в их защиту было опубликовано во многих индийских газетах. «Я получил несколько злых и оскорбительных писем, в других меня просят высказаться в связи с обручением Индиры и Фероза Ганди. Никто не имеет ничего против Фероза как человека. Единственным его преступлением с их точки зрения является то, что он происходит из семьи парсов. Фероз Ганди на протяжении многих лет был близким другом семьи Неру. Во время болезни Индиры в Европе он проявил большую заботу о ней. Естественно, между ними возникла симпатия. Было бы жестоко не одобрить их помолвку», — обращался к соотечественникам Махатма. Благодаря вмешательству Ганди поток негодующих писем в дом Неру вскоре прекратился. 26 марта 1942 года в «Обители радости» состоялась свадебная церемония...

Неру, «усталый физически и обеспокоенный душевно», уступив настояниям Индиры, тревожившейся за его здоровье, проводит начало мая вместе с дочерью в долине Кулу на севере Пенджаба.

Протянувшаяся на десятки километров вдоль реки Биас, окруженная высокими горами с белыми шапками вечных снегов, утопающая в зелени смешанных лесов, фруктовых садов и рисовых полей долина Кулу — один из красивейших уголков Индии. Но не только живописной природой и на удивление ровным климатом славится Кулу. Говорят, что именно здесь родился великий эпос индийского народа «Махабхарата», в этих местах

мудрый Вьяса записал на пальмовых листьях около ста тысяч двустий о героических деяниях своих внуков.

Неподалеку от маленькой деревушки Нагар на вершине невысокой скалы стоит двухэтажный каменный дом, хозяина которого местные жители уважительно называют «Гуру» («Учитель»), Неру слышал много рассказов и не меньше легенд о русском художнике, поселившемся со своей семьей в Гималаях, читал о его удивительных, полных риска путешествиях по Центральной Азии.

Джавахарлал гостит в семье Рерихов неделю, подолгу беседует с Николаем Константиновичем, с его женой, обаятельной и деликатной Еленой Ивановной, наслаждается картинами художника, запечатлевшими красоту и величие Гималаев, позирует сыну Рерихов Святославу, загоревшемуся мыслью написать портрет Неру, вместе с ними сидит вечерами у радиоприемника, растроганно наблюдая, как напряженно и с каким волнением вслушиваются Рерихи в испещренный помехами эфир, стремясь поймать вести с далекой многострадальной Родины, сражающейся с гитлеровскими ордами.

Даже находясь в доме Рерихов, где заботливые хозяева и Индира делали, казалось, все для отдыха Джавахарлала, он ни на минуту не прекращал напряженной умственной работы. Подолгу не мог заснуть, вспоминая споры с Ганди, снова восстанавливал их в памяти, пытался отыскать уязвимые места в своих доводах, в рассуждениях Махатмы. Утром, невыспавшийся, выходил к столу и сразу ловил на себе пристальный, понимающий и дружелюбный взгляд старого художника...

20 мая 1942 года Н.К.Рерих записывает в своем дневнике: «...Неделю у нас Неру с дочкой. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра... Говорили об Индо-Русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной... Добро, добро около Пандитджи⁶⁸. Все чувствуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но и честнейший, добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни.

К доброму сердцу тянется и все доброе естество. Мечтают люди о справедливости — и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, когда народ восклицает: «Да здравствует Неру!» Идет к Пандитджи народ за советом. Добрый водитель каждому найдет одобрительное слово. Скажет о единении, о выносливости, о светлом будущем.

В нынешние лукавые, истерзанные дни народ особенно чтит честное, доброе сердце, болеющее о благе народном. Все мы, все окрестные жители добром помянут приезд Пандит Неру». И заканчивает запись старинной индийской формулой: «Шивам, Сатьям, Сундарам! (Мир, Истина, Прекрасное!)».

В конце мая Неру встретился с Ганди в его ашраме Севаграм близ Нагпура. О горячности, с которой Джавахарлал отстаивал свои взгляды и старался убедить Махатму в их обоснованности, Ганди потом с улыбкой скажет, что описать ее словами невозможно. Он слушал Неру сочувственно, порой у Джавахарлала мелькала надежда, что ему удастся привлечь Махатму на свою сторону. Но вот Ганди заговорил, и уже после первых произнесенных им фраз Неру стало ясно, что и на этот раз согласия между ними достигнуто не будет.

Махатма все еще продолжал верить в возможность достижения соглашения с правительством и не желал видеть иного метода воздействия на англичан, чем сатьяграха.

Однако на очередном заседании Рабочего комитета Джавахарлал не без удивления заметил, что в позиции Махатмы произошли некоторые изменения. Во всяком случае, прежняя уверенность Ганди в том, что англичане при неблагоприятных для них обстоятельствах пойдут на какие-то уступки Конгрессу, была поколеблена.

В течение нескольких недель руководители Конгресса работали над проектом резолюции, в которой содержалось требование о немедленном прекращении английского господства в Индии. В противном случае ИНК начинал массовую кампанию гражданского неповиновения. В проекте указывалось, что Конгресс при этом «не стремится ни в коей мере затруднять оборону Китая и России, чья свобода драгоценна и должна быть сохранена, или ослабить обороноспособность Объединенных Наций». Учитывая особую важность этой резолюции, члены Рабочего комитета решили представить ее на утверждение Всеиндийского комитета Конгресса⁶⁹, заседание которого намечалось провести 7 августа 1942 года в Бомбее. Какой-то журналист, готовя для своей газеты очерк о деятельности конгрессистов, озаглавил его «Вон из Индии!». Это броское и категоричное название и закрепилось впоследствии за резолюцией.

Неру приехал в Бомбей, сопровождаемый Индирой и Ферозом (дочь и зять уже успели хорошо зарекомендовать себя в аллахабадском отделении ИНК), и остановился в доме, принадлежавшем его сестре Кришне. С приездом Джавахарлала нарушилась дотоле спокойная, размеренная жизнь

хозяев. До поздней ночи раздавались телефонные звонки. В гостиной и на веранде постоянно толпились какие-то люди, хотевшие повидаться с Неру. Кришна жаловалась брату, что ей никак не удастся рассчитать, на какое количество гостей готовить завтрак, обед или ужин.

Заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее продолжались в течение двух дней. Вечером 8 августа состоялось голосование. Резолюция «Вон из Индии!» была одобрена подавляющим большинством конгрессистов.

Незадолго до приезда в Бомбей Неру и Азаду от верных людей, служивших в колониальной полиции, стало известно о секретном плане правительства одним ударом разделаться с руководством Конгресса. После ареста всех видных деятелей ИНК намечалось выслать в Южную Африку. Спустя несколько дней конгрессисты узнали более точный «адрес» места предстоявшего заключения: их оставят в Индии, поскольку правительству не удалось договориться с южноафриканскими властями. Ганди предполагалось держать под стражей в Пуне, на вилле бывшего руководителя Мусульманской лиги, преданного англичанам Ага-хана, остальным лидерам ИНК уготована тюрьма Ахмаднагарского форта, расположенного в трехстах километрах от Бомбея.

Полицейские приехали за Неру в пять часов утра 9 августа. Джавахарлал не спеша собрался и сел завтракать. Полицейскому офицеру, пытавшемуся было прикрикнуть на него, он вежливо, но твердо сказал, что никуда не пойдет, пока не закончит свой завтрак. Ласково поблагодарил Кришну за приготовленные ею кукурузные хлопья — это было одно из его любимых блюд, и, простившись с родными, вышел во двор, где стояла полицейская машина.

Все подходы к бомбейскому вокзалу Виктория были перекрыты шеренгами полицейских, пропускавших только машины с арестованными. Паровоз с несколькими вагонами стоял под парами. Последними на вокзал привезли Неру и Ганди, который, кстати, до последней минуты не верил, что власти решатся арестовать руководителей ИНК. Как только Джавахарлал вошел в вагон, поезд тронулся. К четырем часам дня двенадцать членов Рабочего комитета были доставлены в Ахмаднагарский форт. В его стенах Джавахарлалу предстояло провести 1040 дней.

Глава XI

*Взлетит наш стяг в простор.
Преграды рухнут. Путь открыт...*

Рабиндранат Тагор

Во второй половине XVI века третий из Великих Моголов, император Акбар, покоривший север Индии и сломивший сопротивление княжеств, расположенных в центральных районах Индостана, подступил со своим войском к стенам Ахмаднагара. Стойкость и храбрость жителей города, от мала до велика взявших в руки оружие, поразили Акбара, умевшего по достоинству оценить эти качества. Когда же он узнал, что обороной города руководила женщина — правительница Ахмаднагара Чанд Биби, восхищенный Акбар даровал горожанам почетный мир. Многих неприятелей останавливали прочные каменные стены Ахмадвагарского форта...

Кому первому пришла в голову мысль использовать форт в качестве тюрьмы, сказать трудно, но уже в годы первой мировой войны англичане упрятывали сюда арестантов, местонахождение которых по ряду причин должно было храниться в тайне. Узники содержались в глухих казематах, в которых когда-то под самым потолком были узкие окошки, ныне плотно замурованные. Казематы выходили во внутренний двор, протянувшийся от стены до стены на полсотни метров. Земля во дворе потрескавшаяся. В углу двора затаилось единственное чахлое деревце с пожухлыми листьями.

Зрелище безрадостное, кого угодно ввергнет в состояние беспросветного уныния, но только не Джавахарлала. Не успели еще узники осмотреться на новом месте, а Неру уже предлагает разбить во дворе несколько цветочных клумб и ошеломляет вежливой просьбой надзирателя-англичанина позаботиться о семенах... Отныне каждое утро после завтрака заключенные конгрессисты под руководством Джавахарлала старательно вскапывают каменистую почву. Даже мрачноватый Патель, поначалу взиравший на их старания со скептической усмешкой, в конце концов не выдерживает и присоединяется к товарищам.

Завтракают в восемь часов утра, в знойные дни собираются обычно в камере Азада, беседуют, спорят. Когда спадает жара, выходят во двор и

продолжают вскапывать землю. В восемь вечера повар-англичанин (все тюремщики — английские военнослужащие, индийцев к форту не подпускают) приносит обед. Готовит он скверно, и качество приготовленных им блюд — частая тема для шуток за столом. Часов до десяти опять разговаривают, строят планы на будущее, высказывают догадки о том, что происходит за стенами форта. Узникам запрещена переписка, газеты к ним не поступают, надзиратели молчат, и попытки вывести что-то у них заканчиваются безуспешно.

Только через месяц после ареста администрация тюрьмы разрешила заключенным переписку. Вскоре Кришна получила письмо от брата и по надписи на конверте «где-то в Индии, но не в аллахабадской «Обители радости» поняла, что Джавахарлал находится на родине, а не за ее пределами, как утверждали в те дни многие.

Надзиратель стал приносить конгрессистам газету «Таймс оф Индия». Как-то Азад попросил его подобрать номера газеты, вышедшие за то время, когда конгрессисты были лишены возможности ее читать. Тюремщик выполнил просьбу Азада, и тогда Неру и его товарищи узнали о событиях, которые произошли в Индии уже после их ареста...

...Поезд с арестованными еще не успел отойти от перрона бомбейского вокзала, а улицы города уже были заполнены толпами возмущенных людей. Они окружили вокзал, а когда выяснилось, что поезд отправлен, бросились громить близлежащие полицейские участки. Забастовали рабочие, закрылись магазины и лавки. В течение двух-трех дней волнения охватили Соединенные провинции, Бенгалию, Бихар и другие районы Индии. Взрыв протеста бомбейцев против ареста руководителей Конгресса вылился в повсеместные массовые антиимпериалистические выступления индийцев. Некоторые журналисты поспешили назвать эти выступления «августовской революцией», однако революции в Индии не произошло, да и не могло тогда произойти. Власти были наготове. Колониальные войска, усиленные спешно переброшенными в Индию воинскими подразделениями регулярной британской армии, быстро и жестоко подавили неорганизованные и разрозненные волнения в городах и деревнях. В карательных операциях участвовала даже авиация. Толпы безоружных людей, изумленно взиравших на диковинных «птиц», безжалостно обстреливались с воздуха. Только по официальным данным британского правительства, в стране было арестовано более шестидесяти тысяч индийцев, около тысячи человек убито. Даже если судить по этим явно заниженным цифрам, поднаторевшие в карательных акциях против мирного населения колонизаторы на этот раз превзошли самих себя...

Когда чувства негодования и горечи, владевшие узниками Ахмаднагарского форта, немного притупились, между Неру, Азадом и убежденными сторонниками ненасилия разгорелись жаркие споры. Гандисты настаивали на том, что исход августовских событий мог стать иным, если бы выступления индийцев проходили организованно, а участники уличных демонстраций и митингов не допускали бы насильственных действий. Неру напоминал им, что хотя все они, члены Рабочего комитета, многократно говорили о подготовке новой массовой антиколониальной кампании, сделано ими было очень мало. Расчеты Ганди на то, что колонизаторы перед лицом военной угрозы со стороны Японии не решатся начать репрессии против Конгресса и других политических партий, во оправдались.

— Внезапные, неорганизованные демонстрации и выступления населения, выливавшиеся в кровопролитные столкновения с превосходящими и хорошо вооруженными войсками, являлись показателем настроений, охвативших население, — доказывал Джавахарлал во время одного из споров. — Эти настроения существовали и до нашего ареста, но аресты и частые расстрелы демонстраций, следовавшие за ними, вызвали гнев народа... В момент возбуждения немногие способны размышлять; они действуют под влиянием длительно подавлявшегося побуждения, которое влечет их вперед... Но толпы народа не подготовились к схватке, и не они выбрали момент для нее. Борьба началась неожиданно для них, и в своем отношении к ней, каким бы необдуманном и ошибочным оно не было, народ показал свою приверженность делу свободы Индии и свою ненависть к иностранному господству.

Азад, Саид Махмуд слушали Джавахарлала одобрительно, лица остальных не выражали ни согласия, ни протеста. После того как Неру кончил говорить, конгрессисты некоторое время молчали, раздумывая над его словами. Даже Патель, обычно не отказывавший себе в удовольствии время от времени довольно зло подшучивать над Неру, на сей раз воздержался от своих колких и далеко не всегда уместных шуток. Больше в тот вечер не спорили. Около десяти часов попрощались и разошлись по своим камерам.

На протяжении многих месяцев ежедневная газета «Таймс оф Индия» оставалась единственным источником информации для узников Ахмаднагарского форта. Свидания с родственниками были запрещены, тюремщики тщательно вымарывали из писем все, что, по их мнению, могло относиться к политике.

Из газеты Неру узнал о выдающихся победах Красной Армии под

Сталинградом и под Курском, где в 1943 году был фактически предрешен исход второй мировой войны. Радовало Неру и то, как настойчиво и последовательно боролось Советское государство за демократические принципы послевоенного устройства мира, заявляя, в частности, о необходимости предоставления освобожденным народам полного права самим решать вопрос об их государственном устройстве.

Десятки, сотни тысяч людей отдавали свои жизни в борьбе с фашизмом, жертвуя самым дорогим во имя благороднейших целей — мира, свободы и прогресса человечества. А чем можно оправдать страшную, бессмысленную трагедию трех с половиной миллионов индийцев, павших не на полях сражений, не от пуль и снарядов, а умерших в муках от голода в своих домах, на улицах городов и деревень?

Англичане всячески старались избегать упоминаний о голоде, охватившем в последние месяцы 1943 года Бенгалию, восточные и южные районы Индии, но масштабы постигшей индийцев катастрофы были столь велики, что сообщения о ней просочились на страницы индийской и мировой печати. Гневу и возмущению Неру не было предела. Всю вину за случившееся он прямо возлагал на колониальный режим: «Голод был прямым результатом военных условий и беззаботности, полного отсутствия предвидения у тех, кто стоял у власти...» «Если даже посмотреть на дело с точки зрения интересов ведения войны, то следовало бы учесть, что этот голод разразился на той самой территории, которая была ближе всего расположена к театру военных действий и к району возможного вторжения... Так выполняло правительство Индии свои обязанности по обороне Индии и ведению войны против японских агрессоров».

В апреле 1944 года Неру начал работать над новой книгой. Поначалу он мыслил ее как продолжение «Автобиографии», и ранее им было уже написано несколько глав, в которых рассказывалось о событиях с сентября 1935 года, когда после освобождения из алморской тюрьмы Джавахарлал спешно выехал в Европу к больной жене.

Он писал о последних днях Камалы, заново испытывая все те чувства, пережитые им восемь лет назад, и с грустью удивлялся их непреходящей остроте. Посвятив памяти жены самые лиричные и, пожалуй, самые яркие в художественном отношении строки, он на какое-то время прекратил работу, словно опасаясь того, что последующие написанные им страницы заслонят бесконечно дорогой для него образ, и вернулся к книге только тогда, когда ощутил потребность рассказать о столь же близкой его сердцу и столь же пылко любимой им Матери-Индии.

Товарищи Джавахарлала по заключению не только одобрили его замысел, но и изъявили готовность помочь ему в работе над книгой. Великолепная память и исключительная эрудиция А.К.Азада, Г.Б.Панта и других конгрессистов во многом помогли Неру за необычайно короткий срок — пять месяцев! — создать его самое значительное и совершенное по форме произведение, которому он дал точное и емкое название — «Открытие Индии».

Джавахарлал, отказавшись от первоначального замысла, решил обратиться к прошлому родины, выяснить для самого себя и показать соотечественникам, в чем сила Индии и где таится ее слабость, раскрыть тайну ее жизнеспособности, величия, мудрости и отыскать ключ к пониманию причин, которые приводили ее к периодам упадка, отсталости, косности. Меньше всего он стремился написать историю Индии. О главных этапах ее прошлого он уже рассказывал в письмах к дочери, о событиях последних десятилетий — в «Автобиографии».

Некогда, в юные годы, ему попалось на глаза высказывание Ницше: «Не только мудрость веков, но и их безумие вспыхивает в нас. Быть наследником — это опасно». Модного тогда увлечения немецким философом Неру не разделял, настороженно относясь к его идее «избранной сильной личности». Позднее он еще больше утвердился в своем негативном отношении к ницшеанству, увидев, какое уродливое и страшное воплощение оно получило в расистских членоконенавистнических теориях фашизма.

Высказывание, однако, запомнилось Джавахарлалу своей афористичностью, а содержащееся в нем предостережение вызывало сильное желание оспорить его. «Наследником чего я являюсь? — спрашивал себя Неру и с уверенностью, на которую ему давал опыт прожитых лет, отвечал: — Наследником всего, чего человечество достигло за десятки тысячелетий, всего, о чем оно помышляло, что оно чувствовало, от чего страдало и чему радовалось, кликов его торжества и горьких мук поражения, этого удивительного подвига человечества, который начался так давно и все еще длится, маня нас за собой. Вместе со всеми людьми я являюсь наследником всего этого и многого другого».

О мудрости прошлого своей родины, о ее великом неиссякаемом духовном наследии, осмысленное, разумное применение которого к настоящему и будущему жизненно необходимо для индийского народа, писал Неру в своей книге.

Он рассказывает о недавно обнаруженных в долине реки Инда, на северо-западе страны, памятниках, которые доказали существование более

пяти тысяч лет назад высокоразвитой цивилизации, не только не уступавшей цивилизации Персии, Месопотамии, Китая и Египта, во и в чем-то превосходившей их. Ни социальные потрясения, ни частые вторжения многочисленных завоевателей, будь то персы или греки, не могли воспрепятствовать формированию и развитию богатейшей и самобытной индийской культуры, оказавшей огромное влияние на духовную жизнь народов всей Азии. Индийские ученые еще в древности обогатили мировую науку выдающимися открытиями в области математики, астрономии, медицины, металлургии. Только талантливому и трудолюбивому народу было под силу создание такого выразительного и гибкого языка, как санскрит. Джавахарлал с удовлетворением приводит слова известного советского ученого, академика Ф.И.Щербатского, который назвал грамматику санскрита «одним из величайших творений человеческого разума».

Неру искусно проводит читателя через лабиринты прошлого Индии, увлеченно, занимательно и доступно повествуя о самом сложном и противоречивом, мастерски воссоздавая портреты выдающихся соотечественников, «властителей дум и действия», — Будды, Махавиры, Калидасы, Рамакришны, Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, Тилака, Гокхале, Тагора, Ганди и многих других.

Главное, что видит Неру, а вместе с ним и читатель, в истории Индии, — это то, что «стремление к свободе и независимости всегда существовало так же, как и отказ покориться иноземному господству». Это стремление не угасло и в самый тяжелый и болезненный для Индии период — в годы британского колониального владычества.

В «Открытии Индии» Неру снова обращается к событиям последних десятилетий, очевидцем и участником которых он являлся и о которых уже рассказывал в «Автобиографии». Теперь, по прошествии десяти лет после ее написания, он ощущает потребность еще раз проследить тот долгий извилистый путь, по которому следовали борцы за независимость Индии, с позиций сегодняшнего дня разобраться в причинах успехов и поражений освободительного движения. Вывод, к которому приходит Неру, глубоко оптимистичен: как никогда близок час освобождения страны. И когда этот час наступит, пишет Джавахарлал, «исполненные гордости за свое индийское наследие, индийцы откроют свой ум и сердце другим народам и нациям и станут гражданами этого широкого и чарующего мира, участвуя вместе с другими народами в начавшихся еще в древности исканиях, пионерами которых были их предки».

В апреле 1944 года газеты сообщили об ухудшении самочувствия Ганди, содержавшегося под арестом на вилле Ага-хана в Пуне. Двумя месяцами раньше умерла жена Махатмы Кастурба, с которой он в мире и согласии прожил шестьдесят два года. Сильно пошатнула его здоровье и трехнедельная голодовка, перенесенная им весной 1943 года. Тогда власти не сомневались в том, что семидесятичетырехлетний Ганди не выдержит голодовки, они даже распорядились заготовить сандаловые поленья для его кремации... Обследовавший Ганди врач написал вице-королю докладную записку, в которой, перечислив недуги Махатмы — малокровие, неустойчивое кровяное давление и прочее, — утверждал, что дни его сочтены. Новый вице-король лорд Уэйвелл, сменивший Линлитгоу в октябре 1943 года, не желая в первые месяцы своего правления брать на себя ответственность за смерть столь популярного в Индии, да и во всем мире, человека, приказал освободить Ганди.

К весне 1945 года вторая мировая война вступила в свою завершающую стадию. В Европе под мощными ударами Красной Армии рушились последние бастионы германского фашизма. На Крымской конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании — Советское правительство, верное союзническому долгу, обещало начать военные действия против милитаристской Японии. В Южной и Юго-Восточной Азии в результате наступательных операций, предпринятых американскими войсками на островах Тихого океана, а английскими — в Бирме, военная ситуация также изменилась в пользу союзников. «Угроза японцев Индии фактически миновала», — доносил Черчиллю главнокомандующий англоамериканских войск в этом районе лорд Маунтбэттен.

Английское правительство было вынуждено освободить находившихся в заключении с августа 1942 года лидеров Индийского национального конгресса. Теперь, когда победа над фашизмом и милитаризмом была близка, предъявленные Черчиллем в адрес конгрессистов обвинения «в агрессивной политике», в «подстрекательстве к бунтам и беспорядкам», что, как он громогласно утверждал, «могло сорвать все военные усилия Индии перед лицом угрозы японского вторжения», звучали по меньшей мере смехотворно.

28 мая власти перевели Джавахарлала и его товарищей из Ахмаднагарского форта в обычные провинциальные тюрьмы, а 15 июня все руководители ИНК были уже на свободе.

«Индия изменилась, и за ее внешним спокойствием скрывались сомнение и недоумение, разочарование и гнев, а также сдерживаемая

страсть. С нашим освобождением из тюрьмы и новым поворотом событий обстановка изменилась. Гладкая поверхность покорибилась, и на ней появились трещины. Волны возбуждения прокатились по стране; после трех лет народ прорвал оболочку сдержанности. Я никогда раньше не видел таких огромных толп, такого лихорадочного возбуждения, такого страстного стремления народных масс к освобождению», — писал Неру в летние месяцы 1945 года.

Обстановка в стране накалялась: сокращение военного производства привело к массовым увольнениям рабочих угольной, текстильной, металлургической промышленности; из-за низкого урожая не хватало продовольствия, цены на товары первой необходимости возросли в несколько раз. Все это вызвало вспышку новых антианглийских выступлений рабочих Бомбея, Калькутты, Мадраса.

Наряду с экономическими лозунгами об улучшении условий их жизни и труда индийцы решительно требовали немедленного предоставления Индии независимости.

Обеспокоенное британское правительство вызвало в Лондон для консультаций вице-короля Индии лорда Уэйвелла. По его возвращении в Индию в Симле была созвана конференция, на которую Уэйкелл пригласил руководителей Конгресса, Мусульманской лиги и других политических партий страны.

Незадолго до открытия конференции вице-король встретился с председателем ИНК А.К.Азадом. Уэйвелл, любивший в доказательство того, что и ему, человеку военному, не чужды высокие материи, щегольнуть цитатой из Канта, не отличался, однако, дипломатическими способностями. Он по-солдатски, без обиняков заявил Азаду, что пока никакие радикальные конституционные изменения в Индии невозможны. «Война еще продолжается, а Япония остается грозным противником, — говорил вице-король. — При таком положении британское правительство не может пойти на какой-либо слишком решительный шаг. Следует дождаться окончания войны; однако кое-что можно предпринять уже сейчас: реорганизовать Исполнительный совет при вице-короле, куда вошли бы одни индийцы, а я бы, со своей стороны, постарался обеспечить такое положение, при котором вице-король всегда действовал бы по рекомендации этого органа». Испытующе глянув единственным глазом на непроницаемое лицо Азада, Уэйвелл добавил, что, по его мнению, именно теперь необходимо достижение взаимопонимания между Конгрессом и Мусульманской лигой.

Азад выразил сомнение в возможности какого-либо соглашения с

лигой и заметил, что отказ Джинны сотрудничать с Конгрессом, по-видимому, объясняется уверенностью руководителей лиги в поддержке британским правительством их сепаратистских настроений. Уэйвелл поспешил заверить председателя ИНК, что правительство Англии сохраняет и будет сохранять нейтралитет в данном вопросе.

24 июня состоялось заседание Рабочего комитета ИНК, на котором присутствовал Неру. Выслушав сообщение Азада о беседе с вице-королем, конгрессисты решили принять участие в работе конференции и добиться от вице-короля ясных ответов на следующие вопросы: будет ли решение Исполнительного совета, то есть фактического национального правительства Индии, обязательным для вице-короля или он сохранит за собой право вето? Смогут ли руководители ИНК осуществлять контакты с армией, «отделенной от народа высокой стеной»? И, наконец, будет ли предоставлено право окончательного решения вопроса об участии Индии в войне с Японией избранному индийским народом Учредительному собранию?

На следующий день конференция в Симле начала свою работу, и уже на первом заседании между ее участниками выявились серьезные разногласия. Пока лорд Уэйвелл со своими советниками подыскивал обтекаемые формулировки для ответа конгрессистам, Джинна потребовал, чтобы право выдвигать кандидатуры мусульман в Исполнительный совет принадлежало только Мусульманской лиге. Неру и Ганди решительно возразили ему, поскольку принятие этого требования делало бы невозможным участие в правительстве конгрессистов-мусульман и среди них нынешнего председателя ИНК, истинного патриота Индии А.К.Азада.

Из-за непримиримой позиции Джинны никакой договоренности на конференции достичь не удалось. Неру было горько сознавать, что на этот раз переговоры потерпели неудачу не столько из-за интриг колонизаторов, сколько из-за внутренних религиозно общинных разногласий. Чувство горечи усиливалось, когда Джавахарлал вспоминал, с каким злорадством следили англичане за яростными спорами сидевших за столом друг против друга конгрессистов и деятелей Мусульманской лит, индусов и мусульман — представителей одной нации, некогда живших в духе религиозной терпимости и внутреннею согласия между общинами.

Конференция в Симле проходила в одно время с парламентскими выборами в Великобритании. Консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, и правительство Черчилля подало в отставку. Резиденцию премьер-министра на лондонской Даунинг-стрит, 10 занял лидер победившей на выборах лейбористской партии Клемент Эттли.

Лидеры ИНК с нетерпением ждали того дня, когда новое правительство Великобритании огласит принципы своей политики в отношении Индии. Азад направил Эттли поздравительную телеграмму, в которой выражал надежду, что лейбористы предоставят Индии самоуправление, о чем они часто твердили, находясь в оппозиции к правительству консерваторов. Неру была не по душе затея с телеграммой, и он пытался отговорить Азада от этого шага, выражая сомнение в возможности радикальной перемены политического курса метрополии. Его сомнения не рассеялись и тогда, когда он прочитал туманные строки ответного послания Эттли, обещавшего приложить «все старания, чтобы достигнуть правильного разрешения индийской проблемы».

И вот 15 августа правительство Эттли объявило, что будет содействовать предоставлению Индии «полного самоуправления». Месяцем позже оно опубликовало декларацию, в которой сообщалось, что в период с ноября 1945 по апрель 1946 года в Индии будут проведены выборы в центральное и провинциальные законодательные собрания. После выборов будет сформирован учредительный орган по выработке новой конституции страны. И в первом, и во втором случае англичане тщательно избегали упоминать слово «независимость». Это не могло не настораживать индийских лидеров. Неру охарактеризовал предложения британского правительства как «неопределенные и не отвечающие требованиям» индийского народа.

Недовольство индийцев половинчатыми решениями лейбористского кабинета, явно рассчитывавшего выиграть время для продления британского владычества в стране, вскоре сменилось массовыми проявлениями откровенной вражды к англичанам. Поводом для этого послужил организованный колонизаторами в первые недели после капитуляции милитаристской Японии судебный процесс над тремя офицерами так называемой «Индийской национальной армии» (ИНА).

К тому времени Неру и другим лидерам Конгресса были уже известны обстоятельства возникновения ИНА. Знали они и о трагической судьбе ее создателя, их бывшего товарища Субхаса Чандра Боса.

В 1943 году около двадцати тысяч индийских солдат и офицеров — участников боев в Малайе и Сингапуре — оказались в лагерях для военнопленных, устроенных японцами в Бирме и Малайе. Из этих индийцев Бос, объявивший себя главой «временного правительства Свободной Индии», целью которого, по его словам, было освобождение родины от англичан, сформировал армию. Индусы, мусульмане, сикхи, забыв о религиозных различиях, охотно шли к Босу, привлеченные его

страстными призывами к борьбе за свободу Индии. Сам Бос искренне верил в то, что японцы помогут «Индийской национальной армии» разбить англичан, а потом покинут Индию, предоставив индийскому народу право самому решать свою судьбу. Своей непоколебимой верой Бос заражал соотечественников. В начале 1944 года подразделения ИНА вступили в бой с английскими войсками в горах Ассама на восточных границах Индии. Армия Боса потерпела поражение. Многие ее солдаты попали тогда в плен к англичанам. С.Ч.Бос погиб в авиационной катастрофе в августе 1945 года.

Известие о гибели Боса опечалило Джавахарлала. Прежние размолвки с Субхасом, взаимные обиды казались теперь Неру мелкими и незначительными. Думалось о другом: о детской впечатлительности Боса, о его душевной ранимости, о фанатичной любви его к родине, ради свободы которой он был готов пожертвовать своим добрым именем. Сознавая всю ошибочность взглядов Боса, Неру вместе с тем резко протестовал против попыток изображать деятельность Субхаса только в черных красках. Джавахарлала поддерживали Азад и Ганди. Махатма посвятил Босу статью, в которой утверждал, что Бос преподал Индии «урок самопожертвования».

В ноябре 1945 года руководство Конгресса опубликовало в газетах сообщение о том, что оно берет обвиненных «в ведении войны против английского короля-императора Индии» офицеров ИНА под свою защиту.

Впервые за долгие годы Джавахарлал надел на себя черную адвокатскую мантию: он возглавлял группу защитников на процессе. «Каковы бы ни были их просчеты и ошибки — это хорошие молодые люди, — заявил Неру на суде. — Главное, что ими двигало, была любовь к свободе Индии».

В дни суда в Калькутте состоялись многотысячные демонстрации протеста, участники которых — студенты, служащие, ремесленники, мелкие торговцы — требовали освобождения всех содержащихся в заключении солдат и офицеров ИНА. Массовые демонстрации прошли также в Бомбее, Мадрасе и других городах Индии. Такой ход событий заставил организаторов суда отказаться от первоначального намерения — вынести всем обвиняемым смертные приговоры. Сподвижники Боса были приговорены к пожизненной ссылке, а позднее были амнистированы указом вице-короля.

Волнения в Индии не прекращались. Усилилось забастовочное движение, причем стачки на заводах и фабриках все чаще принимали политический антиколониальный характер и проводились под лозунгом «Вон из Индии!». Крестьяне Пенджаба, Бихара, Соединенных провинций

вели борьбу против произвола помещиков и ростовщиков.

Утром 18 февраля 1946 года в Бомбее вспыхнуло восстание моряков Королевского индийского флота, поддержанное вскоре матросами кораблей, стоявших в портах Карачи, Мадраса и Калькутты. Восставшие требовали прекращения оскорблений и издевательств со стороны британских офицеров, срывали с мачт английские флаги и поднимали знамена Конгресса и Мусульманской лиги. Над некоторыми кораблями развевались красные флаги.

Срочная шифровка вице-короля Индии, в которой сообщалось о беспорядках на флоте, вызвала в Лондоне панику. Деятели Уайтхолла, до той поры не выражавшие особых опасений по поводу лояльности индийской армии к правительству, заметались в поисках срочных мер. Уже 19 февраля в британском парламенте было объявлено, что в Индию для переговоров с лидерами политических партий страны по вопросам ее будущего государственного устройства направляется правительственная миссия во главе с министром по делам Индии и Бирмы лордом Петтик Лоуренсом. Одновременно кабинет Эттли принял экстренные решения: послать в Индию дополнительные войсковые части и «укрепить» состав индийского флота английскими матросами и офицерами.

Положение руководителей ИНК было весьма сложным. Восставшие просили у них помощи, но открытое одобрение действий моряков и оказание им помощи и поддержки означало бы отказ от переговоров с правительством Великобритании, что, в свою очередь, неизбежно привело бы к вооруженным столкновениям между индийцами и англичанами. И тогда снова насилие с его жертвами и страданиями... В Бомбей срочно выехал Патель. Он встретился с руководителями восставших и, признав справедливыми их протесты против дискриминации и обещав от имени ИНК защиту от возможных репрессий, настаивал на прекращении выступлений на флоте, поскольку насильственные действия могут свести на нет все усилия Конгресса добиться освобождения Индии мирным путем. Отказались поддержать восставших и лидеры Мусульманской лиги. 23 февраля моряки Королевского индийского флота подняли на своих кораблях черные флаги, означавшие отказ от продолжения борьбы.

В последнюю неделю марта 1946 года в Индию прибыла миссия Петтик Лоуренса, а спустя еще несколько дней стали известны результаты выборов в центральные и провинциальные законодательные собрания, проводившиеся с ноября 1945 года. Индийский национальный конгресс одержал внушительную победу, собрав абсолютное большинство голосов по индусской курии во всех провинциях, и таким образом подтвердил, что

продолжает оставаться самой популярной и влиятельной политической партией страны.

Успех Конгресса на выборах радовал и воодушевлял Джавахарлала. Именно теперь, по его убеждению, индийцам надлежало показать англичанам, что урегулирование всех спорных проблем в отношениях между двумя странами возможно только в том случае, если британское правительство готово предоставить Индии независимость. Председатель ИНК А.К.Азад высказывался менее категорично: на него довольно сильное впечатление произвело недавнее заявление Эттли по поводу положения в Индии, в частности, слова премьер-министра о том, что «всякая попытка придерживаться старых методов приведет не к разрешению вопроса, а к безвыходному положению». Но и Неру, и Азада, и других руководителей Конгресса беспокоило то, что между ИНК и Мусульманской лигой по-прежнему сохранялись серьезные разногласия по вопросу о будущем страны. В период избирательной кампании Джинна везде, где бы он ни выступал, постоянно подчеркивал, что противником индийцев-мусульман является не английское правительство, а партия Индийский национальный конгресс, выражающая интересы только индусского населения.

Вообще Джинна нередко озадачивал даже своих союзников. Рьяный поборник раздела Индии, открыто симпатизировавший Джинне первый лорд адмиралтейства, военно-морской министр Англии Э.В.Александр как-то после беседы с ним написал в дневнике, что ему никогда ранее не доводилось встречать человека, с таким старанием уходившего от прямых ответов на конкретные вопросы. Когда тот же Александр поинтересовался у руководителя Мусульманской лиги, как тот мыслит себе процесс образования и государственное устройство Пакистана, Джинна, к его глубочайшему удивлению, не смог дать сколько-нибудь вразумительного ответа. Если англичанам, поддерживавшим лигу и поощрявшим сепаратистские настроения ее лидера, было далеко не просто вести переговоры с Джинной, то конгрессистам, которых тот считал своими противниками и которые тем не менее не теряли надежд на достижение какой-то договоренности с лигой, чтобы не допустить раздела страны, приходилось несравненно труднее.

За время знакомства Неру с Джинной не раз возникали ситуации, когда Джавахарлала охватывало чувство раздражения и неприязни к этому внешне надменному и холодному человеку. Однако в глубине души Неру всегда относился к нему с сочувствием, будучи одним из тех немногих, кто знал о семейной драме Джинны.

Джинне было уже за сорок, когда он, рискуя навлечь на себя гнев

сородичей-мусульман, женился на красивой восемнадцатилетней девушке из секты парсов. Он боготворил свою избранницу. Вскоре у них родилась дочь, и тогда произошло неожиданное: жена покинула Джинну. Он потерял покой и отчаянно пытался добиться возвращения любимой женщины. И вот, когда Джинне уже казалось, что он снова обретает ее расположение, ему сообщили о ее внезапной кончине. Врачи утверждали, что причиной смерти был перитонит... Спустя несколько лет недобрая судьба нанесла Джинне еще один тяжелый удар: его дочь, на которую он после смерти жены излил всю свою нежность, вышла замуж против его желания... Многое в его противоречивом, суровом, характере Неру был склонен объяснять теми трагическими потрясениями, которые произошли в личной жизни руководителя Мусульманской лиги.

5 мая в Симле начались переговоры миссии Петтик Лоуренса и вице-короля с лидерами ИНК и Мусульманской лиги. До этого в течение шести недель члены миссии для выяснения политической обстановки в стране встречались отдельно с представителями основных партий и группировок.

В делегацию Конгресса, возглавляемую Азадом, входили Неру, Патель и Абдул Гаффар-хан. Лигу на переговорах представляли Джинна, Лиакат Али-хан (впоследствии он станет премьер-министром Пакистана) и еще два мусульманских деятеля из Северо-Западной пограничной и Соединенных провинций.

От внимательного взора Джавахарлала не укрылось то, что делегаты лиги даже несколько переигрывали, стремясь продемонстрировать свое высокомерное отношение к конгрессистам. Перед началом заседаний Джинна с вежливой улыбкой приветствовал англичан, подчеркнуто сухо здоровался с Неру и Пателем и делал вид, что не замечает конгрессистов-мусульман Азада и Гаффар-хана.

Англичане сразу торжественно объявили, что целью миссии является содействие «быстрой реализации полного самоуправления в Индии», однако выдвинутые ими предложения, по существу, немногим отличались от той «декларации», которую правительство Черчилля пыталось навязать индийцам в 1942 году.

Семь дней переговоров ушло на обсуждение предложений миссии и на выяснение позиций Конгресса и Мусульманской лиги. Джинна, утверждая, что индийские мусульмане «не примут никакого устройства, неизбежным результатом которого будет создание правительства с индуcским большинством», требовал образовать из провинций с мусульманским большинством отдельное государство. Азад и Неру приводили слова Ганди о том, что в такой стране, как Индия, возможна лишь конституция,

основанная на принципах федерации. Руководители лиги высказывали недоверие к будущему центральному правительству, в котором большинство, естественно, будет принадлежать индусам — преобладающей части населения страны. Они опасались вмешательства центра в дела провинций с мусульманским большинством. Конгрессистские лидеры, чтобы снять подобные опасения, выразили готовность предоставить этим провинциям полную свободу во внутренних делах и обеспечить их участие в деятельности центральных правительственных учреждений. Однако Джинна оставался глух к доводам конгрессистов.

Члены английской миссии, переговариваясь между собой, пришли к единому мнению, что Конгресс намеревается главенствовать в правительстве и будет всеми средствами подрывать влияние Англии в Индии. Военно-морской министр Александер удивил поглощенных раздумьями коллег своеобразным умозаключением. Почти все время он угрюмо молчал, а потом вдруг встал и с солдатской решимостью выпалил: «Англичане не впали в панику при Дюнкерке, не впадут в панику и теперь!» Члены миссии уныло переглянулись друг с другом. Желавших прокомментировать заявление Александера не нашлось: присутствовавшим было хорошо известно, что именно при Дюнкерке летом 1940 года британская армия потерпела сокрушительное поражение, а спешная эвакуация ее уцелевших подразделений с французского побережья превратилась в паническое бегство от наступавших немецких войск.

В течение семи дней, пока в Симле шли переговоры, Джавахарлала не покидало беспокойное ощущение того, что то главное, ради чего они здесь, собственно, и собрались, увязает в трясине заумных рекомендаций и головоломных формулировок. Иногда у него даже создавалось впечатление, что некоторые участники переговоров настолько увлечены спорами о создании и устройстве политического механизма для разрешения основной проблемы, что сразу и не вспомнят, какая это проблема.

Как первая, проходившая год назад, так и вторая конференция в Симле закончились безрезультатно. Однако это не слишком заботит англичан. Непрекращающиеся раздоры между двумя крупнейшими политическими партиями Индии только на руку колонизаторам, продолжающим проводить старую политику с ее классическим по цинизму принципом — «разделяй и властвуй». Втайне разжигая рознь между индусами и мусульманами, британские правители без тени смущения твердят теперь о том, что единственным препятствием к независимости Индии являются религиозно-общинные разногласия внутри самой страны, чреватые «насилием, хаосом

и даже гражданской войной».

16 мая премьер-министр Англии К.Эттли в палате общин огласил новые конституционные предложения, подготовленные в результате миссии Петтик Лоуренса. Британское правительство «рекомендовало» создать «Индийский союз, включающий Британскую Индию и княжества, который должен решать вопросы внешней политики, обороны и связи и располагать для этого необходимыми финансами». Решение всех остальных вопросов возлагалось на правительства провинций и княжеств, которые получали широкую автономию. Провинции Индии разделялись на три группы: области с индусским большинством (Мадрас, Бомбей, Соединенные и Центральные провинции, Орисса, Бихар), северо-западные и северо-восточные области, где преобладали мусульмане. Каждая из этих групп образует свое правительство и разрабатывает собственную конституцию. (Известный буржуазный историк М.Бречер позднее признавал, что это предложение предусматривало «группирование районов, при котором Пакистан как бы протаскивался с черного хода, хотя внешне сохранялась видимость объединенной Индии».) Учредительное собрание, выборы в которое проводились по индусской, мусульманской и сикхской куриям, должно было разработать конституцию Индийского союза. Англичане также предлагали создать временное правительство на основе реорганизации вице-королем его Исполнительного совета, которое бы пользовалось «поддержкой всех основных политических партий».

В конце мая Конгресс опубликовал заявление по поводу предложений британского правительства. Конгрессисты воздерживались выносить окончательную оценку этим предложениям, однако в заявлении отмечалось, что «в дебрях ограничений, оговорок, предохранительных статей... трудно увидеть ясную и полную картину свободной и независимой Индии». При согласовании текста заявления на заседаниях Рабочего комитета высказывались различные мнения, но главный спор возник между Ганди, утверждавшим, что план англичан для Индии — «залог превращения этой страны горя в страну без горя и страдания», и Неру, который не переставал сомневаться в искренности намерений правительства Эттли, неустанно повторявшего о желании Англии как можно скорее предоставить независимость Индии. Очевидно, разногласия между двумя крупнейшими лидерами ИНК и определили несколько уклончивый характер официального заявления.

Руководство Мусульманской лиги одобрило английские предложения, заявив, что они не исключают возможности создания суверенного Пакистана.

7 июля 1946 года в Бомбее состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса, на котором председатель ИНК А.К.Азад призвал принять майские предложения. Он уверял собравшихся в том, что Конгресс одержал крупную победу. Независимость близка и будет достигнута «без насилия и кровопролитного восстания». «Удовлетворение англичанами национального требования Индии, — восклицал Азад, — в результате переговоров и пропаганды ненасилия является беспрецедентным... Нация, насчитывающая 400 миллионов человек, приобретает независимость не в результате военных действий, а посредством совещаний, переговоров и урегулирования разногласий. Уже на одном этом основании было бы безумием недооценивать нашу победу». Слушая выступление друга, Неру без труда улавливал в его словах знакомые интонации Ганди. Мнение Махатмы, предпочитавшего тактику компромиссов стратегии борьбы, на этот раз оказалось решающим: большинство конгрессистов проголосовало за резолюцию, в которой говорилось, что майские предложения принимаются в качестве основы для разработки конституции Индии.

Всеиндийскому комитету ИНК предстояло избрать нового председателя партии. Азад, возглавлявший Конгресс на протяжении последних семи лет, предложил кандидатуру Неру. Многие конгрессисты поддержали его. Против избрания Джавахарлала председателем ИНК не возражал и Ганди, который, правда, поначалу больше склонялся поддержать кандидатуру Пателя, рвавшегося занять высший пост в партии.

10 июля Неру, уже как председатель ИНК, выступил перед журналистами. «Смысл, который Конгресс вкладывает в понятие «независимость», безусловно, отличается от того, что понимают под этим Мусульманская лига и вице-король. Независимость для нас — это полная свобода от иностранного влияния и даже возможность разрыва отношений с англичанами. Мы хотим создать Индийскую республику», — провозгласил он.

На вопрос одного из журналистов, означает ли утверждение резолюции Конгрессом, что майские предложения, включая рекомендацию о формировании временного правительства, принимаются целиком, без поправок, Неру ответил:

— Конгресс войдет в состав Учредительного собрания, не связанный никакими соглашениями, сохраняя за собой при любой ситуации право самостоятельного решения.

— Значит, предложения англичан могут быть подвергнуты изменениям? — не унимался дотошный газетчик.

— Конгресс согласился лишь принять участие в работе

Учредительного собрания⁷⁰, — твердо сказал Неру, — и считает себя вольным по своему усмотрению вносить в предложения любые изменения.

Услышав об этом выступлении Джавахарлала, Джинна созвал совет Мусульманской лиги и добился принятия им резолюции, перечеркивавшей его прежнее решение. Он демагогически утверждал, что, если Конгресс, имевший большинство в Учредительном собрании, может, по заявлению его председателя Неру, изменять одобренные всеми майские предложения, то меньшинству, то есть мусульманам, опять грозит опасность подпасть под диктат индусского большинства. Иного выхода, кроме создания суверенного Пакистана, у индийских мусульман нет. Джинна категорически отказался вступать в какие-либо объяснения с конгрессистами и призвал единоверцев к «прямым действиям», объявив 16 августа «Днем прямой борьбы за Пакистан».

Всем, кто хоть немного знал о тактических приемах руководителя Мусульманской лиги, было ясно, что Джинна использовал бы любой повод, чтобы усложнить политическую обстановку в стране и попытаться при этом извлечь для себя какие-нибудь выгоды. «Уж не думаете ли вы, что я буду сидеть сложа руки?» — многозначительно заметил он одному журналисту вскоре после того, как совет Мусульманской лиги по настоянию большинства его членов одобрил майские предложения. И Джинна, поощряемый англичанами, действовал... Однако и кое-кто из конгрессистов, побуждаемый отнюдь не добрыми чувствами в отношении Неру, поспешил обвинить его в необдуманных и ошибочных действиях, создающих угрозу раскола Индии. Особенно усердствовал Патель, ополчившийся на Джавахарлала после того, как потерпел неудачу в выдвижении своей кандидатуры на пост председателя ИНК. В одном из своих писем он характеризовал поведение Неру как «наивное, ребяческое», а то и просто «безумное», и бездоказательно утверждал, что Джавахарлал доставляет много хлопот людям, с ним сотрудничающим, и нередко ставит руководство Конгресса в сложное положение.

В начале августа вице-король предложил Неру сформировать временное правительство. Конгрессистам отдавалось шесть мест из четырнадцати. Одновременно Уэйвелл обратился к Джинне, выделив Мусульманской лиге пять мест в правительстве.

Руководство Конгресса приняло предложение Уэйвелла, решив при этом, что участие конгрессистов в правительстве, которое англичане представляли себе как привычный и послушный им исполнительный совет при вице-короле, все-таки будет способствовать приближению того часа, когда страна обретет полную независимость. Дни британского

империализма в Индии, подорванного войной и ослабленного борьбой с освободительными движениями в колониях, были сочтены, и конгрессисты это хорошо понимали. Но для них было очевидным и то, что англичане отнюдь не заинтересованы в сохранении единой, потенциально мощной в политическом и экономическом отношениях Индии. Колонизаторы наверняка постараются воспользоваться любой слабостью индийцев и прежде всего религиозно-общинными раздорами, чтобы расколоть нацию, раздробить страну и таким образом попытаться как можно дольше удержать Индию в сфере своего влияния. Участие конгрессистов во временном правительстве, по замыслам лидеров ИНК, открывало какие-то дополнительные возможности воспрепятствовать осуществлению планов коварных лондонских политиков.

Уведомив вице-короля о согласии Конгресса с его предложением, Неру обратился к Джинне с призывом образовать коалиционное правительство, но тот и слушать не хотел о сотрудничестве с конгрессистами и продолжал свою сепаратистскую деятельность, угрожающе заявляя, что мусульмане держат наготове свои мечи. Слова Джинны, как это вскоре выяснилось, не были пустой угрозой...

Наступило утро 16 августа 1946 года. Как всегда, в ожидании привычных трудов и забот встретили его шесть миллионов жителей Калькутты, крупного портового города, раскинувшегося на берегах реки Хугли — одного из рукавов Ганга.

Когда-то в этих местах стояли, спрятавшись в болотистых джунглях, две небольшие деревушки. Английские купцы, построившие здесь в конце XVII века несколько домишек с глинобитными стенами и соломенными крышами, и не подозревали, что их скромная фактория превратится в огромный, европейского типа город с джутовыми, текстильными, бумажными фабриками, с сахарными и кирпичными заводами. Потомки тех купцов спустя полтора столетия даже перенесут сюда столицу Индии, правда, только на несколько десятилетий: организованные выступления боевого калькуттского пролетариата заставят напуганных колонизаторов в 1911 году вновь вернуть все правительственные учреждения в Дели.

В Калькутте, в городе, где родились великий Тагор и классик английской литературы Уильям Теккерей, живут как добрые соседи индусы и мусульмане, имя которым одно — бенгальцы, люди трудолюбивые, любящие пофилософствовать и горячо реагирующие на всякую несправедливость. Утром 16 августа по призыву Мусульманской лиги началась демонстрация, участники которой шумно протестовали против формирования Конгрессом временного правительства. Большинство

демонстрантов и не догадывались, что те самые конгрессисты, о чьем коварстве им упорно твердили руководители лиги и чьи имена они с таким негодованием выкрикивали сегодня, еще вчера в какой уж раз безуспешно пытались преодолеть разногласия и договориться о сотрудничестве с Джинной.

Никому не показалось удивительным, что на калькуттских улицах стояло не больше, чем обычно, полицейских, отсутствовали солдаты, без которых не проходила в городе ни одна демонстрация. Колонна беспрепятственно миновала несколько кварталов. В царившем шуме трудно было услышать звуки бьющихся стекол витрин лавок и магазинов, принадлежавших индусам. Возмущенные владельцы выбежали на улицу, осыпая хулиганов ругательствами. Только этого и ждали затесавшиеся в колонну демонстрантов, нанятые и подкупленные колониальными властями головорезы. С яростными воплями они набросились на индусов и принялись жестоко избивать их. В ответ фашиствующие молодчики из «Хинду махасабха» устремились к домам, где жили мусульмане. Кровавое побоище продолжалось четыре дня. Последствия его были ужасны: тысячи убитых, десятки тысяч раненых, разрушенные жилища, разгромленные и разграбленные магазины и лавки. Английский губернатор Бенгалии и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить эту оргию насилий и убийств. Столкновения между мусульманами и индусами произошли также в Бихаре, Бомбее, в Западной Бенгалии.

Неру тяжело переживал трагедию Калькутты, «безумную братоубийственную резню». Для него не было тайной, кто стоял за спинами насильников и убийц, нанесших страшный по силе удар единству индийской нации. В эти дни он написал вице-королю письмо, в котором излил переполнявшие его душу гнев и решимость к борьбе: «Наши друзья и родные могут исчезнуть в пучине кровавых убийств, в любую минуту наших детей и дорогих нашему сердцу людей может встретить нож убийцы. Такова беспощадная реальность сегодняшнего дня, и нам, естественно, приходится считаться с ней. Однако мы не собираемся мириться с политикой убийств или позволять ей определять жизнь страны. Мы будем продолжать улаживать спорные вопросы между индусами, мусульманами, сикхами и другими и добиваться их дружеского сотрудничества. Без этого путь Индии к прогрессу закрыт». Джавахарлал еще раз предложил Джинне войти в правительство и, получив отказ, все-таки публично заявил, что «двери для Мусульманской лиги будут всегда открыты».

24 августа индийцы узнали состав временного правительства, которое,

как это было объявлено, возглавил вице-король Индии лорд Уэйвелл. Посты вице-премьера, министра иностранных дел и по делам Содружества занял Джавахарлал Неру. Остальные посты заняли конгрессисты Патель, Раджендра Прасад, Сарат Чандра Бос (старший брат погибшего С.Ч.Боса), С.Раджагопалачария, Асаф Али, а также представитель касты «неприкасаемых» Джагдживан Рам, от индийских христиан — Джон Маттхаи, лидер сикхов Балдев Сингх, парс Ч.Х.Бхабха и двое мусульман, не являющиеся членами Мусульманской лиги, — Шафат Ахмад-хан и Али Захир.

2 сентября правительство приступило к исполнению своих обязанностей, а 7 сентября индийцы затаив дыхание слушали по радио взволнованную речь Джавахарлала Неру: «Друзья и товарищи, Джай Хинд!⁷¹ Шесть дней назад мои коллеги и я заняли высокие посты в правительстве Индии. В нашей стране появилось новое правительство, промежуточное, или временное правительство, как его мы назвали, — веха на пути к полной независимости Индии. Мы получили много тысяч приветственных посланий и добрых пожеланий со всех концов мира, из каждого уголка Индии. Однако мы не призывали праздновать это историческое событие и даже сдерживали энтузиазм нашего народа, ибо нам хотелось, чтобы он осознал, что мы пока находимся в пути и нам предстоит еще достичь нашу цель.

...Мы вошли в это правительство в надежде на скорое достижение полной независимости, и мы намерены работать так, чтобы постепенно достичь этой независимости действий как в нашей внутренней, так и внешней политике. Мы будем принимать активное участие в международных конференциях, проводя свою собственную политику как свободная страна, а не как сателлит другой страны. Мы надеемся установить тесные и непосредственные контакты с другими странами и сотрудничать с ними в укреплении всеобщего мира и свободы.

Мы намерены, насколько это возможно, держаться в стороне от политики силы, проводимой противостоящими друг другу группировками, которая в прошлом вела к мировым войнам и опять может привести к большим бедствиям... Мы особенно заинтересованы в освобождении колониальных и зависимых стран и народов, и в признании в теории и на практике равных возможностей для всех рас...»

В заключение Неру сказал: «Индия идет вперед, и старый порядок уходит. Мы слишком долго оставались безучастными зрителями событий, игрушками в руках других. Сейчас инициатива переходит к нашему народу, и мы сами будем вершить его историю. Объединимся же ради выполнения

этой огромной задачи и сделаем дорогую нашему сердцу Индию великой страной, играющей выдающуюся роль в деле мира и прогресса».

Это выступление Неру явилось, по существу, первой внешнеполитической декларацией новой Индии...

Сегодня, в наши дни, когда история независимой Индии насчитывает уже три десятилетия, а внешняя политика индийского государства, оказывающего серьезное влияние на оздоровление международной обстановки в Азии и во всем мире, пользуется заслуженным признанием всех миролюбивых сил, нельзя не вспомнить, что у истоков этой политики стоял Джавахарлал Неру. Вспомним также, что за полгода до программного выступления Неру другой политик, бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в американском городе Фултоне в присутствии и с одобрения президента США Г.Трумэна произнес свою печально известную речь, положившую начало «холодной войне» с ее агрессивными доктринами «сдерживания», «отбрасывания», «массированного возмездия», с ее бешеной гонкой вооружений, с ее «локальными» войнами, каждая из которых могла завершиться ядерной катастрофой для всего человечества. В 1946 году империалисты уже с лихорадочной поспешностью разрабатывали планы создания англоамериканского военно-политического блока, направленного против СССР и стран Центральной, Юго-Восточной Европы, против Китая, Кореи и Вьетнама, где победили или были близки к победе народно-демократические революции, а также против национально-освободительного движения угнетенных народов.

Политическому деятелю страны, еще не освободившейся от колониальной зависимости, нужно было обладать немалым мужеством, чтобы в это напряженное и тревожное время не только не отречься от прежних прогрессивных демократических воззрений, но и громко, на весь мир полностью подтвердить их. В выступлении Неру от 7 сентября 1946 года отчетливо прозвучали отказ Индии от участия в военных блоках, призывы к продолжению борьбы за предотвращение войны и сохранение мира, против колониализма и империализма, были сформулированы новые принципы в практике международных отношений, которые вскоре станут основой политики «позитивного нейтралитета», а с середины 50-х годов получат название — «политика неприсоединения»...

В своем выступлении Неру обратился с приветствием к «великой стране современного мира» — к Советскому Союзу. В конце сентября 1946 года министру иностранных дел СССР В.М.Молотову, возглавлявшему

советскую делегацию на Парижской мирной конференции, было передано послание Неру, в котором говорилось: «Мы искренне хотим развивать дружественные отношения с СССР и обмениваться с вашей страной дипломатическими и другими представителями. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет благотворным для обеих стран и послужит делу мира и прогресса во всем мире».

Советский Союз, верный ленинским принципам солидарности с угнетенными народами в их справедливой борьбе за национальную независимость, решил установить с Индией отношения на основе равноправия, взаимного уважения, без каких-либо оговорок и ограничений, оказав тем самым существенную поддержку индийскому народу, боровшемуся за полное освобождение от пут колониализма, за создание суверенного государства. 13 апреля 1947 года в Москве и Дели было объявлено об установлении дипломатических отношений между двумя странами.

Однако контакты между официальными советскими и индийскими представителями осуществлялись и раньше. Делегация Советского Союза на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско, открывшейся в апреле 1945 года, доброжелательно отнеслась к присутствующим на заседаниях индийским делегатам⁷². «Мы имеем здесь, на конференции, делегацию от Индии. Но Индия не является независимой страной. Мы все понимаем, что придет время, когда будет заслушан и голос независимой Индии», — заявил в своем выступлении глава советской делегации В.М.Молотов. В Сан-Франциско представители СССР снова подтвердили намерение Советского правительства отстаивать право освобожденных народов самим решать вопрос об их государственном устройстве. Неру, внимательно следившему за ходом работы конференции, все это доставляло глубокое удовлетворение.

На второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей осенью 1946 года, позиции советской и индийской делегаций были близки в вопросах о принципе единогласия великих держав в Совете Безопасности, о выводе британских войск из Греции. Советский Союз поддержал требование Индии осудить дискриминацию лиц азиатского происхождения в ЮАР. Сотрудничество советских и индийских представителей в ООН вызывало явное раздражение у западных делегаций. Джон Фостер Даллес, будущий государственный секретарь США, один из стратегов «холодной войны», являвшийся в то время американским представителем в Совете по опеке ООН, ядовито утверждал, что «советский коммунизм через временное правительство оказывает сильное влияние на Индию».

Джавахарлал Неру старался не обращать внимания на злобные упреки со стороны империалистических политиков. Он упорно, шаг за шагом преодолевал многочисленные препятствия, расставленные на пути развития индийско-советских отношений британским правительством, которое сохраняло ставшие традиционными для политики Уайтхолла антисоветские настроения. Убежденный в том, что сотрудничество с Советским Союзом диктуется жизненными интересами Индии, Неру назначает на пост посла в СССР свою родную сестру Виджайялакшми Пандит. «Вы отправляетесь в дружественную страну, от которой нас отгораживали иноземные властители, — напутствует он дипломатов, едущих открывать индийское посольство в Москве. — Надо наверстать упущенное и укрепить наши связи с Советским Союзом, ибо мы с ним соседи и у нас много общего. Между нами нет и никогда не должно быть противоречивых интересов».

20 февраля 1947 года премьер-министр Великобритании К.Эттли, выступая в палате общин, объявил о том, что его кабинет намеревается передать власть в Индии в руки национального правительства не позднее 30 июня 1948 года. Эттли также сказал, что на место Уэйвелла, «подавшего в отставку», назначается лорд Маунтбэттен.

Англичан, сознававших, что их позиции в колонии день ото дня становятся все более шаткими, уже не устраивал прямолинейный и не слишком искушенный в премудростях дипломатии, а поэтому часто действовавший по-солдатски, напролом Уэйвелл. Для подрыва сил национально-освободительного движения в Индии и для сохранения британского влияния в стране Уайтхоллу нужен был другой, более сообразительный, расчетливый и ловкий деятель. Выбор лондонских политиков пал на лорда Луиса Маунтбэттена, отвечавшего, по их убеждению, упомянутым требованиям, а кроме того, обладавшего иными достоинствами, не последним из которых было его родство с королевской семьей.

Маунтбэттен прибыл в Дели 22 марта. Через два дня его официально привели к присяге, и новый вице-король энергично взялся за дело, решив в течение первых недель провести консультации со всеми видными политическими лидерами Индии, и первым, с кем беседовал Маунтбэттен, был Неру.

Они познакомились ровно за год до этого во время краткой поездки Неру в Сингапур и Малайю для встреч с проживавшими там индийцами и с взятыми англичанами в плен солдатами «Индийской национальной армии».

Тогда Маунтбэттен занимал пост главнокомандующего союзных войск в Юго-Восточной Азии, и его штаб-квартира находилась в Сингапуре. Он подчеркнуто радушно принял Неру, представив его своим офицерам как «выдающегося политического деятеля, который, возможно, в скором времени встанет у руля государственного управления Индией». В открытой машине Маунтбэттен, сидя рядом с Неру, проехал по сингапурским улицам. Когда один из адъютантов попытался намекнуть своему начальнику, что подобная поездка может способствовать усилению популярности Неру, Маунтбэттен, презрительно взглянув на него, резко ответил: «Вздор! Это укрепляет только мой авторитет!»

Он пригласил Неру на ужин в свою роскошную, со вкусом обставленную виллу. Явно стараясь произвести на гостя благоприятное впечатление, сам Маунтбэттен и его жена Эдвина предались воспоминаниям о Дели, где они обручились в дни пребывания в Индии принца Уэльского, в свите которого состоял двадцатилетний Маунтбэттен. Неру, слушавшего с вежливой улыбкой сентиментальные излияния хозяев, так и подмывало тоже, в свою очередь, рассказать о памятных ему осенних месяцах 1921 года, когда он и его товарищи-конгрессисты организовали кампанию протеста против визита принца в Индию...

И вот теперь, в Дели, новый вице-король Индии радушно принимает как своего старого доброго знакомого вице-премьера и министра иностранных дел индийского временного правительства. Слегка наклонившись к Неру, Маунтбэттен с чувством произносит:

— Я хотел бы, господин Неру, чтобы вы относились ко мне не как к вице-королю, при котором прекратится британское владычество в вашей стране, а как к человеку, искренне желающему проложить путь для новой Индии.

В глазах Неру вспыхнули озорные огоньки:

— Кажется, я начинаю понимать тех, кто считает весьма опасной вашу способность влиять на людей.

В чем Маунтбэттену было трудно отказать, так это в умении быстро добывать всю необходимую для него информацию. Вскоре он приходит к выводу, что сложная обстановка в Индии, во многом обусловленная сохраняющимися противоречиями между ИНК и Мусульманской лигой, как нельзя лучше отвечает замыслам политиков Уайтхолла.

Джинна в сентябре 1946 года согласился наконец на участие лиги во временном правительстве, однако новоявленные министры сразу отказались присутствовать на совещаниях, созываемых Неру, и появлялись вместе с конгрессистами только в вице-королевском дворце. Лиакат Али-

хан, занявший важный пост министра финансов, блокировал почти каждое предложение, исходившее от конгрессистов. Это нередко вызывало оправданное раздражение у Неру и его товарищей. Особенно бурно негодовал Патель, возглавлявший министерство внутренних дел: без согласия Лиаката Али-хана он не мог назначить даже мелкого чиновника в любом своем ведомстве. Мусульманская лига по-прежнему бойкотировала Учредительное собрание и ни на минуту не прекращала сепаратистской деятельности, скрыто или явно провоцируя конфликты между общинами. Сепаратистам активно помогали агенты британских спецслужб, которым удалось снова вызвать кровавые столкновения индусов и мусульман в северо-западных районах. Только в одном округе Равалпинди погибли четыре тысячи человек, много убитых и раненых было в Лахоре, Джеламе, Амритсаре...

Лицо Маунтбэттена при встречах с руководителями Конгресса выражало скорбь и сочувствие. Он клятвенно обещал приложить все усилия, чтобы прекратить кровопролитие и восстановить согласие между индусами и мусульманами. Однако вице-король беззастенчиво лгал: его советники уже приступили к разработке плана, предусматривавшего раздел Индии на два государства. Сам Маунтбэттен, ловко играя на недовольстве конгрессистов обструкционистской деятельностью министров — членов Мусульманской лиги, старался постепенно внушить лидерам ИНК мысль о неизбежности раздела страны.

Первым, кого вице-королю удалось склонить на свою сторону, был Патель, который, в свою очередь, принялся убеждать находившихся под его влиянием конгрессистов, заявляя, что он готов пожертвовать частью Индии, только бы избавиться от лиги. «Нравится нам это или не нравится, — изрекал Патель, — но в Индии действительно существуют две нации... Если два брата не могут ужиться вместе, они совершают раздел. После раздела, когда каждый из них получает свою долю, они вновь становятся друзьями. Напротив, если они вынуждены продолжать жить вместе, между ними каждый день происходят жестокие стычки. Так не лучше ли откровенная драка, а затем раздел, чем ежедневные ссоры и пререкания?»

Без особого труда склонив на свою сторону Пателя, который, по словам вице-короля, оказался орешком «мягким внутри после того, как расколешь скорлупу», Маунтбэттен перенес свои усилия на других руководителей Конгресса и в первую очередь на Ганди и Неру.

Ганди, приглашенный вице-королем, приехал в Дели 31 марта. Перед первой встречей с Маунтбэттеном Махатма успокаивал Азада, встревоженного настроениями Пателя и его окружения:

— Если Конгресс захочет согласиться на раздел, то он сможет сделать это, только переступив через мой труп. Пока я жив, я никогда не соглашусь на раздел Индии.

Ганди и Маунтбэттен беседовали в течение трех дней, и все эти дни, как только Махатма покидал вице-королевский дворец, за ним неотступно следовал Патель.

Снова встретившись с Ганди, Азад поразился перемене, которая произошла во взглядах Махатмы. «Положение сейчас таково, — уныло промолвил Ганди, — что раздел, по-видимому, неизбежен. Остается лишь решить вопрос о том, в какой форме он должен осуществиться».

Поддействовали ли на Ганди доводы Маунтбэттена, пугавшего возможностью «огромного общего пожара» на Индостанском субконтиненте, или сказался сильный нажим на Махатму со стороны напористого «прагматика» Пателя, волей-неволей повторявшего «теорию» Джинны о двух нациях? Было бы ошибкой как преувеличивать, так и преуменьшать влияние обоих на Ганди. Однако главная причина, вынудившая Махатму отступить от своей первоначальной точки зрения, заключалась в том, что после калькуттской резни и мартовских событий он переживал мучительный духовный кризис. Там, в Калькутте, Лахоре, Равалпинди, рушилась идея ненасилия, которую Ганди ревностно пытался привить соотечественникам и которая, как он верил, являлась единственным универсальным средством для разрешения всех жизненных проблем. Идея рушилась, хотя Ганди не признавался до конца в этом даже самому себе. Спустя несколько недель Ганди заявит о неудаче проповеди ненасилия, но все-таки будет продолжать отстаивать саму идею. «Ненасилие, — скажет он, — которое осуществлялось в течение последних тридцати лет, было ненасилием слабого... Такое ненасилие не может играть никакой роли в изменившейся обстановке. У Индии нет опыта в применении ненасилия сильного...»

Еще в 1944 году, напряженно размышляя над судьбами родины, Неру писал, что всякий навязанный ей раздел будет «возвратом к некой средневековой концепции, которая неприложима к современному миру». Будучи убежденным сторонником единой Индии, он считает неизбежным и возможным найти «форму свободы, обеспечивающую широчайшую автономию провинций и княжеств при одновременном сохранении прочных связей с центром. В пределах более крупных провинций или княжеств могут даже существовать, как в Советской России, автономные единицы. В дополнение к этому можно включить в конституцию все мыслимые виды защиты и гарантии прав меньшинства». Но уже тогда

Неру, словно его одолевали мрачные предчувствия, признавался, что не знает, «как сложится будущее под влиянием различных не поддающихся определению факторов и сил, г л а в н о й и з к о т о р ы х я в л я е т с я п о л и т и к а А н г л и и» (разрядка авт.).

Вечером 10 мая 1947 года в Симле Маунтбэттен ознакомил Неру с проектом своего плана будущего устройства Индии, который он намеревался представить на рассмотрение британского правительства.

В два часа ночи Неру возвращается из резиденции вице-короля в гостиницу и сразу направляется в номер своего ближайшего друга и советчика Кришны Менона. Некоторое время он, предельно возбужденный, не может вымолвить ни слова, так велико его негодование. Маунтбэттен фактически предложил ему раздробить Индию — передать власть провинциям, оставив слабое федеральное правительство в центре. Вопрос же о том, будут ли эти провинции объединяться друг с другом, следовало решать каждой провинциальной администрации после того, как англичане уйдут из страны.

Утром Неру посылает вице-королю письмо, называя план «совершенно неприемлемым» для Индии. Разгадав подлинные намерения Маунтбэттена и его окружения, Неру прямо указывает, что осуществление этого плана приведет к раздроблению страны, неминуемо вызовет междоусобные конфликты с их беспорядками и насилием, еще больше подорвет авторитет центральной власти, деморализует армию, полицию, гражданские службы.

Маунтбэттен с хорошо разыгранным недоумением по поводу резкого письма Неру соглашается «доработать» план и заверяет Неру и других лидеров ИНК в искренности своего желания «построить сильную, сплоченную Индию». Однако сам продолжает вести спешные приготовления к разделу страны. В своей решимости разъединить индийскую нацию, ослабить ее и тем самым сохранить за Англией возможность вмешиваться во внутренние дела Индии, вице-король не брезгует никакими средствами. Так навязывает он свой план премьер-министру одного из княжеств, махараджа которого еще не вынес окончательного суждения. Глубокомысленно заметив, что является прорицателем, Маунтбэттен взял со стола пресс-папье из хрусталя, долго вглядывался в него, а потом обрадованно заявил ошеломленному собеседнику, что как раз в этот момент махараджа выразил свое согласие с планом. Об этом случае расскажет спустя несколько лет начальник отдела печати вице-короля Аллан Кэмпбелл-Джонсон...

Незадолго до отъезда Маунтбэттена в Лондон Азад попытался убедить

вице-короля повременить с осуществлением плана. «Даже без всякого раздела, — с горечью говорил Азад, — в Калькутте, Бихаре, Бомбее и Пенджабе произошли погромы и мятежи. Индусы избивали мусульман, а мусульмане избивали индусов. Если в такой атмосфере произойдет раздел страны, реки крови прольются в обеих ее частях и ответственность за эту резню падет на англичан».

Маунтбэттен не колеблясь ответил Азаду, что дает «полную гарантию» в этом отношении. «Я позабочусь о том, чтобы не допустить кровопролития и погромов. Я же не штатский человек, а солдат, — гордо заявил вице-король. — Если вопрос о разделе будет в принципе решен, я издам приказ, запрещающий религиозно-общинные беспорядки в любой части страны. При малейших признаках волнений я применю строжайшие меры, чтобы пресечь в корне любую попытку организации мятежа. Я даже не прибегну к помощи вооруженной полиции, я просто прикажу наземным войскам и воздушному флоту действовать и пушу в ход танки и самолеты, если кто-либо вздумает создавать беспорядки».

Вряд ли такое заявление подействовало на Азада, Неру и поддерживающих их конгрессистов успокаивающе. Скорее оно наводило на мрачную мысль о том, что британский империализм пойдет на все, только бы не выпустить Индию из сферы своего влияния. Правители Великобритании готовы даже развязать в Индии братоубийственную гражданскую войну, чтобы иметь повод объявить всему миру о «неготовности» индийцев к получению независимости, а вслед за этим введут в страну якобы «для наведения и поддержания порядка» дополнительные вооруженные силы... Вероятность такого развития событий лидеры Конгресса исключить не могли.

Кабинет Эттли одобрил «доработанный» план Маунтбэттена. В последних числах мая вице-король возвратился из Лондона в Дели, а 3 июня была опубликована декларация английского правительства, которая после утверждения ее 18 июля парламентом стала именоваться «Законом о независимости Индии».

Индия подлежала разделу на две части по религиозному признаку: индусское государство Хиндустан и мусульманское государство Пакистан. Вопрос о размежевании Бенгалии и Пенджаба должны были решить законодательные собрания этих провинций, депутаты которых делились на две группы: представители округов с индусским большинством и представители округов, где большую часть населения составляли мусульмане. Эти группы отдельным голосованием решали, войдут ли обе провинции в состав Пакистана целиком или они будут разделены между

двумя государствами. Расчленение провинций производилось даже в том случае, если согласие изъявляла только одна группа. Жители так называемых «спорных» северо-западных и северо-восточных районов должны были определить свою принадлежность к Индии или Пакистану путем референдума, в котором могли принять участие, как это было установлено еще законом 1935 года, не более 20 процентов населения. После проведения этих мероприятий Учредительное собрание страны распалось на Учредительное собрание Хиндустана и Учредительное собрание Пакистана. Разделенные государства получали статус доминионов. Оставался открытым вопрос о княжествах: они сами должны были решить, войдут ли они в состав одного из доминионов или «сохранят прежние отношения» с метрополией, то есть будут продолжать оставаться колониями Англии.

Маунтбэттену удалось также убедить британское правительство перенести срок передачи власти в Индии с июня 1948 года на 15 августа 1947 года. В противном случае, как несколько витиевато и не без самолюбования утверждал вице-король, бомба, уготованная им для индийцев, «может разорваться в его руках».

Руководство Мусульманской лиги почти единодушно одобрило «план Маунтбэттена», полностью отказавшись тем самым от любого сотрудничества с Конгрессом. Джинна, получив наконец то, чего он так упорно добивался, сгоряча потребовал было создать 800-мильный коридор, который связывал бы обе части Пакистана, однако, немного поостыв и подумав, не возобновлял больше этого, мягко говоря, чрезмерного требования.

14 июня начались заседания Всеиндийского комитета Конгресса. Пожалуй, впервые после выхода из тюрьмы Неру так остро ощущает свою беспомощность и неспособность повлиять на развитие столь важных для Индии событий: почти все лидеры ИНК согласились с планом раздела страны, а на немногих колебавшихся решающее воздействие оказало выступление Ганди, который заявил, что «политический реализм требует принятия плана Маунтбэттена». Неру с болью в сердце подчиняется воле большинства.

4 августа 1947 года Неру направил Маунтбэттену список членов первого национального правительства Индии, утвержденного Конгрессом. В правительство вошли четырнадцать человек. Неру занял посты премьер-министра, министра иностранных дел и по делам Содружества, возглавил министерство по научным исследованиям. Патель был назначен заместителем премьер-министра, министром внутренних дел и по делам

княжеств, а также министром информации и радиовещания. Важные посты в правительстве получили А.К.Азад, Р.Прасад, Д.Рам и другие выдающиеся борцы за независимость Индии.

Поздним вечером 14 августа десятки тысяч взволнованных делегатов собрались у здания, где должна была состояться сессия Учредительного собрания. Огни иллюминации освещали празднично украшенные улицы Дели.

Около полуночи председатель собрания Раджендра Прасад провозгласил образование нового государства — Индийского союза. Двухминутным молчанием депутаты почтили память соотечественников, отдавших жизнь ради освобождения родины.

На трибуну поднимается Джавахарлал Неру: «Много лет назад мы избрали свою судьбу. Теперь настал момент, когда мы выполним свою клятву, если не целиком и в полной мере, то, во всяком случае, в значительной части. Когда часы пробьют полночь и весь мир будет погружен в сон, Индия проснется к жизни и свободе... В этот торжественный момент мы должны поклясться посвятить себя служению Индии и ее народу...»

15 августа 1947 года. 4 часа дня. Делийская крепость Красный Форт. Огромная площадь перед фортом заполнена народом. На бруствере у крепостных стен установлена трибуна, на которой уже заняли свои места лидеры национально-освободительного движения. Здесь же в некотором отдалении расположились генерал-губернатор Индийского Союза лорд Маунтбэттен, его советники, адъютанты.

Звучат залпы тридцати одного орудия. Неру, одетый в белый шервани и плотно облегающие голени брюки-чудидар, встает с места и направляется к флагштоку. Бросает взгляд вверх и не может скрыть довольной улыбки: флагшток пуст. Еще вчера над фортом развевался британский флаг, но, видно, предусмотрительные англичане ночью сняли его, чтобы избежать не слишком приятного для них зрелища — спуска «Юнион джека». Индийцы приветствуют своего премьера. Он медленно и плавно поднимает полотнище чистых цветов — шафранового, белого, зеленого — флаг свободной Индии.

Отныне каждый год 15 августа индийцы будут собираться у Красного Форта. В течение шестнадцати лет в День независимости будет поднимать национальный флаг премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Глава XII

Смелее, смелее, — к жизни новой.

Рабиндранат Тагор

На Йорк Роуд, 17, во временной резиденции премьер-министра Индии, в окнах второго этажа далеко за полночь был виден приглушенный свет от настольной лампы: Неру работал.

В шесть часов утра он вышел на широкую веранду. Воздух, не успевший охладиться за короткую летнюю ночь, освежал мало.

У входа в небольшой сад стояли часовые-сикхи, вдоль ограды патрулировали солдаты. Премьер-министр недовольно поморщился: ему не нравилась эта затея Маунтбэттена, отдавшего распоряжение охранять резиденцию. Помимо неудобств, связанных с необходимостью заказывать посетителям пропуск, стража у дома неприятно напоминала Джавахарлалу о годах, проведенных в заключении. Но генерал-губернатор вежливо настоял на своем.

Неру спустился на нижний этаж. В двух комнатах, где размещались служащие его секретариата, в столь ранний час еще никого не было.

Выйдя в сад, он бережно сорвал нераспустившуюся темную розу и воткнул ее в третью сверху петлицу своего белого шервани. Розы любила Камала. Как ему не хватало ее сейчас!

Джавахарлал в задумчивости прошелся по ухоженным дорожкам сада, опустился в плетеное кресло: до начала дневной суеты ему нужно было спокойно о многом подумать. Его усталое лицо выражало скорее тревогу, чем радость: ровно год назад — 16 августа 1946 года — произошла страшная по своим размерам и жестокости религиозная резня в Калькутте.

«Закончатся ли с разделом страны религиозно-общинные погромы? Не был ли прав Азад, говоривший, что лучше было бы повременить с получением независимости, нежели принять план англичан? — мучился Неру тяжелыми раздумьями. Выполнит ли Маунтбэттен свое обещание «солдата» не допустить при разделе страны общинных беспорядков? Или же страсти ослепленных религиозным фанатизмом людей выйдут из-под контроля властей и вступит в действие чудовищное требование экстремистов о введении системы «репрессалий и заложничества»: за индусскую кровь в Пакистане проливать мусульманскую в Индии?

Идея возмездия как средства обеспечения прав меньшинств в двух частях разделенной страны казалась Неру варварской, и от одной только мысли о возможности повторения ужасов 1946 года у него леденило сердце.

Курьер принес утренние газеты и почту. Увидев на газетных полосах большое число своих фотографий, Неру иронически улыбнулся: разве только великолепный лорд Маунтбэттен при всех своих орденах и регалиях мог соперничать с ним в этой, как считал Неру, шумной, никчемной рекламе. Впрочем, за парадной трескотней газетных репортажей слышались и возмущенные голоса. Особенно громко звучали они в демократической прессе, которая не проявляла восторга по поводу «личного обаяния» и «дружеского расположения» Маунтбэттена к индийскому народу. Стоит ли умиляться тому, что Маунтбэттен на год раньше намеченного срока «даровал» Индии независимость? «Руководители национально-освободительного движения, — писал журналист Бхагат Ватс, — так и не разгадали за этой спешкой панику, охватившую лондонское правительство. Она свидетельствовала о понимании англичанами главного факта: если не торопиться с «передачей власти», то никакой власти вообще не останется и передавать будет нечего...»

Днем к премьер-министру стали стекаться мрачные сообщения о происходящих в стране религиозно-общинных беспорядках. В Западном Пенджабе мусульмане уничтожают мужчин, женщин и детей, принадлежащих к общинам индусов и сикхов; в Восточном Пенджабе разъяренные толпы индусов и сикхов напали на мусульманские поселения, подожгли дома и убили ни в чем не повинных людей.

Во всех этих событиях снова угадывалась коварная, опытная рука. Газеты обеих частей разделенной Индии писали, что речь идет не о непредвиденной вспышке религиозной исступленности, а о преднамеренных и хладнокровно подготовленных убийствах. Автор одной из статей гневно разоблачал неприглядную роль в этих событиях губернатора Пенджаба англичанина Дженкинса. «В истории Пенджаба он надолго останется как самый бездарный и самый бессовестный из всех тех, кто когда-либо сидел в губернаторском кресле, — говорилось в статье. — Мы не знаем, в какой степени английское правительство санкционировало его политику натравливания пенджабцев друг на друга, но если англичане все еще намерены использовать сикхов как клин для вбивания между Пакистаном и Индией, то лучшего шулера для игры этими крапленными картами они найти не могли».

Министры из Восточного Пенджаба один за другим спешили в Дели. Ошеломленные происходившим, они с безнадежностью докладывали Неру, что теперь, пожалуй, уже ничто не может остановить резню. На вопрос премьер-министра, почему для восстановления порядка не были использованы воинские части, министры в отчаянии отвечали, что на армию, разделенную по религиозному принципу, уже больше нельзя полагаться, и требовали немедленной отправки в Пенджаб более надежных войск.

Маунтбэттен, на чей военный опыт уповал министр внутренних дел Пател, с присущей ему манерой выдавать очевидное за откровение, заявил, что «создалось подлинное военное положение и что нужно действовать так, как надлежит в подобном случае». После чего он направил в Пенджаб пятидесятитысячную армию во главе с английским генералом Риисом. Но тот и не думал наводить порядок: у Англии были свои планы — расчленив Индию, разжечь общинную вражду, вызвать сепаратистские настроения в княжествах и таким образом, ослабив страну, удержать ее в повиновении.

Маунтбэттен, словно забыв о своих заверениях — сохранить мир в Индии, теперь уже утверждал, что генерал Риис не в силах контролировать положение.

И тогда дело восстановления мира между религиозными общинами Неру решительно берет в свои руки. Уже 17 августа он выезжает в Пенджаб и сам содействует предотвращению новых жестоких столкновений общин.

Пенджаб изнемогал от пролитой крови, пожаров, уничтожения культурных ценностей и имущества. Неру видел, как по дорогам в различных направлениях двигались сотни тысяч беженцев. Женщины, дети, калеки, немощные старики и молодые мужчины, богатые и нищие, лошади, верблюды, слоны, домашний скот — все смешалось в одну обезумевшую от страха, окутанную облаками пыли массу. Голодные и полураздетые, погибая в пути, люди стремились к никому не понятной цели по другую сторону новой границы, где у них не было ни крова, ни пищи, ни занятия — ничего, кроме неизвестности и их «бога».

То была беспримерная в истории Индии миграция людей. По приблизительным подсчетам, более шести миллионов мусульман и четыре с половиной миллиона индусов переместились из одной страны в другую: из них погибло около семисот тысяч человек.

В эти трагические для индийского народа дни от Неру требовалось огромное напряжение духовных и физических сил, проявление

политической мудрости, воли, организаторского таланта. Он ежедневно успевает встретиться с десятками государственных и политических деятелей и найти время поговорить с простыми крестьянами. Пожалуй, никто другой из членов правительства не умеет беседовать с крестьянами так же просто и на таком доступном для них языке, понимать их желания и мысли, как Неру.

В рабочей обстановке для него не существует личных симпатий или антипатий, друзей или недругов, он всегда остается вежливо-требовательным, ровным в отношениях с любым должностным лицом — от министра до полицейского чиновника. «В те ужасные дни, — вспоминал А.К.Азад, — Джавахарлал замечательно проявил качества подлинного администратора. С первых же дней своей деятельности в качестве главы правительства он осознал, что государство не должно делать никакого различия между своими гражданами и одинаково относиться к индусам и мусульманам, сикхам и христианам, парсам и буддистам. Каждый индийский гражданин, кто бы он ни был, равноправен перед лицом закона».

И без того крайне сложное внутривнутриполитическое положение в стране усугублялось тем, что в индийском руководстве не было столь необходимого единства.

Патель, выражавший интересы крупной индийской буржуазии, создал внутри правительства свою группу и упорно противостоял многим политическим начинаниям премьер-министра.

О разногласиях Неру и Пателя знали не только в правящих кругах. Публичные выступления премьер-министра и его заместителя, в которых они оба призывали к «социальному миру», заметно отличались по своим классовым симпатиям.

Неру, например, отвечая председателю торговых палат Калькутты, потребовавшему от правительства «призвать к порядку» бастовавших калькуттских рабочих, говорил, что нельзя винить их в спаде производства, ибо в этом виноваты также и капиталисты, нажившие за время войны огромные прибыли. Патель, обращаясь к представителям крупного индийского капитала, заискивающе заявлял: «Я хочу напомнить вам, что наш министр финансов принадлежит к вашему классу... наш министр торговли тоже опытный промышленник... Я абсолютно уверен, что все эти министры желали бы обеспечить ваше сотрудничество в деле преобразования Индии в великую промышленную державу».

Одной из труднейших проблем, с которыми Неру пришлось столкнуться уже с первых дней существования Индийского союза, было

определение судьбы многочисленных княжеств. В стране насчитывалось 565 «независимых правителей» — магараджей, низамов, навабов и прочих титулованных феодалов. Британское правительство, конечно, понимало, что удержать верховную власть Англии над сотнями княжеств практически невозможно, тем не менее оно направило в Индию политического советника Конрада Корфилда с заданием хотя бы часть княжеств отделить от Индии, а путем раздувания самой проблемы княжеств усилить хаос в стране.

Политический департамент, ведавший при англичанах делами князей, по указанию Корфилда начал расторгать договоры и соглашения об использовании проходящих по территории княжеств железных и шоссейных дорог, средств почтово-телеграфной и телефонной связи. Цель была проста: расстроить транспорт и связь и таким образом затруднить правительству управление страной.

Неру с гневом протестовал: «По какому праву политический департамент выступил с инициативой, оскорбительной для правительства Индии? Я обвиняю политический департамент и, в частности, сэра Конрада Корфилда в злоупотреблении властью. Считаю необходимым проведение юридического расследования этих действий в высшей судебной инстанции».

В своих неокOLONиалистских планах особое внимание Англия уделяла тем княжествам, которые имели для нее военно-стратегическое значение, и в первую очередь Кашмиру, Хайдарабаду, Майсуру и Траванкуру, где дислоцировались крупные воинские соединения англичан и военно-воздушные базы.

Премьер-министру молодого азиатского государства пришлось столкнуться с вероломством и хитрыми уловками английского политического и военного персонала в Индии, исполнявшего волю своего правительства. Респектабельные дипломаты, солдафоны-генералы, штатские советники, коварные агенты специальных служб, просто платные провокаторы не гнушались никакими средствами в достижении поставленных перед ними целей.

22 октября 1947 года с территории Северо-Западной пограничной провинции, где полномочным правителем, как и прежде, восседал британский губернатор Джордж Кеннингхем, отряды горных племен, вооруженные и оплачиваемые англо-американскими специальными службами, вторглись в Кашмир. Действия интервентов координировал агент управления стратегических служб США Рассел К.Хейт. Кашмирцы — мусульмане, индусы, сикхи, — забыв о своих религиозных различиях,

проявили удивительное единодушие и оказывали яростное сопротивление превосходящим силам захватчиков.

Неру срочно созывает заседание комитета обороны при индийском правительстве, на котором лорд Маунтбэттон явно пытается выиграть время, предлагая как первую меру направить в Кашмир для ознакомления с обстановкой ответственного чиновника из министерства по делам княжеств.

Интервенты уже находились на подступах к столице Кашмира Сринагару. Магараджа Кашмира и глава временного правительства княжества шейх Абдулла 27 октября обратился к Маунтбэттену с просьбой о присоединении Кашмира к Индии, заявив при этом о необходимости незамедлительной присылки войск для защиты столицы от захватчиков. В тот же день рано утром Неру направил в Сринагар воздушный десант. Аэродром уже обстреливался интервентами, и индийские солдаты прямо из самолетов шли в бой.

США и Великобритания еще долгие годы будут вести против Индии недостойную игру, прикрываясь высокопарными фразами своих дипломатов о самоопределении и плебисците, чтобы только любыми путями вмешаться во внутренние дела суверенного индийского государства. «По вопросу о Кашмире, затрагивающему самые кровные интересы Индии, — с горечью говорил Неру, — Соединенные Штаты и Соединенное Королевство почти неизменно выступают против нас...»

В сентябре 1947 года Ганди поселился в новой части Дели в особняке, принадлежавшем крупнейшему индийскому промышленнику Гханьяме Датта Бирле. Бирла был в приятельских отношениях с Пателем и с некоторыми другими конгрессистами. Желая показать, что он небезразличен к героям национально-освободительного движения, миллионер открыл перед Ганди двери своего пустовавшего дома в Дели. Перед «Бирла-хаус» простирался ковер зеленых лужаек, и пушистые кроны деревьев бросали на них свою прохладную тень. Здесь, скрестив под собой ноги, в широкополой плетеной шляпе, любил посидеть, погружившись в глубокое раздумье, семидесятивосьмилетний Ганди.

Громоздкий, безвкусный «Бирла-хаус» был ему безразличен и не вызывал в нем никаких чувств. Он вообще относился к внешней красоте равнодушно. Не привыкший к комфорту, Ганди продолжал спать на циновке, брошенной на мраморный пол...

В Дели и его окрестностях к началу 1948 года скопилось до

четырехсот тысяч пенджабских беженцев — индусов и синхов. В городе распространялась злоедающая эпидемия религиозной вражды.

Административное управление столицей и вся полиция находились в подчинении Пателя, но он не предпринимал эффективных мер борьбы с нарушителями порядка. Погромы и поджоги в Дели продолжались, банды из «Хинду махасабха» и «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС) безнаказанно терроризировали мусульманское население города. Гибли люди, разрушались исторические памятники и святыни мусульман. Ганди глубоко страдал, видя, что все его усилия примирить общины не приносят успеха.

Ежедневно к дому Бирлы стекались толпы паломников послушать проповеди Ганди, который читал выдержки из разных священных книг — индусских, мусульманских, буддистских, христианских, призывая людей к смирению и религиозной терпимости. Вскоре индусы-фанатики стали обвинять его в измене своей религии, а мусульмане — не доверять ему, потому, что он все-таки оставался правоверным индусом. Если раньше весь народ откликался на призывы Махатмы, то теперь люди, казалось, оставались глухи к его самым пламенным словам. Воинствующие фанатики собирались у «Бирла-хаус» и угрожающе выкрикивали: «Ганди мурдабад!» — «Смерть Ганди!»

Однажды Махатма пригласил к себе Неру, Азада и Пателя.

— Что вы делаете для прекращения кровавого разгула? — обратился он к Пателю.

Тот пытался успокоить Махатму, отвечая, что сведения о беспорядках в городе сильно преувеличены и что у мусульман нет оснований для жалоб.

Ганди вскинул на Пателя удивленный взгляд:

— Я нахожусь не где-нибудь в Китае, а здесь, в Дели, да и мои глаза и уши пока еще при мне, — с обидой сказал он. — Если вы уговариваете меня не верить собственным глазам и ушам и уверяете, что у мусульман нет никакой причины жаловаться, то, очевидно, ни мне не убедить вас, ни вам меня.

В разговор вмешался Неру, которого возмутила ложь Пателя.

— Положение, когда мусульманское население города избивают словно кошек и собак, далее терпеть невозможно, — в сердцах сказал он. И, глядя Пателю прямо в глаза, добавил: — Меня лично мучают угрызения совести от сознания собственного бессилия и невозможности положить конец убийствам и беспорядкам.

Ганди больно ранило неискреннее поведение Пателя, который своей политической карьерой был во многом обязан ему.

Будучи не в состоянии предпринять что-то другое, Махатма прибегает

к своему обычному оружию — 12 января 1948 года он объявляет шестнадцатую за свою жизнь голодовку протеста. Махатма полон решимости голодать до тех пор, пока в Дели не восстановятся мир и спокойствие.

В тот день Неру, Азад и Патель снова приехали к Ганди и пытались уговорить его отказаться от голодовки, ибо это означало для него верную смерть. Патель упрекал Ганди в том, что его голодовка ничего не даст и послужит только поводом для критики правительства. После этих слов он неожиданно поднялся и, делая вид, что больше не намерен продолжать беседу, собрался уходить. Азад сказал, что ему следовало бы еще остаться.

— А какой толк, если я останусь? — почти выкрикнул Патель. — Ганди не желает меня слушать. Он, по-видимому, решил очернить индусов перед всем миром. Если это его цель, то мне нечего здесь делать.

Ганди выдвинул условия, на которых он соглашался отказаться от голодовки. Он, в частности, потребовал прекращения всякой вражды между религиозными общинами и восстановления разрушенных индусами мусульманских святынь и памятников.

Махатма голодал с 12 по 18 января. Состояние его здоровья день ото дня ухудшалось. Миллионы людей с сочувствием и страхом следили за протестом престарелого вождя, который один восстал против религиозных фанатиков. Многие будто прозрели от еще недавно ослеплявшего их безумия. На многочисленных митингах, проводившихся в столице, они клялись, что выполнят все условия Ганди. В воскресенье, 18 января, представители индусов и мусульман в присутствии Ганди подписали клятву сохранить мир между общинами и распространить его на всю Индию и Пакистан.

Спокойствие в стране было восстановлено, и Махатма прекратил голодовку. Но не все остались довольны таким исходом событий. Руководители «Хинду махасабха» обвиняли Ганди в «предательстве священного дела индусов» и угрожали, что они не допустят чтения им во время молитвенных собраний отрывков из Корана и Библии.

20 января, в момент, когда Ганди выступал перед тысячами людей, собравшихся у «Бирла-хаус», террорист бросил в него бомбу, но она не причинила никому вреда. Ганди при этом даже не вздрогнул.

— Враг мусульман является врагом Индии, — сказал он и призвал присутствующих сохранять спокойствие.

Махатма продолжает вести прежний образ жизни и не разрешает полицейским проводить обыски людей, приходящих в сад его резиденции на вечерние собрания. Он великодушно прощает покушавшегося на его

жизнь террориста.

В те же дни, когда Неру был в Амритсаре, на него тоже было совершено покушение: злоумышленник бросил небольшую самодельную бомбу, но, к счастью, промахнулся.

Все эти инциденты наводили на мысль о заговоре, о том, что, возможно, кому-то выгодно устранить Ганди и Неру.

30 января 1948 года Ганди, облаченный в белую полотняную одежду, в сопровождении своих внучек Авы и Ману вышел в сад на молитвенное собрание. Часы показывали 17 часов 17 минут. Из толпы выделился человек в рубашке цвета хаки и, быстро подойдя к Ганди, сказал:

— Вы сегодня запоздали.

— Да, — начал было отвечать Махатма, как раздались выстрелы. Убийца стрелял в упор. Две пули попали в область сердца, одна — в живот.

— Боже мой! — успевает еще произнести Ганди и падает. На его белой одежде расплываются красные пятна.

Близкие Махатмы переносят его безжизненное тело в дом, кладут на матрац, лежащий на каменном полу в переднем углу совсем пустой комнаты, и прикрывают простыней. Все вокруг быстро погружается в густую темноту ранней зимней ночи. А к дому, где жил Ганди, спешили люди. Джавахарлал и еще несколько членов кабинета прибыли сюда уже через несколько минут после случившейся трагедии.

Премьер-министр, словно оцепенев, стоял перед телом учителя. Восковое лицо Неру выражало состояние глубокого душевного потрясения. Он вышел в соседнюю комнату, где собрались министры: надо было принять решение об организации похорон.

Толпа перед домом все увеличивалась, и, несмотря на усилия сотен полицейских, пытавшихся прекратить доступ к дому, люди проникали в сад и, плотно заполнив его, требовали, чтобы им сообщили, что произошло с Ганди.

Выйдя к народу, Неру поднялся на стену, которая ограждала сад, и бушевавшая толпа, увидев знакомую фигуру премьер-министра, четко освещенную уличными фонарями, утихла.

— Из нашей жизни ушел свет, и всюду воцарилась темнота, — прерывающимся от скорби голосом произнес первые слова Неру. — Я не знаю, что сказать вам или как об этом сказать. Нашего горячо любимого вождя, Бапу, как мы называли его, отца нации, больше нет. Мы не придем теперь к нему за советом и утешением, и это ужасный удар не только для меня, но для миллионов и миллионов в этой стране...

Я сказал, что погас свет, но я не прав, поскольку свет, который освещал

нашу страну, был не простым светом. Свет, озарявший страну в течение многих лет, будет гореть еще долгие годы...

Неру говорил людям, что лучшей памятью о Ганди будет строгое следование его призывам о прекращении братоубийственной вражды религиозных общин и восстановление в стране мира, ради которого и отдал он свою жизнь.

Позднее, вечером, Неру выступил по Всеиндийскому радио с обращением к народу — объединить усилия в строительстве новой Индии, о которой так мечтал Ганди.

Вероломное убийство в Дели потрясло всех тех людей в мире, кто с симпатией следил за мужественной борьбой индийского народа. Представитель СССР в ООП А.А.Громыко, выступая 30 января 1948 года на заседании Совета Безопасности, заявил: «Ганди, как один из наиболее выдающихся политических лидеров Индии, безусловно, оставил глубокий след в истории Индии... Имя Ганди будет всегда связано с той борьбой, которую народ Индии вел на протяжении длительного исторического периода времени за свое национальное освобождение».

Утром следующего дня тело Махатмы было выставлено для прощания. Страна погрузилась в траур. Тысячи и тысячи людей на площадях и улицах индийских городов и селений стояли в скорбном молчании. Многие индусы испытывали горький стыд, узнав, что убийцей оказался активист индусской ультрашовинистической организации «Хинду махасабха».

Уже вторые сутки Неру не ложился спать. Отдав необходимые распоряжения, он снова и снова приходил к телу Махатмы, покрытому национальным флагом и сплошь засыпанному цветами.

Носилки с телом Ганди возложили на орудийный лафет. Индийские военные моряки, взявшись за привязанные к лафету длинные канаты, медленно повезли Махатму в последний пятнадцатикилометровый путь к берегу реки Джамны. Перед строем почетного караула солдат, который шел впереди процессии, расступалось море людей в белом, желающих проститься с Махатмой — Великой душой Индии.

В шестнадцать часов священник передал факел младшему сыну Ганди, Девандасу, и тот зажег погребальный костер...

Сегодня на этом месте, именуемом «Раджгхат», воздвигнут мемориал Ганди. Здесь всегда много людей, приходящих из разных концов Индии. Они усыпают каменную плиту лепестками цветов и, сложив ладони перед собой, низко кланяются праху одного из основателей свободной Индии.

Еще за шесть лет до своей смерти Махатма Ганди на Всеиндийском комитете Конгресса назвал Неру своим единственным политическим

преемником, отклонив при этом всякие сомнения в руководстве ИНК насчет того, что он и Неру объясняются на разных политических языках. «Язык, — твердо ответил тогда Ганди, — не препятствие к единению сердец. Я знаю, что, когда меня не станет, он будет говорить моим языком».

Тем не менее правые нередко отводили Пателю второе после Ганди место в конгрессистской иерархии. Патель открыто противопоставлял себя премьер-министру, а в последнее время перестал считаться даже с мнением Ганди.

Но выстрелы 30 января обернулись против Пателя. Некоторые видные конгрессисты возлагали на него, как на министра внутренних дел, ответственность за случившееся и требовали объяснения, почему он не принял надлежащих мер по охране жизни Ганди.

Патель негодовал:

— Враги Конгресса стремятся расколоть партию, выдвигая против меня подобные обвинения.

Неру многое не нравилось в Пателе: вызывающе-пренебрежительное отношение к интеллигенции, язвительные насмешки в адрес конгрессистов, придерживающихся социалистических убеждений, неоправданно жестокое отношение к коммунистам. Однако Неру не относился к тем политикам, у которых личная неприязнь к тому или иному человеку делала невозможной работу с ними. Он ценил в Пателе организаторские способности и не сомневался в его преданности идее борьбы за самостоятельную, сильную Индию.

Как-то, вскоре после смерти Ганди, американский журналист спросил Неру, правильно ли было бы представлять его и Пателя как «политических дуэлянтов» и зависит ли будущее страны от того, кто из них победит?

— Мы резко расходимся в деталях по конкретным вопросам нашей деятельности и часто оказываемся на разных полюсах, — откровенно ответил премьер. — Странно, но память о Ганди все же удерживает нас вместе.

Но не стало Ганди, и что-то разладилось в, казалось бы, до этого успешной карьере Пателя. Острые переживания политических и личных неудач в конечном счете ослабили незаурядную энергию и сломили волю Пателя: в марте 1948 года с ним случился сердечный удар.

Однажды, уже оправившись после продолжительной болезни, он на одном из митингов наблюдал, с каким энтузиазмом огромные массы крестьян приветствовали появление Неру и не обращали внимания на него, Пателя.

— Мне никогда не повернуть их к себе, — сокрушенно признался

Патель одному из присутствующих. — Они пришли сюда, чтобы увидеть Джавахарлала.

Насильственная смерть Ганди была невосполнимой утратой для всей нации. Опираясь на поддержку Ганди, заботившегося об интересах всего народа, а не только о его избранных сословиях, Неру было легче преодолевать участвовавшие за последнее время внутрипартийные кризисы и проводить через Конгресс и правительство важные политические решения.

В эти скорбные дни Неру заметно изменился даже внешне: на его осунувшемся лице углубились морщины, взгляд стал строже... Он много размышляет о создавшейся в связи со смертью Махатмы политической обстановке и думает, как мало людей обладает таким даром проникновения в духовную сущность своего народа, каким обладал Ганди, и как немногим выпадает такое счастье -

Мир узреть в одной песчинке,
Небо — в полевом цветке,
Вечность в час вместить единый,
Бесконечность сжать в руке.

«Совершенно верно, что Ганди, действуя в плоскости националистического движения, не думал терминами конфликта классов и пытался улаживать их разногласия. Но деятельность, которой он предавался и которой он обучал народ, — приводит к выводу Неру, — неизбежно подняла в огромной степени сознание масс и придала социальным проблемам первостепенное значение. А его настойчивое стремление повысить уровень масс там, где необходимо, за счет интересов привилегированных дало национальному движению сильную ориентацию в пользу народа».

Неру убежден, что сторонники социалистических и демократических преобразований должны непременно опереться на огромный опыт работы Ганди с массами и вместе с его последователями составить мощную силу в борьбе за укрепление государственной независимости Индии, демократию и мир. Об этом же говорится и в резолюции состоявшегося в феврале 1948 года второго съезда Компартии Индии, резко осудившего убийство Махатмы Ганди.

Неру понимает, что террористический акт против Ганди подготовлен людьми, принадлежащими к религиозно-политической элите, которые

добиваются сохранения за собой классовых и кастовых привилегий в независимой Индии. Махатма ценой своей жизни не только погасил пламя религиозной войны, зажженное англичанами и поддержанное мусульманской и индусской реакцией, но и нанес сильный удар противникам создания в Индии единой демократической республики.

И Неру уверенно берет в свои руки знамя Ганди — демократа, патриота, гуманиста, организатора массового движения индийского народа...

«В жизни всему есть свое время — работе, отдыху, смеху и слезам. Сегодня для нашей нации наступило время работы», — говорит премьер-министр. И сам он трудится удивительно много. Когда его упрекают в том, что он не жалеет себя, Неру отвечает:

— Откуда вы взяли, что труд плохо действует на здоровье? Люди скорее умирают от лени или от чего-то иного, но не от осмысленного, имеющего добрую цель труда. Работа только прибавляет мне жизненных сил.

Премьер-министр озабочен тяжелым экономическим положением страны: нехваткой продовольствия и товаров первой необходимости, спадом промышленного и сельскохозяйственного производства, разрухой на транспорте, безработицей. Его угнетает сознание того, что правительство не способно серьезно повлиять на промышленников и крупных землевладельцев, которые, не желая отказываться от высоких прибылей, усиливают эксплуатацию трудящихся. Подводя итоги первого года существования Индийского Союза, Неру заявляет: «Большая часть года у нас ушла на ликвидацию внутренних волнений. Мы не имели времени заняться необходимыми делами. Наши экономические проблемы не только не разрешены, но стали еще более сложными в результате событий, которых мы надеялись избежать. Так, одна из самых наших богатых провинций — Пенджаб — не дает никакой продукции; миллионы людей, производивших ранее сельскохозяйственные продукты, сейчас — безработные беженцы».

Неру сочувственно относится к справедливым требованиям рабочих об улучшении условий их труда и жизни. Преодолевая сопротивление группы Пателя в правительстве и Учредительном собрании, он уже в 1948 году добивается принятия законов о государственном страховании рабочих и служащих, об установлении минимума заработной платы, об арбитражном разрешении трудовых конфликтов, а также законов, направленных на облегчение женского и детского труда.

Индийские промышленники и банкиры не скрывают возмущения деятельностью «социалистического» премьера, который 6 апреля 1948 года провозглашает декларацию о политике правительства в области промышленности. Неру решительно заявляет, что намерен добиваться поднятия уровня промышленного производства при активной и возрастающей роли государства; он объявляет о создании государственного сектора в экономике Индии. В собственность государства переходят все предприятия, принадлежавшие ранее колониальным властям, а также железнодорожный транспорт и предприятия, производящие вооружение; национализируется крупнейший в стране «Резервный банк».

Не обращая внимания на вопли буржуазной прессы и едкие реплики со стороны некоторых своих министров и послов западных стран, Неру настаивает на необходимости регулирования развития крупной промышленности не только в государственном, но и по возможности в частном секторе. Металлургия, энергетика, станкостроение, химия, горнодобыча, транспорт — все эти жизненно важные отрасли экономики должны быть поставлены под контроль молодого освободившегося государства и развиваться на основе пятилетних планов.

Посол США в Дели Грэйди запугивает Неру тем, что попытка превратить Индию в индустриальную страну может привести к нарушению «естественного хода» ее экономического развития. А тем временем из посольства в Вашингтон идут шифрованные телеграммы о том, что Неру является не кем иным, как «замаскированным коммунистом».

Неру страстно желает достичь единства усилий нации в преодолении тяжелого колониального наследия. Для общества, раздираемого классовыми конфликтами, задача чрезвычайно трудная. Кажется, экономическим и политическим положением Индии недовольны все, но каждая социальная группа проявляет недовольство по-разному. И все же премьер-министр не отступает от своей цели.

Тем временем правая реакция в Конгрессе во главе с Пателем обрушивает жестокие репрессии на коммунистов и профсоюзных лидеров.

Неру по возможности сдерживает чрезмерное усердие министра внутренних дел по «наведению порядка» на фабриках и заводах, но у того есть «веские основания» для арестов, и он нападает на премьер-министра, обвиняя его в проявлении излишней интеллигентности и нерешительности в отношении забастовщиков и «дезорганизаторов» производства.

В обстановке обостряющихся классовых противоречий Неру все чаще прибегает к методам политического руководства, унаследованным им от Ганди. Обращаясь к народу, он призывает индийцев к дружной и упорной

работе для того, чтобы превратить Индию в сильную, процветающую страну, что позволит ей стать не только политически, но и экономически независимой.

— Все мы говорим об Индии, и каждый из нас требует от нее многого. А что мы даем Индии взамен? — обращается Неру к соотечественникам. — Мы ничего не можем получить от нее сверх того, что дадим ей сами. В конечном счете Индия вернет нам все то, что даем мы ей: Индия будет такой, какими являемся мы сами. Ее образ создается по подобию наших мыслей и поступков.

Множество неотложных повседневных дел — заседания членов кабинета, дебаты в Учредительном собрании, выступления на митингах, прием иностранных послов, встречи с журналистами, беседы с конгрессиистскими и общественными деятелями, бесконечный поток различных просителей — не может заслонить премьер-министру ясного видения главной задачи. Поздними вечерами, когда его никто не отвлекает, Неру сосредоточенно работает над проектом конституции будущей Республики Индии.

В Лондоне настороженно следят за его деятельностью. Английское правительство уже не раз могло убедиться, что Неру не пойдет на сделку со своей совестью. Он иронически называет себя «практическим идеалистом». Но если политика в известной мере искусство объективной оценки возможностей, то Неру владеет им в совершенстве. Здесь он реалист, твердо, шаг за шагом идущий к достижению цели.

И консерватора Черчилля, и лейбориста Эттли преследует один и тот же кошмар распада английской империи, которую предусмотрительно переименовывают в Британское содружество наций.

Маунтбэттен собственноручно разрабатывает образец флага Индии, описание которого должно быть включено в конституцию, это то же знамя Индийского национального конгресса с прялкой посередине, а в углу его... «Юнион Джек» (!) — британский государственный флаг. Но Неру отвергает «любезную услугу» лорда. Тогда тот пытается изъять из проекта конституции Индии слово «Республика», но тщетно.

Вопрос о характере будущих отношений Индии с Англией — один из самых сложных для Неру. Можно легко поддаваться настроениям мести за колониальное прошлое страны и сразу же объявить о полном разрыве с бывшей метрополией. Но будет ли это решение на пользу молодому государству? Индийская экономика тысячами нитей связана с Англией, со стерлинговой зоной. Нельзя так сразу, с наскока разрушить сложившиеся в течение многих десятилетий экономические связи Индии; какими бы

плохими они ни были, они должны быть чем-то заменены, рассуждает Неру. По мере накопления сил надо тверже вставать на собственные ноги, используя политическую независимость, добиваться экономической самостоятельности страны. А пока без какого-либо ущемления государственного суверенитета Индия может сохранить формальные связи с Британским содружеством наций. «Пусть наше членство в Содружестве будет плюсом к независимости, а не минусом из независимости», — считает Неру. По его рекомендации сессия ИНК, проходившая в декабре 1948 года в Джайпуре, принимает резолюцию о достижении полной независимости и объявлении Индии республикой. «Существующую ныне ее ассоциацию с Соединенным королевством и Содружеством наций, — говорится в резолюции, — необходимо изменить. Индия, однако, стремится сохранить с другими странами все связи, которые не препятствуют ее свободе и независимости, и Конгресс приветствует ее свободную ассоциацию с независимыми нациями Содружества во имя общего блага и сохранения мира во всем мире».

Неру и мысли не допускает о возможности закрепления за Индией статуса доминиона. Проводя в апреле 1949 года переговоры в Лондоне, он выдвигает перед правительством Эттли единственно возможную формулу членства Индии в Содружестве: Англия и ее доминионы должны согласиться сохранить за Индией права, вытекающие из ее участия в Содружестве, хотя она становится независимой республикой и в отличие от доминиона не будет признавать верховенства английской короны. Индия оставляет за собой право выхода из Содружества в любое время, когда она сочтет это нужным.

Один из индийских журналистов, говоря о позиции Неру на переговорах в Лондоне, шутливо охарактеризовал ее так: «Исключите меня из Содружества, оставив в нем, или примите меня в Содружество, предоставив возможность находиться вне его».

Неру отклоняет как абсолютно неприемлемое предложение Австралии о присвоении английскому монарху титула «короля Содружества». Он категорически отвергает и просьбу Эттли согласиться с тем, чтобы король хотя бы формально утверждал избрание президента Республика Индии. Эттли вынужден согласиться с формулой Неру.

Индийский лидер понимает, что согласие Индии остаться в составе Содружества является вынужденной уступкой, но эта уступка сделана с достоинством гордой и свободолюбивой нации.

14 ноября 1949 года Джавахарлалу Неру исполнилось 60 лет. Он полон

сил и планов на будущее. В этом возрасте время становится особенно дорого, а здоровье требует более бережного к себе отношения. На сон Неру отводит четыре-пять часов в сутки. Встает рано, обязательно делает зарядку по системе йогов, иногда ездит верхом, плавает; в еде умерен, соблюдает диету: овощи, фруктовые пудинги, молоко. Индира — единственная и полноправная хозяйка в доме: на ней все заботы об отце, она же его собеседница в редкие свободные минуты.

Собранность Неру, его строгая требовательность к себе, высокая духовная культура — эти приобретенные им в жизни качества помогают ему выдерживать постоянное нервное напряжение и эмоциональные перегрузки.

Теперь, когда основная цель жизни — создание Республики Индии — так близка, ему кажется, что, встретившись с любыми препятствиями, он непременно одолеет их.

Наступил памятный для каждого индийского патриота день принятия конституции, в преамбуле которой записано:

«Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как суверенную демократическую республику и обеспечить всем ее гражданам:

Справедливость, социальную, экономическую и политическую;

Свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов;

Равенство положения и возможностей, а также содействовать распространению среди всех них

Братства, обеспечивающего достоинство личности и единство нации,

-

На нашем Учредительном собрании сегодня, двадцать шестого ноября 1949 года, настоящим принимаем, устанавливаем и даем сами себе настоящую Конституцию».

Конституция должна была вступить в действие с 26 января 1950 года.

Неру, говоря о перспективах социального развития страны, подтверждает свою приверженность идее построения в Индии «общества социалистического типа». Это положение формально не вошло в конституцию, но вскоре оно будет сформулировано в программе ИНК. Неру видел громадный объем еще не решенных политических, социальных и экономических задач, стоящих перед республикой, но он от души радовался тому, что ему удалось если не на практике, то хотя бы теоретически, в том числе и в ряде положений, содержащихся в конституции, сформулировать программу борьбы Индии за демократию и мир.

Индия стала первым освободившимся от колониального ига государством, которое в разгар «холодной войны» возвело свою политику, направленную на «содействие международному миру и безопасности», в конституционный принцип. Большая заслуга в этом принадлежала Неру. Именно он разработал основы прогрессивного внешнеполитического курса своей страны. Его авторитет в сфере международных дел был настолько непререкаем, что даже Патель и стоявшие за его спиной другие министры, в чем-то не соглашаясь с Неру, не рисковали открыто оспаривать предпринимаемые премьер-министром шаги в области внешней политики.

Однако никто не смог бы упрекнуть Неру в единоличном решении этих жизненно важных для страны вопросов. В отличие от того же Пателя ему были чужды диктаторские замашки. Понимая, что стабильность внешнеполитического курса Индии зависит от широкой поддержки и одобрения его большинством Конгресса и в конечном итоге всем народом, премьер-министр придавал особое значение свободному обсуждению внешнеполитических вопросов в парламенте страны. Неру часто выступает по радио, в прессе, не избегая журналистов, охотно дает им интервью, — словом, использует все возможности для разъяснения индийскому народу и мировой общественности позиции Индии: «Мы никогда не помышляли, чтобы изолировать себя... от других стран или же враждебно относиться к тем государствам, которые господствовали над нами... Мы хотим быть в дружбе со всеми». Неру признает, что такую позицию занимать сегодня непросто: «Когда люди преисполнены страха друг перед другом, всякого, кто пытается остаться нейтральным, подозревают в сочувствии к противной стороне». Высказываясь об этом во время дебатов в Учредительном собрании, Неру ссылается на свою беседу с одним из представителей администрации США. Тот, осуждая политику нейтралитета, «критиковал Индию и употреблял такие выражения, которые показывают, как мало ее знают и понимают даже государственные деятели Америки», — возмущенно замечает индийский премьер-министр.

Неру внимательно следит за маневрами американской дипломатии. Еще в 1941 году США, используя союзнические отношения с Англией, добились от нее согласия на обмен дипломатическими представительствами с Индией. В Дели во время второй мировой войны находился американский дипломат в ранге министра. В 1943 году Индию посетил личный представитель президента США Уильям Филиппс, который затем рекомендовал Ф.Д.Рузвельту «добиться права голоса в индийских делах».

Подоплека повышенного интереса американского правительства к

Индии была для Неру очевидной: США стремились потеснить английских конкурентов и укрепить в этом обширном районе Южной Азии собственные позиции.

Еще в мае 1948 года Неру получил официальное приглашение посетить США. Но многие как внешние, так и внутренние обстоятельства не позволяли ему осуществить этот визит. К тому же он и не торопился. Будучи весьма щепетильным в вопросах политической морали, он полагал, что поездка в Америку до получения Индией независимости могла быть истолкована как его стремление осложнить англо-американские отношения и заполучить против Лондона поддержку из-за океана. Его возмущала также позиция американского посла в Дели, цинично заявлявшего, что «в мировой схватке чрезвычайно важно удержать Индию на стороне США». Не нравилось Неру и обилие статей, появившихся в это время в американской печати, в которых Индии обещалась щедрая помощь на условиях, если она откажется от политики нейтралитета и станет союзником США в борьбе против «распространения коммунизма» в Азии.

Безусловно, он знал, что существует две Америки: Америка миролюбивая, трудовая и Америка крупнейших в мире монополистических корпораций с их военно-промышленным комплексом, Америка демократических традиций, унаследованных со времен Вашингтона и Линкольна, и Америка реакционеров и расистов.

Вместе с тем Неру отдавал себе отчет в том, что независимая Индия не может не стремиться к развитию политических и торгово-экономических отношений с такой крупной страной, как США. Индийско-американские отношения должны были служить интересам мира, интересам народов обеих стран. Правда, индийский премьер-министр не тешил себя особо радужными перспективами относительно расширения экономического сотрудничества с Соединенными Штатами. Он читал информацию индийских представителей в Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока, которые сообщали, что между Индией и США выявились глубокие противоречия. Американцы выступали против Индии, предлагавшей с целью защиты национальной экономики ограничить деятельность иностранных монополий; они резко критиковали индийцев за их намерение проводить политику индустриализации своей страны.

Отсталые формы феодального землевладения в Индии обуславливали хроническое недопроизводство зерновых, стране угрожал новый голод, и Неру связывал свой визит в США с надеждой на получение экономической помощи. Его первая поездка по Америке и Канаде проходила с 11 октября по 7 ноября 1949 года. На Американском континенте стояла сухая,

солнечная осень. Индийскому лидеру была устроена пышная встреча.

— Судьба сложилась так, — приветствовал его в вашингтонском аэропорту президент США, — что наша страна была открыта в поиске нового пути в Индию. Я надеюсь, что ваш визит в определенном смысле станет тоже открытием Америки.

Однако во время переговоров, к явному разочарованию Трумэна, Неру сразу же заявил, что Индия ни на йоту не поступится своей свободой в обмен на экономическую помощь. Участвовавший в переговорах будущий американский посол в Индии Честер Боулс вспоминал, что для многих американцев «Неру был беспокойной загадкой... Некоторые должностные лица в Вашингтоне действительно сомневались, не сочувствует ли он коммунистам».

— Меня часто спрашивают, — говорил Неру американцам, — почему бы Индии не вступить в союз с какой-либо страной или не присоединиться к блоку стран? При этом нас упрекают в том, что мы как бы сидим на заборе, разделяющем мир на два враждующих лагеря... Индия проводит не просто нейтралистскую внешнюю политику. Она осуществляет активную позитивную политику борьбы за мир и свободу. Мир необходим не только нам для того, чтобы идти по пути прогресса и развития, в нем нуждается все человечество. Урок двух последних войн не должен быть забыт, а мы идем все той же опасной дорогой.

Индийский лидер не поддается никаким уговорам отказаться от планов индустриализации Индии.

— Кое-кто беспокоится за нарушение сложившегося в мире экономического баланса, — говорит он. — Но освободившиеся страны Азии должны позаботиться о повышении уровня жизни своего населения, а это невозможно без развития промышленности.

В ходе переговоров американцы вновь попытались было заручиться согласием Неру на посредничество США в «урегулировании» индийско-пакистанских разногласий из-за Кашмира, на что премьер-министр без обиняков ответил: «Если вы желаете, чтобы этот вопрос был урегулирован, то, пожалуйста, не вмешивайтесь. Предоставьте возможность решить его Пакистану и Индии».

Когда Неру ступил на американскую землю, он выразил надежду, что его визит одновременно будет и полезным и приятным. Какой-то журналист припомнил эти слова и в конце поездки премьер-министра по США с издевкой спросил его, считает ли он по-прежнему свой визит полезным.

— Визит был очень полезным и развлекательным, — с иронической

интонацией ответил Неру.

— В каком смысле он был полезным? — не унимался журналист.

Неру, смеясь, сказал:

— Визит многому меня научил.

Переговоры премьер-министра в Америке не принесли желаемых результатов: экономической помощи Индия не получила. Неру испытывал, однако, немалое удовлетворение от того, что он развеял надежды американского правительства на то, что удастся вовлечь Индию в «холодную войну» против СССР. Отверг индийский лидер и планы американских монополий подчинить индийскую экономику своим интересам.

Результаты визита Неру, как сообщалось в отчете государственного департамента США за 1949 год, «вызвали у обеих сторон чувство определенного раздражения».

До поездки Неру в США будущее индийско-американских отношений было предметом скрытой борьбы в правящих и деловых кругах Индии: часть конгрессистов рассчитывала на щедрую помощь Америки, крупная национальная буржуазия мечтала о льготных займах. В то же время другая часть деловых кругов Индии, традиционно связанная с английским капиталом, а также проанглийски настроенные конгрессисты выступали против расширения связей с Соединенными Штатами.

Когда Неру проинформировал о своей поездке в США Рабочий комитет Конгресса, не последовало ни вопросов, ни дискуссий. Всем было ясно, что между двумя странами имеются серьезные расхождения: правительство Трумэна резко критикует политику неприсоединения Индии к блокам. Индийское правительство осуждает приверженцев «холодной войны», колониализм и расовую дискриминацию. Обнаружились большие противоречия и по вопросам внешней торговли, а также в отношении условий и размеров американских капиталовложений в индийскую экономику.

Джавахарлал Неру все больше проникается убеждением, что в атомный век предотвращение новой мировой войны должно стать заботой не только правительств, политиков и дипломатов, но и всех людей доброй воли. Опираясь на поддержку народа и демократические силы страны, Неру критикует тех, кто считает движение за мир «коммунистической пропагандой»; он приветствует индийских сторонников мира и постоянно оказывает им содействие.

Наступило 26 января 1950 года. Ровно двадцать лет назад индийский

народ по призыву Неру и его соратников дал торжественную клятву бороться за полную независимость родины от чужеземного господства. Дорога борьбы была долгой и трудной. Десятки тысяч индийцев заплатили за свободу своими жизнями. Люди страдали в тюрьмах, погибали в полицейских застенках. Но народ выполнил свою клятву и сегодня праздновал победу.

В этот день вступила в действие новая конституция. Власть английского монарха над Индией низложена. Страна объявлена республикой. Главой государства стал один из руководителей ИНК Раджендра Прасад, правительство республики возглавил Джавахарлал Неру. Столица пробудилась от веселого шума тысяч людей, тянувшихся нескончаемым потоком по улицам к национальному стадиону в Нью-Дели, где должны состояться парад вооруженных сил и праздничное шествие делийцев.

Ликующие колонны скандируют слова, прославляющие республику и ее героев. Дети пригоршнями разбрасывают ароматные лепестки роз. Начинается красочный парад. Проходит строй пехотинцев, моряков; проезжают воины пустынь — всадники на одnogорбых верблюдах, медленно ступают диковинно разукрашенные слоны — дань традиции веков. Кажется, что от пестрых, ярких красок звенит воздух. Поражают своими причудливыми одеждами оркестранты, особенно виртуозные барабанщики в тигровых и леопардовых шкурах, перекинутых через плечо.

Стадион заполняют колонны демонстрантов, идут ветераны национально-освободительного движения. И снова ликуют трибуны, сверкают улыбки — повсюду радость победы.

Неру чувствовал себя нераздельной частицей переполненного весельем народа, он тоже праздновал победу, за которую боролся всю свою жизнь. Но в эти счастливые минуты его мысли уже были заняты завтрашним днем Индии. Он отчетливо осознавал, что провозглашение республики — это только очередной шаг, и, может быть, не самый трудный на пути строительства новой Индии. Предстоит преодолеть вековую отсталость страны, ликвидировать ужасающую бедность масс, безработицу, неграмотность, добиться экономической самостоятельности Индии, укрепить ее государственные, демократические устои, добиться того, чтобы Индия заняла достойное ее место в мировом сообществе.

Глава XIII

*Мне новый мир открывается, что ни
мгновенье,
Каждый шаг мне сулит откровенье,
Ветром странствий овеяна грудь...*

Рабиндранат Тагор

Длиннокрылая серебристая птица бесшумно парила над пригородами Дели, выписывая огромные круги в безоблачном тропическом небе. Восходящие от пышущей жаром земли потоки воздуха гнали ее все выше в прохладные слои атмосферы. Неру не мог отказать себе в удовольствии хотя бы раз в году подняться в небо на планере и испытать в свободном полете радость общения с воздушным океаном.

Члены индийского клуба планеристов, почетным патроном которого был Неру, собрались на поле аэродрома и с интересом следили за полетом планера.

Описав последний круг, планер устремляется на посадку. Со всех сторон по выжженному солнцем полю к нему бегут люди.

— Господин премьер-министр, скажите, вам не страшно заниматься столь рискованным видом спорта, — спрашивает у Неру неизвестно как попавший сюда журналист.

— Умирать-то рано или поздно придется, но нельзя из-за страха лишать себя такого удивительного ощущения, какое испытывает планерист, — с улыбкой отвечает премьер-министр и, не задерживаясь, направляется к ожидающему его автомобилю.

Да, его поколение уже прожило большую часть своей жизни, трудной и искалеченной двумя мировыми войнами. Теперь важно подумать о новом поколении людей. Сегодня они живут как бы под тяжестью смертного приговора, исполнение которого отложено только на время. Изю дня в день им внушают мысль о неизбежности войны. Некоторые государственные деятели на Западе все чаще дают волю безрассудному гневу. Президент США Трумэн уже объявил, что «с началом новой войны он отдаст приказ о применении атомного оружия без колебаний, как несколько лет назад приказал применить это оружие против Хиросимы и Нагасаки».

Неру не пацифист. Действительность убеждает его, что сегодня, к сожалению, не всегда можно обойтись без применения силы. Он вынужден заботиться о защите Индии и готовиться к любым неожиданностям.

Далеко не все политические деятели Запада отдают себе отчет в грандиозности перемен, происшедших в Азии, которая освобождается от колониального гнета. Страны Азии, по убеждению Неру, нуждаются в дружбе и сотрудничестве, они слишком поглощены этими заботами, чтобы быть вовлеченными в международные конфликты. Однако их втягивают в эти конфликты вопреки их воле.

Особенно беспокойна обстановка на Дальнем Востоке. 27 июня 1950 года Трумэн отдал приказ американской армии и флоту начать вооруженную интервенцию в Корею и оккупировать остров Тайвань. Правительство США также приняло решение увеличить военную помощь колониальным войскам Франции во Вьетнаме...

...После провозглашения республики ее президент разместился в прежней резиденции вице-короля, получившей теперь название «Раштрапати бхаван» («Президентский дворец»), а премьер-министр занял дом бывшего английского главнокомандующего в Индии. Это здание, выстроенное из красного песчаника, расположено рядом с президентским дворцом на аллее «Тин Мурти» («Три статуи»). Перед его фасадом на широком кругу, от которого радиально расходятся пять городских магистралей, высится памятник трем индийским воинам — пехотинцу, моряку и летчику.

Всегда открытые настежь металлические ворота ведут в утопающий в цветах сад резиденции. На первом этаже большая комната для приема посетителей.

Неру, наверное, был одним из самых доступных руководителей государства. Каждое утро, после завтрака, когда он спускался в сад, его ожидали там люди, желавшие поговорить со своим премьер-министром. И не было такого случая, чтобы он не уделил им хотя бы несколько минут своего времени. В телефонной книге на букву «Н» каждый мог найти строчку: «Неру, Джавахарлал, премьер-министр, резиденция 32-3-12, служебный 32-1-60». И люди звонили и разговаривали с ним, если он был на месте и не занимался срочными и неотложными делами.

Кабинет Неру находился на втором этаже: длинный письменный стол, над ним портрет отца — Мотилала, на самом столе, слева — портрет Ганди, вдоль стен, обитых деревянными панелями, — книжные шкафы, у выхода на веранду — журнальный столик, два кресла и диван.

В июле 1950 года Неру заявил на пресс-конференции, что индийское правительство выступит против мер, направленных на расширение войны в Корее, и призвал великие державы начать переговоры о прекращении военных действий.

Свет настольной лампы мягко падал на чистый лист бумаги. Неру выбрал одну из лежавших на столе ручек и быстро написал: «Его превосходительству, Председателю Совета Министров СССР И.В.Сталину».

Откинувшись на спинку стула, задумался, ровно постукивая пальцами руки по крышке стола, достал из пачки сигарету, привычно разломил ее пополам и, вставив половинку в длинный мундштук, закурил. Встал, подошел к книжному шкафу, полистал две-три книги и вернулся за стол. Он вновь обдумывал прочитанную им еще днем запись беседы индийского посла в Москве С.Радхакришнана⁷³ с заместителем министра иностранных дел СССР А.А.Громыко.

Посол с удовлетворением сообщал о теплой и дружественной обстановке, в которой проходила эта беседа. Советское правительство было встревожено агрессивными действиями Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. А.А.Громыко сказал послу, что Индия, встав на путь самостоятельного политического развития, играет важную роль в отстаивании дела мира.

Неру приятно было отметить, что, судя по сообщению Радхакришнана, советские руководители не сомневаются в подлинном характере независимости Индии. Правда, английская дипломатия не без умысла, как бы «по инерции», пыталась подменять Индию в международных делах. Неру был чрезвычайно раздосадован, когда узнал, что индийские дипломаты в Москве по недопустимой наивности хранили свой шифровальный код в английском посольстве. Для премьер-министра не было секретом, что некоторые индийские правительственные чиновники все еще не могли преодолеть в своем сознании психологический барьер в отношениях с англичанами.

Что можно предпринять для ликвидации угрозы миру на Дальнем Востоке? Маневры американской дипломатии очевидны премьер-министру. США прикрывают свои агрессивные планы против КНДР флагом ООН и рассчитывают воспользоваться отсутствием в Совете Безопасности советского представителя, который с января 1950 года не участвует в его работе в знак протеста против отказа принять КНР в члены ООН.

Неру убежден, что без Советского Союза, который проявляет искреннюю заинтересованность в укреплении мира, урегулирование

корейского конфликта будет затруднено, если вообще возможно.

«В беседах, которые наш посол имел с Министерством Иностранных Дел в Москве, он объяснил позицию Индии в корейском конфликте, — писал Неру Сталину. — Цель Индии заключается в том, чтобы локализовать конфликт и содействовать быстрому мирному урегулированию путем устранения нынешнего тупика в Совете Безопасности с тем, чтобы представитель Народного Правительства Китая мог занять свое место в Совете, СССР мог возвратиться в него и, в рамках Совета или вне Совета посредством неофициального контакта, СССР, США и Китай с помощью и при сотрудничестве других миролюбивых государств могли найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы. Будучи полностью уверенным в решимости Вашего Превосходительства поддержать мир и, таким образом, сохранить солидарность Объединенных Наций, я осмеливаюсь обратиться к Вам с этим личным призывом использовать Ваш высокий авторитет и влияние для достижения этой общей цели, от которого зависит благополучие человечества.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в моем самом высоком уважении».

Одновременно Неру направил послание и руководителям США.

Уже через два дня, 15 июля 1950 года, Неру читал ответ из Москвы:

«Приветствую Вашу мирную инициативу. Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием представителей пяти великих держав, в том числе Народного Правительства Китая. Полагаю, что для быстрого урегулирования корейского вопроса целесообразно было бы заслушать в Совете Безопасности представителей корейского народа.

Уважающий Вас

И.Сталин,

Премьер-министр Советского Союза».

Пришел ответ и из Вашингтона. Правительство США без зазрения совести обвиняло индийского премьера в «поощрении агрессии», в содействии «насилию и принуждению».

Впрочем, Неру вряд ли мог ожидать иной реакции американского правительства: оно слишком далеко зашло в осуществлении своей

«дипломатии силы». Тем не менее индийский руководитель рассчитывал, что недвусмысленная позиция Индии по корейскому вопросу непременно должна затруднить действия агрессора, каким являлись США. А безоговорочная поддержка мирной инициативы Индии Советским Союзом создавала прочную основу для того, чтобы потушить опасный очаг войны на Дальнем Востоке.

Враждебно встретили западные союзники по «холодной войне» позицию индийского лидера и по вопросу о заключении мирного договора с побежденной Японией.

Получив американский проект договора, Неру сразу же увидел в нем попытку империалистических держав узаконить превращение Японии в свой военно-стратегический плацдарм против стран Азии и Советского Союза.

Много усилий приложили английские и американские дипломаты, чтобы и в этом вопросе склонить индийского премьера на сторону Запада или хотя бы нейтрализовать его позицию. Как всегда, в ход были пущены и обещания оказать экономическую помощь Индии, и угрозы, но Неру прямо указывал на то, что американский проект мирного договора ущемляет суверенитет Японии и может лишь еще более осложнить обстановку на Дальнем Востоке. Неру выступал против предусматриваемой проектом договора передачи под опеку США двух японских островов и размещения на территории Японии американских войск. Он также настаивал на том, чтобы в договоре было указано, что Курильские острова и Южный Сахалин возвращаются Советскому Союзу, а Тайвань — Китаю.

После того как предложения Индии были отклонены западными державами, индийское правительство в ноте от 27 августа 1951 года заявило об отказе участвовать в Сан-Францисской конференции по заключению мирного договора с Японией⁷⁴.

Отказ Индии не мог изменить результатов конференции в Сан-Франциско, где большинство голосов принадлежало западным странам, но Неру хорошо осознавал, что последовательный антиимпериалистический курс его правительства содействует укреплению мира в Азии и в конечном итоге упрочению безопасности самой Индии.

В октябре 1951 года в Дели прибыл новый американский посол Честер Боулс, до этого бывший губернатором в штате Коннектикут. Человек неумных амбиций, он претендовал на то, чтобы через посредничество Индии, которая ему представлялась ключом ко всей остальной Азии, обеспечить руководящую роль США в определении судеб обширного

района, простирающегося от Касабланки до Токио.

Вопреки ожиданиям самоуверенного Боулса его первая встреча с Неру прошла в обстановке, лишенной и оттенка дружелюбия. Премьер-министр говорил сухо и настороженно, уделив ему не более двадцати минут. Неру, как вспоминал потом Боулс, не скрывал своего возмущения участившимися попытками американцев заставить его «плясать под их дудочку». На вопросы посла он отвечал одной-двумя фразами, а потом снова замолкал, скукаясь глядя в окно. Беседы не получилось, и обескураженный Боулс вернулся в посольство, не зная, что сообщить в Вашингтон о своей первой встрече с индийским премьером. Разве ради тропической жары и дипломатических неудач он покинул свой роскошный дом на реке Коннектикут? И все-таки Боулс продолжал навязчиво добиваться установления доверительных отношений с Неру. Но в беседах с послом премьер-министр всегда вежливо выслушивал его точку зрения, а затем, как бы размышляя вслух, показывал ее несостоятельность. Это случалось каждый раз, когда Боулс пытался отстаивать американскую политику «отбрасывания коммунизма» и вовлечения независимых азиатских стран в военные блоки.

В госдепартаменте США никак не могли решить вопрос о предоставлении Индии кредитов для закупки продовольствия. А тем временем в Бомбей одно за другим приходили советские суда, доставлявшие зерно Индии.

Американцы связывали свои надежды на политические перемены в Индии с Пателем, видя в нем возможного кандидата на пост премьер-министра. Но в декабре 1950 года Патель скоропостижно скончался. Через год произошла смена руководства ИНК: вместо П.Тандона, ставленника покойного Пателя, председателем Конгресса был избран Неру, в руках которого теперь сосредоточилась и государственная и партийная власть.

Выдвинув широкую политическую платформу демократических преобразований, экономического развития страны на плановой основе, правительство Неру проводит первые всеобщие выборы в Индии, на которых Индийский национальный конгресс завоевывает абсолютное большинство мест в парламенте республики.

18 февраля 1953 года в девять часов утра Неру, как обычно, принесли папку с особо важными документами. Первой в ней лежала телеграмма от посла Индии в СССР К.П.Ш.Менона, который информировал премьера о своей беседе с главой Советского правительства.

Сталин принял Менона в кремлевском кабинете вечером 17 февраля.

В 19 часов 45 минут, как было условлено заранее, машина, в которой находились К.П.Ш.Менон и второй секретарь посольства Т.Н.Кауль, свободно владевший русским языком, въехала в Боровицкие ворота, где стоял черный ЗИС-110, сразу тронувшийся с места при ее появлении. Следуя за головной машиной, индийские представители проехали по диагонали почти всю территорию Кремля к Никольской башне. Машины остановились у старинного трехэтажного здания Сената, где размещались Верховный Совет и Совет Министров СССР. Вместе с встретившим их офицером Менон и Кауль поднялись на лифте на второй этаж и, пройдя по длинному безлюдному коридору, оказались в небольшой светлой комнате — секретариате И.В.Сталина. В следующем помещении — приемной — гостей ждал невысокий сухощавый человек в строгом темном костюме, приветствовавший их на превосходном английском языке. Менон узнал в нем В.Н.Павлова, сотрудника Министерства иностранных дел СССР, который с начала сороковых годов в качестве переводчика часто сопровождал советских руководителей на многих важнейших встречах и переговорах с зарубежными деятелями.

Настенные часы негромко пробили восемь раз. Посол, Кауль и Павлов вошли в кабинет Сталина.

Сталин, за руку поздоровавшись с вошедшими, жестом пригласил их к стоявшему слева от входа длинному столу, покрытому темно-зеленым сукном.

Осторожно разглядывая хозяина кабинета, Менон в душе поражался тому, насколько не походил живой Сталин на многочисленные цветные или черно-белые портреты, которые доводилось видеть послу. В облике Сталина не было ничего величественного или сверхъестественного. Перед Меноном сидел старый, утомленный человек с землистого цвета лицом, усыпанным мелкими оспинами. Седые, редкие, аккуратно зачесанные назад волосы. Худые, морщинистые руки, на которых проступали желто-коричневые пигментные пятна. Тонкие нервные пальцы, медленно вертевшие спичечный коробок или карандаш...

Сталин заговорил тихим глухим голосом, не поднимая глаз на Менона:

— Я к Вашим услугам, господин посол.

Менон поблагодарил его за любезное согласие принять индийского представителя.

— Прием иностранных представителей, как Вы знаете, входит в обязанности Председателя Совета Министров СССР, — негромко перевел слова Сталина Павлов.

— Премьер-министр Неру просил меня, господин Сталин, передать Вам приветствие и пожелание доброго здоровья.

— Я признателен господину премьеру и, в свою очередь, прошу передать ему мой привет, — сдержанно произнес Сталин.

За этими словами последовала пауза, которую поспешил разрядить Менон.

— Мне хотелось бы отметить любезность и предупредительность работников советского МИДа по отношению ко мне и сотрудникам нашего посольства. На меня произвело большое впечатление то дружелюбие, которое проявляют советские люди к представителям Индии.

— Это вполне естественно, — сказал Сталин. — Для советских людей все народы и расы равны. Мы относимся уважительно к великому народу Индии.

Сталин взял блокнот и стал что-то рисовать в нем. Потом поднял на Менона прищуренные, чуть косившие глаза и вдруг спросил:

— В Индии основные языки хинди и урду? Родственны ли они? Как они развивались? На каком языке говорят уроженцы Гуджарата?

Посол постарался по возможности полнее ответить Сталину. Последний вопрос, как быстро прикинул в уме Менон, явно не случайный: очевидно, Сталину известно, что Ганди родился в Гуджарате. Посол счел уместным немного рассказать о гандизме, потом перешел к вопросам внешней политики Индии и, в частности, упомянул об обмене посланиями между главами правительств СССР и Индии в связи с войной в Корее.

Сталин, продолжая рисовать в блокноте, изредка кивал головой, будто желая показать, что он принимает к сведению слова посла. Когда Менон кончил говорить, Сталин сказал:

— Мы против нагнетания враждебности в отношениях между государствами. Такой же позиции, как мы понимаем, придерживается и правительство Индии. Но в Америке, — в голосе его появились жесткие интонации, — есть определенные круги, которые заинтересованы в сохранении конфликтных ситуаций. Бессмысленно читать мораль тем, кто способен наживаться на крови.

Он помолчал немного и, усмехнувшись в усы, спокойно заметил:

— Крестьянин — человек простой, но мудрый. Когда на него нападает волк, крестьянин не читает ему проповедей, а пытается убить зверя. И волк чувствует это и ведет себя соответственно...

Менон, не удержавшись, слегка наклонился к собеседнику и украдкой заглянул в блокнот, который лежал перед Сталиным. Страничка блокнота была испещрена изображениями волков в различных позах...

— Какие сейчас отношения между Индией и Пакистаном? — поинтересовался Сталин.

Посол ответил, что в индийско-пакистанских отношениях существует немало сложностей, таких, например, как вопрос о принадлежности Кашмира. Правительство Индии не без тревоги восприняло информацию о намерениях пакистанских руководителей присоединиться к одному из региональных военно-политических блоков, к созданию которых уже приступили империалистические державы.

— Потребуется время, чтобы сгладилась горечь вражды между индусами и мусульманами, порожденной британским владычеством, — добавил посол.

— Как это примитивно, — с неожиданной резкостью произнес Сталин, — создавать государство на религиозной основе!

— Премьер-министр Неру привержен идее светского государства и полон решимости неуклонно проводить ее в жизнь, — твердо сказал Менон. — Те пятьдесят миллионов мусульман, которые живут в Индии, должны чувствовать себя полноправными индийцами.

— Конечно, — поддержал Сталин, — и ваша политика по отношению к ним абсолютно правильная.

Вернувшись в посольство, Менон написал телеграмму о беседе в Кремле и, вызвав шифровальщика, распорядился отправить ее в Дели вне очереди...

Информация из Москвы не могла не порадовать Неру. Премьер хорошо знал, что в последние годы Сталин чрезвычайно редко принимал иностранных дипломатов, а это была уже вторая встреча главы Советского правительства с послом Индии. Одиннадцать месяцев назад, 5 марта 1952 года, Сталин беседовал в Кремле с предшественником Менона С.Радхакришнаном.

Отлично тренированная память сразу подсказала Неру главное из той первой беседы. Тогда Сталин заявил послу, что, по его мнению, не существует сколько-нибудь значительной международной проблемы, которую нельзя было бы разрешить путем переговоров. С ведома Неру С.Радхакришнан ознакомил индийских журналистов с содержанием беседы в Кремле. Газеты отмечали дружественную заинтересованность Советского правительства в прогрессе Индии и особо выделяли ту часть интервью Радхакришнана, где он говорил о том, что Сталин ни словом не обмолвился о необходимости для индийцев во всем следовать примеру Советского Союза. А ведь в те дни западная буржуазная пресса, да и некоторые индийские газеты правого толка, стараясь всячески принизить значение

сотрудничества СССР и Индии в деле прекращения корейской войны, изощрялись в антисоветских и антикоммунистических измышлениях. Наиболее типичным было «пророчество», что советско-индийские отношения не получают никакого развития, поскольку, мол, «дружба с Россией возможна только ценой подчинения ей».

Кому, как не главе индийского правительства, было знать, что не все шло гладко в первые годы после установления дипломатических отношений между Индией и СССР. Иногда Неру чувствовал некоторую сдержанность советских политических деятелей, но он никогда не был склонен рассматривать это как проявление какой-либо недоброжелательности с их стороны. Напротив, в каждом таком случае он старался по возможности объективно выяснить причину, найти объяснение, а то и оправдание иной суховатой фразе, произнесенной представителем страны, в которой Неру видел только друга индийского народа.

Конечно, он понимал, что в Советском Союзе не могли безучастно воспринимать известия о травле коммунистов Индии, развязанной правыми во главе с Пателем. Там, несомненно, знали и об антисоветских настроениях некоторых индийских государственных деятелей, которые, с надеждой озираясь на прежних хозяев-англичан и на более мощных заокеанских покровителей, время от времени пытались любыми способами омрачить отношения с Советским Союзом. Неру вспомнил и еще раз испытал чувство возмущения, впервые охватившее его, когда ему доложили о том, что министерство внутренних дел под предлогом борьбы с «коммунистической пропагандой» не разрешило советскому посольству показать делийской общественности фильм-балет на музыку С.Прокофьева «Ромео и Джульетта»...

Огромная занятость не позволяла Неру контролировать работу всех звеньев государственного аппарата, но он постоянно занимался внешнеполитическими вопросами, и здесь его авторитет оставался непререкаемым. Одной из важнейших задач своего правительства Неру считал налаживание подлинно дружественных всесторонних связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами и прилагал немало усилий для устранения различных препятствий, чинимых империалистической дипломатией и силами индийской реакции. Со своей стороны Советское правительство по достоинству оценивало прогрессивные преобразования, проводимые Неру внутри страны, и активно поддерживало миролюбивый курс Индии на международной арене.

Нажим США на индийское правительство не прекращался. В 1953

году в Индию приезжали государственный секретарь Д.Ф.Даллес, а затем вице-президент США Р.Никсон. Неру не мог без отвращения воспринимать надменно-торгашеский тон высоких американских посланцев. И тот и другой предлагали Индии щедрую экономическую помощь в случае принятия американского плана создания «независимого Кашмира», что на деле означало бы превращение его в американскую военную базу.

Никсон попросту угрожал Неру, что в случае его неуступчивости США будут вынуждены вооружить Пакистан и создать на его территории военные базы. В беседах с Никсоном индийский премьер-министр был холодно сдержан, отвергал всякую возможность военного сотрудничества с США. Для наблюдательных журналистов не остался незамеченным тот факт, что при приеме американского гостя «остро ощущалось отсутствие теплоты».

Однако в упорстве американскому правительству нельзя было отказать: оно систематически продолжало добиваться политической капитуляции Неру. Вскоре после визита Никсона в Дели президент США Д.Эйзенхауэр направил индийскому премьеру письмо, в котором в какой уже раз предлагал Индии американскую военную помощь.

— Если мы выступаем против военной помощи, предоставляемой Пакистану, мы были бы лицемерными и беспринципными оппортунистами, принимая ее для себя, — заявил с негодованием Неру. Он писал Эйзенхауэру: «Вам известны взгляды моего правительства и нашего народа... Эти взгляды и политика, которую мы проводим после самого тщательного обдумывания, основаны на нашем желании содействовать делу мира и свободы. Мы будем проводить эту политику и впредь».

Неру не поддался американскому нажиму, однако правительство Пакистана пошло на подписание с США 19 мая 1954 года соглашения о «помощи в обеспечении взаимной безопасности». Фронт «холодной войны» таким образом был продвинут американцами к северным границам миролюбивой Индии.

Для Неру было очевидным то, что, предоставляя военную помощь освободившимся странам, США тем самым намерены обеспечить свои интересы в Азии через разжигание «войны азиатов с азиатами».

Отвергнув военное соглашение с США, он твердо заявил, что «ни при каких обстоятельствах, и ни под какими предлогами не допустит присутствия иностранных войск на территории Индии», а если иностранное государство совершит акт агрессии в отношении Индии, то она окажет должное сопротивление.

К концу июля 1954 года завершились подписанием соглашения

переговоры в Женеве по Индокитаю, и война, продолжавшаяся семь с половиной лет, прекратилась. В заключительной декларации Женевского совещания отмечалась важная роль Индии в установлении мира во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Представителю Индии было поручено председательствовать в международных комиссиях по наблюдению и контролю за осуществлением условий перемирия во всех трех индокитайских государствах.

В день подписания соглашений о перемирии в Индокитае Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что США активно ведут переговоры с некоторыми азиатскими странами об организации коллективной обороны для того, «чтобы предотвратить в дальнейшем прямую или косвенную коммунистическую агрессию в этом районе».

На соответствующий запрос американского посла в Дели Неру ответил быстро и определенно: Индия не примет участия в конференции, намеченной на 6 сентября 1954 года в Маниле; она против самой идеи создания военной группировки в Юго-Восточной Азии; намеченная конференция — это попытка «изменить тенденцию к миру, которую создала Женевская конференция».

Позже, знакомясь с информацией о заключении договора об обороне Юго-Восточной Азии, Неру недоумевал: какой внезапный страх вдруг вынудил ряд стран пойти на этот шаг? Разве готовилась какая-то агрессия, разве возникла неожиданная угроза миру в Юго-Восточной Азии или на Тихом океане? Почему был избран именно этот момент непосредственно после заключения Женевских соглашений? Способствовал ли манильский договор разрядке напряженности и укрепил ли он мир и безопасность в Юго-Восточной Азии или любой другой части мира? — такие вопросы возникали в сознании премьер-министра, и он неизменно приходил к выводу, что этот договор только увеличил международную напряженность.

Неру знал о мнении Советского правительства, заявившего, что «договор о создании СЕАТО заключен для подготовки войны, а не для укрепления мира, с его помощью рассчитывают помешать выполнению Женевских соглашений по Индокитаю, укрепить позиции колониальных держав в Азии».

Индонезия, Бирма и Цейлон последовали примеру Индии и отказались от участия в договоре. В результате, кроме США, Англии, Франции, Австралии и Новой Зеландии, в СЕАТО вошли только три азиатских страны — Таиланд, Филиппины и Пакистан.

Договор СЕАТО предусматривал вмешательство во внутренние дела стран-участниц в случае создания в одной из них ситуации, опасной для

всего «района обороны». Ясно, что в данном случае западные державы обеспечили себе «право» на подавление национально-освободительного движения в Азии.

Неру, всерьез встревоженный политикой США, 29 сентября 1954 года выступил в народной палате индийского парламента. В своей речи, полной глубоких раздумий о судьбах мира, он раскрыл агрессивную, колониалистскую суть создания западными державами военных блоков.

«Мы в Индии взяли на себя смелость говорить о зоне мира. Мы полагали, что одной из главных зон мира может стать Юго-Восточная Азия. Манильский договор скорее препятствует созданию этой зоны мира. Он берет тот самый район, который мог бы стать зоной мира, и превращает его чуть ли не в зону потенциальной войны. Меня тревожит такое развитие событий», — заявил премьер-министр. Далее он напомнил об истории создания западными державами организации Северо-Атлантического договора (НАТО): «Прежде всего она расширялась географически... она распространялась на Средиземное море, побережье Африки, Восточную Африку и отдаленные страны, не имеющие никакого отношения к атлантическому сообществу... Первоначально организация Северо-Атлантического договора мыслилась как организация для нужд обороны. Но постепенно оказалось, что она должна охватить и колониальные владения всех этих держав. Мне не совсем ясно, почему поддержание и сохранение господства этих колониальных держав в зависимых странах связано с обороной Северо-Атлантического сообщества».

Когда премьер-министр сообщил о том, что португальские власти распространяют зону действия НАТО на Гоа, колонию Португалии в Индии, члены парламента заволновались, послышались возгласы: «Не пройдет!», «Гоа принадлежит Индии!»

«Если Северо-Атлантический договор ухитрился распространить сферу своего действия на Гоа, — продолжал Неру, — то спрашивается: не начнет ли расти подобным же образом и договор Юго-Восточной Азии? Он берет начало у нашего порога. Как знать, куда он может пойти».

Касаясь вопроса о КНР и о необходимости приема ее в члены ООН, Неру в то же время обнаружил понимание причин, в силу которых соседние с Китаем страны опасаются его нового руководства, пока не проявившего интереса к урегулированию территориальных вопросов. По Малайе, Бирме, Индонезии, Вьетнаму, Лаосу, Камбодже и Таиланду рассыпаны многочисленные китайские общины. Китайские императоры, некогда претендовавшие на гегемонию во всей Азии и даже во всей Поднебесной, считали другие страны своими вассалами, а миллионы

этнических китайцев в соседних странах, так называемых «хуацяо», — своими подданными.

Судя по всему, такое отношение к «хуацяо» в Пекине не изменилось. Поэтому Неру, исходя исключительно из дружеских чувств к китайскому народу, в очень уважительной форме советовал руководителям КНР развеять у соседних стран недоверие к Китаю.

Еще в конце июня 1954 года во время перерыва в работе Женевского совещания по Индокитаю Неру пригласил в Дели премьера Государственного административного совета КНР Чжоу Энляя.

Тогда казалось, что КНР готова признать существующие границы с Индией и как будто бы нет никаких причин для пограничных споров между двумя соседями. Хотя, впрочем, глава разведывательного бюро Индии Б.Муллик информировал Неру о намерении Мао Цзэдуна организовать вооруженное вторжение на территорию всего Тибета, лишить его традиционной автономии, вплотную подойти к индийским границам, а затем заявить о своих претензиях на северные участки Индии, северную Бирму, Бутан и другие районы, которые на китайских картах были обозначены как области, находившиеся под властью китайских императоров.

Неру воспринимал эту информацию с огорчением и с известной степенью недоверия. Он прилагал столько усилий к тому, чтобы установить с КНР добрососедские отношения, что ему просто не хотелось верить в неискренность китайского руководства.

Однако во время переговоров с Чжоу Эпьяем в Дели Неру осторожно затронул вопрос о китайских картах, на которых ряд районов Индии включался в территорию КНР.

Чжоу Энлай, прямо глядя в глаза Неру, сказал, что «это старые карты и что у китайского правительства сейчас нет времени, чтобы заниматься их переизданием».

Неру показалось несколько неоправданным столь пренебрежительное отношение китайского руководителя к важному вопросу, нерешенность которого часто приводила народы к войнам и раздорам. Тем более это было странно слышать от Чжоу Энлая, человека, получившего образование на Западе, хорошо знавшего мировую историю с ее бесчисленными войнами из-за территориальных притязаний.

Переговоры в Дели в целом проходили успешно. Чжоу Энлай согласился с предложением Неру подписать совместное заявление о пяти принципах, на которых должны были строиться отношения между Индией и Китаем: 1. Взаимное уважение территориальной целостности и

суверенитета. 2. Ненападение. 3. Невмешательство во внутренние дела друг друга. 4. Равенство и взаимная выгода. 5. Мирное сосуществование.

Правда, Неру несколько удивило тогда то обстоятельство, что Чжоу Энълай не захотел определить срок действия соглашения в двадцать пять лет, как предлагала индийская сторона, и ограничил его восемью годами.

Пять принципов — «панча шила» на хинди — получили широкое признание и поддержку всех миролюбивых народов. 9 февраля 1955 года Верховный Совет СССР в обращении к парламентам всех стран призвал добиваться того, чтобы все государства строили отношения между собой на основе этих принципов.

В октябре 1954 года Джавахарлал Неру совершил десятидневный визит в КНР. Он беседовал с Мао Цзэдуном, но основные переговоры вел с Чжоу Энълаем. В ходе переговоров с китайскими руководителями Неру неустанно проводил мысль о необходимости расширения индийско-китайского сотрудничества в деле создания в Азии «зоны мира».

Чжоу Энълай с характерной для него изысканной вежливостью говорил индийскому гостю о необходимости укрепления между двумя народами традиционных уз дружбы и сотрудничества, вспоминал о древней китайско-индийской пограничной торговле, о культурных связях.

Когда индийский премьер увидел в кабинетах официальных индийских лиц карты, неточно показывающие границу между двумя странами, он вслух заметил, что уже получил разъяснения от китайской стороны и больше не беспокоится об этом, поскольку границы Индии ясны и не вызывают сомнений. Чжоу Энълай повторил свои заверения в том, что эти карты являются репродукциями старых карт, составленных до 1949 года. (Неру еще не мог предполагать тогда, что «картографическая агрессия» Китая в конце 50-х годов выльется в вооруженные конфликты.)

Китайский премьер расточал похвалы в адрес индийского гостя, зачастую ставя его в неловкое положение. (Позднее Чжоу Энълай заявит, что «не встречал человека более заносчивого, чем Неру».)

Казалось, что китайские руководители с пониманием относились к высказываниям индийского премьера и была достигнута значительная доля согласия в оценке международной обстановки. «Хотя, — как отмечал Неру на пресс-конференции в Пекине 26 октября, — основной подход Индии несколько отличался от основного подхода Китая».

Это замечание Неру весьма симптоматично, и, видимо, оно было результатом неприятного осадка, оставшегося у него от беседы с Мао Цзэдуном, который с циничным безразличием говорил о судьбах мира, о жизни и смерти огромных масс населения Земли, в том числе и самих;

китайцев. Для него все люди были одинаково ничтожны — от премьера до крестьянина. Они служили ему сырьем, послушным материалом, чтобы лепить из них, как из глины, свою «великую империю», которая не давала покоя его чудовищно эгоистическому воображению и деспотическому нраву.

Во время беседы с Неру Мао много курил, небрежно стряхивал пепел куда попало: на пол, на стол, в чашку с недопитым чаем, хотя рядом стояла большая пепельница с изображением китайского дракона. Наконец, бросив сигарету и сложив на животе маленькие пухлые руки, сказал, что «не боится, если атомная бомба упадет на Китай и двести или триста миллионов китайцев погибнут. Это будет достаточным основанием для начала уничтожения американцев». И это все, по Мао, есть благо: после новой мировой войны будет построена мировая цивилизация, то бишь империя, и, как следует догадываться, с китайской династией во главе.

Мао вдруг заговорил о Цинь Шихуанди, создавшем в 221 году до нашей эры единую Циньскую династию. Впрочем, Неру и ранее приходилось слышать о пристрастии Мао Цзэдуна в разговорах с иностранцами поминать добрым словом китайских императоров древности. Еще американский журналист Э.Сноу, подвизавшийся в роли биографа Мао Цзэдуна, в своей книге о встречах с ним писал о его симпатиях к Цинь Шихуанди. Но ведь император Цинь Шихуанди, помнил Неру, был тираном, прославившим себя тем, что распорядился сжечь все книги и закопать заживо ученых. Видимо, Мао этот факт ничуть не смущает. Он считает, что «книги сжигали во имя идейного единства...».

Индийский премьер ездил по городам Китая и с нескрываемой симпатией наблюдал, с каким энтузиазмом строил новую жизнь трудолюбивый дисциплинированный народ, как стремился он вырваться из вековой отсталости, невежества и нищеты, как вдохновляли людей лозунги о братстве с Советским Союзом, о мире и дружбе с народами других стран, с Индией.

Но Неру, к своему удивлению, обнаружил в жизни нового Китая нечто похожее на раздвоение: с одной стороны, созидательная энергия народа, увлеченного строительством новой жизни, а с другой, воинственный пафос, националистический угар, исходящий от выступлений некоторых китайских руководителей и особенно от самого Мао Цзэдуна.

Вернувшись из КНР, Неру с еще большей увлеченностью берется за работу по организации совместных выступлений освободившихся стран Азии и Африки против усилившихся попыток империалистических держав разобщить их усилия в борьбе с колониализмом, за мир, социальный

прогресс и экономическую самостоятельность. Он встречается с главами правительств Бирмы, Цейлона, Индонезии, Пакистана. В конце декабря 1954 года в индонезийском городе Богоре Неру участвует вместе со своим неизменным советником по вопросам внешней политики Кришной Меноном в предварительной встрече некоторых азиатских стран по выработке проектов основных политических документов предстоящей конференции афро-азиатских стран в Бандунге.

15 февраля 1955 года Неру прибывает в Каир, где проводит двухдневные переговоры с главой египетского правительства Гамалем Абдель Насером. Индия и Египет придерживаются единой точки зрения в вопросе о неучастии в империалистических блоках. Отметив в совместном коммюнике совпадение взглядов по основным международным проблемам, Неру и Насер выражают надежду, что конференция в Бандунге внесет вклад в дело мира.

В марте — апреле о признании и поддержке пяти принципов мирного сосуществования заявляют правительства Камбоджи и ДРВ. По окончании индийско-вьетнамских переговоров в Дели заместитель премьер-министра и министр иностранных дел ДРВ Фам Ван Донг, выступая по делийскому радио, говорит: «Народ Вьетнама всегда помнит о моральной поддержке, которую народ Индии оказывал ему в период борьбы за независимость и свободу. Мы не упускаем из виду также и ту положительную роль, которую сыграла Индия в исходе Женевской конференции. Мы не забываем вклада Индии в осуществление соглашений о прекращении военных действий в Индокитае».

Возглавляемое Неру индийское правительство ведет активную дипломатическую подготовку к конференции в Бандунге, стремясь к тому, чтобы как можно большее число стран одобрило принципы мирного сосуществования.

Усилия Индии и других афро-азиатских государств, направленные на созыв и успешное проведение конференции, поддержаны Советским Союзом, странами социализма и всеми миролюбивыми силами. Неру с удовлетворением воспринимает заявление заместителя министра иностранных дел В.В.Кузнецова, который от имени Советского правительства выразил уверенность, что Бандунгская конференция «явится новым шагом по пути развития сотрудничества между народами в интересах ослабления международной напряженности и поддержания всеобщего мира». Разительно контрастирует с этим заявлением позиция западных держав. «Правительство Эйзенхауэра, — читает премьер выдержку из статьи в «Чикаго сан энд таймс», — считает предстоящую

конференцию стран Азии и Африки весьма нежелательной с американской точки зрения».

11 апреля из Гонконга в Джакарту вылетает индийский самолет «Принцесса Кашмира», на борту которого восемнадцать человек — члены делегаций ДРВ, КНР, журналисты. В шестнадцать часов двадцать минут по местному времени экипаж самолета радирует о том, что полет протекает нормально, а спустя двадцать минут связь с «Принцессой Кашмира» прерывается. Через несколько дней в море в районе к северо-западу от Саравака находят трех обессиленных от голода и усталости летчиков пропавшего самолета. Они рассказывают о взрывах в багажном отделении и в правом крыле, после чего самолет, объятый пламенем, упал в море. Спасти удалось только им троим...

Неру распоряжается провести самое тщательное расследование катастрофы, происшедшей, по его словам, при «необычайных обстоятельствах». Он, естественно, пока воздерживается от того, чтобы говорить о возникших у него подозрениях, но, узнав о двух взрывах на борту «Принцессы Кашмира», — едва ли не первого самолета, перевозившего делегатов Бандунгской конференции, — он не испытывает сомнений. Официальные представители некоторых западных стран слишком уж назойливо твердят о неисправностях в самолете. Нет, это не несчастный случай, а диверсия, подготовленная и осуществленная империалистическими разведками. Результаты расследования подтвердят это, вскоре найдут и следы преступника, укрывшегося на Тайване, однако правительство США откажется поддержать требование Индии о выдаче диверсанта.

Расчеты империалистов сорвать конференцию, используя обычные для них средства — от шантажа и угроз до диверсий, — не оправдались. Делегаты двадцати девяти стран собрались в Бандунге, расположенном в ста километрах от столицы Индонезии — Джакарты.

Неру прилетел в Бандунг на одном самолете с Насером 16 апреля. Заявив, что предстоящая конференция — «это, по существу, эксперимент сосуществования» и что она «чрезвычайно важна не только для Азии, но для всего мира», премьер-министр Индии сразу приступил к переговорам с главами делегаций, постарался уладить споры, возникшие между ее участниками.

Разногласий, к сожалению, немало. Представители некоторых стран, уже связавших себя с империалистическими региональными блоками, повторяют домыслы об «угрозе международного коммунизма» и призывают «осудить советский колониализм наряду с западным

империализмом». Не решаясь открыто выступить против пяти принципов мирного сосуществования, кое-кто утверждает, что их осуществление невозможно из-за политики социалистических стран. Делаются попытки «расширить» или «дополнить» принципы таким образом, чтобы оправдать участие Пакистана, Турции и других азиатских государств в агрессивных военных союзах и санкционировать возможное присоединение к ним других стран. Во всем этом Неру усматривает хорошо знакомый ему почерк западной дипломатии. Позднее он скажет, что выявившиеся в Бандунге противоречия отразили «вторжение на арену конференции стран Азии и Африки отзвуков «холодной войны».

Конференция в Бандунге, проходившая с 18 по 24 апреля 1955 года, завершилась победой сил, придерживавшихся прогрессивной ориентации во внешней политике, выступавших за всестороннее экономическое и культурное сотрудничество между государствами, противостоящими силам колониализма, империалистической агрессии, и положила начало движению неприсоединения. В итоговом документе «Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству» получили воплощение пять принципов мирного сосуществования — «панча шила», за признание которых Неру, Фам Ван Донг, Насер и другие лидеры национально-освободительного движения вели на конференции упорную и принципиальную борьбу. Участники Бандунга высказались также за всеобщее разоружение и запрещение производства, испытания и применения оружия массового уничтожения людей.

По возвращении в Индию Неру на первой же пресс-конференции заявил, что «Бандунгская конференция была весьма успешной не только в том смысле, что встретились представители стран Азии и Африки, но и в том, что столь различные народы смогли в значительной мере добиться соглашения».

...Самолет, на борту которого находился премьер-министр Индии, держал курс на Москву. Если лететь по прямой, путь от Дели до Москвы занял бы каких-нибудь шесть часов, однако воздушная трасса между двумя столицами в то время не была проложена, и самолет совершал посадки в Бомбее, Каире, Риме, Праге.

Важность предстоящего визита в СССР была настолько очевидной для Неру, что все тяготы многочасового пути не имели сейчас никакого значения. К тому же представлялась возможность еще раз тщательно продумать вопросы, которые предполагалось обсудить в Москве с советскими руководителями.

Неру всегда пристально следил за политикой Советского Союза в отношении Индии и других развивающихся стран, и ни разу ему не пришлось разочароваться в своих наблюдениях: практическая деятельность Советского правительства на мировой арене строго соответствовала провозглашенным им внешнеполитическим принципам.

Так и после Бандунгской конференции в Москве уже было заявлено, что выдвигаемые Индией пять принципов мирного сосуществования будут иметь полную поддержку у Советского Союза.

Приглашение посетить Советский Союз было передано Неру в июле 1954 года послом СССР в Индии М.А.Меньшиковым. Тогда же посол затронул вопрос о заключении соглашения, которое бы закрепило уже сложившиеся между двумя странами дружественные отношения.

Неру было известно, что эти вопросы, как принято говорить, неоднократно зондировались по дипломатическим каналам. Слова Меньшикова, однако, нужно было понимать как уже официальное предложение. Лицо Неру внешне оставалось спокойным, но в глазах отразилось глубокое удовлетворение:

— Я весьма признателен за приглашение посетить вашу страну. Я так же в принципе согласен заключить такое соглашение. — Сосредоточенно помолчав, Неру добавил: — Только надо подумать, как и когда это лучше сделать.

В этот знойный июльский день Неру долго размышлял над предложениями, сделанными ему советским послом. Перед индийским правительством стояла сложнейшая историческая задача — создать по линии государственного сектора главные отрасли национальной тяжелой промышленности и таким образом попытаться ликвидировать экономическую зависимость страны от империалистических монополий, превратить отсталую аграрную Индию, с сохранившимся в ряде ее районов феодальным укладом хозяйства, в развитое промышленное государство.

Неру понимал, что западные страны вряд ли охотно пойдут навстречу его правительству в осуществлении этих замыслов. От Англии, не прекращавшей попыток сохранить свою бывшую колонию в качестве аграрно-сырьевого придатка, или от американских монополистов, видевших в Индии лишь идеальный рынок для сбыта своей продукции, помощи ждать не приходилось. Очевидно, что, если эти страны и согласились бы оказать помощь в индустриализации Индии, то такая помощь была бы предоставлена при условиях отказа индийского правительства от проводимой им независимой внешней политики и включения страны в орбиту военно-стратегических планов

международного империализма.

Он вновь и вновь обращался к примеру Советского Союза, часто беседовал с людьми, побывавшими за последние годы в СССР. В Неру все больше крепла убежденность в том, что именно Советский Союз может оказать эффективную и бескорыстную дружескую помощь Индии в деле создания национальной промышленности. Своим ближайшим сотрудникам премьер дал указание выяснить возможность получения такой помощи. Р.А.Кидвай, Б.Г.Редди и другие министры кабинета Неру обратились с запросами в советское посольство. М.А.Меньшиков информировал Москву о заинтересованности индийского правительства в экономическом сотрудничестве с советскими организациями. Вскоре пришел положительный ответ, о котором посол немедленно сообщил Неру.

Как и следовало ожидать, планы премьер-министра и его ближайших сотрудников о создании с помощью СССР промышленных предприятий по линии государственного сектора встретили враждебное отношение со стороны западных держав. Американские и английские монополисты угрожали, что, если правительство Неру примет советскую помощь, Индия перестанет «представлять интерес для иностранных вложений». Некоторые индийские политики английской школы, представители крупной буржуазии скрыто или явно выступали против развития экономических связей с Советским Союзом. Правая буржуазная пресса начала яростную атаку на Неру. В создавшейся обстановке ему необходимо было проявлять максимум хладнокровия и выдержки. Это блестяще удавалось премьеру. С присущей ему логикой он нейтрализовывал противников избранного им курса, умело склонял на свою сторону колеблющихся, поддерживал уверенность в сторонниках. Особую досаду Неру испытывал, когда ему уже в который раз приходилось убеждать некоторых товарищей по партии, поддавшихся доводам империалистической пропаганды. Они, казалось бы, осознавали необходимость экономических преобразований в стране с привлечением советской помощи, но испытывали страх перед «появлением тени красной звезды над Индией». На них в определенной степени действовали домыслы англичан и американцев о том, что-де политика Москвы пока является загадкой, «железный занавес», мол, только поднялся и неизвестно, как поведут себя в этих условиях кремлевские руководители в отношении таких стран, как Индия. Тем более, как пытались уверить Неру некоторые западные лидеры, у Индии уже существуют «тесные» отношения со странами Запада, и вряд ли имеет смысл допускать в сложившийся «круг партнеров» какие-то новые, возможно, потенциально опасные для Индии силы.

Неру часто встречался с советскими представителями; в беседах с ними проверял правильность некоторых своих выводов, просил о предоставлении дополнительной информации по отдельным вопросам экономики и политики Советского Союза. Размышляя вслух и высказывая свои сомнения, Неру постоянно следил за реакцией собеседников, но говорили они открыто, без загадок и намеков, что разнило их с западными дипломатами.

Как-то во время одной из бесед с советским послом Неру почувствовал, что тот несколько взволнован, и прямо спросил: «Говорите, господин посол, что вас беспокоит?»

Меньшиков совсем не удивился вопросу. Послу хорошо была известна проницательность Неру:

— Да, господин премьер-министр, беспокоит. Дело в том, что ряд чиновников индийских министерств не только не разделяют идеи экономического сотрудничества с Советским Союзом, но и противодействуют ей.

Слегка нахмуренные брови и складки у переносицы Неру разгладились, на лице его появилась теплая улыбка:

— Чиновники могут интересоваться теми или иными деталями и даже высказывать свои замечания... — Неру сделал многозначительную паузу. — Но решение вопросов от них не зависит.

А вскоре вице-президент Индии С.Радхакришнан с уверенностью заявил советскому послу:

— Наш премьер принял твердое решение достигнуть соглашения с СССР о строительстве завода. Он вообще будет поддерживать строительство новых крупных заводов в Индии по линии государственного сектора.

2 февраля 1955 года было подписано соглашение о строительстве с помощью СССР комплексного металлургического завода в Бхилаи. Условия соглашения выгодно отличались от того, что предлагали индийцам западные страны. Так, например, СССР предоставлял кредит по ставке вдвое ниже ставок капиталистических фирм, советские организации не претендовали на участие в управлении предприятием.

Неру расценивал соглашение о Бхилаи как первый серьезный шаг индийского правительства на пути к созданию независимой национальной экономики и рассматривал его наряду с советско-индийским торговым соглашением от 2 декабря 1953 года как падежную основу для будущего экономического сотрудничества.

В марте 1955 года Неру сказал советскому послу, что хотел бы

посетить СССР в июне текущего года.

Министерства иностранных дел обеих стран незамедлительно начали подготовку визита. Проект программы пребывания главы индийского правительства в Советском Союзе был согласован в короткие сроки.

Неру, ознакомившись с проектом, одобрил его, но попросил посла по возможности включить в программу посещение Самарканда, история и архитектурные памятники которого давно привлекали его внимание. Ему вообще хотелось побывать в Среднеазиатских республиках, поскольку его всегда интересовало, как в СССР решаются проблемы национальных меньшинств, каких успехов в экономике и культуре достигли народы Средней Азии.

— Мне хотелось бы, — сказал Неру советскому послу, — осмотреть как можно больше советских металлургических и машиностроительных предприятий. Вы знаете о моем интересе к вопросам планирования экономики. Если это не встретит возражений с вашей стороны, я также хотел бы поближе ознакомиться с организацией планирования народного хозяйства в СССР.

Один из присутствовавших на беседе индийских чиновников предложил несколько сократить число мероприятий в программе визита и выделить больше времени для отдыха премьер-министра.

— Я еду в Советский Союз не отдыхать, — возразил Неру, — а как можно полнее ознакомиться с жизнью советских людей.

Посол попросил у премьер-министра согласия на издание в СССР его книги «Открытие Индии».

— Мне будет приятно, если с моей книгой познакомятся советские люди, — ответил Неру. — Я с удовольствием напишу предисловие для русского издания.

Советская страна готовилась к визиту высокого гостя. Культурная жизнь Москвы, Ленинграда и других городов, казалось, была в эти дни пропитана духом Индии. В залах Академии художеств СССР в Москве, в ленинградском Эрмитаже открылись выставки, посвященные культуре и искусству индийского народа. Советские люди с огромным интересом знакомились с редчайшими памятниками древнего искусства, с творчеством индийских, русских и советских художников, запечатлевших живописную природу Индии, жизнь ее людей. Общее восхищение вызвали работы ремесленников, золотыми руками которых создавались подлинные шедевры искусства — ковры, ткани, изделия из кости, металла, дерева.

В мае 1955 года в городе Калинин (бывшей Твери) на берегу Волги был открыт памятник выдающемуся русскому путешественнику Афанасию

Никитину, который первым из европейцев в XV веке посетил Индию, полюбил эту страну и вдохновенно поведал о ней в своем «Хождении за три моря».

В июне 1955 года в издательстве «Художественная литература» увидела свет первая книга восьмитомного собрания сочинений великого Рабиндраната Тагора. За годы Советской власти произведения классика индийской литературы издавались десятки раз, однако собрание сочинений выходило впервые. Последний том включал в себя «Письма из России», написанные Тагором во время его поездки в СССР в 1930 году.

Перед началом визита Неру в СССР был выпущен русский перевод «Открытия Индии».

«Я счастлив, что моя книга «Открытие Индии» переводится на русский язык, — писал Неру в предисловии к советскому изданию. — Я надеюсь через несколько дней посетить Советский Союз, эту великую страну, чтобы лично увидеть то, о чем я читал так много, и познать в какой-то мере те силы, которые содействовали созданию в наш век этой великой и обширной страны, оказывающей столь большое влияние на судьбы всего мира».

Предстоящей поездке премьера в СССР были посвящены его многочисленные встречи с журналистами. На одной из пресс-конференций Неру, в частности, сказал:

— Я отправляюсь в Советский Союз не только без всякого предвзятого мнения, но и с открытой душой, готовый откликнуться на чувства советского народа. С большим нетерпением ожидаю я встречи с советскими людьми. Мне хочется услышать о том, что они сделали, посмотреть все собственными глазами.

Самолет, на борту которого находились Неру и его дочь Индира Ганди, после остановки в Бомбее 5 июня взял курс на Каир. Здесь после беседы с главой правительства Египта Г.А.Насером Неру попал в плотное кольцо журналистов.

— Основным вопросом переговоров с советскими руководителями, — отвечал он, — будет вопрос о мире и ослаблении международной напряженности. В ходе переговоров в Москве, несомненно, будут затронуты проблемы торговых и экономических связей между Индией и Советским Союзом. Кроме того, я хотел бы обсудить некоторые вопросы планирования. Наш первый пятилетний план завершается, и нам предстоит подготовка нового пятилетнего плана развития индийской экономики.

Самолет снова в воздухе. В салоне тишина. Спутники Неру, утомленные многочасовым перелетом, дремали. Лицо Неру с

полузакрытыми глазами казалось бесстрастным. Может быть, именно сейчас в его памяти историка оживали имена первопроходцев, устанавливавших дружественные связи между народами обеих стран... Великий ученый и мыслитель из Хорезма Аль Бируни более 900 лет назад посетил Индию, глубоко изучил науку, культуру, языки, обычаи ее народов; тверской купец Афанасий Никитин, для которого Индия стала второй родиной; русский путешественник Ф.Е.Ефремов провел в Индии восемь лет — с 1774 по 1782 год. Его записки об Индии, проникнутые глубоким уважением к индийскому народу, разительно отличались от многочисленных писаний британских путешественников и миссионеров, с их рассказами о варварских обычаях и сверхъестественных ужасах «загадочного Востока». Музыкант и драматург Герасим Лебедев в конце XVIII века основал драматический театр в Калькутте. А индийские купцы, которые обосновались на Волге в первой половине XVII века? По приказу астраханского воеводы в городе в 1625 году был построен индийский караван-сарай. Русское правительство поощряло их деятельность. Петр I, посетив Астрахань в 1722 году, дружески беседовал с индийскими купцами. В 1812 году преемники этих купцов пожертвовали в пользу русской армии, сражавшейся с войсками Наполеона, крупные денежные суммы.

Прогрессивные деятели России и Индии всегда с сочувствием следили за борьбой индийского и русского народов против тирании и деспотизма. Переписка двух великих гуманистов своего времени Л.Н.Толстого и Махатмы Ганди отражала тот постоянный и глубокий интерес, который испытывала передовая общественность обеих стран к судьбам народов царской России и колониальной Индии...

Самолет приземляется в восемнадцать часов по московскому времени. Он плавно подкатывает к зданию аэродрома. Подается трап. Неру выходит из самолета, одетый в парадный коричневый шервани, в петлице которого неизменная роза. В этот момент происходит непредвиденное: толпа встречающих москвичей неожиданно устремляется к самолету, приветственно размахивая флажками и букетами цветов. Позднее в беседе с одним из советских представителей, отвечавших за организацию встречи высокого гостя, Неру скажет, что его искренне тронул такой незапланированный «беспорядок», такое сердечное проявление к нему чувств советских людей.

Неру по-юношески легко сбегает по трапу. Пионеры вручают ему и его спутникам огромные букеты московской сирени. Неру тепло приветствуют руководители Советского государства. Звучат государственные гимны

Индии и СССР. Неру обходит выстроенный в его честь почетный караул, направляется к микрофону.

— Давно я имел желание приехать сюда, в Советский Союз, — произносит он первые слова, и все вокруг затихает. — Мне давно хотелось приехать сюда, в этот известный и замечательный город. Сегодня это желание исполняется... Я считаю себя путешественником, я приехал сюда как путешественник, имеющий самые лучшие пожелания вашему правительству, вашему народу. Я приехал сюда, чтобы узнать вас лучше и больше. И я уверен, что мой приезд сюда укрепит наши отношения. За теплый, дружеский прием, оказанный мне, я выражаю благодарность.

Овацией были встречены эти безыскусные, идущие от сердца слова. Отвечая на взрыв приветствий традиционным намасте, Неру с растроганной улыбкой направился к ожидавшей его машине. Тысячи москвичей, заполнивших улицы, по которым проезжал Неру, горячо встречали посланца индийского народа. Приветственные транспаранты, индийские и советские флаги, цветы...

Кортеж машин двигался медленно, и Неру успевал вглядываться в лица людей: они выражали искреннюю, неподдельную радость. Казалось, вся Москва высыпала на улицы. «Руси — хинди, бхай, бхай!» — гремели дружные возгласы. «Русские и индийцы — братья!»

«До сих пор ни один иностранный лидер не встречал такого исключительного приема в СССР», — писали в те дни индийские газеты.

Не только Индия, но и весь мир следил за поездкой Неру в СССР с вниманием и интересом. Этот визит воспринимался как событие исторической важности.

Утром 8 июня в Кремле начались переговоры Неру с советскими руководителями. Ему приходилось беседовать и вести переговоры со многими известными лидерами разных государств. Неру нередко испытывал на себе «гибкость» западной дипломатии, наблюдал ее деятелей с их недоверчивостью, подозрительностью, высокомерием, постоянными попытками уйти от существа обсуждаемого вопроса или навязать свою точку зрения.

Здесь, в Кремле, Неру почувствовал атмосферу неподдельной теплоты, доброжелательности и доверия. Он видел, с каким участием руководители Советского правительства выслушивали его разъяснения, касающиеся внутренней и внешней политики индийского правительства. По задаваемым ему вопросам Неру стало ясно, что в Советском Союзе хорошо представляют проблемы, стоящие перед Индией, и в принципе готовы оказать возможную помощь в решении вопросов, прежде всего

экономического порядка. Завязалась непринужденная, откровенная беседа. Разговор зашел о некоторых основных международных проблемах — об ослаблении напряженности между Востоком и Западом, о мирном сосуществовании. Советские руководители выразили озабоченность по поводу проводимой правительством США политики с позиции силы.

— Я не понимаю, — заметил Неру, — зачем сильному человеку надо все время демонстрировать свои мускулы. Политика США изменчива, подвержена различным колебаниям. Она поддается нажиму конгрессистского лобби или зависит от исходов президентских выборов. Вы посмотрите, как быстро американцы приходят в восхищение от того, что уже через короткое время напрочь забывают. Однако, — продолжал премьер, — в американской политической жизни за последнее время можно заметить некоторые, пока еще слабо просматривающиеся, перемены. Канули в небытие реакционный мракобес сенатор Маккарти и кое-кто из его окружения. В определенных кругах США высказываются более миролюбивые взгляды на будущее, чем прежде. Конечно, немало и других сложностей. Однако в Америке наверняка существуют силы, заинтересованные в улучшении международной обстановки. Возможно, — рассуждал премьер, — Англия будет поддерживать США, но не исключено, что англичане и французы начнут проводить свою собственную линию. Небезызвестный Эрнст Бевин как-то сказал: «В конце концов, если Европа не может обойтись без Америки, то и Америке также не обойтись без Европы».

Неру сообщил, что получил письмо от премьер-министра Великобритании А.Идена.

— Иден приглашает меня в Лондон до возвращения в Индию. По его мнению, перспективы мира теперь гораздо лучше, чем за все время с окончания второй мировой войны. Мне кажется, — сказал Неру, — что у вас нет оснований опасаться, что на предстоящем совещании в Женеве вы окажетесь в изоляции. Я уже говорил об Англии и Франции, которые могут эффективно использовать свой авторитет для успешного проведения совещания. Да и президент США Эйзенхауэр производит на меня впечатление более восприимчивого политика, чем Даллес. Конечно, не надо питать иллюзий или ждать слишком быстрых успехов, но личные контакты и прямые обмены мнениями могут дать положительные результаты.

Руководители Советского правительства высказали мнение, что визит Неру в Лондон в преддверии Женевского совещания может оказаться полезным:

— Для дела мира будет только хорошо, если на Западе вас поймут так же, как поняли мы вас.

Беседы иногда длились часами: обсуждались и вопросы развития индийско-советских отношений, и положение на Дальнем Востоке, в Индокитае, и проблемы разоружения.

Неру испытывал огромный подъем сил, его радовало совпадение позиций Советского Союза и Индии по многим международным вопросам. К.П.Ш.Менон вспоминал позднее: «Советские руководители никогда не пытались оказывать даже слабое воздействие или давление на Индию с тем, чтобы привлечь ее на свою сторону. Они прояснили ситуацию с самого начала, когда оставили за нами, гостями, право подготовить проект совместного заявления».

График поездок и всевозможных мероприятий был, как того и хотел премьер, чрезвычайно напряженным. Неру успевал везде, проявляя большую подвижность. Сухопарый, подтянутый, он всегда пребывал в хорошем настроении, в добром расположении духа. Будучи человеком пунктуальным, он требовал того же от своих спутников, хотя поспеть за Неру было делом далеко не простым.

Гостеприимные хозяева охотно шли навстречу пожеланиям премьера. Советское правительство предоставило ему возможность побывать на одном из авиационных заводов, где его ознакомили с производством гражданских и военных самолетов. За день до отъезда из СССР премьер-министр Индии посетил первую атомную электростанцию Академии наук СССР. Неру в полной мере оценил эти жесты доверия к нему со стороны Советского правительства.

На каких бы предприятиях Неру ни побывал в эти дни, везде его окружали люди — рабочие, инженеры, везде завязывались теплые, откровенные разговоры. Неру интересовало буквально все: как осуществляется перевод опытных моделей в серийное производство, каковы условия труда и отдыха для рабочих, как ведется жилищное строительство и многое другое.

Волнующей для Неру стала встреча со студентами Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Они приняли Неру как доброго знакомого, с гордостью показали просторные светлые залы для занятий, отлично оборудованные лаборатории, университетскую библиотеку, свои общежития. Неру был приятно поражен, когда студенты не только сообщили, что изучают санскрит, хинди, бенгали и урду, но и охотно продемонстрировали свои познания. В книгу почетных посетителей МГУ Неру вписывает ровные твердые строки: «Этот великолепный

университет так огромен и многообразен, что трудно его осмотреть полностью во время краткого визита. Идеи и то, как эти идеи проводятся в жизнь, говорят о многом. Я надеюсь, что университет будет выпускать юношей и девушек, великих умом и сердцем, которые явятся носителями доброй воли и мира. Я поздравляю всех тех, кто учится в этом прекрасном университете, и желаю им самого большого успеха».

...Иногда полушутя-полусерьезно Неру признавался друзьям, что ничего не знает об искусстве, будь оно восточное или западное, и не компетентен что-либо сказать о нем. «Я реагирую на него так, как мог бы реагировать любой несведущий любитель. Иная картина, скульптура, иное здание заставляют меня восторгаться, трогают меня и вызывают во мне странные чувства; порой они доставляют мне лишь небольшое удовольствие, а то и вовсе не задевают меня, и я прохожу, почти не замечая их; иногда они даже отталкивают меня», — со смущенной улыбкой говорил он.

Присущая Неру скромность вынуждала делать его такие признания. На самом деле он не только любил искусство, но и прекрасно разбирался в нем, знал историю древнеиндийского искусства, почитал произведения выдающихся живописцев, скульпторов, зодчих, ценил балет, оперу, с удовольствием слушал симфоническую музыку. При малейшей возможности, — а это случалось, к сожалению, редко — он с наслаждением погружался в мир прекрасного, созданный талантом и гением великих мастеров. Посмотрев в Большом театре «Лебединое озеро» П.И.Чайковского и «Бахчисарайский фонтан» Б.В.Асафьева, Неру восхищался великолепной музыкой, изобретательной постановкой, красочностью декораций и костюмов, филигранной техникой артистов-исполнителей.

В Эрмитаже он по несколько минут в глубокой задумчивости стоял перед полотнами своих кумиров — Леонардо да Винчи и Рембрандта.

Осмотрев выставки, посвященные культуре и искусству Индии в Москве и Ленинграде, Неру не мог скрыть своего волнения, увидев, как бережно и любовно хранятся в СССР реликвии индийского народа. Его ознакомили и с произведениями русских и советских художников, побывавших в Индии.

«Только художник, искренне любивший и понимавший душу индийского народа, — размышлял Неру перед картинами индийского цикла В.В.Верецагина, — мог с такой достоверностью изобразить природу страны, ее архитектурные памятники, быт и душу простых людей».

11 июня Неру со своими спутниками отправился в поездку по стране.

Гостей сопровождали первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В.Кузнецов, посол СССР в Индии М.А.Меньшиков.

...Легендарный Сталинград! Здесь героический советский народ нанес сокрушительный удар гитлеровской военной машине.

— Слава и имя Сталинграда известны всему миру, — обратился Неру к встречавшим. — Это город, где вы доказали свой героизм не только в войне, но и в мире.

На всем восемнадцатикилометровом пути от аэродрома до города Неру приветствовали тысячи сталинградцев. Он отвечал на приветствия и, вглядываясь в лица людей, пытался понять, какая сила помогла им выстоять в жесточайшей битве с гитлеризмом и затем, после победы, из руин восстановить этот город.

Гостей отвезли на строительство Волгоградской ГЭС, показали знаменитый Тракторный завод.

— Какова технология производства тракторов? Что вы можете сказать об их качестве? Способны ли они конкурировать с зарубежными моделями? Насколько они пригодны для работы на полях Индии? — эти и другие вопросы премьера звучали в цехах Тракторного завода. Неру просто, непринужденно разговаривал с рабочими, много шутил, радовался шуткам собеседников.

...Неру любил детей. Он всегда искал встреч с ними и видел в них лучшую часть человечества, которой суждено сделать мир чище и справедливее. Дети, чувствуя любовь к ним этого человека, искренне тянулись к нему со своими радостями или невзгодами.

Несмотря на большую занятость, премьер находил время вести обширную переписку с детьми не только Индии, но и других стран. По его инициативе в Дели каждый год устраивались международные выставки детских рисунков, и Неру всегда их посещал.

В одном из писем к детям он писал: «Я люблю беседовать с вами об этом прекрасном мире, который принадлежит нам, о цветах, деревьях, птицах, животных, звездах, горах и ледниках и обо всем другом вокруг нас... Вы должны читать много сказок и историй о далеком прошлом. Но мир сам по себе является чудесной приключенческой сказкой... Нам надо только иметь глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сознание, обращенное к жизни и красоте мира».

И в Советском Союзе Неру с удовольствием встречался с детворой — в московской школе, в Ленинградском Дворце пионеров, в «Артеке». Прощаясь с пионерами «Артека», он обратился к ним:

— Я люблю детей, где бы я их ни встретил — в Индии или в другой

стране. Я очень счастлив, что увиделся с вами. Только что маленькая девочка спросила меня, нравится ли мне здесь. Я, ответил, что мне очень нравится советский народ и особенно мне нравятся дети Советского Союза. Я всегда буду помнить об этой встрече и передам ваше приветствие детям Индии. Я надеюсь, что, когда вы вырастаете, а дети Индии станут взрослыми, вы будете сотрудничать друг с другом.

...И снова в дорогу — в Грузию, Узбекистан. Кто-то из спутников Неру шутливо пожаловался, что мероприятий так много, что выделить время для сна становится все труднее.

— А вы берите пример с меня, — невозмутимо ответил премьер, — спите в самолете.

15 июня 1955 года он прибыл в Самарканд — древний город, некогда бывший столицей Тимура. Как известно, один из Тимуридов, Бабур, в XVI веке воцарился на делийском троне. Могольские правители Индии поддерживали теснейшую связь с Ираном, который тогда переживал период, известный как Золотой век персидского искусства. В Индии возникла новая архитектура, сочетавшая в себе индийские идеалы и персидские мотивы. Элементы такой архитектуры Неру увидел и в Самарканде. Красота этого города заворожала его. Он осматривал самаркандские мавзолеи, мечети, обсерваторию великого узбекского мыслителя и ученого — Улугбека, гробницу грозного Тимура.

— Эти тончайшие мозаичные работы очаровательны. Сохранились ли в наши дни мастера, способные сотворить нечто подобное? — спросил Неру одного из реставраторов, работавшего над восстановлением архитектурного памятника.

Мастер сначала растерялся, а потом, всмотревшись в доброе лицо гостя, сказал переводчику:

— У нас есть мастера, которые выполняют такую работу и даже посложнее. Их произведения широко используются для художественного оформления зданий.

Неру удовлетворенно кивнул головой.

Во второй половине следующего дня гости уже были на целине в районе города Рубцовска. Неру давно размышлял над проблемой освоения степных и полустепных районов Индии, и для него был чрезвычайно интересен опыт советских целинников. Он ходил по пашням, постоянно задавая вопросы руководителям местного совхоза.

Зная, как необходимо для дальнейшего промышленного развития Индии строительство заводов тяжелого машиностроения, Неру вникал во все детали, когда знакомился с работой таких гигантов советской тяжелой

промышленности, как Магнитогорский металлургический комбинат или Уральский завод тяжелого машиностроения. Осматривая «Уралмаш», он восхищенно сказал: «Вот такой завод заводов нам нужен в Индии!»

Поездка по Советскому Союзу подходила к концу. Перед заключительными переговорами в Москве премьер два дня провел в Ленинграде. Неру знал историю этого прекрасного города, где свершилась величайшая в истории человечества революция. Он ходил по Ленинграду и чувствовал себя так, как будто он уже бывал здесь. Знакомые по кадрам кинохроники и фотографиям Дворцовая площадь, Зимний дворец, Невский проспект, Смольный...

В двадцатые годы его поразили описания революционного Петрограда в книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Он вспомнил, как в 1927 году в Москве ему удалось посмотреть фильм Всеволода Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга», приуроченный к десятилетию Великого Октября. В памяти сохранились кадры, показывавшие прошлое царской России: роскошь и рядом ужасающая нищета, страшные эпизоды империалистической войны, всеобщая радость и торжество в февральские дни падения царизма, страницы героической деятельности партии большевиков, возглавляемой В.И. Лениным. Молодой Неру почувствовал мощь, динамику, революционность этого фильма. Тогда он еще пожалел, что такая картина вряд ли выйдет на экраны Индии. Индийские прокатчики не решились бы показать народу советский фильм. Кинотеатры страны в то время были сплошь заполнены продукцией британских и американских кинофирм...

Утром 21 июня Неру после десятидневной поездки по стране возвратился в Москву.

Подлинным праздником для 80 тысяч москвичей, пришедших на стадион «Динамо», стал митинг, посвященный дружбе между народами СССР и Индии. Неру обратился к собравшимся на своем родном языке — хинди:

— Две недели тому назад мы прибыли в Советский Союз и скоро покинем эту великую страну. За это время мы проехали около тринадцати тысяч километров, посетили многие известные города и видели много замечательных вещей. Но самым замечательным из всего этого был прием, который был нам оказан повсюду, где бы мы ни были, и те горячие чувства, которые были широко проявлены к нам.

...Где бы я ни был в Советском Союзе, я везде находил страстное стремление к миру. Я верю, что огромное большинство людей в каждой стране жаждет мира, однако страх перед другими часто затемняет их

сознание и заставляет их действовать иначе. Именно этот страх и ненависть мы должны искоренить и попытаться создать атмосферу мира.

Визит подходил к концу. 22 июня 1955 года в Большом Кремлевском дворце было подписано Совместное советско-индийское заявление, в котором отмечалось, что в советско-индийских отношениях «необходимо руководствоваться следующими пятью принципами мирного сосуществования государств — взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга по каким-либо мотивам экономического, политического и идеологического характера; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование». «Исходя из пяти принципов, — говорилось в заявлении, — создается широкое поле деятельности для развития культурного, экономического и технического сотрудничества между СССР и Индией». Свою экономическую помощь Индии Советский Союз не обусловливал никакими политическими условиями.

Советские руководители с благодарностью приняли приглашение Неру посетить Индию.

Уже перед самым отъездом Неру ждал приятный сюрприз. Ученый совет МГУ имени М.В.Ломоносова присвоил премьер-министру Индии ученую степень почетного доктора юридических наук Московского университета. Так советские ученые оценили деятельность видного государственного деятеля, всегда активно выступавшего за соблюдение принципов международного права, за признание суверенных прав больших и малых государств, за ослабление международной напряженности в Азии и во всем мире.

Печать всего мира широко комментировала итоги визита Неру в СССР и подписанное советско-индийское заявление как событие огромной исторической важности не только в плане дальнейшего укрепления дружественных отношений между СССР и Индией, но и в плане ослабления международной напряженности.

Раздраженно реагировали на визит Неру реакционные круги западных стран и прежде всего США, явно не желавшие развития отношений СССР со сбросившими колониальное господство молодыми государствами Азии.

23 июня в Вашингтоне представитель государственного департамента в резкой форме отказался комментировать подписанное в Москве советско-индийское заявление, а влиятельные американские газеты предупреждали, что, укрепляя дружественные отношения с СССР, Неру может лишь вызвать враждебность американской стороны.

Джавахарлал Неру полностью был удовлетворен результатами своего

визита в Советский Союз, понимая, какого надежного и верного друга обрела его многострадальная родина, так нуждавшаяся в искреннем участии и поддержке.

«Я думаю, что уезжаю отсюда одновременно и богаче и беднее, чем приехал, — волнуясь, говорил Неру при прощании с советскими людьми. — Я считаю, что уезжаю отсюда богаче потому, что у меня будет очень много прекрасных воспоминаний о нашей дружбе и о приеме, который вы нам оказали. Я уезжаю отсюда беднее потому, что оставляю тут свое сердце...»

В течение двух следующих недель Неру посетил ПНР, где он с польскими руководителями подписал совместное заявление, в котором также были подтверждены пять принципов мирного сосуществования между государствами. Потом последовали визиты в Австрию, Югославию и Великобританию.

Успешное начало развитию тесного дружественного советско-индийского сотрудничества было положено. Продолжением его явился ответный визит советских государственных деятелей в Индию в ноябре — декабре 1955 года. Отныне частые регулярные встречи советских и индийских руководителей станут хорошей и прочной традицией.

Глава XIV

*Не сможет вспять нас повернуть
Никто и никогда.*

Рабиндранат Тагор

Времена, когда в международных делах главенствовали лишь те или иные империалистические державы, когда западноевропейские страны и Соединенные Штаты Америки единолично решали вопросы войны и мира, безвозвратно ушли в прошлое.

С образованием мировой системы социализма, с вступлением в глобальные политические и экономические связи освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки отношения между государствами стали приобретать всеобщий, более демократический характер.

Окончание войны в Корее, французской интервенции в Индокитае, успешное завершение Бандунгской конференции, положившей начало антиимпериалистическому сотрудничеству освободившихся от колониального гнета народов, совещание в Женеве, на котором руководители СССР, США, Великобритании и Франции откровенно обменялись мнениями по наиболее острым проблемам, — все это вселяло в Неру оптимизм и веру в конечный успех принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Пожалуй, впервые за минувшие годы у человечества, уставшего от недоверия, подозрительности и страха — порождений «холодной войны», — появилась пока еще робкая надежда на какие-то перемены к лучшему, что дало бы людям возможность спокойно и уверенно созидать, строить, творить.

Современная эпоха выдвинула новых политических лидеров, сумевших отразить общие чаяния подавляющего большинства населения планеты, стремившегося к прогрессу.

К числу таких лидеров, политическое видение которых простиралось далеко за национальные горизонты, принадлежал Джавахарлал Неру.

Вместе с руководителями Советского Союза и социалистических стран, лидерами национально-освободительного движения, прогрессивными деятелями Запада Неру настойчиво добивается создания

таких условий в мире, которые бы исключали возможность возникновения больших и малых войн. В этом смысл всей его политической деятельности.

Неру воодушевлялся, когда видел, что не одинок в своем стремлении к миру, когда знал, что его тревоги за судьбы человечества разделяют руководители других стран и в первую очередь Советского Союза. Премьер с удовлетворением воспринял решения состоявшегося в феврале 1956 года XX съезда КПСС, считая, что они будут способствовать «созданию условий, благоприятствующих проведению политики мирного сосуществования», он высоко оценивал предложения Советского правительства по основным вопросам разоружения, подкрепленные такими конкретными и впечатляющими миролюбивыми действиями, как, например, сокращение в одностороннем порядке Вооруженных Сил СССР на 1200 тысяч человек. Радовало Неру и то, что Советский Союз не только с полным пониманием относился к движению неприсоединения, но и с самого начала поддерживал его. Как бы в ответ тем западным деятелям, которые называли внешнюю политику неприсоединившихся стран «аморальной и близорукой», премьер-министр Индии не раз заявлял, что неприсоединение «не имеет ничего общего с нейтралитетом, пассивностью». «Мы осуждаем и будем осуждать, — говорил Неру, — империализм, колониализм и неоколониализм во всех его формах. Индия активно поддерживает национально-освободительное движение всех угнетенных народов мира, способствует освобождению поработанных народов и требует предоставления им суверенитета. Поэтому нашей политикой является не просто нейтралитет, а «позитивный нейтралитет». Мы всегда стремимся к активным действиям, а не к пассивному ожиданию или отсиживанию».

В справедливости этих слов впоследствии не раз убеждались как друзья, так и недруги правительства Неру. Когда в каком-нибудь районе земного шара возникала «взрывоопасная» ситуация, премьер-министр Индии без промедления использовал все свое влияние, укрепившийся авторитет индийского государства для того, чтобы не допустить разжигания конфликта и урегулировать его мирными средствами — путем консультаций и переговоров.

Так было и в исключительно тревожные недели суэцкого кризиса осенью 1956 года.

С президентом Египта Г.А.Насером Неру связывали не просто добрые, товарищеские отношения. Перед руководителями обеих стран стояли сходные задачи — покончить в кратчайшие сроки с остатками колониального наследия и добиться подлинной экономической

самостоятельности. Неру пришлось по душе смелость и решительность Насера, который отверг «помощь» США и Англии, обусловленную унижительными для Египта требованиями отказаться от прогрессивного внешнеполитического курса.

Справедливым и законным счел Неру принятие правительством Насера решения о национализации Суэцкого канала, созданного титаническим трудом египетского народа⁷⁵.

Хотя египетское правительство дало заверения в том, что будет строго соблюдать принятые им международные обязательства, правящие круги империалистических держав и особенно Великобритании принялись готовить военно-политическую диверсию против Египта. В свое время канцлер Германии Бисмарк, питавший слабость к выразительным изречениям, назвал Суэцкий канал «позвоночником Британской империи». И вот теперь эта империя, изрядно потрепанная и ослабевшая, явно не желает лишиться своего «спинного хребта». В глубокой тайне, с одобрения американского правительства оформляется союз будущих агрессоров — Англии, Франции и Израиля, причем последнему отводится роль основной силы вторжения в Египет. Внешне же британская дипломатия, разыгрывая «благородное негодование» по поводу решения правительства Насера и называя его действия «актом международного разбоя», старается соблюсти хоть какую-то форму приличия. 16 августа 1956 года в Лондоне по инициативе Англии, Франции и США собрались представители 22 стран, чтобы обсудить вопрос о Суэцком канале. Представлявший Индию Кришна Менон выступил с предложениями, суть которых сводилась к признанию того очевидного факта, что Суэцкий канал является неотъемлемой частью Египта. Предложения Индии были поддержаны советским делегатом, представителями Цейлона, Индонезии, однако западные державы настаивали на принятии плана, который огласил в Лондоне государственный секретарь США Д.Ф.Даллес и согласно которому управление Суэцким каналом передавалось «международному правлению».

Неру направляет премьер-министру Великобритании А.Идену и президенту США Д.Эйзенхауэру послания, призывая их принять предложение правительства Насера о создании органа для ведения переговоров из представителей стран, пользующихся Суэцким каналом. За мирное решение суэцкого вопроса настойчиво выступает и Советское правительство.

В один из сентябрьских дней Неру присутствовал на сессии народной палаты парламента. Он сосредоточенно слушал очередного оратора, когда ему передали сложенный вдвое лист бумаги. Премьер развернул его,

пробежал текст глазами. Посольство Индии в Лондоне сообщало, что Иден объявил голодовку. Уж не надеялся ли глава британского правительства, прибегнув к такому необычайному для английской дипломатии приему, разрешить суэцкий спор в свою пользу? Неру прервал заседание и с иронической улыбкой зачитал телеграмму. Озорно глянул на изумленных депутатов и громко заключил: «Пустой желудок гораздо лучше, чем пустая голова». Взрыв дружного смеха был ему ответом.

Правительство Индии оказывает Египту не только моральную поддержку. После того как западные державы прибегли к экономическому бойкоту Египта, Индия предоставляет заем правительству Насера и направляет египтянам продовольствие и медикаменты.

Вечером 29 октября 1956 года сотысячная армия Израиля вероломно вторглась на территорию Египта. Через сутки Англия и Франция предъявили египетскому правительству ультиматум. Иден и французский премьер-министр Ги Молле потребовали от Насера прекращения сопротивления израильским войскам и согласия на оккупацию вооруженными силами Англии и Франции ключевых позиций в районе Суэцкого канала. Глава египетского правительства с негодованием отверг унижительный ультиматум и объявил всеобщую мобилизацию. Тогда английская авиация, базировавшаяся на Кипре и Мальте, подвергла бомбардировке египетские аэродромы и другие оборонные объекты. 5 ноября в Порт-Саиде высадился англофранцузский десант.

«Вопиющим актом агрессии» назвал Неру действия трех держав против Египта. В послании генеральному секретарю ООН премьер-министр Индии, осудив агрессоров, призвал принять все необходимые меры для прекращения вооруженных действий Англии, Франции и Израиля.

В защиту Египетской Республики выступил Советский Союз, твердая решимость которого восстановить мир в районе Ближнего и Среднего Востока заставила агрессоров прекратить военные действия и вывести войска с захваченных ими территорий.

Неру неизменно поддерживал усилия Советского государства, направленные на ликвидацию очагов напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, на упрочение национальной независимости арабских народов.

Когда летом 1958 года в результате американо-английской интервенции в Ливане и Иордании обстановка на Ближнем и Среднем Востоке вновь обострилась, Неру положительно воспринял предложение Советского правительства о созыве совещания руководителей СССР,

Индии, США, Англии и Франции для принятия срочных мер к прекращению конфликта. Резкой критике подверг Неру неоколониалистскую «доктрину Даллеса — Эйзенхауэра». В утверждениях американских политиков, что США должны заполнить «вакуум», будто бы образовавшийся на Ближнем и Среднем Востоке из-за подрыва влияния Англии и Франции, и не допустить сюда «коммунистического» проникновения, без особого труда угадывалось стремление утвердить господство США в этом районе.

— Англичане вынуждены были уйти из Индии. Однако их уход не создал в Индии какого-либо «вакуума силы», — заявил Неру в народной палате парламента. — Теория «вакуума силы» несет опасность для всех стран, которые свергли колониальное иго и стали свободными... Если действительно в Западной Азии существует «вакуум силы», то он должен быть заполнен самими странами Западной Азии посредством их силы, единства и прогресса.

Не обходит Неру молчанием и вопросы, от решения которых во многом зависит сохранение прочного мира на Арабском Востоке. Его беспокоят экспансионистские устремления израильских правящих кругов, жаждущих расширить границы своего государства до Евфрата на севере и до Нила на юге.

«Существует постоянный элемент опасности во взаимоотношениях между арабскими странами и Израилем, — говорил Неру в августе 1958 года. — Израиль с момента своего возникновения служит источником постоянного раздражения для арабских стран. В нашей памяти еще свежи воспоминания о вторжении Израиля в Египет два года назад. Помимо этого, по-прежнему существует сложная проблема палестинских беженцев». Глава правительства Индии особо подчеркивал, что урегулирование всех спорных вопросов на Ближнем и Среднем Востоке «может быть достигнуто только при наличии доброй воли стран этого района. Не может быть урегулирования при помощи войны, ибо она, если вспыхнет, легко может перерасти в мировую».

Столь же дальновидного миролюбивого курса придерживалось индийское правительство, возглавляемое Неру, к тогда, когда в результате провокационных, преступных действий империалистических и колониалистских сил в том или ином районе земного шара — в Конго, в Западном Берлине, в Карибском море у берегов Кубы — возникала серьезная угроза миру и безопасности народов.

Как Советский Союз, так и Индия придавали исключительно важное значение вопросам разоружения. Борьбу за прекращение гонки

вооружений, за сокращение накопленных запасов оружия и в конечном итоге за их ликвидацию Неру считал одной из главных внешнеполитических задач, стоящих перед его правительством. Еще в 1940 году руководство Индийского национального конгресса выступило с резолюцией, в которой говорилось, что «свободная Индия будет всеми силами поддерживать всеобщее разоружение и будет сама готова показать в этом отношении пример всему миру».

Когда 5 августа 1963 года в Москве был подписан Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, Неру заявил, что этот договор «сломал лед, прорвал пелену страха, которая обволакивает человечество», и, явившись «поворотным пунктом в современной истории», открыл «путь к разоружению и обеспечению мира во всем мире». Индия одна из первых подписала этот исторический документ...

Если прогрессивные внешнеполитические взгляды Джавахарлала Неру отличались целостностью и постоянством, то проводимая им внутренняя политика была отмечена некоторыми противоречиями. Вера в возможность развития общества на основе сотрудничества классов через достижение компромиссов и проводимые государством реформы, стремление к универсальному использованию моралистического учения Махатмы Ганди для разрешения острых социальных конфликтов — все это прочно удерживало Неру в рамках общедемократического этапа национально-освободительного движения.

«Наш идеал и цель не могут идти вразрез с историческими тенденциями», — говорит он. Как мыслитель-рационалист и один из вождей антиколониального движения, Неру приходит к выводу, что капитализм не «соответствует нашему веку», что движение к социализму является объективной потребностью для освободившихся стран.

Однако на практике в условиях крайне неоднородного, многоклассового состава правящей партии Индийский национальный конгресс, при огромном объеме нерешенных общедемократических задач и проблем, связанных с ликвидацией колониального наследия, Неру призывает к созданию приемлемого для всех классов «государства благоденствия и общества социалистического типа, в котором нет больших различий в доходах и предоставляются равные возможности для всех». Следуя заветам Ганди, он все чаще выступает за «классовый мир и сотрудничество»: «Мы стремимся к сглаживанию классовых конфликтов, а не к их обострению и стараемся привлечь людей на свою сторону вместо

того, чтобы грозить им борьбой и уничтожением». В то же время Неру видел, что жизнь упорно отвергала подобные установки: привилегированные классы прибегали к открытому насилию и жестоко подавляли протесты трудящихся. Конституция предоставляла всем индийцам равные возможности, однако фактическое неравенство между людьми не только продолжало существовать, но и углублялось.

Все помыслы и устремления Неру были связаны с судьбой народа. Но, страстно желая облегчить участь угнетенных, в то же время он не тешил себя иллюзиями и с горечью признавал, что «чем могущественнее за последние годы стали монополии, тем дальше ушла Индия в сторону от социализма», ибо «монополии — враги социализма». Ему было понятно, что крупная буржуазия, которая первая насладились плодами завоеванной народом независимости, становилась все более реакционной силой. Устранение ранее существовавших в колониальной Индии дискриминационных ограничений для национальной буржуазии, позволило ей, используя дешевый труд соотечественников, увеличить свои прибыли и повысить конкурентоспособность индийской промышленности и сельскохозяйственной продукции. Поэтому для крупной буржуазии национально-освободительная революция на этом этапе заканчивалась, а Неру и поддерживающие его прогрессивные силы страны хотели идти дальше, добиваться проведения в стране широких преобразований, которые отвечали бы чаяниям всего индийского народа, способствовали бы становлению Индии как великого суверенного государства Азии.

Под руководством Неру проводится реорганизация административной системы Индии путем создания штатов по национально-этническому и языковому принципам, что должно ликвидировать феодальную раздробленность страны, осуществляются первые аграрные реформы, осваиваются целинные и залежные земли, строятся оросительные сооружения, прокладываются сельские дороги, создаются государственные животноводческие и семеноводческие фермы, внедряется передовая агротехника, через государственную организацию по развитию сельских районов проводится социально-культурная работа в деревнях, расширяется сеть учебных заведений, всячески поощряется развитие науки и искусства.

Но главным направлением во внутривнутриполитическом курсе Неру становится индустриализация страны и перестройка народного хозяйства на плановых началах.

Выполнение первого пятилетнего плана (1951/52 — 1955/56 гг.), хотя он был в основном нацелен на проведение подготовительных мер к ликвидации колониальных порядков и перестройку устаревших

общественных отношений в многоукладной экономике Индии, вселяло в Неру веру в успех начатого дела. Поездка в СССР, его продолжительные беседы и консультации с советскими плановиками, тщательное изучение теории и знакомство с практикой планирования в социалистических странах, личный опыт, приобретенный им за эти годы, вдохновляли Неру как председателя Плановой комиссии на разработку второй пятилетки (1956/57 — 1960/61 гг.), которая с учетом экономической и технической помощи Советского Союза содержала развернутую программу индустриализации страны.

Премьер-министр, преодолевая сопротивление правого крыла ИНК и некоторых министров в составе своего кабинета, добивается в апреле 1956 года принятия нового «Решения правительства Индии о промышленной политике». Государство получило преимущественное право предпринимательства во всех ведущих отраслях промышленности, энергетики, транспорта.

Однако, несмотря на значительное ограничение частной предпринимательской деятельности и укрепление государственного сектора в промышленности, Неру, как серьезный и честный исследователь экономических отношений, далек от их излишней идеализации в Индии. «Это капиталистическая экономика со значительным государственным контролем или капиталистическая экономика плюс общественный, непосредственно управляемый государством, сектор», — писал он. Но индийский лидер и не умаляет поистине огромного значения государственного сектора в экономике развивающейся страны.

Имея в своей библиотеке сочинения В.И.Ленина и часто обращаясь к ним, Неру, вероятно, был знаком с ленинскими выводами о том, что «...государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобществленное...»⁷⁶ и что «...государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией»⁷⁷.

Планирование и государственный сектор в экономике страны становятся для индийского премьера «самым динамичным и революционным элементом», призванным изменить прежний характер хозяйственных и социальных связей в Индии.

Государственное плановое регулирование экономического развития позволяло Неру и его правительству рационально распределять материальные ресурсы и денежные средства, обеспечивать высокий темп

роста жизненно важных для страны отраслей промышленности, уменьшить зависимость от засилья иностранных монополий, направить энергию народа на выполнение общенациональных задач, и, наконец, добиться экономической самостоятельности Индии.

Работая над составлением второй пятилетки, Неру мечтал об индустриальной Индии. Когда он посещал стройки, закладывал или открывал новый завод, плотину, научный центр, люди видели его глубоко счастливым.

— Строительные площадки, на которых тысячи людей возводят гигантские сооружения на благо миллионов своих сограждан, — говорит он, — я называю храмами и местами благоговейных молитв. Это святые места, где люди отдают свою кровь и пот, где они страдают и не сдаются во имя прогресса и лучшей жизни. Это храмы, церкви и мечети нового времени.

В кабинете премьер-министра висела большая, во всю стену, карта Индии, на которой были отмечены все новостройки пятилетки. Он часто подходил к карте и подолгу рассматривал ее. На карте, к северу от Пенджабской равнины, на реке Сатледж — отметка: здесь строится плотина Бхакра — Нангал.

Многочисленные реки страны берут начало в ледниках Гималаев. В течение целого полугодия они лениво текут скудными ручейками по равнинам Индии, и палящее солнце иссушает земли, сжигает крестьянские посевы. Но приходит сезон дождей — и маленькие речушки, сливаясь в мощный поток, выходят из своего изменчивого непостоянного русла и затопляют бушующим паводком поля, унося в своих мутных водах в соленый океан плодородные почвы. Драгоценная живительная влага приносит разрушение и смерть.

Неру, посоветовавшись со специалистами и обсудив вопрос в Плановой комиссии, предложил укротить реки, текущие с гор, подчинить их силу воле человека, обводнить мелкие речушки и воздвигнуть на пути стремительных потоков высотные плотины, чтобы в любое время года было достаточно влаги и никогда не было засухи и наводнений, чтобы неистощимая энергия рек озаряла по ночам электрическим светом мрак деревень.

А вот другая отметка на карте — никому ранее не известная, затерявшаяся на окраине железорудного района Чхота — Нагяур, маленькая деревенька Бхилаи. Несколькими годами раньше индийские промышленники обратились к своим коллегам в Англии и США за помощью в строительстве здесь металлургического завода, но сразу же

встретили холодный отказ. Это и понятно: Англия и США не были заинтересованы в создании индийской металлургии, они хотели продавать Индии свою сталь, брать за нее втридорога и сохранять зависимость страны от их поставок.

Не прошло и года после визита Джавахарлала Неру в Советский Союз и подписания соглашения о строительстве государственного металлургического завода в Бхилаи, как индийцы уже получили технический проект завода и началось его строительство.

Гул и грохот машин привлек сюда тысячи индийцев из Бенгалии, Пенджаба, Кералы, Ориссы, Ассама. Маленькая деревушка превратилась в гигантскую стройку и стала походить на огромный муравейник. Предстояло вынуть сотни тысяч тонн грунта, уложить пятьсот тысяч кубометров бетона, установить пять тысяч электромоторов, проложить сотни километров железнодорожных путей и трубопроводов, возвести корпуса, доменные печи, смонтировать сложнейшее оборудование, поставленное из Советского Союза.

Бхилаи становится флагманом второй пятилетки Индии.

Западные наблюдатели, посещавшие великую стройку дружбы двух народов, не скрывая своего удивления, говорили: «Русские делают все, чтобы помочь индийцам. Они, если нужно, не смущаясь, берутся и за физическую работу, очень терпеливы в своих указаниях, благодаря чему индийцы фундаментально изучают свою специальность. В свободное время русские вместе с индийцами играют в волейбол, ходят с ними в кино... Русским удалось занять постоянное место в коллективе нового города стали. 1300 или 1400 русских (приблизительно 300 инженеров с семьями и помощниками) живут, работают и отдыхают в тесной дружбе с индийцами. Это произвело впечатление не только на индийских рабочих, но даже на непреклонных антикоммунистов среди индийских правительственных чиновников и в деловом мире...»

— Здесь, — сказал один из индийских рабочих в Бхилаи корреспонденту американского журнала «Тайм», — мы работаем бок о бок с русскими. В других же местах мы работаем под командой иностранцев.

Только вчера проснувшуюся от векового сна Индию Неру видит уже в завтрашнем дне. Но сразу вступить в век научно-технической революции непросто, требуется огромное напряжение сил всего народа, бескорыстная помощь дружественных государств; нужно одновременно преодолевать косность, консерватизм, конфликты и разногласия в партии и правительстве, доказывать, что недостаточно примкнуть к XX веку, что не за горами XXI век и Индия, еще не освободившаяся от оков феодализма,

если она хочет обеспечить себе будущее, должна все время убыстрять темп жизни, строить, созидать, постоянно дерзать.

Неру возглавляет Комиссию по атомной энергии Индии. Вторым пятилетний план предусматривает строительство в Бомбее первого ядерного реактора. И теперь вчерашние кули возводят «храм» сказочной энергии, которая в корне изменит жизнь грядущих поколений индийцев, сделает страну богатой и процветающей.

Курс правительства Неру на создание экономического фундамента независимости и преодоление колониального наследия в социальной, политической, культурной жизни Индии, упрочил популярность как самого Неру, так и Национального конгресса. Тем не менее этот курс стал все чаще наталкиваться на сопротивление со стороны индийской монополистической буржуазии и ее политических организаций.

Индийский монополист А.Д.Шроффом создает «Форум свободных предпринимателей». Цель форума — заменить фронт Неру внутри и вне Конгресса консервативной группой. Различные частные фонды американских миллиардеров сразу же соглашаются субсидировать «крестовый поход индийской ортодоксии и консерватизма против социализма Неру». На поверхность политической жизни страны всплывает зловещая фигура Мину Масани, представителя крайней реакции, руководителя антикоммунистической организации — «Общества демократических исследований», бюджет которого в основном пополняется за счет щедрых перечислений американского посольства в Индии, о чем, опираясь на документы, поведала как-то французская газета «Либерасьон». Блокируясь с правыми лидерами Конгресса, Масани сколачивает оппозицию курсу Неру и ведет дело к созданию новой партии, которая могла бы бросить вызов ИНК.

Снова поднимает голову партия «Хинду махасабха», отвергая принципы «панча шила» и требуя милитаризации страны. Вместе с ней воинствует еще одна правая партия «Джан сангх» («Народный союз»), которая выдвигает лозунг о «закрытии Пакистана» и призывает к войне с ним.

Однако Неру в 1957 году успешно проводит вторую кампанию по всеобщим выборам в парламент страны и законодательные собрания штатов, во время которых Национальный конгресс одерживает убедительную победу, оставив далеко позади все остальные партии. Второе место по числу депутатов в Народной палате снова заняла Компартия Индии, а в штате Керала коммунисты пришли к власти и образовали свое первое правительство.

Укрепление левых сил в политической жизни страны вызвало раздражение среди консервативно настроенных лидеров внутри самой правящей партии. Из правительства выходит министр финансов Ч.Раджагопалачария, сторонник политической ориентации Индии на США. Вместе с Масани они создают партию «Сватантра» («Независимая») и открыто выступают против политики Неру — против аграрных реформ, против государственного сектора, против планового начала в руководстве экономической жизнью Индии.

Но правая реакция не могла в тот период сколько-нибудь серьезно поколебать непререкаемый авторитет и политическую позицию Неру. Страна шла за своим признанным лидером. Внутри— и внешнеполитический «курс Неру» находит все большую поддержку в самой Индии и за рубежом. Однако премьер-министр вовсе не ставит такое положение лично себе в заслугу и дает деятельности своего правительства строго объективную оценку, выступая против преувеличения роли одной личности в формировании политики государства.

«Абсолютно неправильно называть нашу политику «политикой Неру», — говорит он в Народной палате. — Это неправильно потому, что я являюсь лишь ее выразителем. Не я положил ей начало. Это политика, обусловленная положением Индии, ее образом мыслей в прошлом, всей системой взглядов Индии, умонастроением индийцев во время нашей борьбы за свободу и современной международной обстановкой. Я имею к этому отношение только в силу того случайного факта, что в течение этих нескольких лет я представлял эту политику как министр иностранных дел. Я глубоко убежден, что кто бы ни ведал внешними делами Индии и какая бы партия ни стояла у власти, они не могли бы особенно сильно отойти от этой политики».

...Самолет, на котором должна была прилететь делегация из Пекина, запаздывал. Неру нетерпеливо посматривал на часы, укрепленные на тыльной стороне руки, и тут же переводил взгляд на небо, северную его часть, покрытую хлопьями серебристых облаков.

Обычно Неру приезжал в аэропорт Палам в хорошем настроении, с сознанием того, что очередной официальный визит на высшем уровне успешно завершит многодневную кропотливую работу дипломатов по выяснению, уточнению, согласованию тех насущных проблем, в справедливом решении которых заинтересованы и гости и хозяева. Но в этот день, 19 апреля 1960 года, приехав в Палам для встречи премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая и министра иностранных дел

Чэнь И, Неру не испытывал ни приподнятости, надлежащей для такого случая, ни уверенности в благополучном исходе визита, разве что слабую надежду, подогреваемую все еще сохранявшейся верой в действенность личных контактов между государственными деятелями. Да, надежду на то, что доверительные беседы, переговоры, откровенный, честный обмен мнениями между ним и Чжоу Энляем помогут хоть в какой-то степени избавиться от недоверия, подозрительности и даже враждебности в индийско-китайских отношениях, которые еще несколько лет назад были добрососедскими и дружественными.

Отношения между двумя странами стали заметно ухудшаться после событий в Тибете в марте 1959 года, когда восстали жители Лхасы из-за постоянных притеснений со стороны китайских властей. Восстание было жестоко подавлено, и, спасаясь от репрессий, часть тибетского населения бежала в Индию. 31 марта индийскую границу пересек светский и духовный глава Тибета — далай-лама. Правительство Неру предоставило ему и другим тибетцам убежище. На призывы некоторых кругов о немедленном выступлении Индии на стороне далай-ламы и его сторонников Неру ответил отказом, подтвердив желание Индии сохранять дружественные отношения с Китаем.

К середине 1959 года статьи, обвиняющие правительство Неру во вмешательстве во внутренние дела КНР, стали обычными для пекинских газет, а в первых числах июня на столе премьер-министра Индии лежала сводка разведывательного бюро о беседе китайского посла в Карачи с министром иностранных дел Пакистана. Посол призывал к «новому взгляду» на развитие китайско-пакистанского сотрудничества в свете «откровенно враждебной позиции», занятой правительством Индии в отношении Китая. В сводке указывалось, что пакистанская сторона довольно сдержанно реагировала на высказывание китайского представителя и не связывала себя какими-либо обязательствами. Заигрывая с Пакистаном, участником агрессивного блока СЕАТО, Пекин тем самым давал понять США, что его интересы в Южной Азии могут совпадать с целями западной дипломатии. Поневоле напрашивался вывод о попытках руководителей КНР срочно сколотить антииндийский блок, что, в свою очередь, вызывало необходимость принять какие-то ответные меры. Однако Неру не спешил с окончательными выводами, внимательно следя за всем тем, что происходило в Пекине. К тому же он ждал от Чжоу Энлая ответа на свое послание, направленное еще в марте 1959 года. В этом послании Неру, выражая озабоченность по поводу существенных различий в обозначении индийско-китайской границы на картах, издаваемых в

Пекине и Дели, изложил позицию своего правительства, подкрепив ее ссылками на различные соглашения и договоры, прямо или косвенно регулировавшие исторически сложившуюся линию раздела между двумя странами, большая часть которой проходила в малонаселенных высокогорных районах.

В конце июля китайские пограничники задержали отряд из шести индийских полицейских, направленных в район Ладакха для проверки сообщений о нарушениях китайской стороной границы. В этом районе в 1957 году было завершено строительство шоссейной дороги, связавшей Тибет с Синьцзяном, причем все работы велись китайцами в обстановке глубокой тайны. Полицейские были освобождены 18 августа после решительных протестов индийского правительства.

25 августа при столкновении китайских и индийских пограничников в районе поста Лонгджу, установленного индийскими властями после событий в Тибете, впервые прозвучали выстрелы.

Неру незамедлительно дал указание послу Индии в Пекине заявить протест по поводу агрессивных действий Китая в пограничных районах. Вскоре посол сообщил, что, передав ноту протеста, он был вынужден выслушать пространное заявление представителя МИД КНР, обвинившего индийское правительство в создании «напряженной обстановки на границе».

Ответное послание Чжоу Энляя пришло только 8 сентября 1959 года. Глава китайского правительства в категорической форме отвергал все доводы, приведенные в мартовском послании Неру, и целиком возлагал на Индию ответственность за пограничные инциденты. В эти же дни министр иностранных дел КНР Чэнь И в одном из своих выступлений обвинил Индию в посягательстве на китайскую территорию общей площадью около 130 тысяч квадратных километров, обозначив таким образом размеры территориальных притязаний Китая.

Недолгое относительное затишье на границе снова было прервано ружейными выстрелами и автоматными очередями. 21 октября в перестрелке у перевала Конгха погибли девять индийских пограничников, десять человек, среди них несколько раненых, попали в плен к китайцам.

Всего несколько лет назад Чжоу Энлай торжественно провозглашал, что «Китай рассматривает свою границу на юго-западе как границу мира и дружбы», а теперь пекинские лидеры громогласно заявляли, что индийское правительство пытается оказать на Китай военный и дипломатический нажим, добиваясь экспансионистских целей, настраивает против него мировое общественное мнение.

Слыша подобное, Неру иногда даже недоумевал. Неужели, к примеру, в Пекине неизвестно, что в течение многих недель правительство Индии, рискуя навлечь на себя резкую критику в парламенте, делало все возможное для того, чтобы информация о строительстве китайцами дороги явно стратегического назначения в пограничных районах или о частых проникновениях китайских солдат на индийскую территорию не стала достоянием мировой общественности, с мнением которой, видимо, должны были считаться Мао Цзэдун и его окружение? Но, судя по всему, маоисты расценили выдержку и великодушие индийской стороны как проявление робости перед ними и, пытаясь запугать правительство Неру, желая вынудить его пойти на уступки в территориальном вопросе, не остановились перед вооруженными провокациями, приведшими к кровопролитию.

Несмотря на напряженную обстановку, Неру, добившись освобождения захваченных в плен индийцев и выдачи тел погибших, не отказался, как на этом ни настаивали правые круги страны, от поиска путей урегулирования конфликта с Китаем. В посланиях к Чжоу Эньлаю он, отвергая несостоятельность обвинений и показывая необоснованность территориальных притязаний китайских лидеров, вместе с тем подтверждал верность Индии принципам мирного сосуществования и выражал готовность обсудить спорные вопросы в индийско-китайских отношениях.

...Над полем аэродрома вслед за восьмеркой с ревом пронесшихся истребителей индийских ВВС показался турбовинтовой «Вайкаунт» производства британского военного концерна «Викерс». Самолет приземлился и через несколько минут подкатил к площадке, где стояли встречавшие. Неру, вице-президент Индии С.Радхакришнан и Кришна Менон направились к трапу, по которому спускались Чжоу Эньлай и Чэнь И. Визитеры из Пекина были в традиционных для китайских руководителей светло-серых кителях, на лицах обоих застыли любезные улыбки.

Неру обменялся с гостями сдержанно-вежливыми рукопожатиями, потом, подойдя к микрофону, произнес приветственную речь. На этот раз он, предпочитавший в подобных случаях выступать экспромтом, почти не отрывал глаз от листка бумаги с текстом, читал без обычной эмоциональности, сухо, медленно, словно еще раз выверял точность заготовленных формулировок. Вспомнив о прошлых визитах главы китайского правительства в Индию, о радушном приеме, который оказывали ему индийцы как представителю дружественной соседней

страны, Неру выразил сожаление по поводу недавних событий. «Настоящее и будущее наших отношений подверглись опасности, — констатировал он, — и сама основа этих отношений поколеблена».

Чжоу Энлай свое ответное выступление свел к излишне оптимистическому, по мнению Неру, утверждению о том, что никакие трудности не мешают дружбе между Китаем и Индией, которая «будет продолжаться тысячи лет».

Переговоры Неру с Чжоу Энлаем длились почти неделю и завершились фактически безрезультатно. С первой же беседы выявились серьезные разногласия в подходе сторон к вопросу о границе, причем китайцы вели себя явно вызывающе, стараясь подчеркнуть исключительность своего положения. Вице-президент Индии С.Радхакришнан потом с возмущением говорил, что министр иностранных дел Китая скорее походил не на дипломата, а на военного, пытавшегося властным голосом победителя диктовать свои условия побежденному. Впрочем, одной договоренности Неру и Чжоу Энлай все же достигли: поручить официальным представителям обеих сторон изучить пограничные проблемы, собрать и систематизировать все имеющиеся документы и подготовить соответствующие доклады.

В течение 1960 года индийские и китайские представители встречались трижды: в Пекине, Дели и Рангуне. Знакомя депутатов Народной палаты с докладом индийской делегации, Неру подчеркнул, что Китай незаконно оккупировал более 19 тысяч квадратных километров индийской территории, занятой в Ладакхе к сентябрю 1959 года. 20 февраля 1960 года премьер заявил в совете штатов парламента, что вопрос о границе между Индией и КНР может быть разрешен только после того, как китайские войска оставят оккупированные ими территории, а в Пекине признают позицию индийского правительства в данном вопросе.

Спор между двумя крупнейшими азиатскими государствами оставался неурегулированным, что не могло не тревожить подлинных друзей индийского и китайского народов...

Пограничный конфликт, развязанный Пекином, поставил правительство Неру в трудное положение и явился тяжелым испытанием для политики неприсоединения, которую оно проводило.

Внутренняя и внешняя реакция, казалось, только и выжидала подходящего момента для того, чтобы объявить миролюбивую внешнюю политику Индии несостоятельной и неспособной обеспечить национальную безопасность.

Впервые правые политические организации провели демонстрацию

перед резиденцией премьер-министра. «Неру, проснись!», «Неру, уходи в отставку!» — выкрикивали ее участники.

Заметно оживилась деятельность представителей консервативного крыла в самой правящей партии, которые сеяли недоверие к «курсу Неру» и добивались устранения из состава кабинета министра обороны Кришны Менона, противника участия Индии в каких-либо военных союзах, и министра топлива и энергетики К.Д.Малавия, последовательного проводника установок Неру на независимое экономическое развитие страны.

Западная пресса совместно с оппозиционными правительству индийскими газетами начала кампанию против Неру. Индийско-китайский кризис показал, писали реакционные журналисты, что «у Неру не хватает качеств руководителя», что он якобы не способен занять «твердую позицию» в отношении Пекина. А некоторые политические противники премьер-министра даже пытались представить дело так, что, дескать, «вторжения китайцев являются частью мировой коммунистической стратегии», и обвиняли Неру в непринятии мер против коммунистической группы, будто бы существующей «не только в парламентской фракции Конгресса, но и в правительстве». Правые делали все для того, чтобы настроить общественное мнение на необходимость переоценки внешней политики. Они утверждали, что «холодная война, объявленная Китаем, вынуждает Индию отказаться от «политики невхождения в союзы». В то же время, словно по какому-то сговору, Пекин и Вашингтон, хотя и с противоположных позиций, ведут злобную кампанию против Неру с целью подорвать его международный авторитет как одного из лидеров антиимпериалистического движения неприсоединения.

Вашингтон, пользуясь осложнением внутривнутриполитической обстановки в Индии из-за индийско-китайских разногласий, вновь пытается втянуть Индию в прозападный военный блок теперь уже путем ее «примирения» с Пакистаном перед лицом «общей для них угрозы международного коммунизма». Помимо прямых призывов, обращенных к правительству Неру, американские дипломаты действуют через президента Пакистана М.Айюб-хана, который по их совету предлагает индийскому премьеру заключить соглашение о совместной обороне Индостанского субконтинента. Но Неру говорит, что «не попадетсЯ в такую ловушку». По его мнению, принятие предложения Айюб-хана на деле означало бы для Индии косвенное участие в прозападном агрессивном военном блоке СЕАТО, членом которого являлся Пакистан.

Честер Боулс, ставший к тому времени конгрессменом и советником

госдепартамента, выдвигает идею об организации встречи индийского премьера с президентом Пакистана; Неру без колебаний отвергает навязчивую инициативу Боулса, ответив ему, что он сомневается в пользе такой встречи. И хотя в сентябре 1959 года Айюб-хан все же приезжает в Дели, его переговоры с индийскими руководителями не приносят тех результатов, которых ждала западная дипломатия.

Глава правительства Индии подтверждает свой прежний курс, заявляя в парламенте, что основанная на принципах «панча шила» и неприсоединения к военным блокам внешняя политика страны остается неизменной и что он отвергает любые предложения, которые не соответствуют этой политике.

В резолюции сессии Национального совета Компартии Индии, состоящейся 15 ноября 1959 года в Мируте, говорилось о «высокой оценке позиции премьер-министра Неру, который, несмотря на нашумевшую реакцию, проявил твердую волю к проведению независимой внешней политики, решительно отверг военные союзы, сделал упор на переговоры и мирное урегулирование, предостерег от военного психоза».

С 1 по 6 сентября 1961 года в Белграде проходит конференция глав правительств неприсоединившихся стран, и Неру, как один из лидеров этого движения, принимает в ней деятельное участие.

Западные политики раздувают антисоветскую истерию, усиливают международную напряженность, балансируют на грани войны. Они стремятся столкнуть Белградскую конференцию с антиимпериалистических позиций и склонить отдельных ее участников к искусственному противопоставлению неприсоединившихся государств странам социализма, Советскому Союзу.

Однако испытанные вожди национально-освободительного движения — Неру, Насер, Нкрума и подавляющее большинство глав государств и правительств подтверждают, что истинные цели движения неприсоединения объективно совпадают с политикой социалистических стран, выступающих за развитие сотрудничества государств с различными социальными системами, за ликвидацию всех форм колониализма, за мир.

В последний день работы конференции Неру занят подготовкой ее решений. По его инициативе принимается документ — «Угроза войны и призыв к миру», в котором участники конференции выражают тревогу в связи с обострением международной обстановки, чреватой опасностью развязывания новой войны. Они обращаются к заинтересованным странам, и прежде всего к США и СССР, с призывом «начать переговоры по

мирному урегулированию существующих между ними разногласий при обязательном соблюдении принципов ООН». В другом документе — декларации — говорится, что мирное сосуществование должно стать основой международных отношений, а также содержится требование о незамедлительном полном и окончательном уничтожении колониализма, о ликвидации экономического неравенства стран как следствия империалистической эксплуатации.

Отдыхать Неру пришлось уже в самолете по дороге в Москву, куда он направился по приглашению Советского правительства. Кроме того, индийский премьер-министр вместе с президентом Ганы К.Нкрумой должны были по поручению участников конференции информировать советских руководителей о результатах ее работы и передать им письмо глав неприсоединившихся стран, в котором излагались некоторые взгляды относительно средств ослабления напряженности и обеспечения всеобщего мира. А президенту Индонезии Сукарно и президенту Мали Модибо Кейта надлежало вручить такое же послание президенту США Джону Кеннеди.

Еще в самолете, просматривая свежие газеты, Неру прочитал о том, что Вашингтон «раздражен и разочарован» решениями конференции в Белграде. Представители американского правительства заявили, что неприсоединившиеся страны склоняются к точке зрения Москвы по проблемам разоружения и разрешения берлинского кризиса. Не обошлось и без обычной угрозы: «Отныне Вашингтон будет внимательно изучать отношение нейтральных стран к различным международным проблемам при рассмотрении их просьб о финансовой помощи со стороны США».

6 сентября в 14 часов 55 минут самолет с Неру на борту подруливает к зданию аэропорта во Внукове. Искреннее, идущее от души дружелюбие встречающих советских людей, мягкое осеннее солнце, бодрящая свежесть подмосковных лесов снимают многодневную усталость, и Неру, обращаясь к руководителям Советского Союза, вдохновенно говорит, что он очень хотел снова посетить Страну Советов и еще раз увидеть ее постоянное движение по пути прогресса и процветания, а также обсудить с Советским правительством много новых проблем, которые волнуют сейчас все человечество.

Визит Неру был коротким, но до предела насыщенным важными переговорами как по вопросам дальнейшего развития индийско-советских отношений, так и по злободневным международным проблемам.

Неру полностью удовлетворен тем, с каким пониманием Советское правительство восприняло решение Белградской конференции, дав

заверение в своей готовности содействовать улучшению взаимопонимания между государствами, в том числе и налаживанию советско-американских отношений, от состояния которых во многом зависели судьбы мира.

Видимо, находясь еще под мрачным впечатлением недавнего вооруженного инцидента на индийско-китайской границе, Неру, питая глубокое отвращение к войне как средству разрешения спорных вопросов, заявляет в Москве: «Уважая все страны, я все же должен сказать, что в наше время, в наш век выступить с войной против кого-либо является последней глупостью. Сейчас, когда в каждой стране так много предстоит сделать, когда остаются неисследованными огромные возможности, было бы нелогично, неправильно, неразумно и глупо начинать войну».

Неру высоко оценивает советскую экономическую помощь Индии, подчеркивая, что самым дорогим приобретением своей страны он считает нерушимую дружбу с Советским Союзом и взаимопонимание двух народов.

Для продолжения и последующего укрепления двусторонних контактов на высшем уровне правительство Индии приглашает Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежневa посетить в ближайшие месяцы Индию.

Неру возвратился в Дели 11 сентября. Из различных и вполне надежных источников к премьер-министру стекалась обширная информация о военных приготовлениях Китая на границе с Индией. Определенные политические круги, используя в своих интересах позицию Пекина, разжигали среди населения страны антикоммунистические настроения; на политическую арену снова вышла военизированная организация индуистских коммуналистов «Раштрия сваямсевак сангх», которая нагнетала обстановку шовинистического угара, выступая с безответственными воинствующими призывами. РСС и стоящие за ней силы заметно осложняли правительству возможность разумного урегулирования конфликта с Пекином.

Хотя Неру отдал все необходимые распоряжения министру обороны Кришне Менону, чтобы страна не была застигнута врасплох в случае китайской агрессии, он все еще надеялся предотвратить военные действия на границе и уладить разногласия мирными средствами.

Индийский премьер продолжал настаивать на принятии КНР в члены ООН, помимо всего прочего, полагая, что в этом случае китайские руководители вынуждены будут в большей степени считаться с мнением международного сообщества и острее почувствуют свою ответственность

за судьбы мира.

Помыслы Неру устремлены на разрешение основных международных проблем, среди них — запрещение ядерного оружия и разоружение.

Энтузиазм, с каким он отстаивал дело мира, поражал и друзей и врагов. Только за два месяца — октябрь и ноябрь 1961 года Неру посетил ряд стран: в Вашингтоне он вел переговоры с президентом США Д.Кеннеди, в Лондоне — с премьер-министром Г.Макмилланом, в Каире снова встречался с Г.А.Насером и И.Б.Тито, выступал на Генеральной Ассамблее ООН, совершил официальный визит в Мексику. В этот же период глава индийского правительства принимал в Дели председателя Государственного совета Польши А.Завадского, премьер-министра Японии Х.Икеда, беседовал с иностранными послами и членами многочисленных зарубежных делегаций, посещавших Индию. Особенно приятным событием в эти дни для Неру стал приезд в Индию первого человека, поднявшегося в космос, — Юрия Алексеевича Гагарина.

Неру, ровесник авиации, еще в школьные годы мечтал о том времени, когда человек освоит воздушное пространство. В его памяти запечатлелись полеты первых летательных аппаратов. Братья У. и О. Райт, совершившие в 1903 году полет на самолете с двигателем внутреннего сгорания, француз Л.Блерио, перелетевший в 1909 году пролив Ла-Манш, прославленные русские авиаторы Д.П.Григорович, В.А.Слесарев, П.Н.Нестеров — все они были его кумирами.

А теперь Неру внимательным и добрым взглядом изучает сидящего в его гостиной молодого человека в белом кителе майора Советской Армии Юрия Алексеевича Гагарина. Открытое русское лицо с обаятельной покоряющей улыбкой, пытливые, чуть озорные глаза... Этому парню из семьи смоленских колхозников выпало на долю первому разорвать путы земного притяжения и проникнуть в космическое пространство.

Неру угощает гостей цветочным чаем, выращенным в предгорьях Гималаев, сам разливает его по чашкам.

— Как вы относитесь к чаю? — спрашивает он Валентину Ивановну, супругу Ю.А.Гагарина.

Застенчиво улыбаясь, она говорит, что у нее на родине чай издавна является любимым напитком.

— Да, это так, — подтверждает Юрий Алексеевич. — С расширением торговли между нашими странами советские люди уже привыкли к прекрасному вкусу индийского чая.

Неру интересуется деталями космического полета. Слушая рассказ космонавта, он замечает, что первооткрывателям всегда и во всем

приходится рисковать.

— Любое новое дело связано с известным риском, — соглашается Ю.А.Гагарин. — Сколько летчиков пожертвовало своими жизнями, пока самолеты не стали надежными машинами. Но авиация была нужна людям, и сейчас она хорошо служит им. Космонавтика тоже необходима человечеству, без ее развития вряд ли возможен дальнейший прогресс. Что же касается моего полета, — улыбается Гагарин, — то откровенно скажу вам, господин премьер-министр, что риск был невелик: у нас отличная космическая техника, и все системы корабля «Восток-1» были тщательно испытаны еще на Земле.

Скромность космонавта импонирует премьер-министру. Однако он представляет себе всю сложность создания надежной системы жизнеобеспечения человека в космосе.

— Не трудно ли было дышать во время космического полета? — спрашивает Неру гостя. — Космонавтика и авиация сравнимы лишь отдаленно, но, увлекаясь планерным спортом, я по себе знаю, как уже на высоте пяти-шести тысяч метров начинаешь испытывать кислородное голодание.

— Без решения этой проблемы был бы невозможен полет в космос, — говорит Юрий Алексеевич. Он отвечает на другие вопросы премьер-министра, рассказывает ему о состоянии, которое испытывает космонавт при огромных перегрузках в минуты преодоления сил земного притяжения; образно описывает невесомость, восторгается тем, как выглядит из иллюминатора космического корабля голубая красавица Земля...

Советско-индийские связи с каждым годом становились все прочнее и разностороннее. 15 декабря 1961 года произошло знаменательное событие в летописи отношений двух стран: в Индию с официальным визитом прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

По случаю приезда главы Советского государства все магистрали индийской столицы украшены советскими и индийскими государственными флагами, по пути следования высокого гостя сооружены приветственные арки, увитые гирляндами. Десятки тысяч индийцев вышли на улицы столицы, чтобы встретить посланца дружественного Советского Союза.

«...Обмен визитами стал уже традицией в отношениях между нашими странами, — сказал Л.И.Брежнев во время митинга на аэродроме в Дели. — Это очень хорошо. Жизнь показала, что каждый такой визит означает

какой-то новый шаг вперед на пути углубления взаимопонимания между нашими странами и развития сотрудничества между народами Индии и Советского Союза — к немалой пользе для обеих сторон и для дела всеобщего мира... Свой приезд к вам мы рассматриваем как визит мира, дружбы и доброй воли в самом полном значении этих слов»⁷⁸.

В тот же день Джавахарлал Неру встретился с Л.И.Брежневым в президентском дворце. И хотя их совсем недавняя встреча в Москве еще была свежа в памяти, накопились уже новые вопросы, которые нужно было обсудить.

Внешнеполитическая обстановка складывалась тогда для Индии не вполне благоприятно: все более возрастала военная угроза со стороны Пекина; Пакистан, опираясь на поддержку США и Англии, усиливал напряженность вокруг Кашмира; не прекращались попытки западных держав подчинить Индию своим военно-стратегическим и политическим планам; португальские колонизаторы отказывались вести переговоры об освобождении удерживаемых ими индийских территорий Гоа, Диу и Дамана.

Для индийского премьера важно было знать мнение советского руководства по многим волновавшим Индию международным вопросам. От отношения к ним Советского Союза зависело многое.

Вечером на приеме в честь Л.И.Брежнева Джавахарлал Неру был в приподнятом настроении, весело шутил, оживленно разговаривал с дорогим гостем, знакомил его с членами своего кабинета.

Следующий день пребывания в Дели Л.И.Брежнев начал с посещения священного для индийского народа Раджгата — места кремации Махатмы Ганди, где возложил венок от своего имени.

Днем Леонид Ильич снова встретился с Джавахарлалом Неру. Они долго беседовали в кабинете премьера, а потом вышли из помещения и продолжали еще некоторое время неторопливый разговор, прогуливаясь по дорожкам сада.

17 декабря Л.И.Брежнев выехал в поездку по стране.

Правительство штата Махараштра встречает высокого гостя в Бомбее. По этому торжественному случаю Индийско-советское общество по развитию культурных связей организует многолюдный митинг представителей индийской общественности, на котором Л.И.Брежнев выступает с большой речью.

Собравшиеся слушали его проникновенные слова о поддержке Советским Союзом справедливой борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки против колониального угнетения, за укрепление своей

национальной свободы. «Братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо, мы рассматриваем как один из краеугольных камней своей международной политики, — говорит Л.И.Брежнев. — Что касается наиболее близкой индийскому народу проблемы ликвидации остатков колониализма здесь, на территории Индии, то есть проблемы освобождения Гоа и других индийских территорий, находящихся под португальским господством, то позиция Советского Союза в этом вопросе ясна и хорошо известна... Могу вновь заверить вас, дорогие друзья, что Советский Союз с полным пониманием и сочувствием относится к стремлению индийского народа добиться освобождения Гоа, Дамана и Диу от португальского колониализма»⁷⁹.

После этих слов зал скандирует: «Да здравствует Советский Союз!»

18 декабря 1961 года правительство Неру отдало распоряжение индийским войскам вступить на территорию португальских колоний и воссоединить их с Индией.

До принятия этого решения индийское правительство, проявляя исключительное терпение, в течение ряда лет предлагало португальским властям начать переговоры об освобождении захваченных Португалией индийских территорий, но все его усилия были безуспешными.

Португальские колонизаторы чувствовали за своей спиной поддержку западных держав и поэтому игнорировали мирные предложения индийского премьера. Президент США Д.Кеннеди в послании Неру от 13 декабря 1961 года пытался удержать его от осуществления намерений освободить Гоа, Диу и Даман.

Когда индийские войска вошли на эти территории, в Нью-Йорке по «жалобе» Португалии было созвано заседание Совета Безопасности, на котором представитель США в ООН Э.Стивенсон драматически восклицал, что «присутствовал в свое время при рождении Организации Объединенных Наций», а «сейчас присутствует при ее смерти». США совместно с Англией и другими капиталистическими странами внесли проект резолюции, требуя «немедленно прекратить военные действия и отвести вооруженные силы Индии». Принятие такой резолюции способствовало бы сохранению португальских колоний в Индии. Благодаря принципиальной позиции Советского Союза, воспользовавшегося правом вето, проект резолюции был отклонен. Советское правительство направило Джавахарлалу Неру телеграмму с поздравлением по случаю «освобождения исконных индийских земель — Гоа, Дамана и Диу — от чужеземного господства и воссоединения их с матерью-родиной».

Л.И.Брежнев, находившийся в те дни в Мадрасе, выступая на

массовом митинге, сказал: «Индийский народ получил теперь возможность наглядно убедиться, кто его истинные друзья и сторонники национального освобождения народов, а кто лишь прикрывается разговорами о дружбе и, отрекаясь от колониализма на словах, на деле всеми средствами пытается помешать ликвидации последних опорных пунктов этой грабительской системы»⁸⁰.

Поездка Леонида Ильича по индийским городам продолжалась. И в Советском Союзе и в Индии люди с огромным интересом читали отчеты газет о пребывании главы Советского государства в Индии. Посещения Л.И.Брежневым промышленных объектов, строившихся при экономической и технической помощи Советского Союза, превращались во всенародные праздники советско-индийской дружбы.

Приветствуя Л.И.Брежнева в Анклешваре — центре зарождавшейся национальной нефтяной промышленности — министр топлива и энергетики Индии К.Д.Малавия сказал: «Благодаря дружественной помощи Советского Союза Индия получила возможность приступить к созданию нефтяной промышленности в государственном секторе. Без помощи Советского Союза нынешний прогресс в развитии индийской нефтяной промышленности был бы невозможным». Выступая перед советскими и индийскими нефтяниками, Л.И.Брежнев отметил, что в Анклешваре можно «на деле увидеть, что значит мирное сосуществование, что значит экономическое сотрудничество и как много значит помощь друга»⁸¹. Советский гость говорил о той большой роли, «которую играет в этом деле выдающийся политический деятель Индии премьер-министр Джавахарлал Неру»⁸².

Пребывание Леонида Ильича Брежнева в Индии, его встречи и переговоры с индийскими руководителями, выступления на многочисленных митингах были восприняты международной и индийской общественностью как проявление Советским правительством твердой решимости развивать с Индией отношения многостороннего сотрудничества и тесной дружбы, а также как подтверждение Советским Союзом своей готовности и впредь поддерживать прогрессивный политический курс Индии независимо от каких-либо конъюнктурных колебаний или осложнений в международной обстановке, вызываемых колониалистскими устремлениями западных держав и гегемонистскими притязаниями маоистского Китая.

Летом 1962 года истек срок действия соглашения о пяти принципах мирного сосуществования в отношениях между КНР и Индией, однако в

Пекине, казалось, напрочь забыли об этом. Более того, с каждым днем все тревожнее становилось на индийско-китайской границе. Неру докладывали о сосредоточении Китаем в приграничных районах крупных военных сил: пехоты, артиллерии и даже танков. В этих условиях его правительство вынуждено было предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности рубежей Индии, в частности, установить военные посты на тех участках границы, где им противостояли китайские опорные пункты.

В конце июля китайский отряд окружил пост индийцев в районе реки Галван на западном участке границы, но, натолкнувшись на упорное сопротивление, в конце концов отступил. 8 сентября произошло столкновение в районе горного кряжа Дхола.

20 октября китайские дивизии вторглись в Индию с севера, через два дня переместили удар на центральные участки границы и, наконец, 27 — 28 октября обрушились на посты, расположенные в южном секторе. Под натиском превосходящих сил индийские войска медленно отходили в глубь страны. В ряде районов противнику удалось продвинуться на 80 — 100 километров. Доблестно сражавшиеся индийские воинские части понесли ощутимые потери: только за первую неделю боев погибло более двух тысяч солдат.

Пекинская верхушка санкционировала вооруженное вторжение в Индию в то время, когда в другой части земного шара мир буквально висел на волоске. В Карибском море происходили события, по накалу и драматизму не имевшие себе равных за всю послевоенную историю. Но маоистское руководство Китая ради осуществления своих экспансионистских авантюристических планов создало еще один очаг напряженности, чреватый большой войной, в которую могло быть ввергнуто более миллиарда человек.

22 октября Неру выступил по Всеиндийскому радио. Его обращение к нации было полностью лишено каких-либо панических ноток и отличалось взвешенностью формулировок, четкостью анализа сложившейся ситуации. Заявив, что китайское вторжение представляет для Индии самую серьезную опасность с момента завоевания независимости, Неру призвал к единению всех сил страны для защиты территориальной целостности родины, достоинства и свободы индийского народа.

Твердость и хладнокровие, проявленные премьером, производили большое впечатление на всех, кому доводилось видеть и слышать Неру в тревожные первые дни событий на границе. Однако, пожалуй, только один человек — дочь Индира хорошо знала, какого напряжения стоило ему это спокойствие. Своими провокационными действиями против Индии

маоистское руководство КНР создавало реальную угрозу делу мира на Индостанском субконтиненте и в Южной Азии, дискредитировало и подрывало принципы мирного сосуществования, которые неизменно отстаивал Неру.

26 октября премьер-министр Индии направляет главам государств Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии послание, в котором говорится, что развязанный Пекином вооруженный конфликт чреват опасными последствиями для международного мира. Неру призывает их поддержать Индию как страну, чьей миролюбивой внешней политике всегда были чужды «вероломство, лицемерие и применение силы в международных отношениях».

На призыв Неру откликнулось более шестидесяти стран, правительства которых осудили вооруженные провокации маоистского Китая.

Ободряла Неру ясная и твердая позиция, занятая Советским правительством. Как и в нелегкие для Индии осенние месяцы 1959 года, оно вновь высказалось за прекращение огня и призвало начать переговоры о мирном урегулировании конфликта.

Тогда Неру еще не мог знать о том, что с самого начала столкновений на границе советская сторона по дипломатическим и иным каналам неоднократно предупреждала руководство КНР об отрицательных последствиях обострения китайско-индийского пограничного спора. Китайские лидеры не только не вняли этим разумным предостережениям, но даже демагогически обвинили Советский Союз в отходе от пролетарского интернационализма...

В течение месяца продолжались бои на границе между Китаем и Индией. Локальные пограничные схватки в любой момент могли обернуться трудной затяжной войной, бесперспективность которой, кажется, начинали осознавать в Пекине. Отрезвляюще действовали на Мао Цзэдуна и его окружение требования Советского Союза, социалистических стран и других миролюбивых государств восстановить мир на китайско-индийской границе и подтверждение ими курса на упрочение и развитие дружественных отношений с Индией.

Ночью 21 ноября пекинское радио оповестило о решении правительства КНР прекратить огонь на всех участках границы с 22 ноября, а к 1 декабря отвести свои войска на рубежи, которые они занимали до начала конфликта.

Когда Неру сообщили об этом, его одутловатое от усталости лицо смягчилось, а в глазах отразилось облегчение:

— Я это предвидел. Это должно было случиться. Это непременно должно было случиться. Как бы смогли китайцы продвигаться дальше? Они и так зашли слишком далеко... Теперь они захотят одержать над нами дипломатическую победу. Они, возможно, будут настаивать на своем, но мы не уступим их требованиям.

Окончание боевых действий в пограничных районах справедливо расценивалось индийской прогрессивной общественностью как серьезный успех правительства Неру, однако внутривнутриполитическая обстановка в стране по-прежнему оставалась сложной. Правая оппозиция, укрепившаяся после третьих всеобщих выборов, которые состоялись в феврале 1962 года, усилила нападки на премьер-министра и его соратников. Добившись отставки близкого друга Неру министра обороны Кришны Менона, реакционеры требовали отказа индийского правительства от ненавистной им политики неприсоединения. Ссылаясь на якобы постоянную угрозу со стороны «международного коммунизма» и в качестве примера указывая на Китай, правые настаивали на вступлении Индии в империалистические военные блоки, поскольку именно вооруженные силы Запада с их мощной техникой смогут якобы обеспечить должную обороноспособность страны.

21 февраля 1963 года Неру, выступая в народной палате, решительно заявил, что не может быть и речи о размещении иностранных авиабаз на индийской территории. Он заметил, что, по его мнению, ни одна из подлинно дружественных стран не обратится к Индии с таким предложением. В апреле на сессии Всеиндийского комитета ИНК премьер, глядя в сторону представителей правого крыла, жестко сказал, что «лица, которые кричат громче всех о китайской агрессии, являются в то же время самыми реакционными людьми. Они хотят прикрыть свою реакционность громкими криками».

Натиск правых на премьер-министра и его единомышленников не ослабевал. Теперь они обрушились на лидера левого крыла в ИНК и правительстве, министра топлива и энергетики К.Д.Малавию, обвиняя его в коррупции. Кампания против министра приняла такие масштабы, что он решил оставить свой пост. Принимая отставку Малавия, Неру во всеуслышание объявил, что не сомневается в справедливости и неподкупности министра.

С уходом Менона и Малавия равновесие сил в правительстве и руководстве ИНК нарушилось, и, почувствовав это, оппозиция поспешила нанести удар, который, как она рассчитывала, должен был стать последним для Неру и поддерживавших его конгрессистов.

В августе на очередной сессии индийского парламента блок

оппозиционных партий потребовал отставки правительства Неру. Несколько дней шли жаркие дебаты в парламенте, и все это время за его стенами на делийских улицах бушевали толпы демонстрантов — сторонников и противников Неру.

Предложенный правыми проект резолюции о вотуме недоверия правительству был отклонен подавляющим большинством — 346 голосами. За принятие проекта проголосовал только 61 депутат.

Индийский народ, приветствуя решение парламента, выражал свою поддержку тому прогрессивному курсу во внутренней и внешней политике Индии, который укреплял ее суверенность, ее экономическую мощь, содействовал социальному прогрессу, снискал ей заслуженное международное признание.

— Мы считаем эту политику вполне правильной, — подчеркивал Неру, выступая в народной палате, — она правильна с точки зрения любого идеалистического подхода и, как доказали события последних лет, также и с практической точки зрения... Любое отклонение от нее повредит нашим интересам, нашей свободе и нашей целостности, не говоря уже о том, что оно не будет способствовать делу мира во всем мире...

С другой стороны, наша политика, естественно, направлена на быстрое экономическое и социальное развитие Индии, и поскольку наша внешняя политика способствует такому развитию, мы должны проводить ее и в дальнейшем, неизменно соблюдая основные принципы, за которые мы стоим...

Когда Неру пошел восьмой десяток, все чаще стало напоминать о себе сердце. Сказались тюрьмы и эмоциональные перегрузки. Оставили на нем свои следы и пережитые радости и горести. Впрочем, первых было гораздо больше, и он мог быть удовлетворен жизнью. Однако возраст и пошатнувшееся здоровье нет-нет да и наталкивали его на мысль о том, что конец уже не так и далек. Думать об этом всерьез ему было некогда: тяжелый груз государственных забот вытеснял все личное. Он был доволен тем, что не хватало времени думать о своих недугах, работая, он забывал о них. Правда, иногда, крайне редко, бывали у него дни, когда по категорическому настоянию врачей он отдыхал.

В один из таких дней Неру, поддавшись минутному настроению, написал завещание. В нем он просил в случае своей кончины не совершать никаких религиозных церемоний и обрядов. «Я не верю в такие церемонии, — писал он, — и считаю, что выполнять их ради проформы или в силу обычая — это значит лицемерить, вводить в заблуждение себя и других».

После кремации его тела основная часть пепла, как он пожелал, «должна быть поднята на самолете высоко в небо и развеяна оттуда на поля Индии, на которых трудятся индийские крестьяне, и, таким образом, смешаться с землей Индии, превратившись в ее неотъемлемую часть». Он просил также бросить горсть пепла в воды Ганга у Аллахабада — его родного города, дабы волны реки «унесли его в великий океан, омывающий берега Индии».

Завещанию суждено было пролежать несколько лет, в течение которых Неру вряд ли хотя бы раз вспомнил о нем.

7 января 1964 года, когда Неру находился в Бхубанесваре на сессии ИНК, он внезапно заболел. В заголовках газет назойливо повторялся один и тот же вопрос: «Кто после Неру?» Обозреватели предсказывали безысходный правительственный кризис, упрекая премьера в том, что он своевременно не подготовил себе замены.

А тем временем Неру, обладая могучей волей к жизни, стал поправляться. Уже в мае он принимал наиболее важные решения, беседовал с министрами, участвовал в заседании Всеиндийского комитета ИНК в Бомбее.

На обратном пути из Бомбея Индира Ганди уговорила отца немного отдохнуть в Дехра Дуне. 26 мая, восстановив силы, в отличном расположении духа, Неру с дочерью возвратились в Дели. Когда Неру прибыл в аэропорт Палам, друзья и коллеги, встречавшие его, были поражены его бодростью; он прекрасно выглядел и, казалось, даже помолодел.

В тот день Неру, как обычно, допоздна засиделся за своим рабочим столом, разбирал накопившиеся за несколько дней деловые бумаги, отвечал на письма, а затем, позвав дочь, сказал ей: «Я думаю, Индира, мы все завершили». С этими словами он спокойно поднялся из-за стола и ушел к себе в спальню.

27 мая утром Неру почувствовал сильное недомогание. Срочно прибывшие врачи определили острейший сердечный приступ. Пока они в соседней комнате проводили консилиум, Неру встал с постели и попытался сделать несколько шагов. Встревоженные врачи бросились к нему, но он спокойно сказал, что уже бесполезно что-либо предпринимать, и после этих слов потерял сознание. В четырнадцать часов по делийскому времени Джавахарлала Неру не стало.

На его столике рядом с постелью лежала раскрытая книга американского поэта Роберта Фроста с подчеркнутыми любимыми строками Неру:

The wood are lovely, dark and deep
But i have promises to keep
And miles to go before I sleep...⁸³

Неру предчувствовал свой последний час и встретил его достойно, как подобает человеку, сполна исполнившему свой жизненный долг...

*

Могучие индустриальные комплексы преобразили облик Древней Индии, за исторически короткий срок занявшей место в числе первых десяти промышленно развитых государств мира. Прочно утвердился и завоевал широкое международное признание ее прогрессивный миролюбивый внешнеполитический курс. На основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве крепнут и развиваются традиционно дружеские отношения между советским и индийским народами. Эти отношения выдержали проверку временем и доказали, что не подвержены превратностям политической конъюнктуры и воздействию преходящих факторов.

Об этом мечтал, этому посвятил свою жизнь Джавахарлал Неру, который, по словам Леонида Ильича Брежнева, «как бы воплотил в себе мудрость, большое сердце и великую душу индийского народа, его устремленность к независимости и прогрессу»⁸⁴.

Основные даты жизни и деятельности Джавахарлала Неру

1889, 14 ноября — в городе Аллахабаде в семье адвоката родился Джавахарлал Неру.

1905, май — уезжает в Англию, где поступает в школу-пансион в Харроу.

1907 — после окончания школы в Харроу продолжает учебу в колледже святой Троицы (Тринити-колледж) в Кембридже.

1910 — поступает в ассоциацию адвокатов Иннер Темпл в Лондоне.

1912 — осенью возвращается в Индию и с ноября работает в адвокатской конторе своего отца. В декабре впервые присутствует на сессии Индийского национального конгресса в Банкипуре, вступает в ряды ИНК.

1916, 8 февраля — женится на Камале Кауль, дочери кашмирского брахмана.

Участвует в антиколониальном движении гомрула.

Декабрь — на сессии ИНК в Лакхнау знакомится с вернувшимся на родину из Южной Африки Мохандасом Карамчандом Ганди.

1917, 19 ноября — рождается дочь Индира.

1919, февраль — вместе с отцом приступает к изданию газеты «Независимый».

Расследует обстоятельства «амритсарской бойни».

1920 — выезжает в провинцию Ауд, охваченную крестьянскими волнениями.

Декабрь — на сессии ИНК в Нагпуре голосует за предложенную Ганди программу антиколониального движения несотрудничества.

1921, 6 декабря — колониальные власти арестовывают Неру.

1922, 3 марта — освобожден из тюрьмы.

Апрель — Неру организует в Соединенных провинциях кампанию за бойкот иностранных товаров и развитие национальной промышленности — свадеши.

11 мая — арестован и помещен в тюрьму в Лакхнау.

1923, 31 января — освобожден из тюрьмы.

3 апреля — избран председателем муниципалитета Аллахабада.

Декабрь — избран одним из трех генеральных секретарей ИНК.

1926, 1 марта — уезжает с женой и дочерью в Европу.

1927, февраль — участвует в работе конгресса угнетенных народов в Брюсселе. Избран одним из пяти почетных президентов Антиимпериалистической лиги и членом ее исполнительного комитета.

1927, ноябрь — поездка в Москву.

Декабрь — возвращается на родину.

Избирается генеральным секретарем ИНК. По инициативе Неру на сессии ИНК в Мадрасе принимается резолюция о предоставлении Индии полной национальной независимости.

1928, ноябрь — основывает Лигу борьбы за независимость.

Декабрь — издает в Аллахабаде книгу своих очерков «Советская Россия». Вновь избран генеральным секретарем ИНК.

1929 — Неру избирают председателем ИНК.

Декабрь — на сессии ИНК принимается решение начать кампанию гражданского неповиновения.

1930, 14 апреля — арест Неру.

1930, 14 октября — освобожден из тюрьмы. Через несколько дней вновь арестован за антиправительственное выступление на крестьянской конференции в Аллахабаде.

1931, январь — Неру освобожден из тюрьмы Наини.

6 февраля — кончина отца.

Март — прекращение кампании гражданского неповиновения.

Апрель — май — Неру с женой и дочерью посещают Цейлон.

26 декабря — очередной арест. Рабочий комитет ИНК решает начать новую кампанию гражданского неповиновения.

1932, 4 января — Неру приговаривают к двум годам заключения. В тюрьме работает над очерками по всемирной истории.

1933, 30 августа — Неру выходит на свободу.

1934, 12 февраля — Неру арестовывают за антиправительственные речи на митингах в Калькутте.

1935, 14 февраля — заканчивает работу над «Автобиографией».

4 сентября — освобожден из тюрьмы и срочно выезжает в Европу к больной жене.

Посещает Лондон, где знакомится с Кришной Меноном.

1936, 28 февраля — кончина жены Неру — Камалы.

Март — возвращается в Индию.

12 — 15 апреля — сессия ИНК в Лакхнау.

Декабрь — на 50-й сессии ИНК в Файзпуре Неру вновь избирают председателем ИНК.

1938, июнь — Неру пять дней проводит в Испании в качестве гостя республиканского правительства.

17 июля — выступает в Лондоне на митинге в поддержку Испанской Республики.

Июль — сентябрь — посещает Париж, Прагу, Будапешт, Женеву.

Ноябрь — возвращается на родину.

Декабрь — назначен председателем национального комитета по планированию развития экономики.

1939, август — сентябрь — поездка в Китай.

14 сентября — Рабочий комитет ИНК утверждает подготовленную Неру резолюцию, осудившую фашизм.

1940, октябрь — руководство ИНК решает начать кампанию гражданского неповиновения в знак протеста против репрессивной политики колониальных властей.

1940, 30 октября — арест Неру.

1941, 4 декабря — освобожден из тюрьмы.

1942, май — гостит в Кулу у Н.К.Рериха.

8 августа — Всеиндийский комитет ИНК принимает антиколониальную резолюцию «Вон из Индии!».

9 августа — Неру арестован и заключен в Ахмаднагарский форт.

1944, апрель — август — работает над книгой «Открытие Индии».

1945, 15 июня — Неру выходит на свободу.

1946, 18 февраля — восстание моряков Королевского индийского флота.

Май — Неру в четвертый раз избирают председателем ИНК.

Август — Неру формирует временное правительство Индии, заняв в нем посты вице-премьера и министра иностранных дел.

1947, 13 апреля — установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом.

Август — образовано первое национальное правительство страны, которое возглавил Неру.

15 августа — Неру поднимает индийский флаг над Красным Фортом в Дели.

1948, 30 января — убийство Махатмы Ганди.

1949, 26 ноября — Учредительное собрание страны приняло конституцию Республики Индии.

1950, 26 января — Индия провозглашена республикой.

1952, май — Неру формирует новый состав правительства.

1953 — отвергает предложение США об оказании военной помощи

Индии.

1954, 29 апреля — подписывается соглашение о торговле и связях между Индией и Тибетским районом Китая, в котором впервые упоминаются пять принципов мирного сосуществования «панча шила».

Октябрь — визит Неру в КНР.

1955, 2 февраля — подписание соглашения между правительствами СССР и Индии о строительстве металлургического завода в Бхилаи.

18 — 24 апреля — Бандунгская конференция.

7 — 23 июня — официальный визит Неру в СССР.

Ноябрь — декабрь — ответный визит в Индию советских руководителей.

1956, 31 октября — Неру заявляет протест в связи с англо-франко-израильской агрессией против Египта.

1959 — предпринимает энергичные усилия для мирного урегулирования пограничного конфликта с КНР.

1960, 24 июня — Неру выступает в поддержку предложений СССР о разоружении.

1961, 1 — 6 сентября — участие Неру в Белградской конференции глав неприсоединившихся стран.

6 — 11 сентября — визит Неру в СССР.

Декабрь — пребывание Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежнева в Индии.

18 декабря — освобождение Индией своих территорий Гоа, Диу и Даман, находившихся под португальским владычеством.

1962, февраль — победа ИНК на третьих всеобщих выборах в парламент.

20 октября — вторжение китайских войск на территорию Индии в пограничных районах.

22 ноября — прекращение боевых действий на китайско-индийской границе.

1963, август — провал попыток правых реакционных сил добиться отставки правительства Неру.

1964, 27 мая — кончина Джавахарлала Неру.

Краткая библиография

Маркс К. Британское владычество в Индии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 9.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 17, 27, 28, 30, 36, 40, 41, 43, 44.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 3 — 7.

Nehru J. Soviet Russia. Allahabad, 1927.

Nehru J. Glimpses of World History, London, 1939.

Nehru J. Autobiography. London, 1939.

Nehru J. The Discovery of India. Calcutta, 1946.

Nehru J. Independence and After. Delhi, 1949.

Nehru J. India's Foreign Policy. Selected Speeches. Delhi, 1961.

Selected works of Jawaharlal Nehru. Vol. I — IX. Delhi, 1972 — 1976.

Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.

Неру Дж. Автобиография, М., 1955.

Неру Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления. 1946 — 1964 гг. М., 1965.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 1 — 3. М., 1975.

Selected Speeches of Indira Gandhi. Delhi, 1971.

Ганди И. Статьи, речи, интервью. М., 1975.

История дипломатии. М., т. V, кн. 1 (1974), кн. 2 (1979).

История внешней политики СССР. 1917 — 1976. М. 1976.

Дипломатия развивающихся государств. М., 1976.

Брутенц К.Н. Против идеологии современного колониализма. М., 1961.

Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.

Ульяновский Р.А. Очерки национально-освободительной борьбы. М., 1979.

Конституция Индии. М., 1956.

Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954.

Новая история Индии. М., 1961.

Новейшая история Индии. М., 1959.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М., 1973.

Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973.

Насенко Ю.П. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М., 1975.

- Юнелъ А.И. Советско-индийские связи. 1917 — 1939. М., 1979.
- Азад А.К. Индия добивается свободы. М., 1961.
- Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969.
- Датт Палм Р., Индия сегодня. М., 1948.
- Прасад Р. Автобиография. М., 1961.
- A Bunch of old letters written mostly to J. Nehru and some written by him. Bombay, 1958.
- Nehru's letters to his sister. London, 1963.
- A Study of Nehru. Edited by R Zakaria. Bombay, 1964.
- Brecher M. Nehru: A Political Biography. London, 1959.
- Grocker W. Nehru. A Contemporary's Estimate. London, 1966.
- Dutt S. With Nehru in the Foreign Office. Calcutta, 1977.
- Edwardes M. Nehru. A Political Biography. London, 1971.
- Gopal S. Jawaharlal Nehru A Biography. Vol. I, London, 1976.
- Kamath H.V. Last days of Jawaharlal Nehru. Calcutta, 1977.
- Karanjia R.K. The Mind of Mr. Nehru. London, 1960.
- Kripalani K.R. Gandhi, Tagore and Nehru. Bombay, 1949.
- Lal K. Jawaharlal Nehru. Promise and Performance. Delhi, 1970.
- Mende T. Conversations with Mr. Nehru. London, 1956.
- Menon K.P.S. The Flying Troika. Oxford University Press, 1963.
- Moraes F. Jawaharlal Nehru. A Biography. New York, 1956,
- Nanda B.R. The Nehrus: Motilal and Jawaharlal. London, 1965.
- K. Nehru. Hutheesing with A. Hatch. We Nehrus. New York, 1967.
- Radhakrishnan S. On Nehru. Delhi, 1965.
- Range W. Jawaharlal Nehru's World View. University of Georgia Press, 1961.
- Rao V.K.R.V. The Nehru Legacy. Bombay, 1971.
- Chalapathi Rau Jawaharlal Nehru. Delhi, 1973.
- Seton M. Panditj. A Portrait of Jawaharlal Nehru. New York, 1967.
- Shorter B. Nehru. A Voice for Mankind. New York, 1970.
- Spencer C. Nehru of India. New York, 1948.

Иллюстрации

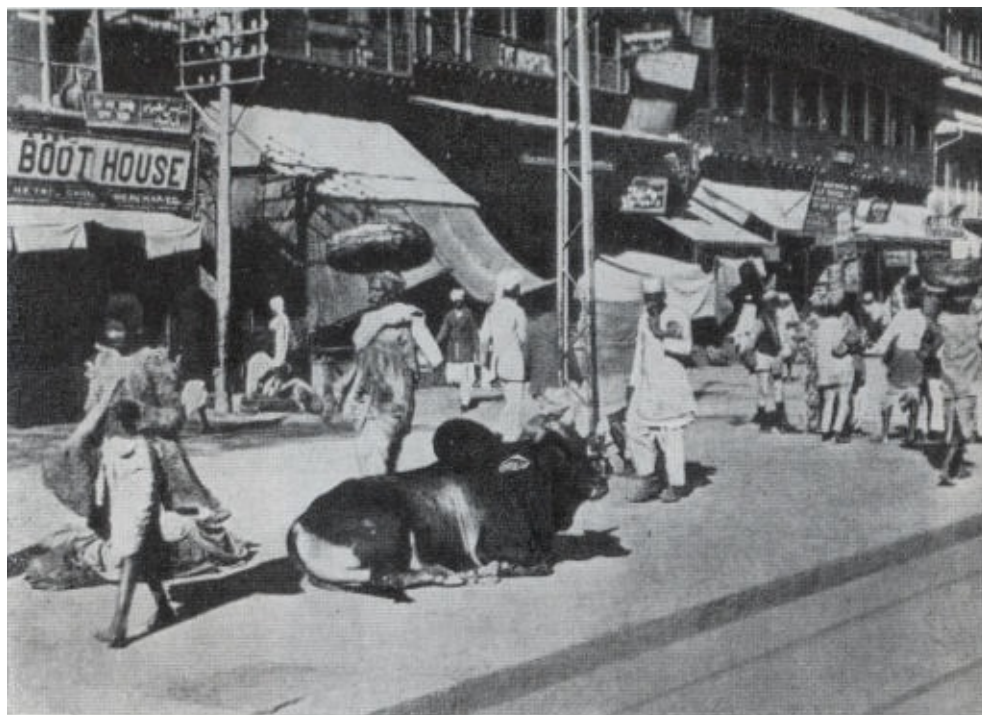
Джавахарлал с родителями.

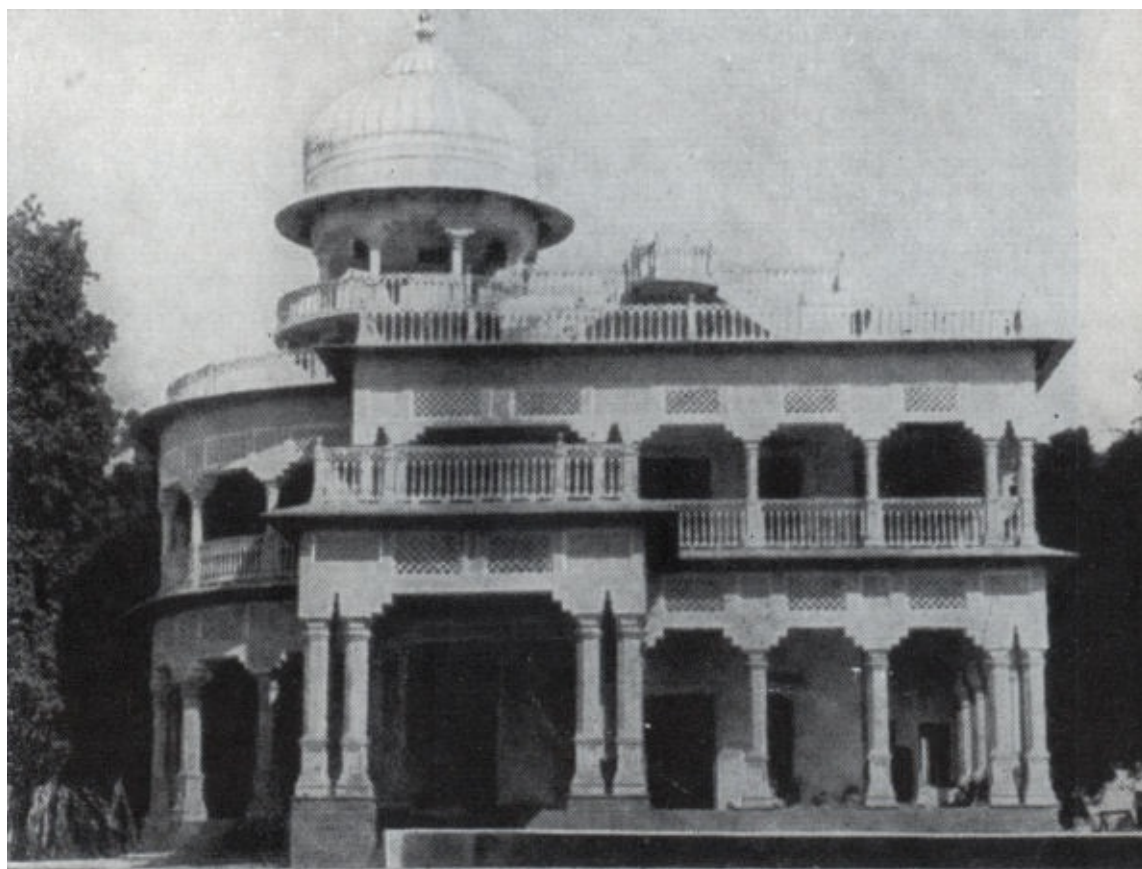
Ганга Дхар Неру — дед
Джавахарлала.

На прогулке.

Городская улица. 1910 г.

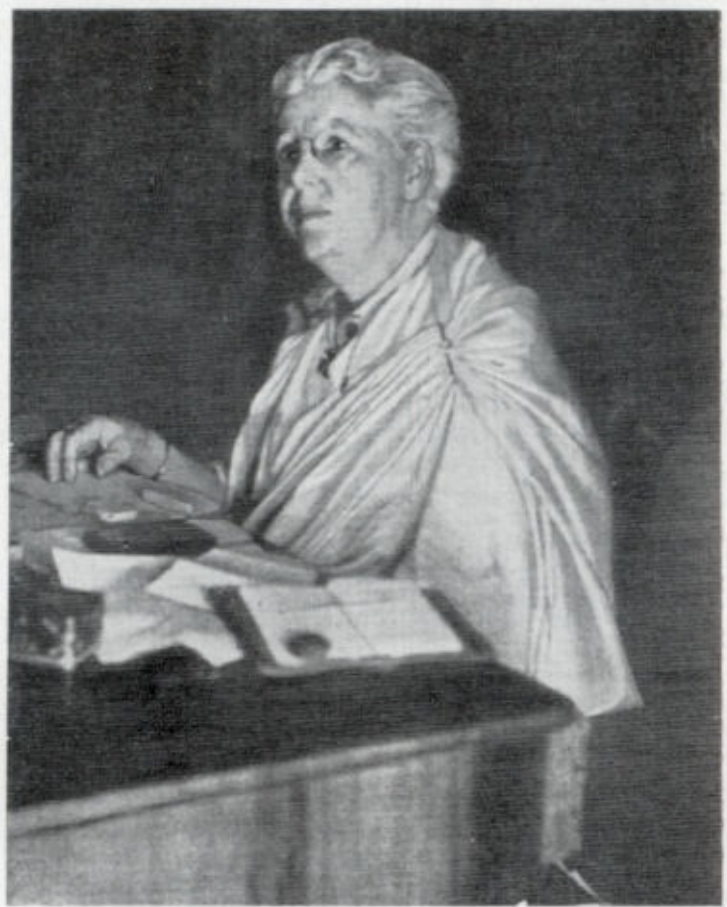
Ананд Бхаван («Обитель радости») — дом Неру в Аллахабаде.

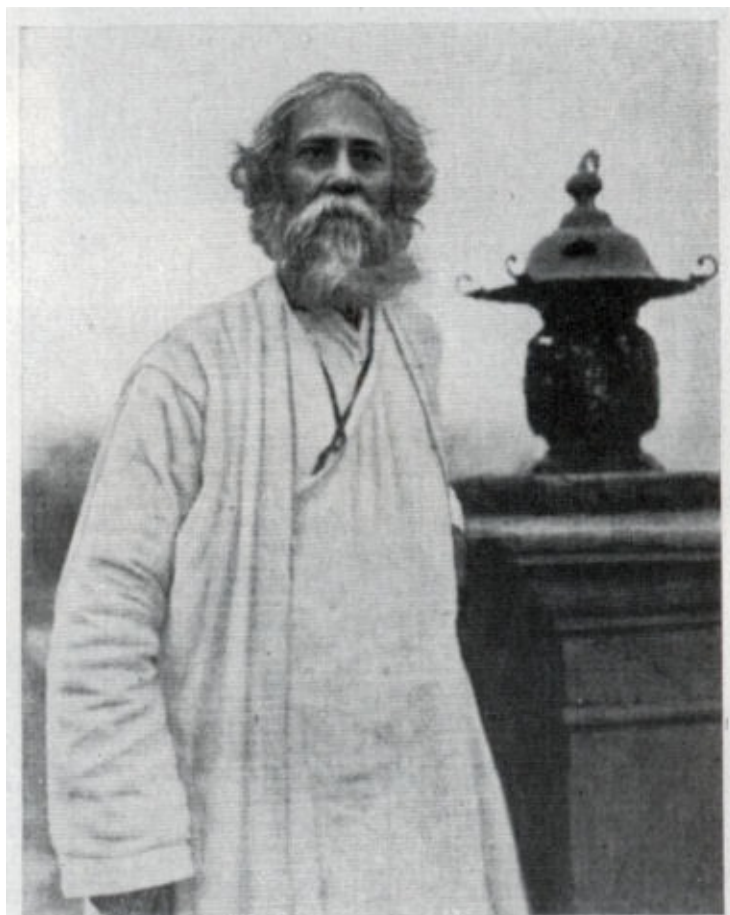
Балгангадхар Тилак.

Гопал Кришна Гокхале.

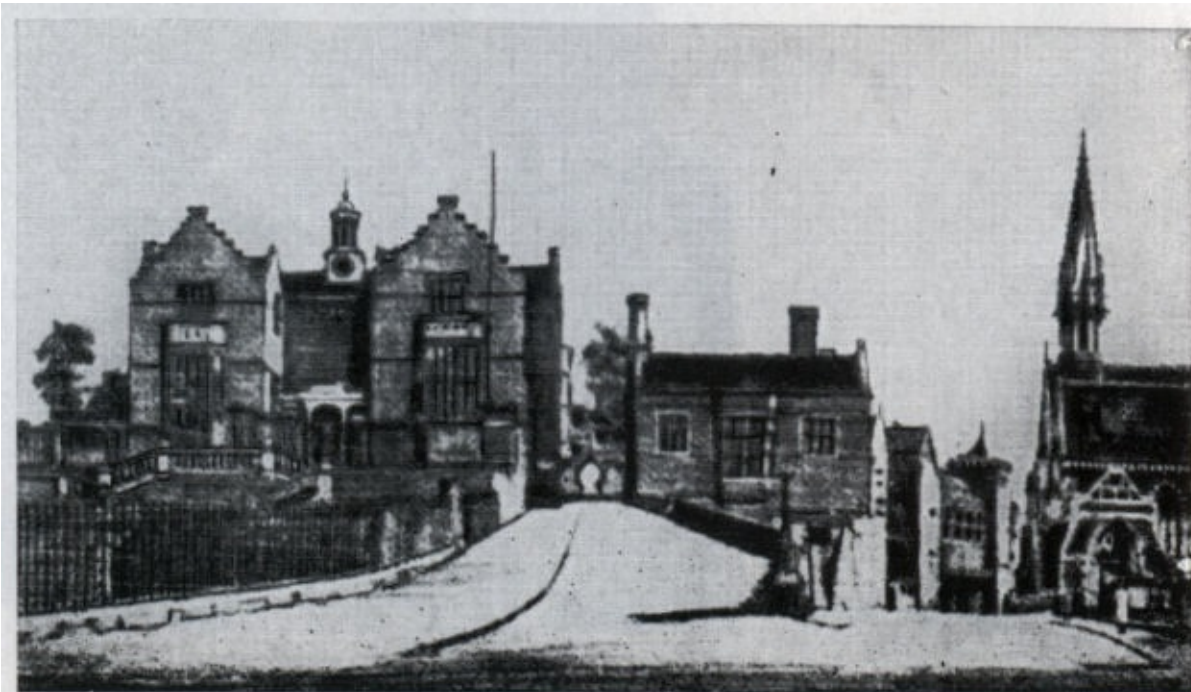
Энни Безант.

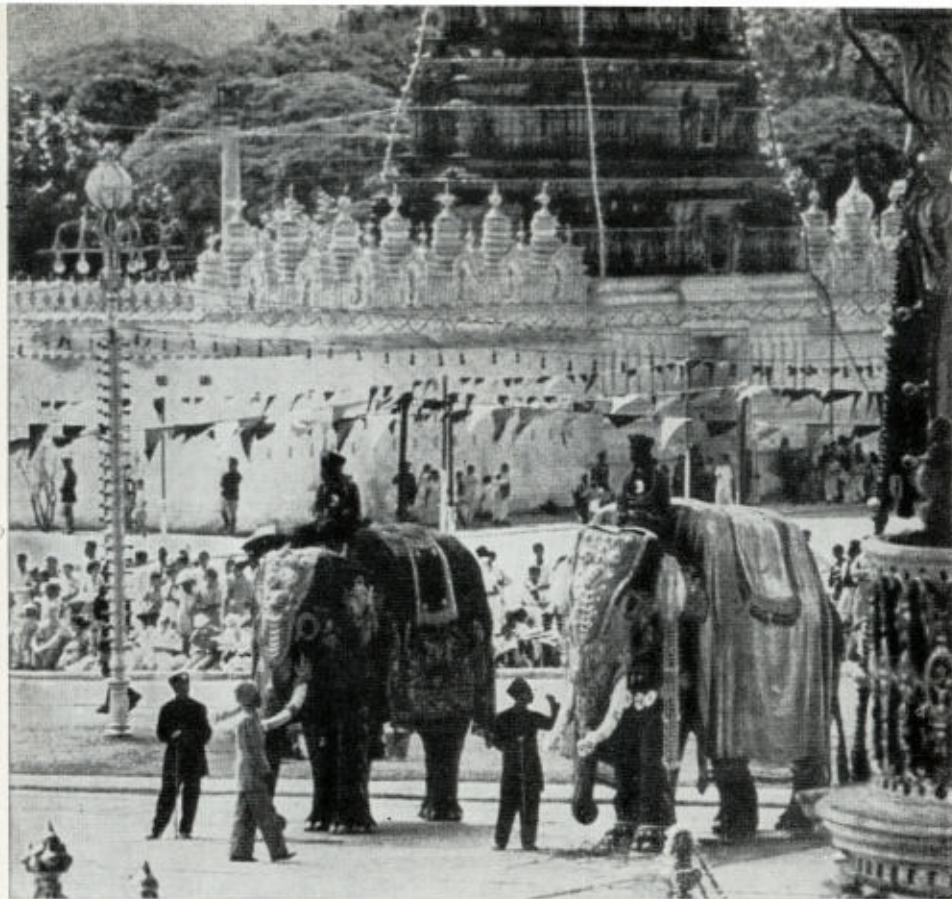
Рабиндранат Тагор.

Джавахарлал в Харроу.
1907 г.

Школа-пансион в Хар-
роу.

Традиционный индийский
праздник.

Индийский крестьянин
на арбе.

Джаватарлар-адвокат,
1912 г.

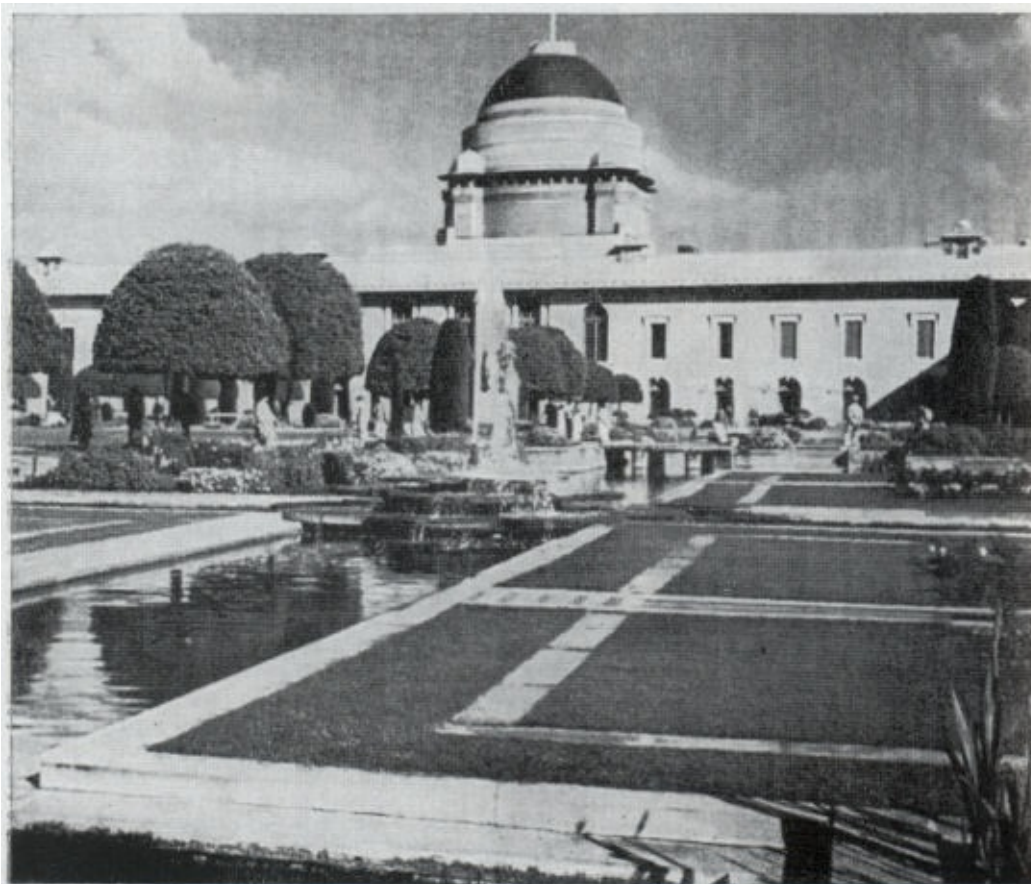
Камала Неру.

Свадебная фотография.
1916 г.

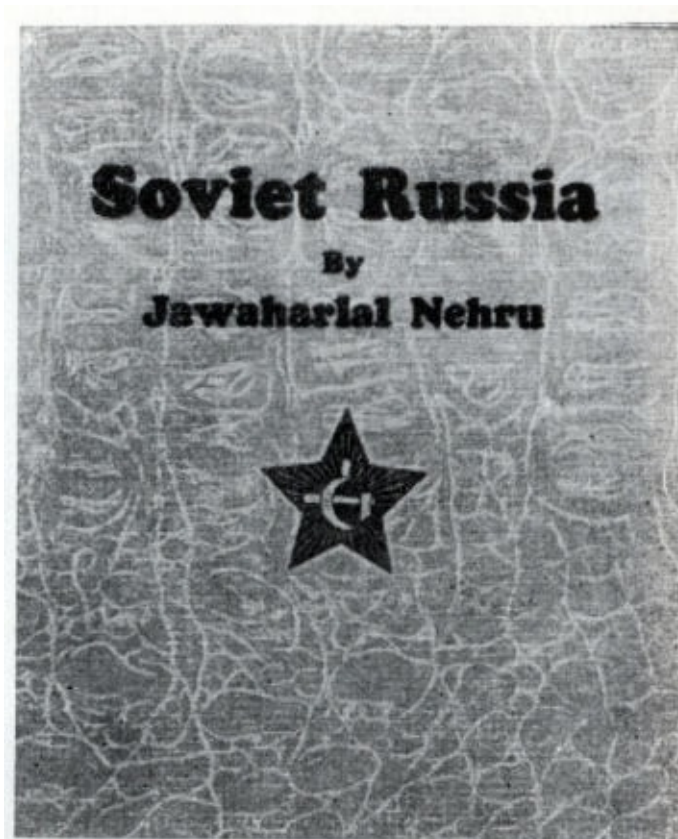
«Севаграм ашрам» — обитель М. Ганди и его сподвижников.

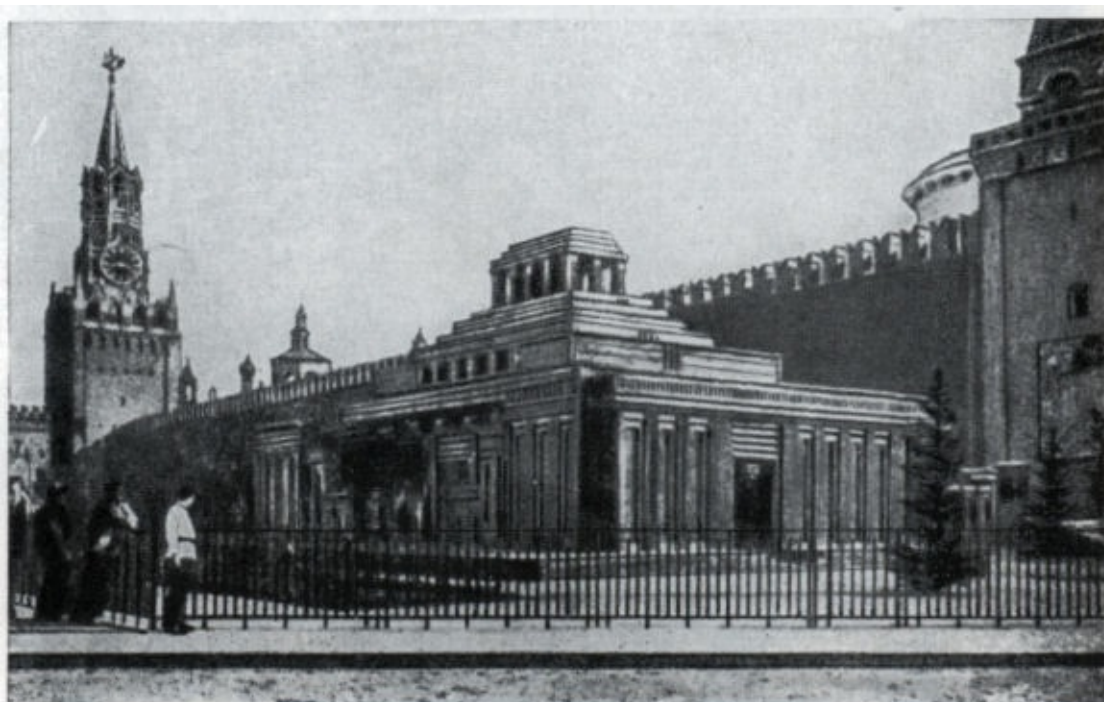
Вице-королевский дворец в Дели ныне резиденция президента Республики Индии.

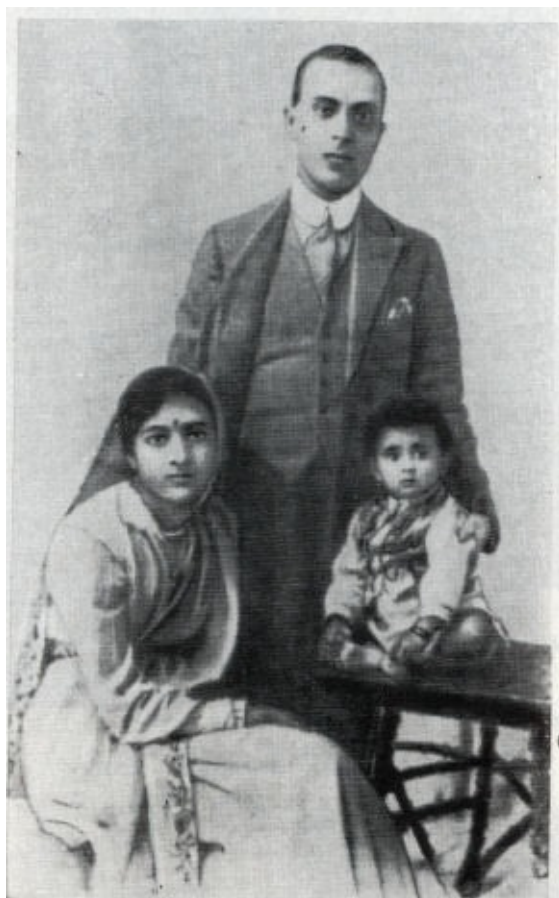
Неру в Москве. Ноябрь
1927 г.

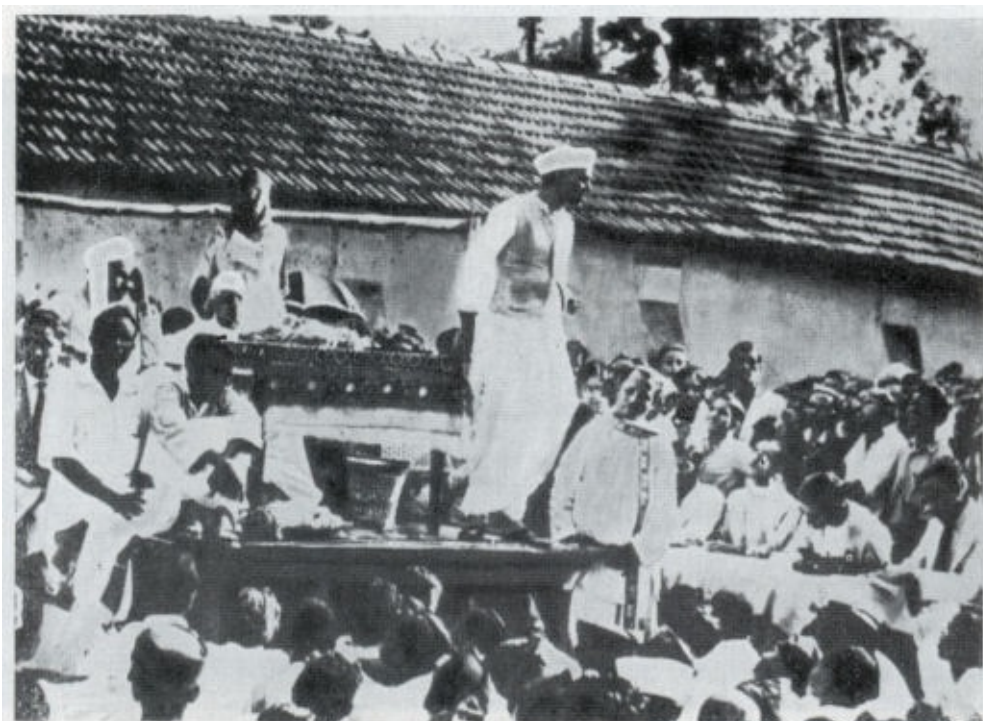
Обложка первого издания книги Дж. Неру о Советской России.

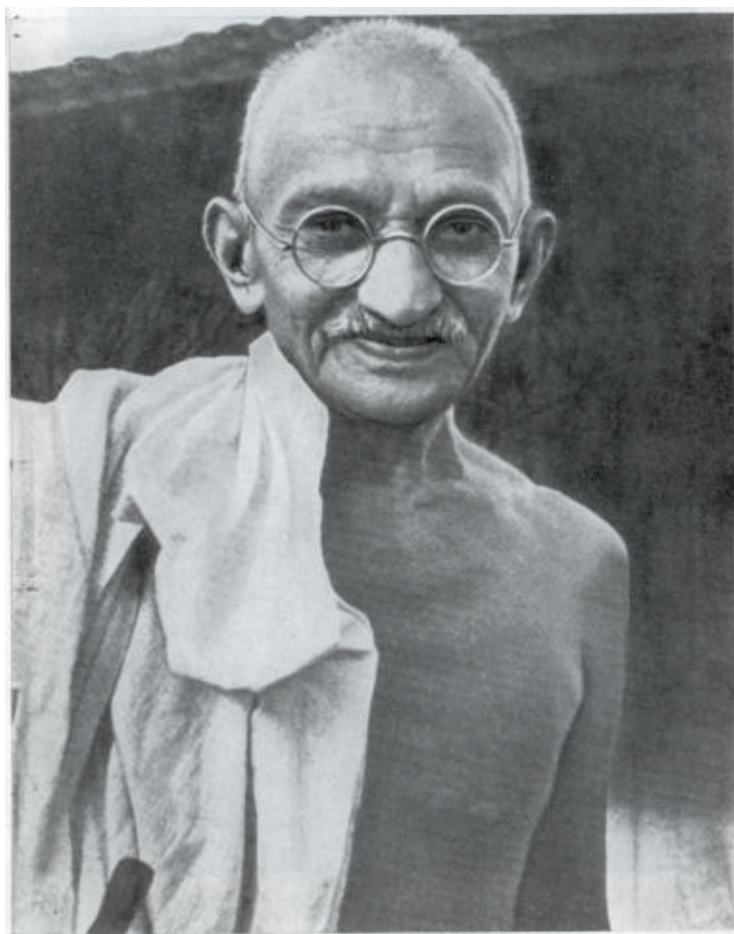
Эту фотографию Неру поместил в своей книге «Советская Россия».

Джавахарлал и Камала с
дочерью Индирой.

Неру выступает перед
индийскими крестьянами.

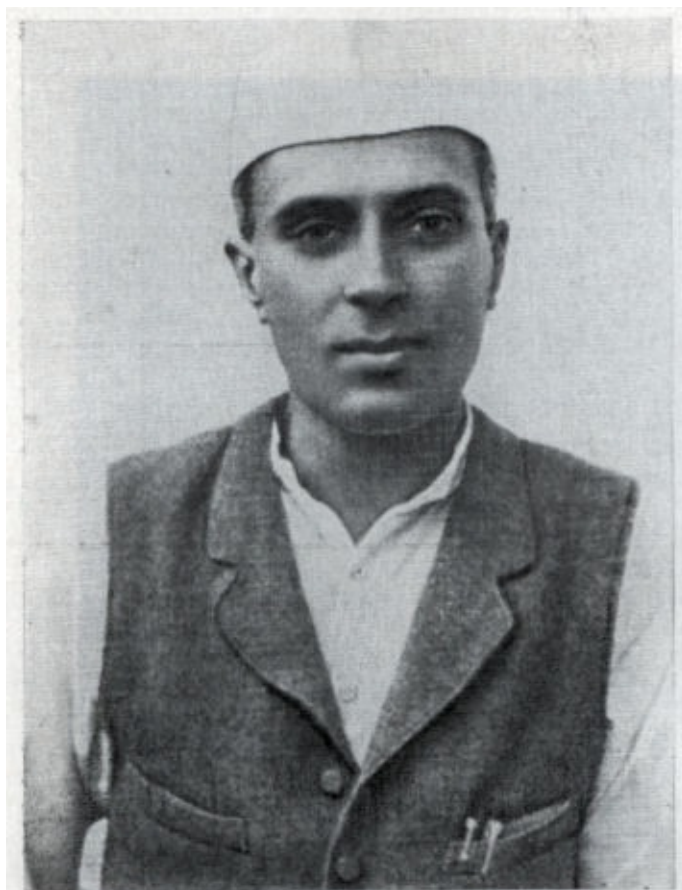
Мохандас Карамчанд Ганди.

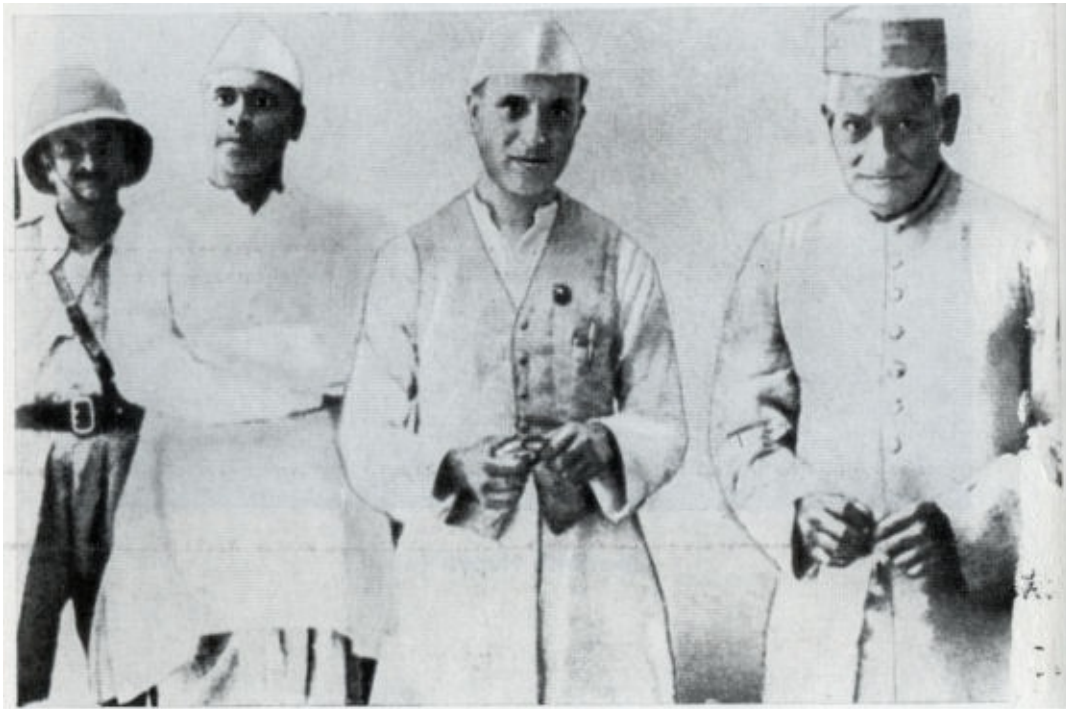
Сварупрани Неру.

Мотилал Неру.

Джавахарлал Неру.
1929 г.

Отец и сын Неру в
тюрьме.

Джавахарлал Неру.

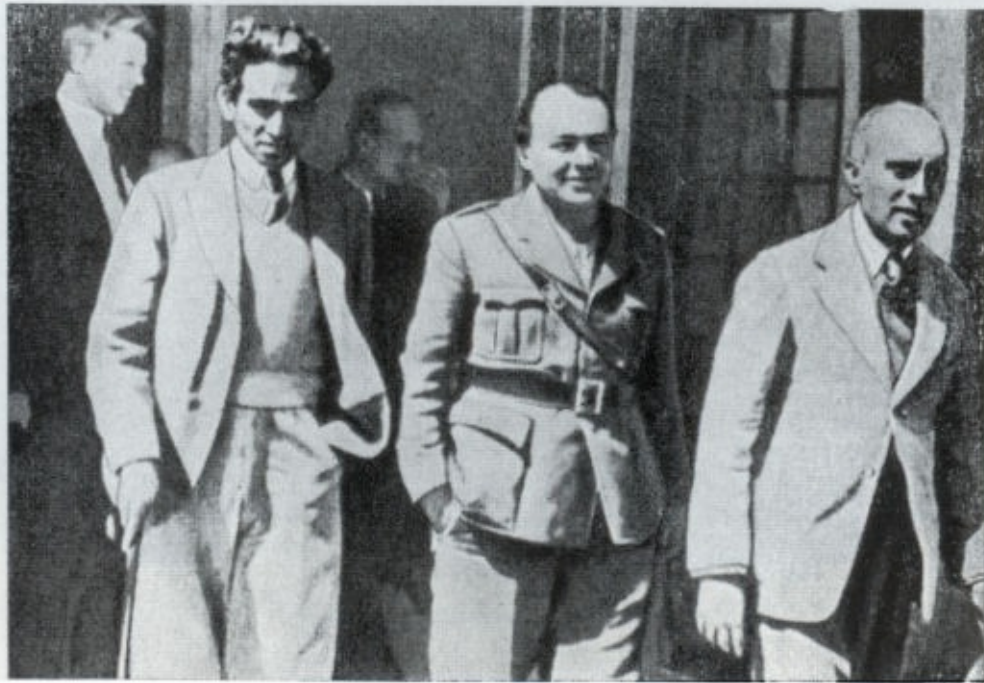
Ганди и Тарор.

Неру с дочерью Индирой в Лондоне.
1938 г.

на митинге в защиту Испанской Республики на Трафальгарской площади в Лондоне. 1938 г.

Кришна Менон, генерал Энрике Листер и Джавахарлал Неру.
Испания. 1938 г.

Неру и Н. К. Рерих в Кулу. 1942 г.

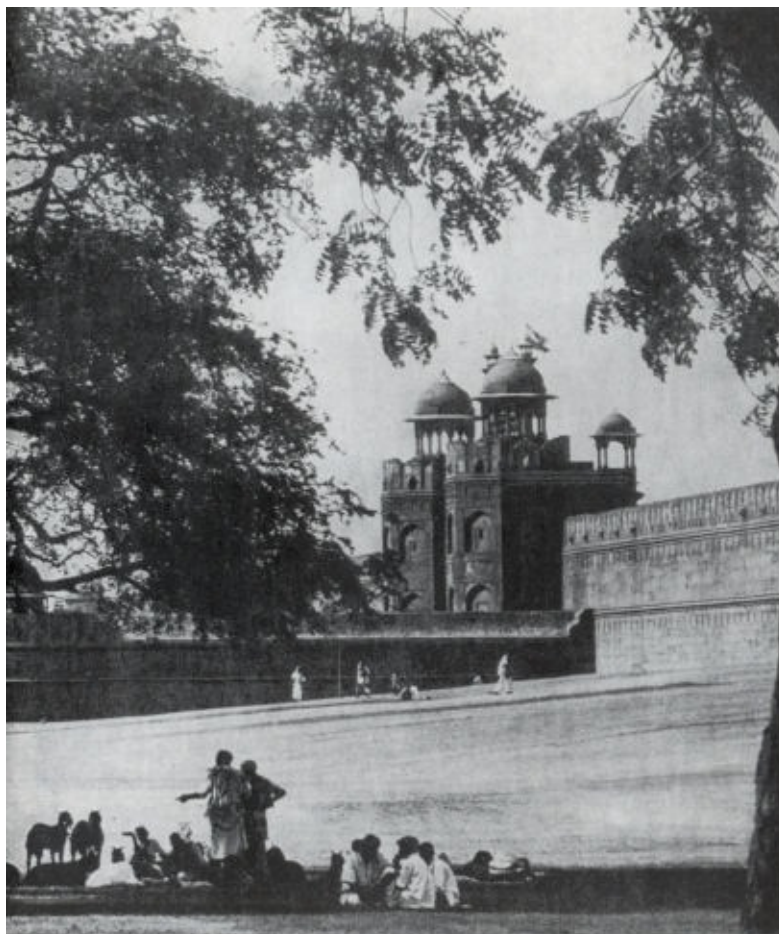
Беседа с Ганди. Дели. 1945 г.

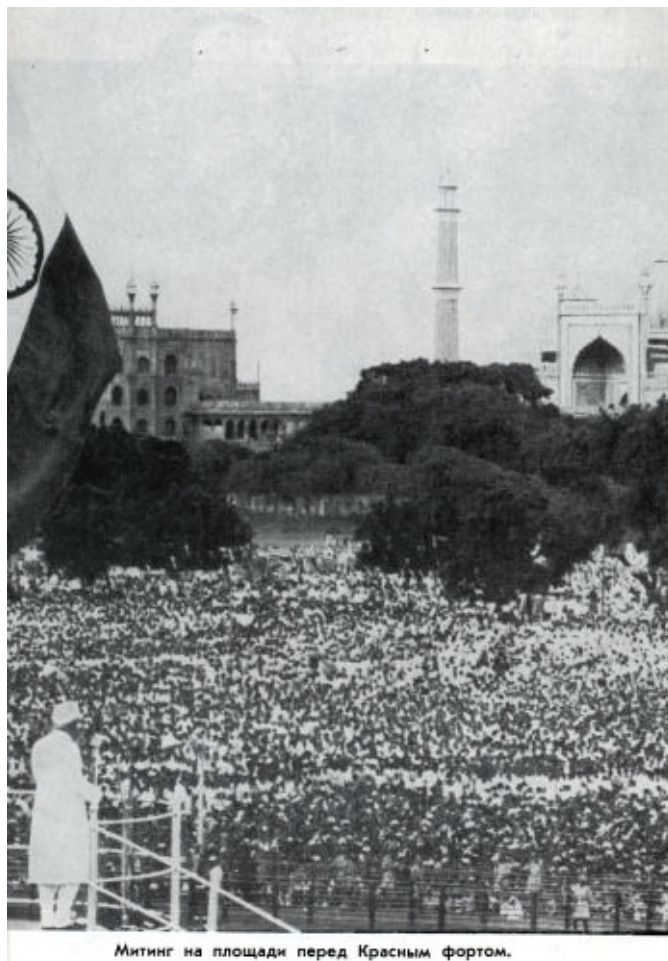
Субхас Чандра Бос.

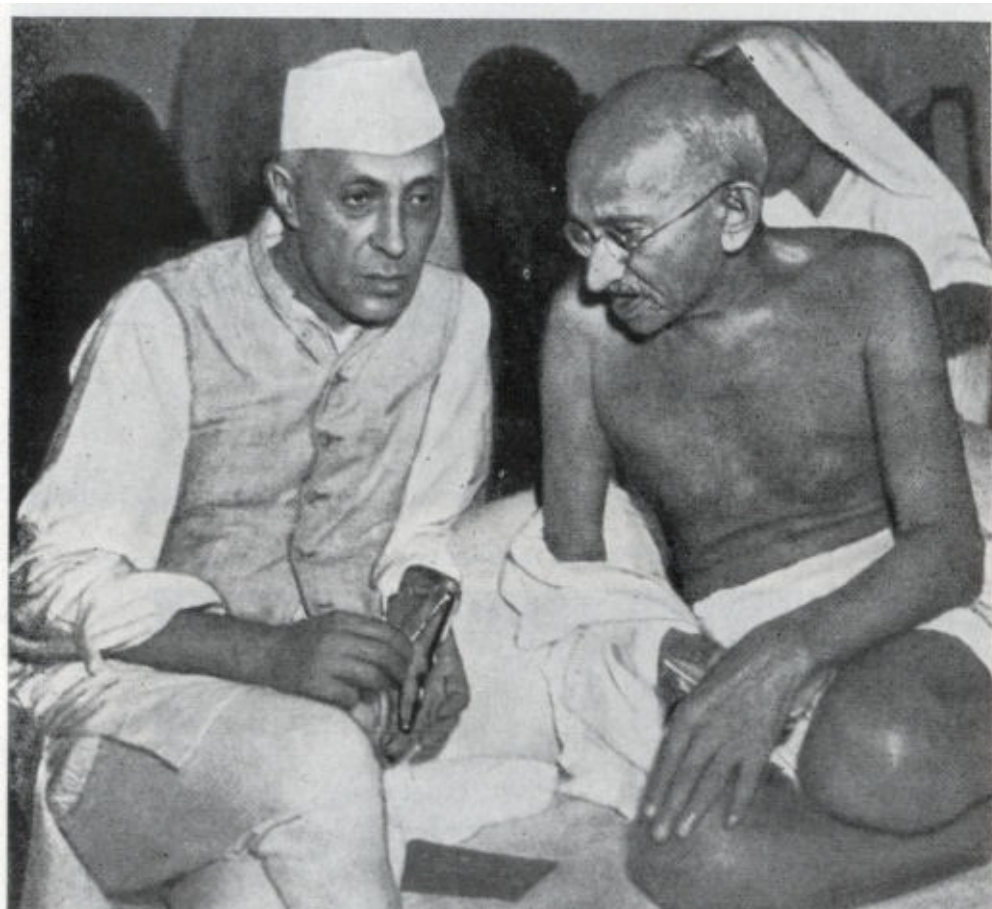
Неру и Джинна.

Красный форт в Дели.

Митинг на площади перед Красным фортом.

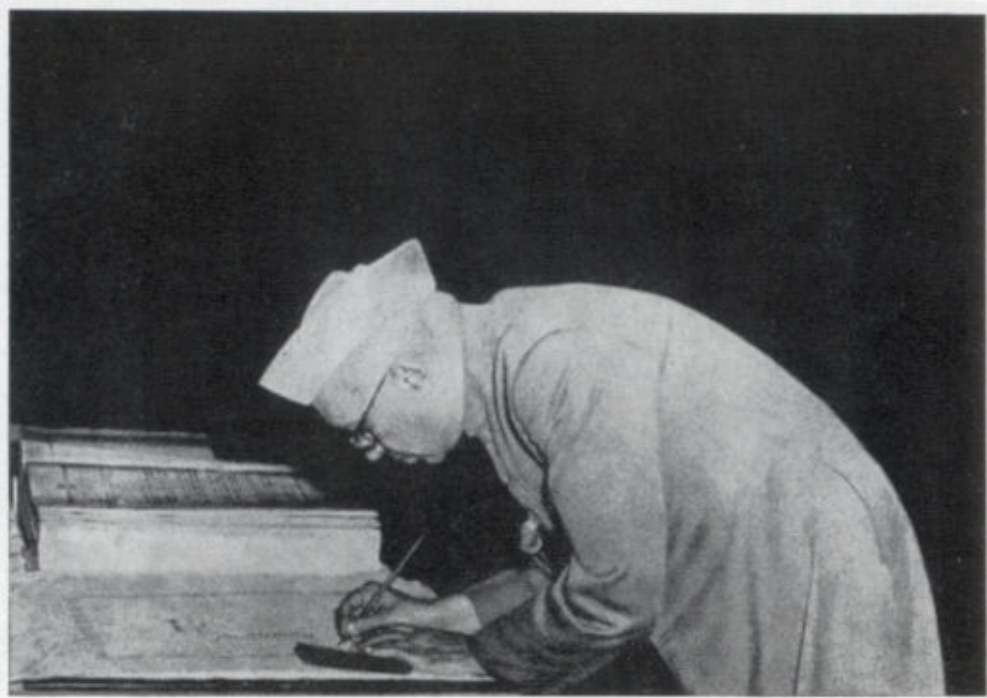
Джавахарлал Неру и Махатма Ганди.

В. Патель.

Неру и Абул Калам
Азад.

Джавахарлал Неру подписывает конституцию Республики Индии.

Неру и Хо Ши Мин. Дели. Ноябрь 1954 г.

В храме близ Ангкора. Камбоджа. 1954 г.

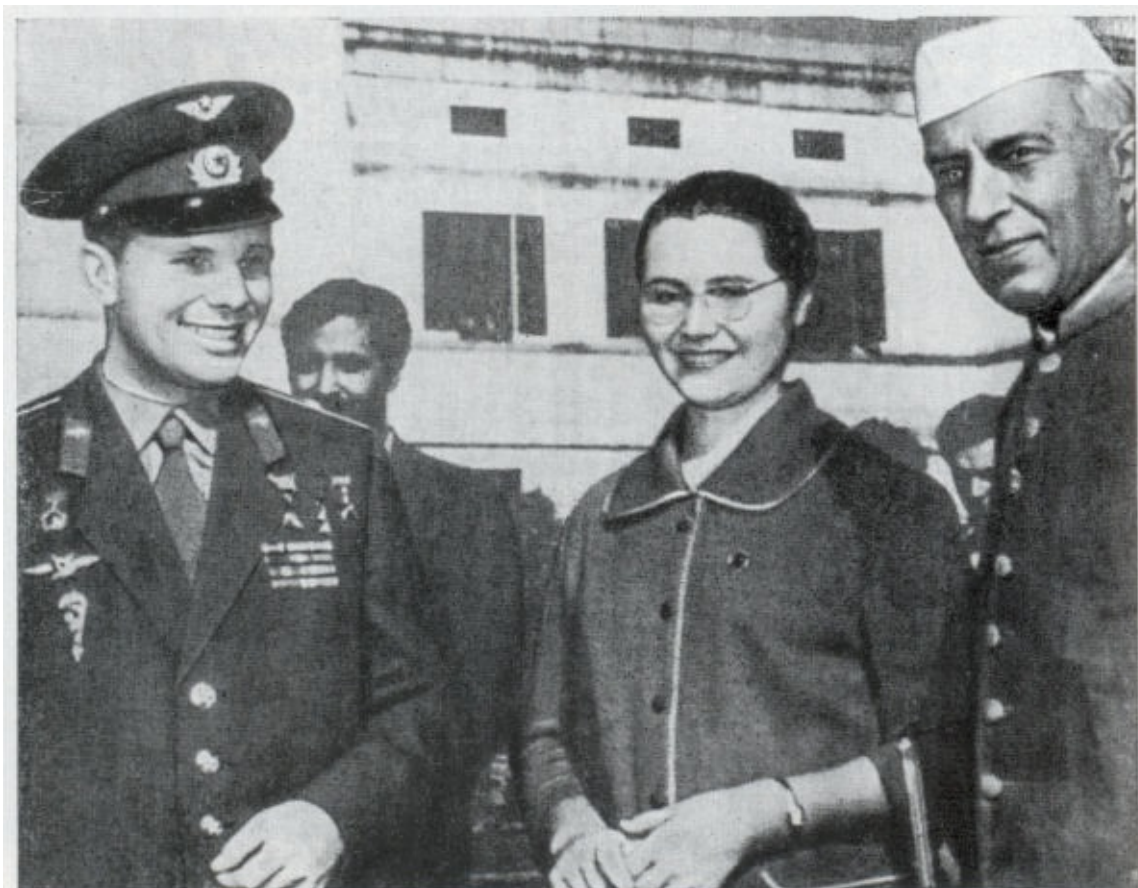
Дж. Неру и И. Ганди на советском заводе. Июнь 1955 г.

У мартеновской печи в Бхилаи.

Дж. Неру и Л. И. Брежнев в Дели. Декабрь 1961 г.

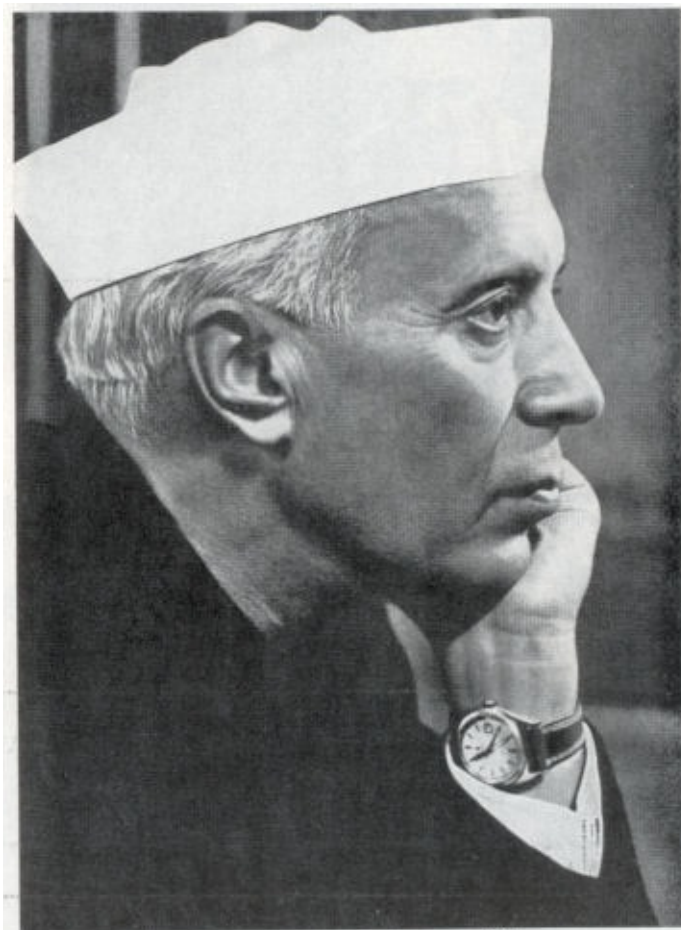
Встреча с первым космо-
навтом. Дели. 1961 г.

Неру и Насер.

Джавахарлал Неру с дочерью Индирой Ганди.

Первый премьер-министр независимой Индии.

notes

Примечания

1

Сахиб — господин (чаще всего индийцы называют так европейцев).

Брахманы — высшее сословие в индуистской религии, служители культа, интеллигенция.

Согласно индуистским догмам каждая каста живет в соответствии со своей дхармой — сводом предписаний и запретов, создание которого приписывается богам.

Ариями называли себя племена, жившие на территории Северной Индии во II тысячелетии до н.э. Арии считаются творцами индуистской религии, вед — древнейших памятников индийской литературы: гимнов, заклинаний, благословений, жертвенных формул.

Хушбу — палочки из ароматических растений, которые обычно курятся в храмах и домах индийцев.

Неприкасаемые — люди вне касты, низшее сословие.

Брахманы, кшатрии (воины, правители), вайшьи (торговцы), шудры (ремесленники, земледельцы) — четыре древних сословия — варны по индуистской религии.

Шастры — священные книги индуизма, содержащие сведения философского и религиозного характера.

Генерал-губернатор Индии одновременно носил титул вице-короля.

Поза падмасаны — по традиции индийцы сидят, скрестив под собой ноги.

Заминдар — помещик, землевладелец.

Пранам — распространенный в Индии знак особого уважения. Делаящий пранам как бы дотрагивается до земли у ног другого человека, затем подносит руку к своему лицу.

Евразийцы — метисы, происходившие от смешанных браков между англичанами и индийскими женщинами.

Неру — на санскрите означает «канал».

Саньяси — скитающийся аскет.

Мохаррам — праздник, особо чтимый мусульманами-шиитами, в память убийства детей святого Али — Гасана и Гуссейна.

Описанию жизни Рамы посвящена «Рамаяна».

Из стихотворения «Песнь Индии» выдающегося индийского поэта-патриота Хемчондро Бондопаддхай (1838 — 1903).

Теософия — от греческих слов «тео» — божество и «софия» — мудрость, буквально богопознание, богомудрие.

Настоящее имя Тилака — Балгангадхар, однако имя Локаманья, что означает «признанный народом», широко распространено среди индийцев.

«Бхагавадгита» — философско-религиозный трактат, составляющий часть индийского эпоса «Махабхарата» и рассказывающий о деятельности бога Кришны.

Нан и чапати — название лепешек из пшеницы.

Бриджелал Неру (1884 — 1965) — сын Нандала Неру, брата Мотилала Неру. Его жена Шримати Рамешвари Неру — известная общественная деятельница, в 1961 году удостоена международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Шридхар Неру (1886 — 1967) — сын Бансидхара Неру, брата Мотилала Неру.

Кали, Дурга, Махадева, Шри Кришна — боги индусов.

Свадеши — движение за развитие национальных отраслей промышленности.

Синфейнеры — члены организации, выступавшей за предоставление независимости Ирландии.

Меджлис (арабск.) — собрание, совещание.

Нейтив (англ.) — местный.

Сайфуддин Китчу (1885 — 1963) — видный деятель ИНК, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Маратхи — одна из крупнейших народностей Западной Индии.

Дхоти — индийская мужская одежда, кусок материи, опоясывающий бедра.

Ачкан — длиннополая куртка с глухим высоким воротником.

Гомрул — от английских слов «home rule» — самоуправление, термин заимствован у ирландцев, боровшихся в то время за самостоятельный парламент и ответственное перед ним правительство.

Сварадж — в переводе с санскрита «свое правление».

Шервани — длинная, доверху застегивающаяся куртка.

Т.Б.Сапру (1875 — 1949) — аллахабадский адвокат, видный деятель Конгресса, впоследствии один из лидеров либеральной партии.

Бхай — брат. Так называли Ганди жившие в Южной Африке индийцы.

В переводе с языка маратхи — «Мир в картинках».

Сидней Роулетт — член Верховного суда Англии, председатель комитета, назначенного британским правительством по выработке мер для поддержания «законности и порядка» в Индии. Комитет рекомендовал принять закон, предоставляющий властям чрезвычайные полномочия для подавления революционной деятельности в стране.

Ф.Д.Н.Челмсфорд в 1916 — 1921 годах был вице-королем Индии.

Хартал — буквально «заккрытие лавок», форма забастовочного движения в Индии.

Сабха — союз, организация.

В Пятиречье, Пенджабе протекают пять притоков Инда — Джелам, Чанаб, Рави, Беас и Сатледж.

Гуркхи — представители горных племен Непала, из которых англичане формировали воинские подразделения, часто использовавшиеся для карательных операций.

Население Индии в то время составляло около 300 миллионов человек. Из них 90 процентов жило в деревнях.

Талукдар — крупный помещик в провинции Ауд.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 4 — 5.

Чаркха — ручная прялка, на которой изготавливается нить для домотканого полотна — кхади.

Эти письма были опубликованы в «Независимом» 8 декабря 1921 года.

Ашрам — скит, обитель. Ганди и его последователи называли ашрамами основанные ими трудовые общины, члены которых придерживались принципов и методов гандизма.

Акали («бессмертный») — название религиозной секты сикхов, выступавшей за восстановление старинных сикхских обычаев, за чистоту сикхизма. Поначалу носившее религиозную окраску, движение акали в 20-х годах приняло антиколониальный характер.

Позднее Ганди, лучше уяснив обстановку в стране и увидев, каким авторитетом и влиянием пользуются свараджисты, согласился пойти им на уступки. В декабре 1924 года на сессии Конгресса несотрудничество будет отменено, свараджистам поручат от имени ИНК возглавить работу в законодательных органах, а Конгресс во главе с Ганди будет осуществлять «конструктивную программу», в частности, развивать в Индии ручное прядение и ткачество.

Коммунистическая партия Индии была основана в 1925 году.

После кончины Ч.Р.Даса в июне 1925 года партию свараджистов возглавлял М.Неру.

Хариджаны — «божьи люди». Так называли конгрессисты «неприкасаемых».

М.А.Ансари (1880 — 1936) — делийский врач, активный участник мусульманского движения в Индии, видный деятель ИНК, председательствовавший на мадрасской сессии Конгресса в 1927 году.

Раджендра Прасад (1884 — 1963) — выдающийся деятель освободительного движения в Индии. В 1947 — 1948 годах избирался председателем ИНК. В 1950 — 1962 годах — президент Республики Индии.

Тамилы — народность, проживающая на юге Индии, а также в северных, восточных и центральных районах острова Цейлон.

Резиденция британского правительства в Лондоне.

Титул крупных индийских феодалов-мусульман.

Сестра Неру Сваруп после замужества приняла имя Виджайялакшми.

Книга Дж.Неру «Взгляд на всемирную историю» была издана в СССР в 1975 году.

Известный советский историк Р.А.Ульяновский, долгие годы занимающийся проблемами национально-освободительного движения, в статье, посвященной Неру, писал: «Нельзя сказать, что Неру не признавал наличия классов и классовой борьбы в стране, но он выдвигал в качестве основополагающего для политического курса государства тезис о возможности разрешения классовых противоречий путем компромисса и реформ, основанных на классовом сотрудничестве. Он был сторонником гармонического развития общества на основе сотрудничества классов. Он считал, что с помощью лишь одного убеждения можно не допустить роста влияния имущих и эксплуататорских классов в экономической и политической жизни страны».

Пант Г.Б. (1887 — 1961) — аллахабадский адвокат, один из лидеров свараджистской партии.

8-й полевой армией командовал видный военачальник, один из основателей Красной армии Китая Чжу Дэ, впоследствии председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Заместителем командующего был Пын Дэхуай, в 50-е годы — маршал, министр обороны КНР. В конце 50-х годов выступил с критикой Мао и его курса. Был репрессирован в период «культурной революции».

Немецкий коммунист Отто Браун, бывший в 30-е годы военным советником Коминтерна при ЦК КПК, в своих «Китайских записках» вспоминал, что индийские врачи, прибывшие в Китай, хотя и «не являлись коммунистами, но придерживались весьма прогрессивных взглядов и в любую минуту готовы были прийти на помощь. Мне показалось, что Мао Цзэдун не балует их своим вниманием. Они были полностью предоставлены самим себе и обходились исключительно собственными запасами...»

Так обращались к Неру его близкие и соратники. Пандит — почетный титул, присваиваемый ученым-брахманам. Джи — частица, присоединяемая к имени человека в знак уважения.

Всеиндийский комитет Конгресса (ВИКК) — выборный орган, осуществляющий руководство ИНК в период между сессиями. Из состава ВИКК председатель Конгресса назначает Рабочий комитет партии.

На выборах в Учредительное собрание, закончившихся в июне 1948 года, ИНК получил почти в три раза больше голосов, чем Мусульманская лига.

«Да здоровствует Индия!» (хинди).

На конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско наряду с делегацией Индии, в которую входили лица, назначенные английским правительством, присутствовали и два представителя ИНК — сестра Неру Виджайялакшми Пандит и Б.Шива Рао. Они были направлены на конференцию по инициативе Неру.

Сарвапалли Радхакришнан (1888 — 1975) — видный государственный и политический деятель, в 1952 — 1962 годах — вице-президент, в 1962 — 1967 годах — президент Республики Индии. Известный ученый-философ, автор переведенной в СССР «Индийской философии».

Отказавшись присоединиться к американскому проекту, Индия 9 июня 1952 года заключила с Японией двусторонний мирный договор, который исключал условия, ущемляющие суверенитет Японии.

Многие политические обозреватели не оставили без внимания тот факт, что Насер объявил о национализации Суэцкого канала через неделю после окончания переговоров, которые он вел с Неру и президентом Югославии И.Б.Тито на острове Бриони 18 — 19 июля 1956 года. В совместном заявлении лидеров трех стран говорилось, что «проблемы Среднего Востока необходимо рассмотреть в соответствии с их значением, считаясь с законными экономическими интересами, основывая решения на свободе заинтересованных народов».

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 255.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 222.

«Правда», 1961, 16 декабря.

«Правда», 1961, 19 декабря.

«Правда», 1961, 25 декабря.

«Известия», 1961, 20 декабря.

Там же.

И как бы ни был долог путь
Сквозь лес густой, непроходимый,
Мне, прежде чем навек уснуть,
Его пройти необходимо.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, с. 357